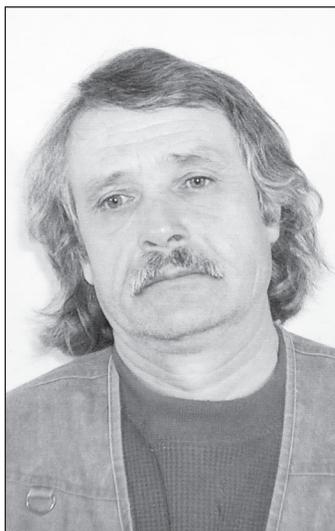

**Александр
БРЮХОВЕЦКИЙ**

МЫ ШАХТЁРЫ, БРАТ

Рассказ

*Пусть родные не ропщут,
Не скулят обо мне,
Что лежат мои мощи
На такой глубине.*

Дмитрий Клёстов

Конец смены у забойщика. Дома семья, дети и прочее, что мило сердцу простого человека. Но в шахте бывает всякое: каменный свод, являющийся для подземных тружеников своеобразным небом, может рухнуть в одночасье, и полетят человеческие души по самым тёмным закоулкам мироздания. Они будут искать свою звёздную праматерь, чтобы припасть к её утешительным сосцам и обрести тем самым вечный покой на необъятных просторах Вселенной.

Бесконечные туннели под землёй – это тоже целая вселенная, и неизвестно, куда они могут вывести неопытного горняка, окажись он оторванным от бригады. Не каждый спустится в шахту вырывать угольные пласты из цепких рук мрачной хозяйки подземелья, потому что не каждый имеет особую мужскую закваску, которой наделяет сама природа, чтобы сердце шахтера стучало ровно и уверенно, даже тогда, когда сама смерть уже запустила свои холодные щупальца в его горячую плоть.

Страх присущ каждому живому организму, и если кто-то скажет, что ему неведомо это чувство, – он бахвалится. А шахтеру самое главное – подавить это чувство страха во время смертель-

ной опасности, так же как и солдату, поднявшемуся во весь рост и бегущему на вражеский окоп. И каждый раз, спускаясь в шахту, человек, надевший на себя подземное снаряжение, совершает пусть и небольшой, но подвиг. Так же и Данилову Сергею было ведомо это чувство, несмотря на то, что он опытный шахтер, потому как уже много лет спускается во чрево нашей нескучной планеты, зарабатывая свой нелегкий хлеб.

И всё, казалось, было ладно в его ещё молодой жизни, вот только – любовь... Не везло Данилову в амурных делах. Влюблялся он дважды. Первый раз в совсем ещё юное создание – девятиклассницу Алёну. А ему в то время было уже двадцать два. И стыдно было Данилову ухлёстывать за девчонкой, а ничего поделать с собою не мог. Ему бы подождать, пока она окончит школу и, возможно, поступит учиться хотя бы заочно, вот тогда... И чтобы избежать физической близости с Алёной, Сергей утолял свой пылкие эротические фантазии со случайными женщинами, что, конечно же, не могло оставаться незамеченным в тихом провинциальном городке.

Да и если честно, оставаясь наедине с Алёной, он не мог и допустить мысли об интиме с ней. Он её боготворил. Она была в его глазах необыкновенной девчонкой, чистой, как горный родник, и это была платоническая любовь. Он позже разобрался в этом, и эта любовь осталась

БРЮХОВЕЦКИЙ Александр Николаевич родился в 1954 году, профессиональный художник, писатель, член Союза писателей России, автор двух книг прозы: «Летающий мужик», «Камень». Печатался в журналах «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс». Проживает в Кемеровской области, с. Колмогорово.

для него путеводной звездой в жизни. Конечно, может, всё и обернулось бы по-другому, но Сергей не дождался, когда Алёна закончит школу. Женился он. Женился как-то быстро и нелепо. Про такие случаи говорят, что его – женили.

Жена была толстая и некрасивая. После свадьбы, уже на следующее утро, он, разглядывая сонную невесту, удивлялся своей опрометчивости. Как же он, симпатичный молодой человек (по крайней мере, Сергей считал себя таким), мог вот так запросто жениться на такой... он просто слов подходящих не находил... Сергей скорее это сделал со зла, как бы в упрек Алёне за её незрелые года. На свадьбе, которая была довольно скромной (невеста второй раз выходила замуж), Сергей резво наяривал на гармошке и орал песни. «Разойдутся, ох, разойдутся! Нельзя жениху играть на собственной свадьбе!» – слышал он пересуды гостей.

Разошлись они. К голубоглазой и белолицей Алёне он больше не подходил, но, мучимый своей любовью, издали наблюдал, как она, взрослея, становилась настоящей красавицей. Стыдно ему было подходить к ней. Стыдно за свой проступок со скороспелой женьбой.

Женился Данилов и во второй раз. Всю свою нерастрченную любовь он перекинул на щупленькую и обаятельную Ольгу, которая, как ему казалось, очень походила внешне на его первую любовь. Но как ни пытался он любить свою жену – перед глазами стояла только его Алёнушка. И просыпался он ночами, с печалью в сердце обнаруживая, что подушка влажная от слёз, потому как уходила от него Алёна... Вот-вот он дотронется до неё, обнимет, а она, словно первый снег, растворялась тут же... и так всегда...

И в сотый раз она снилась и всегда уходила, но Сергей был счастлив тем, что видел свою возлюбленную хоть таким образом. Часто посреди ночи от подобных волнительных сновидений он выходил на веранду покурить и унять душевную боль. Возвращаясь в постель, Сергей находил, что и Ольга недурна собой, но вот Алёна...

Недолго прожил он и с Ольгой. Не мог Сергей без конца притворяться влюблённым, и жена это чувствовала. А однажды посреди ночи он завёл мотоцикл и поехал через весь город к месту своих свиданий с Алёной.

Березовая роща была пуста и таинственна. В лунном свете он ходил, словно привидение, между деревьев, облитый мертвенным зелено-

ватым светом, и скорбел душой. Нашёл старую березу, на которой вырезал перочинным ножом два имени. Он думал, что это навечно, но дерево уже затягивало раны и буквы едва-едва читались. Сергей трепетно гладил ладонями эти буквы и ронял скупые слёзы.

Пели соловьи. Они пели с каким-то неистовством свои бесконечные серенады, как бы в наидание полуночнику, что самое лучшее, дорогое было здесь. Особенно выделялся один: он пел то с печалью, то вновь с восторгом, пронзая навывлет сердце влюбленного мужчины.

Сергей пробыл в роще до самого утра. Он не хотел ехать домой. А когда предстал перед глазами своей супруги, то та, не объясняясь, стала собирать свои вещи. Они не проронили ни одного слова, даже не посмотрели друг другу в глаза на прощание. Всё было ясно, и оба это прекрасно понимали. Понятно было уже тогда, когда Данилов не в первый раз называл Ольгу другим именем, стыдливо извиняясь за такую оплошность.

Больше он не женился.

Алёна окончила школу и надолго исчезла из поля его зрения. Она вернулась в родной городок через пять лет с дипломом финансового работника и устроилась в местный банк. Данилов всячески избегал встречи с ней. Одно только её присутствие в этих до боли родных, исхоженных вдоль и поперёк местах заставляло сердце биться учащенно и громко.

Сергей старался не заходить в этот банк, чтобы не видеть её, и это каким-то образом его немного успокаивало, но неисповедимы пути господни... Занедужил отец, и счета за электроэнергию пришлось оплачивать Сергею, что раньше проделывал родитель, понимая ситуацию влюбленного чада. Сергей с дрожащими коленками зашёл в помещение банка, надеясь, что Алёны сегодня не будет. Но она была и, на удивление Сергея, именно там, куда ему и следовало обращаться с квитанциями. Наклонившись у овального пластикового окошечка, он увидел её...

Алёна была так же прекрасна, как и много лет назад. Та же небольшая родинка над верхней губой, слегка припухшая нижняя, и бездонные голубые глаза, в которых он всегда тонул. Данилов был как помешанный: его любимая настолько близко, что можно прикоснуться к ней, и это уже не сон. «Любит ли она меня так же, как и раньше? Думает ли обо мне?»

Они встретились взглядами и тут же отвели глаза, но этого было достаточно, чтобы между ними сверкнула яркая молния, сотканная из человеческой любви и страдания. Нет, это нечто большее – взрыв целой галактики. Сергей не помнил, как Алёна сосчитала мелочь, рассыпавшуюся у неё на столе и под ним. Не помнил, как получил назад проштампованную квитанцию из дрожащих рук дорогого ему человека и как пошёл домой. Он был убеждён, что Алёна так же любит его, как и он её. Самое странное, что они не могли сказать друг другу ни одного слова, словно были незнакомы – лишь только обжигающий огонь ...

Мучился Данилов. Вновь его одолели яркие сновидения, где главным персонажем была Алёна, которая тут же растворялась в пространстве, едва он прикасался к ней....

Второй раз он встретился с ней уже на улице. Шли навстречу друг другу через узкий мосток на реке, и он готов был броситься в бурлящий весенний поток, чтобы только не столкнуться с Алёной. Спасовал он перед своей любовью, ах, как спасовал!.. Ему бы остановиться и поприветствовать её, поговорить о жизни, а он как нашкодивший ребенок.

Стыдно ему было за своё нелепое поведение, но так случилось. Он не мог оправдать своё поведение, он поступил глупо и некрасиво – да, но по-другому, видимо, не мог. Сергею давно стало казаться, что он не достоин своей любви, потому что уже дважды был женат, тем более у него есть ребенок, которому он выплачивает алименты. Много позже он узнал через знакомых, что Алёна действительно его всегда любила и любит, но та стена, возведенная самим Сергеем, стала непреодолимым препятствием в их отношениях. Если бы можно было всё повернуть вспять, то пылкие влюблённые, может быть, и не наделали кучу глупостей, главная из которых была за Сергеем, а за Алёной только одна, но и та в силу жизненных обстоятельств... – она вышла замуж.

Для Данилова это было шоком. Он, конечно, знал, что так будет рано или поздно, и утешал себя тем, что эта его любовь всё-таки платоническая, поскольку он представить себе не мог, как может физически овладеть своей любовью, которую только обожествлял. Хотя это вовсе и не оправдание, как ему иногда казалось. Жить, любить и растить детей от любимого человека – настоящее человеческое счастье, которое, похуже, недоступно ему.

Мужа Алёны тоже звали Сергеем. Это Данилова коробило, как только он вспоминал или видел её. Случайность это была, или Алёна вышла замуж только ради его имени, чтобы хоть как-то подменить то настоящее, что было ей дорого? Если это было второе (Данилов больше склонялся к этому), то ему становилось от этого невыносимо больно.

Долговязый и рыжеватый, её избранник настолько был противен Данилову, что он готов был сцепиться с ним где угодно и при любом случае. И однажды их свёл случай на плохо освещённой ночной улице, где Данилов, узнав по фигуре мужа Алёны, попытался заговорить с ним дерзко и вызывающе. Он шёл сзади и в упор, расстреливая злыми глазами спину долговязого парня, спросил:

– А не подскажите ли, чаладой маловек, корый час?

Тот, удивленно обернувшись, буркнул:

– Примерно двадцать два сорок пять.

Данилов был изрядно выпившим, и сказанное заставило его приостановиться, соображая.

– Не понял! – воскликнул Данилов (он специально сделал ударение на я).

– Не понял, а понял, – поправил, не оборачиваясь, долговязый, произнося правильное ударение в слове. – Соображай, Ватсон!

– Ну ни хрена себе! – схватил его за плечо Данилов. – Ты чё, грамотный, что ли? Я тебя чисто по-человечески спросил, а ты мне тут Ватсона гонишь!..

Данилов дыхнул перегаром в лицо Алёнкиному избраннику: он его никогда не видел так близко – скуластое маленькое лицо, с горбинкою нос и широко расставленные глаза. И вот на это что она променяла его?!.. На интеллигентика хренова? Шахтера Данилова променяла на эту самоходную стропилину?

Долговязый слегка дернулся и ловко заломил за спину руку нападающего.

– Отпусти, ссука! – шипел от боли Данилов, хватая его за ногу свободной рукой.

Они упали. Барахтаясь в осенней грязи, зло матерились, и Данилов отметил, что долговязый только кажется тщедушным, скроенным не по мужски – жилистый он. Данилов смог даже захватить своим увесистым кулаком в его интеллигентную рожу, но потом...

Потом ему было стыдно вспоминать, как его отмолотили, словно боксёрскую грушу, под дых и несколько раз по физиономии. А в конце дра-

ки, когда Данилов ещё раз достал того тяжёлым ударом (куда, он уже не помнил), долговязый приложил всё своё мастерство, скручивая Данилова, как говорится, в бараний рог, протаскивая его несколько раз лицом по мокрой деревянной лавке. Эта лавка была очень знакомой. Каждую дощечку и гвоздочек Данилов знал. Он в своих бесконечных сновидениях видел эту лавку. И тут такое!..

На шум выбежала Алёна, и Данилов, моментально осознав своё глупое положение, стремглав кинулся в тёмный переулочек. Ему было до ужаса стыдно, что так вышло. Он не подозревал вовсе, что её новый избранник настолько ловок и силен. И его мучило только одно: знает ли тот, кто на него напал и за что? А если Алёна рассказала ему про свою первую любовь, то наверняка он будет выглядеть настоящим клоуном в его глазах. Когда Сергей окончательно пришел в себя, ему стало до ужаса стыдно за этот поступок, но что случилось, то случилось, как говорится, и остаётся только надеяться, что этот инцидент навсегда скрывает тёмная осенняя ночь, тем более этот рыжий парень приезжий и они никогда раньше не встречались.

С тех пор он избегал возможных встреч со своей Алёной и её мужем. Он слышал, что тот работает в школе – преподаёт физику, и однажды Сергей увидел его в отделе кадров шахты «Северная». «Что ему нужно здесь? – мучил он себя вопросом. – Неужели в шахту собрался за длинным рублём?» И оно скорее так и было, потому что преподавателям в лихие перестроечные годы было не очень-то сытно, прозябали, по выражению одного журналиста, в роскошной бедности. Данилов, как и многие шахтёры, митинговали, стуча касками по рельсам, требуя человеческого к себе отношения, и кое-что с тех пор изменилось – зарплата, хоть и средняя по стране, стала регулярной.

Неделю муж Алёны не появлялся в шахтном управлении. Сергей размышлял: если рыжий и устроится на работу, то скорее каким-нибудь мелким клерком при конторе, ведь в шахтёры не каждый идёт, хотя... Но с другой стороны, ему нужно иметь соответствующее образование и знание дела. В общем, догадки за догадками, но Сергей сильно не волновался по этому поводу – был уверен, что судьба больше не сведёт его с этим неприятным ему человеком. Он так же, как и раньше, думал об Алёне и каждый раз, когда становилось тяжело на

сердце, как молитву, читал про себя потрясающие строки Юлии Друниной:

*Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой –
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкнувшей за рекой.
Не тянитесь к прошлому, не стоит –
Всё иным покажется сейчас...
Пусть на свете самое святое
Неизменным остаётся в нас.*

И это ему помогало, хоть и ненадолго, но отвлекало от постоянного дискомфорта в личной жизни. А была ли у него личная жизнь – Сергей затруднился бы ответить. Была работа, родители, правда, мать умерла слишком рано от неизлечимой болезни. Единственное, что его держало, как говорится, на плаву в этой жизни и окрашивало в радужные цвета серость будней, – так это его большая любовь, которая и была ему спасением. Ради этой любви стоило жить. И совсем неважно, где находится его возлюбленная – за сотни ли километров, за тысячи, она стала его второй сутью, поселяясь в самых укромных тайниках его души, заставляя воспринимать окружающее её чувствами. И было бы странным для Данилова, если бы он перестал ощущать её незримое присутствие – мир бы рухнул, уносясь в тартарары.

А с некоторых пор он стал сочинять стихи. Они были несовершенными, и часто, уходя из редакции районной многотиражки, Сергей уничтожал всё написанное, но через время вновь сочинял. Когда его стихи впервые напечатали, то радости не было предела. Он так надеялся, что его Алёна обязательно натолкнётся на его сочинения и, возможно, даже пожалеет, что потеряла в его лице будущего известного поэта. Он, как и всякие начинающие, ставшие на поэтическую стезю, не понимал, что взойти на поэтический олимп удаётся только единицам, но ощущать себя причастным к высокому духовному не запрещено никому. Поэзия стала для Сергея словно открытой форточкой в тесном и душном помещении, куда врывался свежий ветер надежд влюбленного сердца, и пусть рифма порою хромала, пусть нарушался ритм, главное – всё было искренним.

Бригадир Ветрогонов, тыкая указательным пальцем на свод шахты, объяснял её устройство ещё «зеленому» шахтёру:

– Крепь, молодой человек, бывает разная. Вот эта крепь представляет собой арочную с деревянными затяжками, но бывают ещё крепи...

Следом за ними двигалась чумазая шахтёрская братва и потихоньку смеялась в кулак, ожидая подвоха со стороны своего «бугра». И этого счастливого для них момента долго ждать не пришлось. Практикант, слушая бригадира, по ходу продвижения стал как мальчишка пинать сапогами бледно-фиолетовые грибы на гнутых и тонких кощеевых ножках, которых произрастало довольно много по краям деревянных трапов. Шляпки с хрустом разлетались далеко в стороны. Бригадир продолжал:

– Вот здесь, в этих сырых и мрачных условиях, и будет твоё героическое рабочее место. Тебя как зовут? – обернулся он к новичку.

– Сергей.

– А по батюшке?

– Иванович.

– Так вот, Сергей Иванович, я хочу обратить твоё внимание вот на эти самые грибы... – на хрена ты их пинаешь? Ты разве не в курсе, что это самые ядовитые грибы! А на тебе ведь сапоги резиновые, казённые!..

– ...

– Ну вот, пиши пропало. Будешь рассчитывать за них, но прежде ещё нужно будет обратиться наружу.

– Не понял, – побледнел новичок.

– Ха-ха! Ничего он не понял! – хохотнул «бугор», оборачиваясь к толпе шахтёров. Те дружно засмеялись. – Да они сейчас сгорят на тебе! Нужно срочно чем-то солёным их промыть!

Шахтёры хохотали, хватаясь за животы, а новичок, чувствуя розыгрыш, всё же последовал совету бывалых. Мало ли чего? Отвернувшись, он окропил тёплой струёй свои новые резиновые сапоги под дикий гогот бригады.

– Ну вот, – продолжил «бугор», ухмыляясь в усы. – Ты, считай, прошел курс молодого бойца, осталось ознакомиться ещё кое с чем.

Он позвал Данилова:

– Сережа, вот тебе твой тёзка, поводи его немного по выработкам. Покажи наклонные, вертикальные и места на случай форс-мажорных обстоятельств, вон через этот гезенк, а мы тут рядом, в нижнем забое, будем.

Данилов зло подвигал желваками, но отказаться причин не было. Его сердце стучало в бешеном ритме, потому что даже под каской он опознал мужа своей Алёны. Его сверлила одна

мысль: «Почему он здесь? Почему он оказался в этой бригаде? И узнал ли он меня? Нет, не должен узнать – темно было, разве что по голосу»...

Шли молча.

– Нам сюда, – довольно грубо сказал Данилов, высвечивая вертикальный проход гезенка на другой горизонт. – Осторожно, скользко.

Данилов, не оборачиваясь на того, схватился за влажные перекладки длинной вертикальной лестницы и уверенно стал подниматься по ней. Для него это было привычным делом, как будто это была короткая лестница на чердак, где хранился всякий бытовой хлам. А для новичка это представлялось совсем иначе: ведь свет, хоть и неярко освещающий шахту, придавал уверенность, а здесь оставался только один источник света – собственный фонарь. И самое неожиданное – бесконечная лестница, которая убегала по мере продвижения всё выше и выше.

Данилов специально повел новоиспеченного шахтёра по самому длинному гезенку. Можно было выбрать для ознакомления и более короткий путь на следующий горизонт, но ведущий, словно Сусанин, запутывая следы, выбрал для подъема самый длинный тридцатиметровый гезенк. Выбрал специально, чтобы проверить ненавистного ему человека на прочность. И ведомый, тяжело сопя, карабкался за Даниловым, часто останавливаясь, чтобы отдышаться. Сергей оборачивался и с радостью вглядывался вглубь, пытаясь, в качестве отмщения, разглядеть в его больших глазах страх или даже ужас. Но тот, не подавая вида, карабкался уверенно, задрал голову, и спокойно спрашивал:

– Далеко ещё?

– Да нет, ещё чуть-чуть, с полкилометра и... – подтрунивал Данилов.

– А зачем нам туда? Я, в принципе, и так представляю, что такое штрек другого горизонта.

– Это я тебе для форс-мажора показываю. Мало ли чего?..

– А что для форс-мажора это единственное место спасения? – кричал снизу.

– Нет, не единственное. Гезенк тоже может обрушиться, но существуют ещё некоторые места, – так же грубо продолжал Данилов. – И я тебе их покажу. Здесь целый подземный город. А выработка вообще-то есть выработка, их здесь множество, и лучше один раз убедиться, чем представлять, – уже с ноткой назидания продолжал опытный горняк.

Данилову нравилась роль поводыря. Он как будто водил того за нос. Он главный здесь, и сто-

ило лишь ему куда-то неожиданно скрыться, и этот долговязый муж любимой женщины мог оказаться в каменной ловушке. И пока тот сообразит, где находится, – пройдет много времени. Исчезнуть совсем человеку невозможно – его будут искать, тем более тот будет подавать голос, и эта мысль, вдруг пришедшая Данилову в голову, показалась совсем нелепой и глупой. Вот если завал!.. Но это чревато самыми тяжелейшими последствиями для обоих. И не приведи Господь!.. «Какие страшные мысли, жестокие мысли... неужели я ради мести способен на...» – думал, тяжело дыша, Сергей, навалившись грудью на каменный выступ соседней горизонтальной выработки. Свесившись, он высветил фигуру поднимающегося новичка. Тот, одолев уже три четверти пути, казалось, выдохся основательно.

– Ещё не всё? – спросил он.

– Давай, давай – баста! – заулыбался Данилов. – А потом вниз.

– Вниз? – удивился бывший учитель. – Так я лучше...

– Никаких лучше! – уже зло выдавил Сергей.

– Мы найдём более короткий путь. А этот я тебе так – для профилактики...

Ученик, тяжело дыша, карабкался к спасительному верху, а у Сергея, словно поднадоевший комар у носа, зудела навязчивая мысль: «А если бы его накрыла здесь нелёгкая, как бы отнеслась к этому его супруга? Причитала бы? А я? Я мог бы после этого быть с Алёной? А может, столкнуть его вниз у самого верха, когда тот выберется?» И при последней мысли у Данилова слегка задрожали руки. Он даже отошёл подальше от края выхода на горизонт, чтобы не совершить мерзкого поступка. Отошёл, не подавши руки, видя, насколько тот устал, взбираясь по бесконечным перекладинам.

В пустой и неосвещённой выработке было мрачно и сыро. У стен также произрастали в бесчисленном количестве грибы-поганки, не выдавшие никогда света, но так уютно пристроившиеся к этой подземной жизни. Новичок уже не сбивал сапогами по-ребячьи это бледно-фиолетовое грибное царство, он стал серьёзным, и в нем, очевидно, уже крепла шахтёрская закваска, словно вишнёвое вино, отбродившее на жарком солнце. Каменные джунгли уже бросили на свою мрачную наковальню его неопытную душу. И Данилов это заметил: «Настырный».

Они продвигались вглубь, их фонари бросали длинные лучи света, прорезая вековую тьму

сырого подземелья. Данилову не хотелось разговаривать с новеньким, он отвечал только на те вопросы, которые касались шахты. Отвечал всё в той же грубой форме, давая понять, что любое отклонение от узкой специализации ему совершенно неинтересно, хотя его напарник в душу, как говорится, и не пытался лезть. Единственное, что он хотел узнать у Данилова – есть ли у него семья и как она относится к его шахтёрской профессии. «Копает, что ли?» – возмущался внутренне Сергей. Может быть, он уже всё знает о его любви к Алёне, если, конечно, догадался, что Данилов – первая её любовь. Но Алена, насколько ему известно, не настолько глупа, чтобы открыть все тайники своей души, хотя...

Он недавно вычитал у Бунина одно великолепное изречение о любви и влюблённых, звучит примерно так: «Настоящая любовь никогда не должна заканчиваться браком». Это было для Данилова как оправдание его душевных мук. Но, с другой стороны, соглашаясь с классиком, влюблённый Данилов всё же сомневался, что настоящая любовь должна быть именно такой – на расстоянии, терзающей влюблённых. Ведь этот рыжеволосый и долговязый муж Алёны тоже её, очевидно, любит, и она его? Ведь как без любви? И почему она вышла именно за этого?.. И с первого взгляда он ей вовсе не пара! И если любовь всё-таки духовное родство, то почему этому одному целому быть разделённым до самой тризны? Вполне вероятно в таком случае, что они вовсе и не составляют единое целое. Может, эта любовь только в одном направлении?

Данилов тяжело вышагивал, бросая искоса взгляд на практиканта, который был словоохотлив и потому докучлив:

– А это, как я понимаю, углубления в стене для этого самого форс-мажора? И это, пожалуй, всё, насколько я понимаю?

– Что? – остановился Данилов, направив свет прямо ему в лицо.

Он, как и в тот злополучный вечер, отчётливо видел эти черты. Всё те же нос, глаза и только сверху теперь шахтёрская каска. У Данилова мурашки пробежали по спине: «Неужели он меня до сих пор не узнал?»

– Что? – переспросил он, отводя глаза в сторону. – А, ниши?! Да-да, ты совершенно прав. Это как раз для спасения наших душ, если, конечно, успеешь туда юркнуть. А можно ещё превратиться в какое-нибудь мелкое насекомое и таким образом... – пытался шутить Данилов.

– А можно разложиться ещё на молекулы и атомы, – весело продолжил бывший учитель физики, – и тогда наверняка выскочишь невредимым. А что, были случаи?

– Сколько хочешь... Смотри внимательно под ноги, ученик. Сейчас побродим ещё кое-где.

– Что, ещё на следующий горизонт, учитель?

– Нет смысла. Сейчас мы пройдем через сбойку на соседнюю параллельную выработку, а через неё на поверхность и вновь через клеть к бригаде. Кстати, что такое сбойка? – Данилов искоса посмотрел на своего напарника. – Ты, как прилежный ученик, теорию должен знать от и до.

– Так ты же сам сказал, что сбойка – это выход на другую выработку, – не растерялся тот.

– Хм... а что такое гезенк?

– Это тоже выход на соседнюю выработку.

– Так-то оно так, но если профессиональнее, то гезенк в общем-то вертикального характера, в отличие от сбойки, и служит, во-первых, для спуска полезного ископаемого на нижний горизонт, во-вторых, для подъёма к забоям, в-третьих, это воздухопровод в вентиляционной системе шахты. Ты только что поднимался с нижнего горизонта на верхний. Поди, умаялся?

– Да не сказать.

– А что у нас здесь в качестве полезного ископаемого имеется? Ты отвечай, отвечай, не ухмыляйся.

– Да, ладно, я же не за партой в первом классе. Уголь, разумеется.

– Чёрное золото, во! – присвистнул Данилов, замурлыкав под нос: – «Взорвано, уложено, сколото – чёрное надежное золото!» – ему стало почему-то весело.

– А что такое штрек? – остановился Данилов, приставив указательный палец к груди напарника. И, видя, что тот растерялся, продолжал. – Штрек – это выработка, не имеющая выхода на... на... – он остановился, прислушиваясь к гнетущей тишине. Ему вдруг показалось, что по своду деревянной крепи послышалось легкое шуршание, будто стая летучих мышей снялась с насиженного места и, шумя упругими крыльями, пронеслась куда-то.

Новичок удивленно смотрел на опытного горняка, не понимая, что, собственно, происходит.

– Вам что-то показалось? – спросил он, обращаясь вдруг на вы.

– Не могу точно сказать. А ты ничего не слышал особенного?

– Кажется, нет.

Они замолчали, прислушиваясь к подземной тишине, которая нарушалась редкими, но звонкими каплями воды.

– Нарушены водопотоки, – резюмировал спокойно Данилов.

– А это значит... – почему-то шёпотом произнес долговязый напарник.

– Это значит, что ничего особенного не происходит. Ты что, сдрейфил слегка?

– Да, признаться, как-то не по себе. Вы только не пугайте, пожалуйста.

Данилов ликовал:

– Мог бы отсиживаться в школе. Чего вдруг в шахту потянуло? За длинным рублём?

– А вы разве не знаете, что учителя не избалованы заработком? Тем более у меня семья... ребёнка вот ждём.

– Реб-бёнка? – заикаясь, переспросил Данилов.

– Да, а что?

– Нет-нет, ничего такого... семейное есть семейное, как же... как же без ребёнка...

Данилову стало вдруг душно. Он расстегнул шахтёрку, а потом и телогрейку. Присел.

– Вам плохо? – услышал он у самого уха.

– Я, я просто так... устал что-то, – Данилов поднялся. – Ты не обращай внимания, это с подземным стажем у меня... – соврал он. – Вообще-то в шахте ты сам чувствуешь, это не на берегу Чёрного моря, на пляже валяясь... кислорода не в том количестве... но ты не переживай, в нашей шахте нет ни метана, ни других вредных примесей да и вентиляция на должном уровне.

Данилова эта новость словно обухом по голове ударила. И тут же удивился своей глупости: ведь его любимая живёт настоящим браком с этим... и почему бы не забеременеть?! Да-да, от этого рыжеволосого, высокого и нескладного интеллигента...

Данилов после этой новости полностью ушел в себя. Он не слышал, как тот что-то говорил и говорил во время продвижения по штреку, лишь когда его схватили цепкой рукой за обшлаг спецовки, очнулся.

– Я тоже слышал! Я тоже слышал какое-то шуршание, и даже поскрипывание! – услышал он громкое, резкое у своего уха. – Вот, снова! – уже выкрикнул рыжеволосый его напарник.

Данилов знал, что за поскрипыванием сосновых перекладин стоит нечто страшное. Пожалуй, самое страшное, что может испытать шахтёр, находясь под этим говорящим сводом тун-

неля. Так скрипеть могут только хвойные деревья, когда они начинают испытывать гигантское давление горной породы перед её обрушением. Они сигнализируют о начале непредсказуемой катастрофы, чтобы всё живое срочно могло найти себе хоть какое-то временное укрытие.

– В нишу! – дико заорал Данилов, совсем не представляя, есть ли она рядом, и инстинктивно рванулся в обратную сторону, словно там было реальное спасение. Оглянувшись, краем глаза заметил, как его напарник нерешительно заметался из стороны в сторону, размахивая руками.

Свод тоннеля дрогнул, скрежеща и треща крепёжными частями, и тут же, словно залпы мощных орудий, загрохотал обвал...

Грохот падающей породы опрокинул его сознание, лишь спустя минуты или часы (он уже не помнил), придя в себя, Данилов обнаружил своё скрюченное тело у края выработки. Правая рука и нога были зажаты между кусками породы, не давая ему должным образом осмотреться по сторонам. Одно было ясно – он жив. На его счастье, камни были не столь велики, и он, хоть и с трудом, обдирая в кровь кожу, высвободил зажатую руку, потом и ногу. Подвигал конечностями – кости были целы. Теперь можно основательно рассмотреть сложившуюся ситуацию, которая была весьма безрадостной. Данилов был в настолько ограниченном пространстве, что никакие попытки об освобождении даже не могли прийти ему в голову. Он был прижат к каменной стене, у которой можно было стоять и даже лежать, но тут же, с расстояния вытянутой руки, начиналась гряда каменных обломков больших и малых форм, которые росли, нагромождаясь к поверхности бывшего свода шахты. До самого верха было около десяти метров, который полностью был перекрыт породой, образуя тупик.

Опыт, который приобрел Данилов за годы работы в шахте, оборачивался для него самым трагическим образом. Крепь, которая не имела отклонений от выверенных заданных параметров, рухнула. Ему предстояло лишь собрать в кулак всю свою волю и ждать... Он мог подняться по острым выступам камней к самому верху в надежде, что там вдруг останется какое-то пространство для выхода, но что-то подсказывало, что всё гораздо серьезнее – обвал, судя по его характеру, имел большие масштабы. Потом, конечно, это охарактеризуют, как всегда, одним оправдательным понятием: «непрогнозируемое увеличение мощности пород непосредственной кровли...»

Убедившись в том, что жив и может здраво рассуждать, Данилов вдруг вспомнил своего рыжеволосого напарника, который, скорее всего, погиб под завалом, и вся тяжесть ответственности за него стала давить страшным грузом. Если Данилов останется жив, что он скажет Алёне? А она ведь спросит!.. Ему приходилось видеть трупы шахтёров. И хоть к подобному привыкать невозможно, но в шахте без этого не бывает, хоть ты как оберегайся... От того, видно, и уголёк так ярок в печи, словно там сгорают тысячи шахтёрских сердец, согревая своим теплом других. Но то были другие погибшие, а этот...

Казалось бы, Данилов не имеет никакого отношения к этому новенькому, но, с другой стороны, он связан тонкими нервными нитями, хоть и опосредованно, с этим неприятным ему человеком – ведь он муж Алёны... И ещё то, что они оказались вдвоём. И зачем только Данилов водил его по этим подземным лабиринтам?.. Чтобы увидеть страх в его глазах? И ведь можно было найти другой короткий путь для экскурсии!

Данилов выключил фонарь (свет нужно беречь), да и что, собственно, освещать в этом каменном мешке? Пейзаж довольно удручающ и наводит на самые мрачные мысли о бренности всего сущего. И как Сергей ни старался переключиться на мысли о собственном спасении, нескладная фигура рыжеволосого парня так и металась у него перед глазами... «Как я мог поступить в этой ситуации? – стучало у него в голове. – Моя собственная невнимательность и подвела меня. Нужно было заострять внимание на этих самых местах спасения! А Ветрогонов? Как подаст спасателям мой маршрут, от которого я отклонился?».

Мысли лихорадочно бились, наслаиваясь одна на другую, распирая изнутри голову несчастного. Думая о действиях спасателей, Данилов прикидывал: если соседний горизонт не обвален, чего, в общем-то, не должно быть, то сколько времени понадобится для прохождения по узкому гезенку к месту его заточения. Если при минимальном прохождении за смену – два метра, то за сутки – шестнадцать... итого – восемь суток по примерным расчётам!.. Но ведь нужно ещё знать, где он находится! Восемь суток – это то, что отпустила природа человеку без пищи и воды.

Данилов прислонился лицом к серой холодной стене, затем осветил вновь своё жилое пространство и, сам того не ожидая, закричал ис-

тошно: «Е-е-сть кто нибу-у-дь! По-мо...» – и осекся на последней фразе.

Он не узнал своего голоса. Крик глухо дошел до верха завала, тут же возвратился и потерялся у его ног. Данилов даже устыдился своего поступка, понимая, что взывать о помощи в такой ситуации, по крайней мере, глупо, потому что он здесь одинок, и ему уже рисовалась яркая картина мучительной гибели. Он вновь осветил каменный зловещий пейзаж, поворачивая голову во все стороны: камни, камни большие и маленькие, словно это был строительный материал для возведения египетской пирамиды, да вот только строителей нет – напились вдрызг, побросав всё... а сам он – фараон, ещё живой, но готовый к бальзамированию.

Он ещё и ещё раз оббегал глазами своё пристанище, убеждаясь, что всё, что здесь наворочено, не поддаётся осмыслению, только – жуть!.. Все направления – тупик. Четыре стороны света – четыре тупика света.

Привалившись к стене, он попытался забыть, чтобы таким образом скоротать время. Был известен случай, когда одного шахтёра спасло то, что он находился длительное время в коматозном состоянии, не ощущая при этом всех физических и психических потрясений. Но Данилову предстояло пребывать в состоянии здравого рассудка, и нужно было не лишиться его до прибытия спасателей, а это требовало определённых душевных усилий.

За шахтёрскую шестичасовую смену он всегда обходился без еды, плотно поев перед работой. Но сейчас мысль о том, что ему предстоит бороться с голодом, привела его к унынию. Хорошо, что вода у него с собой, но, прикоснувшись к фляжке, обнаружил её пустой. Она была продырявлена.

Забиться не получалось. Только через какое-то время им овладела лёгкая дрёма, сквозь которую донимала боль в суставе правой ноги. Потом короткое забытё, где он видел свою покойную мать. Она прижимала его голову к своей груди и тихо шептала: «Ты со мною... я помогу тебе», а Сергей, вырываясь из её объятий, бежал прочь по зелёной лужайке, освещённой холодным лунным светом. Он кричал ей: «Ты же мертва! Как ты можешь помочь?!.. А я не хочу к тебе!» Он ещё что-то кричал, но с губ слетало только короткое мычание. Сергей мотал головой из стороны в сторону, пока не ударился затылком о камень. Он открыл глаза и судорожными руками стал искать кнопку выключателя фонаря.

Немного придя в себя от такого сновидения, он погасил свет, который нужно беречь, потому что неизвестно, сколько ему придётся пребывать здесь. Мысли о матери не покидали его. Он помнил её молодой, красивой. Ей не довелось видеть, как Сергей принёс первый гонорар за свои напечатанные стихи и, конечно же, она не узнает, что он наверняка станет неплохим поэтом – он в это верил. Какая она сейчас в своём деревянном саркофаге? Ах, если бы она только знала, что её сын зарыт гораздо глубже и живым!.. Ему страшно было представить, что её красивое и такое родное лицо стало уже без плоти, стало черепом... Смерть – какое ужасное явление в живой природе!..

Нога стала ныть ещё сильнее. Сергей стащил сапог, ощупал – она прилично распухла, очевидно, был вывих. Хотелось пить. Напрягая слух, он стал ловить едва слышимые звуки сырого каменного подземелья. Но ничего особенного так и не услышал. «Должна же быть где-то вода», – размышлял он, тщательно освещая каждый выступ камня и глубокие провалы между крупными глыбами. Где-то у самого верха острый луч фонаря высветил темное поблескивающее пятно. Возможно, там бесшумно стекала вода. Но туда ещё нужно было добраться, поскольку любая глыба может прийти в движение, а много ли надо маленькому человеку...

Где ползком, местами на четвереньках, лавируя в каменном хаосе, Сергей кое-как подобрался к этому тёмному пятну в надежде, что это всё-таки вода.

Это был большой кусок тёмной породы со сверкающими вкраплениями слюды. Вода, которая уже стала ему просто мерещиться, отсутствовала.

Отдышавшись наверху, Сергей стал осторожно спускаться, что оказалось гораздо сложнее, нежели подъём. Почти у самого низа он, немного не рассчитав, угодил рукою в расселину между куском породы и стеной. Стена в глубине оказалось, на его радость, мокрой. Это было спасением – вода, бесшумно скользя и огибая уродливые формы нижней каменной глыбы, терялась, просачиваясь глубже в нужном ей направлении.

Сергей, просунув голову вниз, стал слизывать скользкие капли воды, они были ледяными, безвкусными. Потом стал напивать влагой тряпку – кусок рукава, выжимая в каску и вновь собирая капли. Это было спасением. Его ны-

нешнее положение стало казаться не таким уж удручающим, как раньше.

Утолив жажду, Сергей вновь попытался забыть. Он тихо стонал из-за больной ноги, которая всё сильнее стала о себе заявлять. Сейчас нужно поменьше двигаться, сберегая силы, и он это знал, тем более уже подкатывало чувство голода. Голод – самый главный царь всего живого, «царь-голод», как выразился небезызвестный классик, – он любого подчинит, положит на лопатки.

Проверив карманы шахтёрок, Сергей не обнаружил ни крошки хлеба. Было довольно прохладно. Точнее – холодно. И это был тоже царь – «царь-холод», и хотя по статусу он ниже рангом, но не менее значим, чем первый. Понятно, что сытому легче переносить холод, но в данной ситуации эти два царя для Сергея были равнозначны по своей жестокости.

Ему снилось пшеничное поле. В детстве он часто пропадал на его бескрайних просторах. Домик стоял на краю этого золотистого поля, и Сергей, несмотря на родительский запрет, исчезал в нём, да так надёжно, что отыскать его было непросто. Его искали, громко крича, потому как он не знал, куда идти, – пшеница была вровень с его ростом. И сейчас эта хлебная нива стала перед его взором широкоформатным экраном. Теперь его не звали – он сам кричал, бегая и ломая налитые тяжёлым зерном колосья, но никто не приходил на помощь... ещё чуть-чуть – и его заденет крылом пролетающий мимо самолёт. Он даже видел лицо лётчика, точнее лётчицы... Это была она – Алёна!.. Сергей останавливался в оцепенении: «Это было не прогнозируемое обрушение!» – шептал он ей испуганно. Его любимая, делая суровое лицо, которое он никогда таким не видел, кричала сверху: «Но ты ведь жив! Жив! Его нет! У нас ведь будет ребёнок!»

Сергей, очнувшись, поймал себя на мысли, что теперь сможет навсегда остаться с Алёной, если, конечно, выживет. Он попросит у неё прощение за всё, за всё... и она поймёт, потому что любит его. Он возьмёт её в жены с этим будущим ребенком. Пусть он будет даже похожим на этого... Пусть их будет несколько! Десяток чужих детей! Сергей будет их любить так же, как и её, потому что это её дети! Лишь бы она простила его...

Он уже плохо представлял, сколько времени находился в этом каменном мешке – часы с раз-

битым циферблатом стояли. Данилов стоически терпел голод и холод, но терпеть становилось всё труднее. Чтобы немного согреться, нужно двигаться, но двигаться – значит терять калории, которые нужны для выживания. Он старался укрыться в беспамятстве, хотя это не всегда удавалось, но, как только это случалось, перед ним тут же вставали лица: его родные – мать, отец, сестры... Алёна, её муж... Ветрогонов... они что-то говорили и говорили, а он старался отвечать.

Данилов приходил в себя и искал выход, который заключается в надежде, что его всё-таки ищут и непременно найдут. Он изредка стонал, и этот глухой стон возвращал его из короткого забытья. Он вздрагивал всем телом и рефлекторно нажимал на выключатель фонаря, убеждаясь, что всё произошедшее с ним не сон, а страшная реальность, но и это давало ему некий заряд бодрости – он жив и будет бороться.

Он часто растирал ногу, отчего боль, казалось, несколько отступала, но потом она также жгуче, до ломоты в костях, появлялась вновь, и Сергей, чертыхаясь, продолжал тихо постанывать. Он страдал от собственного бессилья, ведь для спасения ничего нельзя было предпринять, единственное – не паниковать, противостоять отчаянию. Счёт времени был окончательно потерян, и забытьё должно стать его единственным состоянием, при котором сердце работало в умеренном режиме, экономя ресурсы. Сергей, прислушиваясь к его тихому биению, постепенно отключался от этой мрачной реальности. Было настолько тихо, что он поражался этому: «Как тиха тишина...» – шептали губы чьи-то поэтические строки, но вдруг его что-то заставило встрепенуться – будто отзвук его стога послышался где-то... «Схожу с ума, что ли?» – пронеслось в голове.

Очнувшись, осветил свою подземную «квартиру». Была та же гнетущая тишина: «Почудилось», – успокоил он себя. Глухой, еле слышный стон, словно из самой преисподней, заставил его вновь раскрыть тяжелые веки. Сергей прислушался, нет, не показалось... и его сердце забилось отбойным молотком – громко и учащенно. Смешанное чувство радости и испуга переполнило его израненную душу. То, что где-то глубоко внизу находится живое существо, никак не укладывалось в сознании Сергея. От несчастного физика должны остаться, по сути, лишь молекулы и атомы, как тот выражался, ведь Сергей

видел своими глазами, что у того не было выхода. Разве что – ниша?.. Тогда почему он столько времени не давал о себе знать?

Превозмогая боль в ноге, Сергей пополз по острым обломкам породы наверх, хрипло крича одну и ту же фразу: «Есть кто живой?» После очередного выкрика он, замирая, прислушивался и вдруг услышал отчётливое и далёкое: «Есть!» Это «есть» было до дрожи в теле страшным, нереальным, но это был голос живого человека, доносящийся из-под навороченной груды камней.

– Ты где? – кричал Сергей, превращаясь в сам слух.

– Здесь! Здесь! – доносилось снизу страдальческое. Потом тише сквозь зубы: – Где, где? В Караганде...

– Юморист, однако, – матюгнулся Данилов.

Он понимал, что до пострадавшего метры породы, крупной и мелкой, которую не осилить одному человеку, но всё же он решил предпринять кое-какие попытки, хотя бы для того, чтобы лучше слышать друг друга. Ухватившись руками за покорёженную железную арматуру бывшей кровли, Сергей, напрягаясь всем телом, попробовал сдвигать ногами вниз небольшие куски породы. Ему было жаль своё «насиженное» место внизу этого зловещего каземата, потому что камни, толкаемые сверху, должны были постепенно заполнить то пространство, к которому он уже привык.

Нехватка кислорода давала о себе знать, и Сергей, свалив несколько глыб, стал выдыхаться.

Через некоторое время он возобновил свои действия, между делом крича и напрягая слух. И хотя в подобных ситуациях нужно было беречь себя, чтобы дожить до прихода спасателей, иначе любое движение приближает к смерти, но мысль, что кому-то ещё хуже, заставляла его вновь напрягать свои, хоть и небольшие, но ещё имеющиеся силы.

– Ты где? Меня хорошо слышно? – хрипел Сергей, толкая ногами неподатливую глыбу.

– Я здесь. В нише, – доносилось могильное.

– Черт тебя подери! Ты цел?

– Кажется, рука сломана и ещё с головой...

– Я знаю, что у тебя с головой не в порядке. Шахта, она мстит тому, кто в неё с материальными интересами... потому вот и меня под эту лавочку... из-за тебя.

Сдвинув несколько крупных камней вниз, Сергей стал разгребать мелкий щебень, после че-

го образовалась небольшое пространство между глыбами породы. Он просунул туда голову:

– Ты меня слышишь?

– Сейчас хорошо слышу, – донеслось из глубины.

– К сожалению, дальше я не в силах что-либо сделать. А до тебя не меньше двух метров крупной породы, как я понимаю.

– И на этом спасибо. Дышится даже легче.

– А почему ты не подавал знать о себе столько времени?

– Я же говорю с головой у меня... по голове шандарахнуло... каска разбита... Контузило... пить хочется.

– С водой проблемы, брат. У меня есть немного, только как подать тебе?

– Сдохну я.

– Не дрейфь. Мы ведь с тобою шахтёры! Нас обязательно спасут. Ты, главное, старайся меньше двигаться, береги силы.

Тот глухо застонал.

Молчали минут пять.

– Слышь, Ватсон, а я тебя узнал, – донеслось снизу.

Сергея передёрнуло.

– ...

13

– Да и стихи твои в районке почитывал. Ты что молчишь?

Сергей долго не мог прийти в себя от этой новости. Снизу тяжело, с расстановкой читали его стихи.

*Я лежу в саркофаге,
Как бухарский эмир.
Жизни реющий факел
Весь рассыпался вмиг.*

*Как бухарским эмирам,
Мне оказана честь:
Бальзамирован взрывом
Весь до капельки. Весь.*

*И вспорхнуть не успела,
И уйти не ушла,
Замурована с телом
Молодая душа.*

– Это будто про меня ты сочинил. Предвосхитил мою гибель... А саркофаг в самом деле достаточно хорош. Вот здесь мне и... – он сухо кашлял. – И ещё про любовь у тебя стихи тоже...

– Я тебя тоже узнал, – тихо вымолвил Сергей.

– Ты что-то сказал?

– Я говорю, меньше болтай, береги силы.

– Я всё знаю о тебе, Ватсон. Вся твою историю... в которой ты сам виноват. Слышишь, ты сам виноват!

– Не называй меня Ватсоном, дурак!

Сергей злился. Он отполз вниз, чтобы привести нервы в порядок. Из завала всё доносились слова, но уже тише и тише. «Выдыхается от болтовни. Или опять в кому ушёл? И так-то было б лучше... Видно, здорово по голове его...».

Сергей приложился к каске и, отхлебнув глоток, представил, как тот, который в нише, страдает от жажды... Эту воду он по капле собирал, стоя на четвереньках, часа два, по капле сцеживал, и её было всего со стакан. И он бы пожертвовал её для спасения этого... но как?

Время так же текло непонятным образом: день ли, ночь...

Вскоре у Данилова начались головные боли, желудочные судороги. Хотелось есть. Иногда он проваливался в пустую черноту, но, когда наступало прояснение, собирал сосновую кору. Он рвал её на мелкие кусочки, смачивал собранной водой. Проглатывал эту кашицу, и у него тут же начиналась рвота.

Он удивлялся: как же эти царицы подиумов, топ-модели, доведя себя до изнурительного состояния, умудряются ещё блистать на публике? А ведь чтобы притупить чувство голода, они глотают ватные шарики, обманывают желудок и тем самым поддерживают свою фигуру в должном виде. Их бы сюда на недельку...

– Пи-ить, – послышалось далёкое, тихое.

Сергей потихоньку, насколько позволяли силы, пополз на звук.

Нужно как-то напоить этого парня, к которому Сергей уже не испытывал неприязненного

чувства. Он подобрался к слуховому отверстию и стал освещать узкое пространство, уходящее вглубь.

– Я вижу свет! – воскликнул тот.

– Это ангелы за тобой прилетели, Сергей Иванович. А что с твоим аккумулятором?

– Раздавило. Боже, как болит голова, рука!..

– Если ты видишь свет, то попробуй просунуть туда руку.

– Слишком узко. Но я, я попробую развернуться...

Сергей вдруг увидел в глубине кончики пальцев.

– Вижу, вижу твою руку! – радостно закричал он. – Я сейчас что-нибудь придумаю!..

Но думать особо не приходилось, нужно было просто действовать: расковыривать пространство от мелкой породы, щебня. Что не удавалось вытащить наверх, Сергей проталкивал вовнутрь, командуя, чтобы снизу эту мелочь выгребали в нишу. Таким образом, появилось некое подобие узкого прохода, куда вполне могла пройти человеческая рука и даже что-то крупнее.

После изнурительной работы двух несгибаемых духом шахтёров щель между нижними глыбами породы стала несколько шире, куда Данилов и попытался просунуть каску с водой.

Каска застревала о камни, ломая края и расплёскивая драгоценную влагу, но наконец-то поползла вниз, подхваченная рукою Сергея Ивановича.

– Будем жить! Выстоим! Мы ведь шахтёры, брат! – хрипел смертельно усталый Данилов, теряя сознание. Силы покинули его, но губы успели сказать последнее:

– К нам идут.

Стук отбойного молотка и рокот бурения он уже воспринял как галлюцинацию.

**Евгений
ЮШИН**

**ДОМОТКАНАЯ
ПРОВИНЦИЯ МОЯ**

* * *

Этот мир надо мной – белым облаком, птицей
и Богом.

Этот мир подо мной – муравьишкой, пыльцою
веков...

Я люблю, когда небо целует дождями дорогу,
Заполняя копытца недавно прошедших коров.

Я навек полюбил эти заводы, эту осоку,
Эти серые избы с певучим печным говорком. 15
Эти сосны шумят надо мной широко и высоко.
Говори со мной, лес, первобытным своим
языком –

Торфяным, глухаринным, брусничным, зелёным,
озёрным,
Хороводным – в распеве сырых земляничных
полям.

Ой, туманы мои! Ой, вы, жадные вороны
в чёрном!

Скоморошьи дороги и ратная кровь по полям.

Я прикрою глаза и услышу кандалные звоны,
Безысходный, по-бабы, горячечный плач
у берёз.

Как скрипучи дороги! Как мертвенно бледны
иконы!

Как селенья ужались, и как растянулся погост!

Тишина на Руси, словно лодка стоит на
приколе,
А накатится вихрь, так покуда её и видал.
Мужики-мужики, вам тесны и корона, и воля.
Кто считает деньгу, кто рубаху последнюю
снял.

Можжевельный воздух поминками пахнет, как
порох.
На серебряных перьях овса – предрассветная
трель.
Сколько вражьих чубов причесалось о вилы
и обух –
Помнят травы ночные кровавый брусничный
кисель.

И возносит звонарь колокольни стозвонные
соты.

Но сжигает Иуда воздвигнутый предками храм.
И на каждой сосне – золотистая капелька
пота.

И на каждой берёзе – полоскою чёрною шрам.

Говори со мной, лес, ведь и мне твоя тайна
знакома,
Словно аистам в небе, хранящим на пёрышках
синь.

Высоко надо мной золотая сгорает солома
И трепещут стрекозами синие листья осин.

ЮШИН Евгений родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в Улан-Удэ. С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников Москвы, руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешел на работу в литературно-художественный и общественно-политический журнал «Молодая гвардия». Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. Живёт в Москве.

* * *

Вишни падают. Вся земля под деревьями –
сыпью.
Подобрав гребешок, как заплата цветная, петух
Боком, боком, вприсядку по грядкам шага свои
сыплет,
И угрюмой индюшкой уткнулся в корыто лопух.
Я люблю это время молочное в сахарных осах,
Тонкий ломтик луны у горбатых под сеном
телег.
И всё смотрит куда-то сквозь поле и небо
берёза.
Что-то знает душа, но не может понять
человек.

* * *

Оглянешься – полжизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не нашёл златых камней.
Мне гладит щёку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы, и синий пруд.
Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

И продают! Земля распорота.
Но не купить небесный свет.
Как не гребли деньгу и золото,
А у гробов карманов нет.

И за туманами, за деревцем
Густеет солнце над рекой:
То золотой икринкой светится,
То плещет рыбкой золотой.

* * *

Спит провинция в букете лопухов,
Греет брюхо солнце мокрое в стогах,
И плывут себе сады у берегов,
Где туманы водят реку под бока.

Стадо тёплое мычит у городьбы,
Тракторист опохмелится с утрава,
И огромный, как амбар, тяжёлый бык
Спозаранку засучает рукава.

Нерасчёсанного сена седина.
Точат шпоры молодые петухи.
И прозрачная, как яблоко, луна
Оседают на сырые лопухи.

Бородатый и невыспавшийся шмель,
Приворчовывая, кружит у плетня,
И звенит уже за тридцать земель
Домотканая провинция моя.

ПОЛУСТАНОК

Обочина стремительного мира.
Промчался поезд – и угасла даль.
В извёстке станционного сортира
Навеки замурована печаль.

Коза у покосившейся ограды,
И пыльный свет нестройных тополей.
И здесь живут, и здесь чему-то рады,
И здесь хватает муки и страстей.

Всё на виду: из бани струйка дыма,
Девчушка на качелях. Чья-то песнь.
Промчался поезд – мимо, мимо, мимо.
Никто его и не заметил здесь.

* * *

16

Продают и землю, и берёзы,
И огни, дрожащие во мгле.
Скоро продадут и наши слёзы.
Реки – это слёзы по земле.

Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои –
Потому что это я и есть.

ДВЕ СОБАКИ

Разбросало солнце маки
На озёрном серебре.
Жили-были две собаки
У соседа во дворе.

Резвцы и забияки –
У крыльца гоняли кур.
Словом, жили, как собаки,
Не дурнее прочих дур.

А сосед – больной и старый:
Гамаши да костыли.
Сели дети: тары-бары,
Да и в город увезли.

Ходят грустные собаки,
Ищут деда – нет его.
Хоть бока у них обмякли,
Вид пока что – ничего.

Но страшит их
двор уныньем,
Дверь, забитая доской.
Зарастает сад полынью,
Как собачий взгляд тоской.

ИЮНЬ

Какой поэт тебя придумал?!
Каким ты вырвался огнём?!
Май полыхнул, пропел – и умер,
И скачут зори день за днём.

Срывает шапку одуванчик,
Дорога прячется в пыли,
И колокольчик в свой стаканчик
Мёд поднимает из земли.

И всё гудит: поля пшеницы,
И в жилах кровь, и дальний гром.
И шмель велюровый кружится
Над полыхающим цветком.

Ныряют на верёвке майки.
Кружи, июнь, меня, кружи!
По-женски вскрикивают чайки,
Стрижи черкают чертежи.

И, обомлев под небесами,
Склоняются на водопой
Коровы с волглыми глазами
И кони с бархатной губой.

Я здесь родился: в этих травах,
В счастливом щебете лесном,
В искристых волнах-переправах –
Лучом на листике резном.

Здесь вечерами свет старинный
Зари тягучей, словно мёд.
В мохнатой шубе комариной
Июнь по берегу идёт.

Его мы ждали с новостями
От земляничных бугорков.
С туманом, с полными горстями
Росы в ладонях лопухов.

И он пришёл! Ликуют птахи!
Густы и пенны острова,
И реки синие рубахи
С утра вдевают в рукава.

Пасут мальков Ока и Кама.
Хрустят кабаньи камыши.
О дорогой и близкой самой
Малинник шепчется в тиши.

И сладковато тлеет сено.
Я жду, любимая, когда
Твоих кудрей густая пена
Меня заманит в невода.

Звезда сорвалась, словно кричит,
И на стожок туман прилёт.
И сердце бьётся и трепещет,
Как подфонарный мотылёк.

И ты горячая, родная,
У костерка, где сон и тишь,
Зарёй колени поливая,
Меня, конечно, соблазнишь.

И долго будет ветер жгучий
Ночную заметать золой
Певучий луг и сад кипучий
Под самоварною луной.

В СТАРОМ ДОМЕ

Как прежде ровен статных сосен шум.
Года – прошли, скорее – пролетели.
Я в дом вхожу, как будто в старый трюм –
Давно корабль уплыл от колыбели.

Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.

* * *

Двадцать первый век, перезагрузка.
Интернет и брат тебе, и друг.
Ну а мне роднее трясогузка
И туманом выбеленный луг.

Но уходят люди в дым экрана
И живут за прозрачным «окном».
Иллюзорный мир всегда обманет,
Потому что Бога нету в нём.

*Потому, намаявшись по веку,
Золотишком проторяя путь,
Либо вовсе сгинуть человеку,
Либо в сердце родину вернуть.*

*А у нас тут – синие озёра,
И на окнах – синие подзоры.
И на вишнях подсыхает пот.
Надо мною облака и ветки,
Подо мною и века, и предки.
И петух – букетом у ворот.*

**Юрий
КОПЫТИН**

ТАЙНЫЙ ВОЯЖ

Отрывок из романа

История России... Она, как вымощенная камнем дорога, отображает путь, пройденный нашей державой. Каждый участок брусчатки – своя эпоха, олицетворяемая самодержцами, полководцами, учёными.

Но чтобы значила слава царей, триумфально прошедших свой путь, без прочной опоры под ногами – миллионами гранитных кирпичиков – судеб простых людей, отдавших себя служению Родине. О некоторых из них – сибирских казаках, верой и правдой отслуживших Отечеству, расскажет этот роман.

ЕМЗЫНАК

...Заливистый жаворонок, зависший под голубым куполом небосвода, рассыпал на зеленющие поля свои сладкоголосые трели. Чем выше поднимался он над раскалённой июньским солнцем землёй, тем звонче лилась его задушевная песня. Спокойствием и умиротворением наполнялась душа от щебетания этой крохотной птахи, ласкающей слух работающих в поле слободских крестьян.

Июнь 1775 года, пришедший с теплом, дождями и грозами, поднял тучные всходы заколосившихся зерновых, и только в конце месяца

сухая жаркая погода напомнила о знойном сибирском лете.

Полковник Пётр Иванович Четов изредка подстёгивал своего карего скакуна, пробираясь через убегающее вдаль зелёными волнами бескрайнее поле ржи и овса. Осадив коня на краю берёзового колка, он оценивающим взглядом окинул радовавшее душу бескрайнее зелёное поле.

19

Не нарушая тишины и спокойствия жаркого дня, забились в листву редких колок полевые птицы, и только неугомонный жаворонок, превратившись в едва видимую точку, осыпал колосящуюся ниву звонким пением.

«Видать, постоит ещё жаркие деньки. Вишь, как птаха распелась – к ведру, однако, – вытер он рукавом выступивший от нещадно палящего солнца пот. – Даст Бог, урожай хороший родится. Только бы дождичка вовремя... Вот с лошадьми как быть? Да служивых бы поддержать», – задумавшись, потрепал он гриву своего скакуна.

Суровая холодная зима и мор, напавший на скотину, тяжело ударили не только по окрестным жителям, но и сгубили немало лошадей гарнизона крепости.

«Тяжело служивым придётся. Второй год казаки не видят денег, только на хлебном жалова-

КОПЫТИН Юрий родился 10 июня 1954 года в городе Бийске Алтайского края. Учился в Бийске, Вильнюсе. Работал на государственных и частных предприятиях Бийска.

Основное хобби – путешествия по Горному Алтаю, а также история этого края. В данный момент проживает в Филадельфии (США). Гражданин России. Представляет приключенческий, исторический роман «Тайный вояж». Тема – открытие сибирскими казаками в конце XVIII века торговли с Китаем. В настоящее время заканчивает приключенческий роман «Золото», повествующий об одной из многочисленных экспедиций в Горный Алтай, направляемых Сенатом для поиска поделочных и драгоценных камней. Действующие лица – всё те же русские казаки, служащие во славу Отечества.

нии кое-как перебиваются, – терзали его навалившиеся заботы. – Хоть оно и говорят: «хлеб да вода – казацкая еда», а у кого семья, ребятишки, что им выдаваемые три четверти ржи да две четверти овса – живут впроголодь. Позапрошлый государев указ, по которому каждый из казаков наделялся шестидесятиной земли, не очень порадовал – некогда служивому заниматься хлебопашеством, да и лошади у многих пали. А что казак без коня? Кругом сирота. Как найти выход из создавшегося положения, решать мне, коменданту крепости», – размышлял про себя полковник Четов в тени раскидистой берёзы.

Донёсшийся звон колоколов Успенской церкви прервал его хлопотные мысли. Пётр пришпорил коня и, поднимая дорожную пыль, поскакал по направлению к крепости...

Зной и жара вселяли тревогу в крестьянский люд. Того и гляди буйная зелёная нива сляжет под палящим солнцем. В молитвах просили они у Господа благодатного дождя. Вот и сейчас отец Александр начал службу с просьбы к Всевышнему послать на землю живительной влаги. Звучный голос его, обращённый в молитве к Господу, доносился из открытых дверей храма.

Пётр спрыгнул с коня, привязал его у ограды церкви и, сняв фуражку, прошёл к главному входу. Несмотря на жару, молебная зала не смогла вместить всех прихожан, и Пётр, остановившись у крыльца, вместе со слободскими крестьянами и служивыми присоединился к молебному песнопению, так и простояв здесь до окончания службы.

«Да, поиздержались мы изрядно, но зато какая ладная церковь получилась! – запрыгнув в седло, окинул он восхищённым взглядом увенчанные куполами белоснежные стены храма. – Всем миром возводили. Люди последнее на строительство жертвовали», – вспомнил он беспокойные дни строительства...

Со стороны реки раздались весёлые крики детворы. Это посадские ребятишки, не вылазившие из воды, радовались затянувшейся жаре.

«Эх! Сейчас бы в прохладную водичку окунуться, – бросил он завистливый взгляд в сторону реки. – Да нельзя – дела, дела...»

Пётр сидел за широким столом в комендантском доме и, задумавшись, что-то писал и вычитывал на листке бумаги...

«Протянуть бы ещё маленько, а там, глядишь, из Кузнеца что-нибудь подкинут, да и свой урожай подоспеет», – предался он повседневному заботам...

Исписав целый лист бумаги, он отодвинул перо и чернила.

Считай не считай, а на бумаге всё равно ничего не решишь. Да и не было особой надежды рассчитывать на кого-то, кузнецкие сами были почти в таком же положении и надеялись получить помощь из Томска, но и там перебивались кое-как.

Если ещё с провиантом вопрос как-то можно было решить, уповая на плодородные сибирские земли, то в другом, особенно в лошадях, приходилось выкручиваться каждому кто как мог...

Подсказка пришла совершенно неожиданно. Ранним июльским утром, отправив дозорных патрулировать участок до поселения Фоминского, Пётр занялся составлением депеши кузнецкому воеводе, где в который раз излагал о своём отчаянном положении.

С утра на улице стояла духота, но толстые стены из лиственницы хорошо защищали от жары, создавая в доме приятную прохладу. В дверь постучали.

– Входи! – крикнул Пётр.

На пороге появился денщик

– Господин комендант, вас Тархан Кубашев спрашивает.

– Пусть заходит, – отрываясь от письма, ответил Четов. – Опять что-нибудь просить будет...

Зайсан Тархан Кубашев, спасаясь от беспредела маньчжурских войск, пришел вместе со своим улусом просить защиты у русских властей далёким летом 1757 года. Почти всех людей из его улуса отправили на Волгу, но хитрый зайсан сумел остаться при Бикатунской крепости*, поближе к родному Алтаю, и поселился с семьёй на окраине слободки. Здесь он бросил своих идолов и принял христианскую веру. Каждое воскресенье и в праздники приходил он вместе с семьёй отстоять молебен в новой Успенской церкви. После службы Тархан частенько заходил к отцу Александру или священнику Стефану Удинцову, открывал подаренную ему библию и просил объяснить непонятные места из Священного Писания.

– Здравствуй, коменданта, – улыбаясь и низко кланяясь, проговорил вошедший алтаец.

– Здравствуй, здравствуй, Тархан! Ну, что там у тебя стряслось?

Всё ещё кланяясь и улыбаясь, гость, не спеша и как бы извиняясь, стал объяснять цель своего визита.

– Брат мой, зайсан Емзынак Батырев, просит русское подданство. Раньше-то побоялся, что на Волгу могут отправить, а сейчас вот решился.

– Хорошо, пусть приезжает в крепость. Думаю, что решим его дело.

– Так он в 30 верстах отсюда, на Катунь стоит. Бойтся без разрешения коменданта ближе подходить.

– Ладно. Пошлю я с тобой двух казаков. Они и проводят его сюда. Митька, – крикнул он денщика, – сыщи атамана казаков. Пусть двоих верховых с Тарханом пошлёт.

– Вот благодарность тебе, коменданта. Хороший ты человек, много добра людям делаешь.

Тархан повернулся, собираясь уходить. Хозяин тоже встал и вместе с гостем вышел на улицу. Духота ещё более усилилась, небо заволочло серыми тучами.

– Ну вот, слава Богу, грозу напарило, – произнёс Пётр, и как бы в подтверждение его слов с запада донеслись длинные раскаты грома.

– Пойду я, однако. До дождя бы до дому успеть! Благодарность тебе ещё раз! Господь воздаст тебе за доброе сердце! – И Тархан, кланяясь, направился к воротам крепости.

– Не забудь завтра пораньше прийти! До восхода солнца надо бы выехать, – крикнул ему вдогонку Пётр.

Он обошёл крепость, проверил караулы дозорных и, чувствуя, что проголодался, направился к поварне.

Внезапно сорвавшийся ветер погнал позёмки песка с крутого берега реки. Крупные редкие капли дождя, срываясь с нависших облаков, стали бить по пыльной сухой земле. Не успел Пётр дойти до постройки, где находилась кухня, как на него обрушился проливной дождь. Яркая молния осветила всё вокруг, и через мгновение раздались оглушительные раскаты грома. Вмиг промокнув, он вбежал на крыльцо, отряхнулся и зашёл внутрь.

От плиты, где управлялась молодая кухарка, приятно потянуло запахом щей и каши. Офицеры, с аппетитом хлебавшие суп, повскакивали, увидев вошедшего коменданта.

– Сидите, господа, не нужно прерывать обеда, даже если зашёл командир. За трапезой мы все равны. Здесь у нас один голова, – улыбнувшись, кивнул комендант в сторону печи на хлопотавшую повариху.

Пётр прошёл в дальний угол столовой и уселся за грубо сколоченный стол.

– Ну, слава Богу, дождались дождичка! – снял он промокший головной убор и положил рядом с собой на стол. – А я аж с улицы учуял запах щей! Ну и мастерица ты, Дашутка, – похвалил он кухарку. – Налей-ка мне ещё холодненького кваску! С утра от духоты в горле пересохло.

Дарья, раскрасневшаяся от жара печи, подбежала к коменданту и поставила перед ним миску аппетитных щей и большую кружку ароматного холодного квасу, настоянного с душицей и мятой.

– Кушайте на здоровье, Пётр Иванович! – мелодичным голосом пропела она.

Офицеры, отобедав, тихо переговаривались между собой, ожидая, когда закончит трапезу командир. Пётр допил квас, поблагодарил Дашу за вкусный обед и не спеша направился к выходу. Офицеры поспешили следом за ним.

Дождь уже закончился. Было тихо и безветренно. Повисшие на листьях деревьев капли дождя, сверкая в ярких лучах солнца, тяжело срывались на промокшую землю, оставляя крохотные воронки в сером песке.

Пётр невольно остановился, щурясь от яркого света, поправил съехавшую шапку и, извинившись перед офицерами, направился к берегу Би. Над водой поднимался лёгкий пар, а на юге, над заречным бором, широким коромыслом повисла огромная радуга. Воздух до того был лёгок и свеж, что после дообеденной духоты был как бальзам для истомившегося тела.

Как хорошо было вот так, просто, ни о чём не думая, постоять на берегу, забыв о делах и заботах, созерцая обновлённую после грозы природу, синюющие вдали голубые горы и как будто бы остановившуюся в своём течении гладь реки...

После жизненного непостоянства, мотания по разным крепостям и острогам, он в 1770 году был назначен комендантом Бикатунской крепости.

Начав военную службу солдатом-гвардейцем, а затем получив офицерское звание, Пётр участвовал в Семилетней войне, которую прошёл от начала до конца, и в чине полковника наконец-то нашёл свою пристань. И хотя за всем этим он так и не женился, но зато теперь это был его дом. Эта крепость, эта река, зеленеющий лес и голубые горы – всё стало для него своим, родным.

Родом из Киева, он всей душой полюбил эти края и считал уже себя коренным сибиряком.

Недаром говорят: казак, как голубь: куда ни прилетит, там и пристанет...

Звон колоколов, призывающих народ к вечерне, прервал его мысли. Пётр развернулся и поспешил к церкви, смешавшись с толпой слободских и казаков, спешащих на молебен.

Церковь, умытая дождём, казалась особенно праздничной среди окружающей её зелени. Взмывая высоко вверх, она, казалось, цепляла золочёными крестами за проплывавшие после грозы редкие облака.

Над засветившимися в лучах яркого солнца куполами кружилась стая рассерженных ворон, громким карканьем выражающих своё недовольство за потревоженный колокольным звоном сон.

Люди, пришедшие к вечерне, с уважением расступились перед комендантом, пропуская его в первые ряды. Но он, остановившись неподалёку от дверей, так и простоял там до конца службы, в молитве прося Господа помочь в их нужде.

На следующее утро, вскочив, едва только забрезжил рассвет, Пётр вышел во двор крепости, где его уже дожидался улыбающийся и кланяющийся Тархан. Со стороны казарм появились двое зевающих казаков. Завидя коменданта, они враз оживились и строевой походкой проделали остальную путь.

– Ну вот и все в сборе. Надеюсь, до вечера управитесь.

– Конечно, управимся, Пётр Иванович! – хором ответили казаки.

Все вместе они вышли за ворота крепости, Тархан отвязал стоящую там лошадь и вместе с казаками отправился к переправе.

Пётр, проводив взглядом отплывающие лодки, направился к слободе, где на берегу реки жил бывший тульский казак Ефим Назаров, так же как и Пётр, прошедший Семилетнюю войну, после чего, отслужив в Бикатунской крепости, был списан – старые раны дали о себе знать. И вот уже два года после указа о выделении казакам наделов земли занимался хлебопашеством, охотой, рыбалкой да поднимал вместе с женой Прасковьей четверых детей.

Пётр знал, что живут они в большой нужде, но стараются никому этого не показывать. Дети хоть и ходят в стареньком, а всегда чисты и опрятны. Ефим починял растянутые между двух жердей старые сети.

– Здравствуй, Ефим, вижу, к рыбалке готовишься, – поприветствовал его Пётр.

– Доброго здоровьица, Пётр Иванович, – отставляя свою работу, ответил Ефим.

– Вот, проходил мимо. Дай, думаю, зайду, старого товарища попроведу. А что, дома-то один?.. Тяготят небось домашние заботы?

– Да, что там говорить? Конечно, тяготят, – махнул рукой Ефим. – Казак на службе горит, а без службы тухнет...А Прасковья с детьми в поле. С рассвету ушли, овес от лебеды прополоть надобно. Мне-то велено к их приходу рыбки наловить да обед сготовить – вот такие мои заботы.

– С удовольствием оставил бы всё да махнул с тобой на рыбалку, – с молодецким задором произнёс Пётр, чтобы как-то взбодрить сослуживца.

– Не оставишь, Пётр Иванович. Вон сколько у тебя забот! Вижу, как ты за крепость, за людей радеешь. Куда без тебя. Вспомни, как церковь строили, поработал ты тогда и пилой, и топором, да и мы, глядя на тебя, изо всей мочи старались.

– Ну, Ефим, церковь – это дело народное. Как все просили новую, просторную, в старой-то в праздники половина народа на улице стояла, вот всем миром и сладили... – Пётр замолчал, после чего, неловко закашлявшись, продолжил: – Вот, Ефим, возьми, – протянул он три серебряных рубля (по тем временам немалые деньги для солдата). – Хоть детям какие обновки купите да себе кой-чего.

– Благодарю тебя сердечно, Пётр Иванович. Да сам-то ты как? Знаю, не только мне помогаешь.

– Да куда мне одному? Состояния себе копить не собираюсь, да и наследниками не обзавёлся.

Они поговорили ещё немного о том о сём, и Пётр, не желая больше отвлекать Ефима от работы, попрощался и зашагал к крепости, где его ждала куча неотложных дел.

Под вечер к восточным воротам подъехала разношёрстная толпа из казаков и одетых в национальную одежду инородцев.

– А это что за табор вы привели?! – крикнули с башни дозорные.

– Давай отворяй! Эти – к коменданту: Пётр Иванович лично за ними посылал, – ответили казаки.

Тяжёлые, сделанные из лиственницы ворота со скрипом отворились, пропуская всю толпу на территорию крепости.

Один из сопровождавших казаков сразу же побежал с докладом к коменданту о прибытии.

Гости, настороженно оглядываясь, рассматривали внутреннее строение цитадели. Впервые они воочию увидели грозную Бикатунскую крепость, о которой уже давно ходили слухи по южному Алтаю. Переговариваясь между собой, они с любопытством рассматривали крепостные башни, тяжёлые пушки, Успенскую церковь с крестами, отливающими багрянцем в лучах заходящего солнца. Всё это для них, всю жизнь проживших в горах, казалось каким-то чудом.

Спустя немного времени Пётр, улыбаясь, вышел навстречу прибывшим.

Завидев коменданта, гости враз притихли, и самый важный из них, одетый в дорогие одежды, с низким поклоном подошёл к Петру. Тархан тоже поспешил с ним в качестве толмача.

– Это брат мой, зайсан Емзынак Батырев, вон те двое – его сыновья, остальные демичи и уважаемые люди его улуса. Он говорит, что рад видеть командира крепости и желает здоровья тебе и всему русскому народу.

– Передай ему, что мы также рады гостям с Телеуцкой земли¹. Пусть чувствуют себя как дома! Теперь они – часть России, и нам есть о чём поговорить.

Тархан перевёл брату ответ коменданта. Тот, низко кланяясь, закивал головой, после чего что-то прошептал своим сыновьям, указывая на стоявших неподалёку лошадей.

Через мгновение они подошли и, поклонившись, прижали руку к груди, передавая удерживаемых под уздцы четырёх неосёдланных скакунов.

– Это тебе подарок от Емзынака: вот эти три – из его табуна, а вон тот, вороной, выменянный за собольи шкуры у монгольцев. Брат говорит, что хочет лично тебе подарить этого вороного. Правда, горяч конь – необъезжен!

Пётр в ответ, также в знак благодарности и уважения, прижал руки к груди и попросил Тархана перевести, что он будет рад взять себе эту лошадь.

И как бы в подтверждение своих слов сбросил с себя китель, сунул в руки денщику и легко, с взывавшей казацкой удалью запрыгнул на спину вороного жеребца.

От неожиданности тот заржал и резко вскочил на дыбы, стараясь сбросить непрошеного седока.

Стоявшие рядом разом отхлынули в разные стороны.

¹ Телеуцкая земля – сегодняшняя территория Горного Алтая.

– Осторожней, Пётр Иванович, – закричали стоящие поодаль офицеры, – он ведь дикий, кабы не покалечил.

В ответ Пётр только улыбнулся, крепче ухватил узду и сильнее прижался к шее коня, который, заржав, мотая головой, старался освободиться от всадника. Он то вставал на дыбы, то высоко подбрасывал холку и, с силой ударяя копытами, выбивал из-под себя комья земли.

Окружающие, притихнув, с широко открытыми глазами следили за поединком ретивого жеребца и коменданта. Пётр с застывшей улыбкой на лице крепко держался на спине буйного скакуна. Затем пришпорил жеребца, и тот, видя, что с седоком ему не сладить, поднимая пыль, галопом пустился по территории крепости. Сделав несколько кругов, Пётр спешился и, отдав поводья растерянному стоявшему денщику, подошёл к Емзынаку.

– Хорош конь! – с восторгом сказал он алтайскому зайсану. – Вот бы таких побольше к нам в гарнизон!

«А не поможет ли этот зайсан решить вопрос с лошадьми? – осенила его внезапная мысль. – Возможно, терзавшие его заботы смогут неожиданно разрешиться».

Не привыкши откладывать дела на потом, комендант пригласил Тархана с братом к себе в избу, а остальных гостей поручил денщику, наказав ему, чтоб накормил, обустроил на ночлег и был пока при них.

Зайдя в горницу, Емзынак, всю жизнь проживший в юрте, с интересом стал разглядывать окружавшие его предметы. Подойдя к стене, он, цокая языком, замороженно уставился на висевшую наградную шпагу, украшенную драгоценными камнями, затем подошёл поближе, осторожно дотронулся до позолоченных ножен и восторженно стал говорить что-то своему брату.

– Он говорит, что никогда не видел такого богатства, и коменданта, видать, важный и богатый человек, – перевёл Тархан.

Пётр от души рассмеялся, ведь всё его богатство было в этой шпаге, полученной в награду за храбрость и служению отечеству, а всё, что он нажил, так это несколько икон да рублей десять капитала.

Попросив горничную приготовить повечерять, он, прочитав молитву вместе с Тарханом, пригласил всех к столу.

За чаем он осторожно, подбирая слова, стал подводить разговор ближе к делу.

– А скажи-ка, Емзынак, идут слухи, что у маньчжурцев можно выменять за мягкую рухлядь хороших лошадей. И ваши люди таким образом приторговывают пушниной с ними. Вон и ты подарил мне красавца-жеребца. Видать, тоже, небось, знаком с этим делом?

Зайсан, отпив чаю и лукаво улыбнувшись, стал издали объяснять суть дела:

– В двух днях езды от моего улуса стоят маньчжурские пограничные караулы. Ещё совсем недавно маньчжуры насильно увели на юг соседних со мной улусных людей. Многие, кто не хотел идти, были убиты. До нас они не смогли добраться, непроходимые горы стали стеной на их пути, только наши люди знали проход и тропы через перевалы.

Мы всё видели, но ничем не могли помочь бедным соплеменникам.

Много пострадал наш народ. Сначала от джунгар досталось. Эти и до нашего улуса добрались – все проходы в горах знали. Тархан помнит, как ясаком облагали. Мы тогда молодыми были. Отбирали почти всё, а если что против скажешь, били нещадно.

Потом, когда у джунгар началась война с маньчжурами, забыли про нас.

Сидели мы тихо в постоянной тревоге, каждый день ожидая непрошенных гостей. Хотели было к русским, до Бикатунской крепости податься, да слух пошёл, что новоприбывших инородцев куда-то вглубь страны отправляют. К маньчжурам ещё страшнее было идти. Вот так прожили мы сами по себе, не помню, сколько времени. Соль закончилась. Зерна не у кого купить.

Пошли слухи, что кое-кто из наших тайком стал с маньчжурами приторговывать, ну и мы решили попробовать. Взяли с собой толмача – один из наших улусных попал к ним вместе с захваченными алтайцами, потом бежал, по-ихнему понимать научился.

Собрали мы мягкой рухляди: лисиц, бобров, соболей – ясак-то никто не брал, вот и накопилось. Для первого раза много брать не стали.

Перевалили через перевал и стали пробираться в направлении на юг, в сторону Китая.

Шли тихо, с опаской, день идём – кругом никого, лишь только кости человеческие, обглоданные зверями, кое-где по дороге попадаются. На следующий день, уже к вечеру, спустились в долину, идём и вдруг слышим речь человеческую – смекнули, что монгольцы. Оставил я людей и

пушнину, а сам с толмачом отправился к ним – если какое худо сделают, то уж как будет. Подъехали поближе. Увидя нас, они закричали что-то по-своему. Тут ещё человек пять подбежало. Стал мой толмач объяснять им, кто мы да что мы.

Призвали они командира. Вышел важный китаец в широком халате и широких шароварах. Говорим ему, с миром пришли, из-за большой нужды хотели бы пушнину обменять. Как услышал он это, сразу заулыбался, в дом пригласил. Дом был небольшой, внутри одна комната, там же в углу была навалена постель. Спрашивает: а что менять хотим?

Начали перечислять: бобры, лисицы, соболя. Разгорелись у него глаза, крикнул, чтобы чаю подали да коней наших накормили.

Договорились мы, чтобы через три дня встретиться, они с товаром будут – пообещали дать всё, что нам нужно. Не обманули. Всё, о чём мы просили, привезли. За соболя хорошую лошадь давали. Было у нас восемь соболевых шкурок – на восемь монгольских лошадей и обменяли, а остальную пушнину – на чай, соль, муку и много других товаров.

Условились, что если какая надобность возникнет, так дать знать, они всё подготовят...

Тархан закончил переводить и взглянул на Петра, как бы оценивая, как тот отреагировал на сказанное. Комендант молчал, но по всему было видно, что рассказ Емзынака сильно заинтересовал его и ему нужно какое-то время, чтобы обдумать, просчитать и дать своё заключение.

Наконец Пётр не спеша стал объяснять суть дела.

– Вот что, Емзынак, после того как я увидел лошадей, которых ты нам подарил, возникла у меня серьёзная мысль: а если и нам попробовать вот таким образом разрешить нашу потребность. Есть кое-что из излишков пушнины – от ясака накопилось. Если обменять это на монгольских скакунов – не помог бы ты нам в этом деле?

– Я всё понимаю. Сколько лошадей вам нужно? Сейчас середина июля – самое время для похода к маньчжурам. С пушниной помогу: соберу по улусам. Только пошли со мной человек пять своих людей. Доберёмся до моего улуса, там они остановятся, переждут, а я отправлюсь к границе и выменяю для тебя лошадей. Назад, до крепости, помогу табун перегнать. И Тархана отпусти с нами, для толмачества.

– Ну что, толково ты говоришь, действительно, русским военным на границе опасно появляться, а потребность наша такая – хотя бы на первый случай двадцать лошадей сторговать. Как только завтра примешь присягу на верность государству российскому, так и выступайте!

– Всё сделаю как хочешь, только просьба большая к тебе есть – разреши как русскому новоподданому в свой улус вернуться, знаю, что расселяют алтайцев по России, а я вдалеке не смогу – хочу здесь, на родине, умереть.

– Верно. Имею я указание расселять новоподданных, но твою просьбу исполню. Только для твоей и людей твоих безопасности посоветую тебе ближе к крепости перебраться, хотя бы на сто вёрст вверх по Катуню. Насколько мне известно, нет там маньчжур. Переждёшь это лихое время, а там не дозволит им Россия гулять по своим вотчинам.

Пограничникам на руку торговать с вами, а войсковым отрядам указание дано всех алтайцев уводить на юг, даже несмотря на то, что есть среди них новоподданные Российского государства.

– Хорошо говоришь, комендант! Доброе дело для меня делаешь. Емзынак сумеет отблагодарить и в твоей нужде поможет – не только лошадей, но и товару привезём. Брат Тархан рассказал мне, что в большой нужде некоторые служивые живут, беду-то, её никуда не спрячешь.

– Да-а. Кроме нехватки лошадей беспокоит меня очень нужда многих служивых гарнизона, – вздохнул Пётр и, встав со стула, дал понять, что разговор закончен.

Оставшись довольный переговорами, Пётр пошёл проводить гостей.

За разговорами они и не заметили, как стемнело.

Стояла безветренная июльская ночь. Листья на деревьях замерли, словно замороженные. Яркая луна, освещая тусклым светом окрестности, отражалась жёлтой световой дорожкой на речной глади. И только шорох воды по прибрежной гальке да негромкая девичья песня, доносившаяся со слободы, нарушали опустившуюся тишину.

– Пётр Иванович, – послышался из темноты голос денщика. – А я вас дожидаясь. Всех прибывших определил на ночлег в избу Тархана. Жена его всех к себе взяла.

– Хорошо, Митька, иди спать! Завтра с утра сходи в поварню. Скажешь, чтобы хороший обед

приготовили, после пойдёшь к Тархану и проводишь всех в крепость, сам надень парадную форму – шерть² Емзыкану будем чинить...

Огромный багрово-красный диск, поднявшись из-за верховьев Бии, осветил первыми лучами солнца сторожевые башни крепости, купола Успенской церкви с крестами, заигравшими золотистым светом, и через мгновение площадь с толпой собравшихся служивых и жителей.

Военные в парадных мундирах выстроились по периметру площади, держа головы в направлении коменданта и группы офицеров. Последние указания командира гарнизона перед началом торжества короткими приказами разрешили утреннюю тишину.

Наконец протрубил горн, и двое казаков вынесли медвежью шкуру, аккуратно расстелив её посреди площади. Комендант поднял руку, давая понять, что всё готово к принятию присяги Емзынаком. Кругом воцарилась полная тишина, присутствующие замерли, понимая торжественность момента.

Емзынак, сбросив с себя национальную одежду, в праздничном одеянии русского крестьянина подошел к разостланной шкуре медведя и опустился на колени.

Один из офицеров стал с выражением читать слова присяги. Рядом стоящий Тархан торжественным голосом, с расстановкой повторял текст. Напротив казак с обнажённой саблей и посаженным на остриё куском посоленного хлеба довершал картину принятия присяги.

В наступившей тишине отчётливо слышались голоса читающего, переводчика и Емзынака, присягавшего на верность государыне Екатерине и Российскому государству.

Закончив чинить шерть, Пётр и офицеры поздравляли новоподданного, и всё офицерское собрание, а также гости с южного Алтая направились в комендантский дом, где уже были накрыты столы. Инородцы, никогда не видавшие такого разнообразия блюд и ни разу не сидевшие за столом, чувствовали себя скованно и стесненно. Глядя, как ловко управляют ложками и вилками офицеры, они старались точь-в-точь повторять их движения.

После застолья Емзынак испросил дозволения у коменданта отправить назад сыновей с улусными людьми. Пётр распорядился, чтобы их снабдили в дорогу провиантом, подготовили лодки для переправы и разрешил Тархану с бра-

² Шерть – присяга на верность государству Российскому.

том недалече проводить гостей, а вечером быть в крепости.

Когда все разошлись, Пётр кликнул денщика и велел найти отца Александра и десятника Кузьму Нечаева.

Дождавшись приглашённых, комендант попросил их присесть, отпустил денщика и, в задумчивости расхаживая по комнате, стал пересказывать разговор с Емзынаком.

Молча выслушав рассказ коменданта, отец Александр первым взял слово:

– Я так понимаю, Пётр Иванович, что с помощью инородцев хочешь свою потребность в лошадях справиться. Ну что же, задумка неплохая, только опасное это предприятие: если казаки в руки к маньчжурам попадутся, не знаю, чем всё может закончиться, большое недовольство у начальства получится, да и таможня, ежели узнает про тайный обмен, шуму наделает.

– Ну, казака всегда смекалка выручала, – улыбнулся комендант. – Да и куда маньчжуры супротив них. А насчёт тайного обмена, так этот поворот я уже обдумал: не далее как весною получил я от кузнецкого воеводы известие, а там, между прочим, написано, что интересуются в Сенате, где сейчас маньчжурские военные отряды находятся, как далеко на юг ушли.

Вот воевода и просил меня, как только будет такая оказия в горы, ясак собирать, к примеру – так тайно выследить, где маньчжуры стоят.

А ещё в Тобольске имеют интерес к новоприсоединённым землям.

Хотя двадцать лет назад вошла Телеуцкая земля в состав царства Сибирского, а про край тот в губернии не имеют никакого представления. Доходят до них слухи, что не уходят маньчжуры оттуда, знают супостаты, не хватает сил сейчас у России южно-сибирские земли защитить.

А ещё чего надумали ироды? Закопали кое-где в горах каменные знаки с ихними иероглифами, чтобы убедить государыню в исконной принадлежности Телеутской земли Китаю. Да только не поверила российская власть в их задумку, а они всё на своём стоят: наша та земля...

Так вот, хотели бы в Тобольске увидеть хоть какое-никакое описание этой таинственной для них стороны, да про маньчжур подробнее разузнать. Вот и поручим это всё казакам.

Главное, чтобы до таможи не дошла истинная цель похода. А губернское начальство, я думаю, препятствий чинить не будет, даже если и

дойдёт слух об обмене – понимают, как служивому туго приходится без денежного довольствия. Да и об Емельке Пугачёве свежи воспоминания. Задумались, наверное, что не от хорошей жизни кой-какие казаки под его начало пошли, ведь сколь народу под его знамёна встало!.. Слава Богу, что здесь, в Сибири, всё тихо-мирно обошлось.

– Да, это ты прав. За холопов да простых казаков он радел, вот и пошёл за ним народ, – согласился отец Александр.

– Но сколько невинно убиенных после этой смуты по матушке России случилось! Ведь не токмо помещиков, но и из низших сословий семьями убивали вместе с малыми детьми – вот этого уж никак не оправдать: ни перед Богом, ни перед людьми... А с табуном, я думаю, мужики не подведут, сделают всё как надо, никто про обмен с китайцами не узнает, – продолжил комендант.

– Ну раз так, тогда с Богом! Торговать – не грех, не ворованное везёте, да ежели уверен, что казачки не подведут, – подытожил отец Александр.

– Не подведём, батюшка, – вставил слово молчавший до этого Кузьма Нечаев. – И один в поле воин, если он по-казацки скроен. Не в таких переделках бывали.

– С тобой, Кузьма, я хотел бы посоветоваться. Кого из казаков возьмёшь? – повернулся к десятнику Пётр. – Я предлагаю четверых: Андрея Шумилова и Ефима Назарова (эти в горах бывали, ясак ходили собирать), Степана Соколова (здоровый мужик и охотник хороший, по следам дорогу прочитает) и недавно прибывшего к нам Фёдора Иванова. Пусть покажет себя! На прежнем-то месте, в Московской губернии, тихо да ладно было, а как оно здесь для него? Ну и отправлю с вами Тархана, а то как же без толмача?

– Да, люди хорошие, – согласился Кузьма.

– Но, Пётр Иванович, если ты не против, то я бы вместо Андрея Шумилова Илью Петрова взял. Он врачеванию способен, да и жена у него Пелагея при церкви с лазаретом Стефану Удинцову помогает. Это у них семейное: травки лечебные собирают, а кто занедужит, настоями да снадобьями от хвори избавляют.

– Хорошо, Кузьма. Верно говоришь, – одобрительно кивнул Пётр, – Лекарь в походе ох как пригодится... Не подумал я, что из тех четверых никто к врачеванию не способен.

– Да, вот ещё, – с тенью сомнения взглянул на коменданта Кузьма.

– Говори. Вижу, сомневаешься в чём-то. На серьёзное и опасное дело посылаю, так что все вопросы сейчас и здесь решить надо.

– Я про Фёдора Иванова хотел бы сказать, – колеблющимся голосом начал Кузьма. – Ведь мальчишка ещё совсем, да и в Сибири ещё не обвыкся. Выдюжит ли такой поход, ведь не на прогулку идём? Спрос с каждого немалый.

– М-да... – задумался Пётр, после чего не спеша поднялся и, скрестив руки за спиной, стал обдумывать предложение десятника.

– Ты – командир отряда, тебе решать, кого взять с собой в поход, – твёрдо ответил он десятнику. – Но послушай меня!.. Верно ты говоришь, мальчишка ещё Фёдор, казацкого опыта не набрался. Да ведь только видишь ты, что сверху лежит, а я про него немного поболее знаю: хоть и молод Фёдор, а толковый парень. Он и грамоте обучен, а ещё в рекомендательном письме из Московской губернии от полковника Хабарова прописано про Фёдора вот что: дескать, есть у парня способности к толкованию местности на бумаге, путём рисования и начертания оной. Недавно попросил как-то кузнецкий воевода прислать ему описание окрестностей Бикатунской крепости, так Фёдор так толково всё срисовал, что кузнецкие диву дались. Если сможешь сам справиться с этим делом, аль из гарнизона кому поручить, называй, препятствовать не буду...

И ещё вот что. Нет у парня мужицкой закалки, а казаку ох как она необходима. Вот пусть покажет себя в этом походе... Знаю, есть ещё в гарнизоне казаки под стать вам, любого из которых ты бы взял вместо Фёдора. Но ведь и ему с чего-то начинать нужно, вам-то, сибирякам, оно легче было опыту набраться, чем пареньку из Подмосковья.

Пётр сел напротив Кузьмы и испытующе посмотрел ему в глаза.

Десятник, потупившись, тихо ответил:

– Прав ты, Пётр Иванович, возьмём Фёдора Иванова.

– Ну вот, на этом и порешим. Скажу Митьке, чтобы предупредил казаков. Пусть готовятся. День на сборы – и в путь, – подытожил комендант, давая понять, что разговор окончен.

Уже в сумерках вернулся Кузьма домой.

– Послезавтра выступаем, – уведомил он жену Лукерью.

– Далече? – вопрошающе взглянула она в глаза мужу.

– В Телеуцкую землицу идём, к инородцам... Большого сказать не могу.

– Ну да, – грустно опустила голову Лукерья.

– Дети спят? – кивнул Кузьма в темноту детской комнаты.

– Захар вот только перед тобой уснул, а Анфиска весь вечер капризничала, едва уторкала её.

– Ты уж завтра собери чего в дорогу. У меня-то со сборами весь день занят – с утра делов непроворот.

Весь следующий день прошёл в сборах. Упаковывали провиант: крупы, муку, чай, вяленое мясо. Комендант распорядился выдать ведро хлебного вина, на случай, если вдруг возникнут какие затруднения, вино – лучший товар для расчёта с алтайцами.

Сложнее пришлось с лошадьми, казацкие кони, не привыкшие к горам, могли подвести в случае опасности, поэтому отобрали пять лучших лошадей из бийского гарнизона, используемых для сбора ясака, и взяли тех, что подарил Емзынак. Сбор назначили у комендантского дома...

27

До глубокой ночи Пётр простоял на коленях подле своей любимой иконы Казанской Божьей Матери, прося за благополучный поход своих посланников. С надеждой смотрел он на добрый и в то же время испытывающий, взгляд Богородицы, освещаемой едва колеблющимся пламенем лампадки.

Да и в избах семейных казаков долго не тушили свечей.

– Тятенька, возьми меня с собой, – просяще заглядывал в глаза отцу Никита.

– Тебя ещё там не хватало, – возмущённо отвечала Настасья.

– За хозяина остаёшься, – похлопал сына по плечу Ефим, – за малыши приглядывай, матери по хозяйству помогай.

– А далёко тятенька едет? – послушался детский шёпот из смежной комнаты.

– Ой, далёко-о!.. – ответил ему другой.

– Глафира, Поликашка! А ну-ка, спать сейчас же! – прикрикнула Настасья.

– Весь день про тебя спрашивают, а я и сама не знаю, что ответить... Далёко ли?.. Надолго?.. – с тревогой взглянула она на мужа.

– К инородцам идём. Думаю, что долго не задержимся...

На следующее утро, едва лишь забрезжил рассвет, комендант уже был на ногах.

Казаки, позёвывая, подтягивали супони³,правляли мешки с поклажей. Пётр самолично внимательно проверил, крепко ли привязаны мешки с провиантом, хорошо ли укрыт порох на случай дождя, и, убедившись, что всё в порядке, дал команду к походу.

Все вместе спустились к Бию, где казаков уже ждали готовые к отплытию лодки.

Утренняя речная прохлада, лёгким туманом упавшая на гладь воды, вмиг прогнала из головы остатки сна.

– Господа, подождите! – с берега вприпрыжку к ним бежал отец Александр. – Фу, запыхался! Думал, что не успею... Вот, возьмите! – протянул он Кузьме аккуратно завернутую Библию. – Уповайте на Господа, и он поможет в пути.

Пётр обнял каждого из отъезжающих:

– Ну с Богом! – напутствовал он казаков.

Казаки расселись в две лодки. Пётр оттолкнул одну, отец Александр другую.

Гребцы усиленно заработали вёслами, правая на середину реки...

Провожающие долго ещё стояли на берегу, наблюдая за удаляющимися вдаль лодками и гуськом плывущими за ними лошадьми, постепенно исчезающими в утреннем тумане...

ТЕЛЕУЦКАЯ ЗЕМЛИЦА

Стоит подробнее рассказать об этом путешествии. Если к северу от Бикатунской крепости местность уже не представляла никаких загадок, то к югу лежала всё ещё таинственная и неизведанная Телеуцкая земля. После недавно отгремевшей джунгаро-маньчжурской войны территория эта была почти что не заселена. Местные инородцы в страхе попрятались в труднодоступных местах, а у России после Семилетней войны и войны с Турцией не доходили руки досюда. Этим и пользовались маньчжуры, не желавшие оставлять своих новых владений и всё ещё надеявшиеся прибрать к рукам этот благодатный уголок, присоединив его к обширной территории Цинского Китая...

...Итак, оказавшись на другой стороне реки, казаки бросили прощальный взгляд на гордо стоящую на берегу крепость и, пришпорив коней, вскорости въехали в густой прохладный сосновый лес. Солнце уже начало подниматься от

горизонта, его лучи косо ложились на лесные поляны и, отражаясь в утренней росе, зажигали мириады бриллиантов в зелёной траве. Поднимаясь всё выше, оно пробивалось через хвою деревьев и та, нагреваясь теплом лучей, источала неповторимый сосновый аромат.

Всё это успокаивало и навевало безмятежные мысли, от которых путь уже не казался таким трудным, долгим и опасным...

Ехали молча. Каждый думал о чём-то своём, только Тархан с братом тихо переговаривались между собой на непонятном для казаков языке.

Вскоре лес как-то разом закончился, и путники оказались среди лугов. Куда ни глянь, было зелёное море травы.

– Вот лошадям-то раздолье, сколько зелени кругом. Видать, хороша земля, – не выдержал Фёдор Иванов.

– Да уж, ни разу не пахана, хозяина ждёт. У вас-то в Московской губернии вряд ли сыщешь таких просторов, – ответил Степан Попов.

– Ну, у нас тоже хлебопашествуют крестьяне: и сено косят, и скот разводят, да только таких вот бесхозных угодий вряд ли найдёшь, – ревностно возразил Фёдор. – Когда теперь попаду туда? – горестно вздохнул он.

28

– А ты здесь обживайся! Женишься, избу поможем поставить, земли хороший надел получишь, охота, рыбалка... Чем тебе не жизнь? – подзадорил его Степан.

Фёдор криво усмехнулся на его слова, так ничего и не ответил.

Солнце жарило всё сильнее, поднимаясь выше и выше над горизонтом. Кругом стояла тишина, и только где-то высоко в небе слышалась звонкая песня жаворонка, да Емзынак, привыкший к кочевой жизни, тихо мурлыкал себе под нос какую-то монотонную алтайскую мелодию.

С правой стороны голубой лентой блеснула Катунь, притягивая к себе прохладой воды.

– Может, берегом реки пойдём? – обратился к Кузьме Ефим Назаров.

– Да, оно повеселей будет по бережку-то. Давай, мужики, правее! – скомандовал Кузьма.

Проехав лугом и пробравшись через заросли облепихи, казаки подъехали к берегу Катунь. Кони сходу, не останавливаясь, забрели по колени в реку и стали с жадностью пить холодную воду. Путники соскочили с лошадей, умылись, вдоволь напился холодной водички и, взбодрившись речной прохладой, продолжили дальнейший путь.

³ Супонь – ремень для стягивания хомута при запряжке лошади.

– Ну вот, ещё вёрст пятнадцать, а там за Федуловкой заимка Семёна Казанцева, – кивнул на юг Ефим Назаров.

– А кто это? – поинтересовался Фёдор.

– Сын одного из наших посадских Ивана Казанцева. Лет этак двадцать назад, я только службу начинал, испросил Иван тогдашнего коменданта Гаррига, позволить ему рыбу ловить да охотничать за рекой Федуловкой. Сростками там место называется. Не побоялся. В аккурат тогда у джунгар с маньчжурами война начиналась. Поставил заимку да потихоньку окромя рыбалки и охоты стал хлебопашничать, сено косить, а теперь вот сын его. Мы, когда ходили ясак собирать, иногда к нему наведывались.

За разговорами они не заметили, как местность из равнинной стала подниматься небольшими холмами. Лошади, замедляя бег, на ходу хватили вместе с травой ароматную полевую клубнику, красным ковром покрывающую зелёные склоны.

Перейдя через Федуловку, казаки заметили заимку, спрятавшуюся в тени деревьев неподалёку от Катуня. Спешившись около ладно срубленной избы, путники привязали лошадей и, взойдя на высокое крыльцо, постучали в двери.

Навстречу им вышла полненькая круглолицая молодая женщина.

– Никак казаки с Бикатунской крепости к нам заглянули? Ну, добро пожаловать, проходите в избу! – улыбаясь, приветствовала она гостей. – Ефим Афанасьевич, давненько вы у нас не были. Куды это вы такой толпою собрались?

– Здравствуй, здравствуй, Анисья! А ты всё такая же весёлая, говорливая. Семён-то где, поди на покосе? – пропустил мимо ушей её вопрос Ефим.

– Да нет, сено мы уже три дня как покосили, рыбу ловит. Вы пока располагайтесь, а я сбегаю, кликну его. Он здесь недалече, перемёты проверяет.

– Ну что, мужики? – вопросительно окинул казаков Кузьма. – Пока хозяйка бегаёт, коней надо бы отвести травку пощипать, а то намаялись в жару, да водицы им принести. Кто у нас помоложе будет?

Фёдор со Степаном соскочили как по команде и, не говоря ни слова, вышли исполнять возложенные на них обязанности.

Не успели гости толком осмотреться, как на пороге появилась раскрасневшаяся Анисья.

– Семён сейчас будет, с рыбой маленько замешкался, – запыхавшись, доложила она. – А

куды это хлопцы направились? Такая жара поднялася, отдыхали бы в избе.

– Да они только лошадей напоить и привязать их, где травки поболее, – ответил Ефим.

– Дядь Ефим, а всё ж, кто это такие? – шёпотом спросила Анисья, глазами указывая на алтайцев.

– Ну кто, кто? Один из наших посадских, а другой в гостях был. Теперь вот мы к нему.

– А-а! – многозначительно протянула Анисья.

– А Иван-то здесь, с вами? – поинтересовался Ефим.

– А куды ж ему? Тятенька скотину пасёт, вёрст пять отсюда...

В сенях послышался топот.

– О-ой! Какие гости к нам пожаловали! Дядя Ефим, давненько вас не видел. Здравствуйте, здравствуйте всем! Добро пожаловать, милости просим!

Раскинув руки, с добродушной улыбкой приветствовал гостей подошедший Семён. Он поставил под лавку ведро с рыбой, обнялся с Ефимом и поприветствовал каждого из присутствующих.

– Надолго ли к нам?

– Да вот немного передохнём и дальше ехать надо. Путь неблизкий, – ответил Кузьма.

– Тятенька вот только про вас вспоминал.

29 Подождите немного. Я сейчас за ним съезжу. Здесь недалёко. А Анисья пока уху из налима сварит – она по этой части большая мастерица. Хорошего налима сегодня поймал. Мелочь было выбросить хотел, да как узнал, что вы здесь, ёршиков на уху оставил. Пока Анисья покушать приготовит, мы уже назад будем.

Ефим вопросительно посмотрел на Кузьму. Он – командир, ему решать, как долго им задержаться здесь.

– Анисья, может, чего помочь надо: дров поколоть, воды принести? Так мы мигом. А что мы будем без дела сидеть, пока Семён ездит, – спросил Кузьма, давая тем самым понять, что согласен.

– Ой! Ничего не надо. Дрова уже наколоты, а пока костёр разгорается, я воды с реки принесу.

– Пойдёмте-ка и мы на двор! Чего в избе прохлаждаться? – посидев немного и не зная, куда себя деть, предложил Кузьма товарищам.

На дворе Анисья уже заканчивала чистить рыбу: большой котелок висел над разгоревшимся костром, здесь же рядом висел медный чайник.

– Вон ребята подсобили, воды принесли, костер развели, – кивнула на сидевших под раскидистой берёзой Степана и Фёдора Анисья.

– Ну дык казак завсегда подмогнуть готов, – лукаво улыбнувшись, ответил Илья.

Расположившись рядом с товарищами под берёзой, казаки завели разговор о своём задании: о загадочных воинственных маньчжурах, далёком таинственном Китае, в сторону которого им предстояло проделать нелёгкий и долгий путь.

Кузьма, пожёвывая сорванную травинку, стал наблюдать за Анисьей.

– Огонь-девка! Хорошая жена Семёну досталась, всё в руках горит. Не успела выйти, а уже уху изладила, чай поставила, – похвалил он.

Отойдя от костра, Анисья, нагнувшись, стала собирать какие-то травы.

– А что ты там собираешь? Если нужно помочь – мы мигом, – поинтересовался Ефим.

– Да заправку к ухе и для чая травы.

Анисья подошла к костру, шумовкой выловила из кастрюли ёршиков и забросила крупные куски налима:

– Вот сейчас немного покипит – и готово.

Сняв с огня закипевший чайник, она положила в кипяток часть травок, остальные добавила к рыбе, после чего вытащила из костра прогоревшее берёзовое полено и сунула его в котелок с ухой.

– Да-а, мудрёно ты готовишь! – покачал головой Ефим. – И где это ты научилась?

– Я сызмальства кашеварю. Мама в поле, а я самая старшая: готовлю да за малыши приглядываю, а как управлюсь, так детей с собой и к маменьке, помогать, так что жизнь всему научила.

– А вон и Семён с тятенькой! – радостно воскликнув, указала она пальцем на спускавшихся с холма всадников и бегущих впереди коров и овец.

Подъехав к поляне, Иван по-молодецки спрыгнул с лошади и, не скрывая радости, подбежал к Ефиму.

– Рад, рад, что такие гости к нам пожаловали! – обнял он его как старого друга. – Давайте, ребятки, проходите в избу! Там прохладней. Чего на жаре сидеть? Сейчас Анисьюшка нас ухой попотчует, да ещё, дочка, принеси-ка с погреба кваску холодненького. В такую жару в самый раз будет! – засуетился Иван.

Гости расселись за грубо сколоченный стол, ожидая, пока вернётся Анисья.

– А вот и квасок! – поставила она на стол четверть холодного кваса, разлила всем уху и до-

стала с полки большую глиняную чашку с нарезанным толстыми кусками чёрным хлебом.

– До чего вкусна! А я сразу-то и не понял, к чему это Анисья берёзовой головёшкой в котелке помешала, а оно вон, какая вкуснятина получилась! – похвалил Степан, с аппетитом уплетая ароматную уху.

– Ну и мастерица ты... Стоило из-за такой ухи задержаться, – поддержал его Кузьма.

– А вы квас-то наливайте! – хлопотала Анисья, убирая тарелки из-под ухи и расставляя огромные кружки.

– Если понравится, я ещё сбегаю принесу...

– Что, Иван, совсем сюда перебрался? Вон каким хозяйством обзавёлся, – поинтересовался Ефим, отхлёбывая из кружки холодный квас.

– Да как сказать? Ты и сам знаешь: сначала разрешили рыбачить и охотничать, а там стал хлебопашеством да покосом помаленьку промышлять. Такая землица кругом, руки сами к сохе тянутся!

Разрешить – разрешили, а что я каждый раз тридцать вёрст с Бикатунской крепости сюда ездить буду? Вот и живём – пока никто не гонит...

Хорошо здесь: и рыба, и пастбища, и ржи с ячменём неплохой урожай! Да вот только одиноко без людей, ну и калмыки, бывает, неподалёку отсюда промышляют – выше по Катуню переплавляются охотничать.

Но Бог миловал, к нам сюда пока не заглядывали. Когда война-то у маньчжур с джунгарами бушевала, ох как беспокойно было – скотину на выпаса гонять боялись. Сколько инородцев мимо нас в сторону крепости прошло, а следом маньчжуры, китайцы, монголы. Кого успевали, в полон брали, а коих поубивали. Уж и мысля такая была: бросить всё да в крепость пробираться. Ну, да слава Богу, переждали лихое время, поутихло всё, успокоилось. Одна вот беда, живём и не ведаем: то ли наша земля, то ли – нет. Что у вас там про эти края слышно?

– Разговор как-то был про то с комендантом крепости, – постарался пояснить Кузьма. – А ответ Петра Ивановича Четова был таков: рад бы разрешить поселения, да не в моей это власти. Многих тянут к себе эти края, но на постоянное поселение нужно разрешение губернского начальства и Сената, а от них пока никакого решения нет. Недосуг им этой землицей заняться, других забот невпроворот.

– М-да! – потупился Иван.

– Не до нас им, видать, там, в столице...

– А вы кушайте, кушайте! Заговорился я тут со своими заботами. Аксиньюшка, принеси-ка ещё кваску, с жару-то вон как хорошо идёт, – кивнул Иван на опустевшую четверть.

– Да, не помешало бы! – подхватил Илья, выливая в кружку остатки кваса.

– Я сейчас, мигом, – спохватилась хозяйка и, убрав со стола пустую посуду, выбежала на улицу.

– Ну а как семья, ребятишки? – участливо взглянул Иван на Ефима.

– А что тут шибко расскажешь? Поликарп и Ксения – те ещё совсем малы, а вот Никита повзрослел – пятнадцать вот только исполнилось, гарнизонную школу заканчивает. Толковый парень.

– Школу – это хорошо, – кивнул головой Иван.

– Грамоте обучится, да к какому делу потянется...

Они ещё поговорили немного о жизни, вспомнили былое, после чего казаки засобирались в дорогу...

Простившись с гостеприимными хозяевами, путники продолжили свой путь.

К вечеру они проехали ещё вёрст тридцать. Дальше холмистая местность с лугами и берёзовыми рощами перешла в небольшие, в некоторых местах скалистые горы, которые прижимались кое-где к самой Катунь, оставляя лишь небольшую тропу для проезда. На другом берегу реки, чуть поодаль, как форпост в горное царство, одиноко возвышалась гора Бабырган. Здесь и решили заночевать, подыскав удобное место на берегу. Последние лучи уходящего за горизонт солнца золотисто-багряным светом заиграли в быстрых водах Катунь. Фёдор, стараясь воспользоваться этим временем, поторопился засветло отметить на бумаге пройденный казаками путь. Достав письменные принадлежности, он зарисовывал местность, где ясно проглядывалась река с подступающими к ней кустарниками и берёзовыми рощами, спрятавшаяся неподалёку от берега заимка Семёна Казанцева, холмы и одиноко стоящая гора Бабырган.

– Зря ты здесь заимку намалевал, – заглядывая через плечо Фёдора и, узнав в нарисованном жилище своего товарища, произнёс Ефим.

– Не нужно её показывать, пока Сенат не дал разрешения поселиться в этих местах. Так оно для Ивана спокойнее будет.

Фёдор понятливо кивнул головой и поспешил исправить эту оплошность.

– Ну всё, готово! – облегчённо вздохнул он, отметив напоследок полянку, на которой расположился отряд...

Но вот солнце, блеснув краем багрового диска, скатилось за горизонт, и тень сумерек, погасив окружающие краски мира, серой пеленой накрыла всю округу. Пламя костра, разрезая сгущавшуюся темноту, яркими бликами заиграло на лицах казаков, рассеявшихся вокруг огня в ожидании ужина.

– Вёрст шестьдесят за сегодня прошли, – накладывая пахнущую дымком кашу, заметил Фёдор.

– Если и дальше так пойдёт, думаю, не далее, как через неделю будем в улусе у Емзынака.

Емзынак, выслушав перевод Тархана, ухмыльнулся и укоризненно покачал головой:

– Не ходил ты, видать, в горах, парень. Сегодня что? Прогулка. Дней в пятнадцать бы управиться.

Казаки согласно закивали головами.

– Верно говоришь, Емзынак. По горам быстро не побежишь, – ответил за всех Ефим.

На следующий день встали рано утром, едва только первые лучи солнца коснулись поляны. Наскоро позавтракав пирогами, которые сунула в дорогу Анисья, казаки отправились в путь. Незаметно выросли скалистые горы, прижимая путников ближе к реке. Катунь тоже изменила свой нрав и цвет, превратившись в бирюзовую, бурную, кое-где с порогами и каменистыми островами реку. День был не такой жаркий, как вчера. К тому же близость воды и соснового леса по берегу реки создавала освежающую прохладу.

– Емзынак, – обратился через Тархана Кузьма. – Как ты думаешь, далеко ли маньчжуры? Нужно бы осторожно проведать место, куда они отошли.

– Люди из соседних улусов говорили, что видели большие отряды военных недалеко от перевала Дьял-Менку⁴, на правом берегу реки Семы.

– Сможешь провести нас туда?

– Конечно!.. Нам нужно найти подходящее место для переправы через Катунь и продвигаться вверх.

Путь берегом реки оказался не слишком утомительным, только изредка дорога преграждала небольшими перевалами да узкими речушками. Дойдя к вечеру до устья Семы, казаки стали высматривать подходящее место для переправы.

⁴ Семинский перевал на Чуйском тракте.

Пройдя версты три вверх, они облюбовали место, где русло Катуня немного расширилось, вследствие чего течение здесь было не таким быстрым. Только у другого берега виднелись небольшие валуны, за которыми бушевала и пенялась вода. Убедившись, что лучшего места для переправы им не найти, они расседлали лошадей и раскинули лагерь.

День клонился к закату, и казаки спешно принялись к строительству средств переправы. Благо, вокруг не было недостатка в строительном материале! Нарубив тоненьких сосёнок, они плотно связали их верёвкой, изготовив таким образом два прочных плота. Работу заканчивали при свете костра, разожжённого на берегу. Здесь же и заснули, согреваемые теплом ещё не догревшего хвороста.

Предстоящие хлопоты заставили путников подняться едва только забрезжил рассвет.

Илья Петров уже развёл огонь, над которым похихивал котелок с крупой и порезанным на кусочки вяленным мясом. Рядом из большого медного чайника доносился аромат листьев смородины, малины, смешанный с запахом душистых трав.

– Давайте к столу, господа! – крикнул он только что проснувшимся зевающим товарищам. Продрогнувшие казаки кружком расселись вокруг костра.

– Хорошо-то как! Сейчас чайку горяченького, – прихлёбывая настой душистых трав, бросил Степан Соколов, вздрагивая от каждого глотка своими могучими плечами...

Подкрепившись и упаковав вещи, казаки стали готовиться к переправе – спустили на воду оба плота, подготовили длинные шесты и что-то наподобие вёсел. На один из плотов сложили всю поклажу. Тархан с братом и Илья вскочили на него и, оттолкнувшись, направились к противоположному берегу. Вторая группа отправилась следом за ними. Лошади, освобождённые от поклажи, гуськом последовали за хозяевами.

Зная характер горных рек, Емзынак, ловко отталкиваясь шестом, проскочил валун выше по реке, и плот, подхваченный быстрым в этом месте течением, выскочил на прибрежную гальку. Следом за ними вышли отряхивающиеся от воды лошади.

Вторая партия, не имея опыта переправы через быстрые реки, замешкалась на середине реки, упустив драгоценное время. Видя, что плот сносит ниже валуна, где течение с рёвом устрем-

лялось в сторону порогов, они отчаянно пытались выправить направление на единственно правильный путь – обойти выше каменной глыбы и причалить к берегу, как это сделали первые.

– Давай, мужики, навались! – кричал Кузьма, отчаянно работая веслом.

– Ещё маленько поднажми! – упираясь шестом, приободрял товарищей Степан.

Ниже же по течению пристать к берегу не было никакой возможности – невысокий скалистый берег тянулся далеко вниз, да к тому же саженей в пятидесяти реку перекрывали острые камни порога, грозящие разбить в щепки любое средство переправы.

И так изо всех сил борясь с усилившимся в этом месте течением, казаки сумели отвоевать несколько саженей вверх по реке. Валун не казался уже таким маленьким и безобидным, как виделось с того берега. Бурный поток подхватил плот и, повернув несколько раз вокруг своей оси, с силой выбросил его переднюю часть на гладкую поверхность валуна в пяти-семи саженях от берега. Казаки, вцепившись в брёвна плота, оказались по пояс в воде пенящегося потока, омывающего с двух сторон валун.

– Сейчас вам верёвку кинем, после чего спускайтесь! Здесь не так глубоко, – прокричал с берега Тархан. Емзынак, смотав кольцом верёвку, ловко бросил конец прямо в руки Степану, а другой привязал к лошади.

– Я плавать не умею, – закричал Фёдор, глядя на стремительный поток воды.

Степан, подхватив его под мышку, а другой рукой держа верёвку, прыгнул в бурлящую стремнину. Кузьма с Ефимом, ухватившись за конец, последовали за ними.

Плот, освобождённый от тяжести груза, соскочил с валуна и стремглав помчался по реке, через мгновение послышался треск ломаемых о камни порога брёвен.

Емзынак повёл лошадь от берега и чуть вверх по течению, чтобы спасаемые шли к берегу немного наискось, что не давало бы потоку сбить их с ног и унести вслед за плотом. Глубина здесь хотя и доходила до груди, сила течения постоянно окатывала их с головой, заставляя каждый раз глубоко набирать воздух.

Оказавшись на берегу, все четверо с облегчением вздохнули.

– Ой, господи! – стуча зубами, не верящим взглядом окинул Фёдор бурлящий поток. – Не думал, что живым до берега доберусь.

– Эх, а я бы сейчас баньке обрадовался! – вздрагивая от холода, мечтательно произнёс Ефим.

– Да-а, наши сегодня в крепости, наверное, уже затопили. Суббота – банный день, – подхватил Кузьма.

– А давайте я вам здесь баньку излажу! – сочувственно глядя на промокших товарищей, предложил Илья.

– Всё одно и одежду вашу просушить надо. Куда идти не обсохнувши?

Казаки недоверчиво посмотрели на Илью, но всё же единодушно поддержали его предложение. Только Емзынак, не понимая, чему это радуются промокшие до нитки русские, сидел на большом камне и задумчиво глядел на бирюзовые воды Катуня.

Илья подыскал подходящее место. Сразу за галечным берегом река образовывала карманы, небольшие заводи, обрамлённые огромными камнями, похожие на естественные купели. Натаскав поближе к ним сухих смолистых сосновых дров, он распалил большой костёр и, пристроив рядом длинную перекладину, развешал на неё мокрую одежду товарищей, рассевшихся возле огня после холодного купания.

Отыскав молоденькую берёзку, он нарезал длинных тонких веточек, из которых связал несколько веников, воткнув в них для аромата кустики душицы, после чего принялся за сооружение бани – наложил в костёр крупные гальки, подбросил дров, а когда камни раскалились и дрова прогорели, убрал головёшки и плеснул воды, чтобы с паром улетела вся сажа. С помощью товарищей водрузил над пышущими жаром камнями палатку, захваченную в дорогу на случай дождя, и, зачерпнув ведро воды, поставил у входа.

– Ну вот, баня готова. Берите веники и можно париться, а мы после вас.

Казаки, подхватив банные принадлежности, резво заскочили в палатку и через мгновение оттуда уже слышались хлест веников, побряхтывание, покрякивание и шипение поддаваемой на раскалённые камни воды.

Вдоволь попарившись, они ныряли в расположенные рядом купели, залазили на обрамлявшие их валуны и, растянувшись на тёплых камнях, подставляли тело под ласковые лучи допудренного солнца, после чего вновь возвращались в палатку продолжить банную процедуру.

Илье пришлось проделать то же самое в одиночестве, Тархан из солидарности с братом

отказался от бани. Усевшись рядом с Емзынаком, он с грустью глядел на стремительные потоки Катуня, изредка перебрасываясь с ним словами...

Надев высохшую одежду и напившись запаристого травяного чая, казаки навьючили лошадей и двинулись в путь.

Не доходя до реки Семы, они повернули на юг, в направлении перевала Дьал-Менку. Горы здесь были невысокие, кое-где поросшие лиственницей и сосной. Обширные долины, лежащие между горами, пересекались многочисленными мелкими речушками, по берегам которых встречались заросли малины, чёрной и красной смородины. Такие преграды не составляли особых трудностей для путников. Продвигаясь через невысокие перевалы, спускаясь в долины с широкими лугами и перелесками лиственниц, переходя через горные потоки, они после полудня добрались до верховьев небольшой речушки Сенгужер. Здесь на лесной полянке и решили передохнуть и пообедать... Только собрались разжечь костёр, как отдалённый хруст веток со стороны реки заставил их замереть. Лошади забеспокоились, стали фыркать и бить копытами.

33

– Ну-ка, Фёдор, тихонько поберись, разведай, что там. Может, какой маньчжурский дозор? Ведь, по рассказам Емзынака, недалече они уже где-то, – кивнул в сторону подозрительного шума Кузьма. – Оно так поспокойней будет...

Фёдор, пригнувшись и прячась за деревьями, пошёл в направлении к реке. Тихо пробираясь сквозь кустарники, стараясь не наступать на попадающиеся под ногами ветки, он вскоре вышел на небольшую поляну, обрамлённую зарослями малины. Сочные красные ягоды гроздьями свисали с веток.

– «Ух-ты! Сколько её здесь, прямо сама в рот просится», – чуток остолбенел он перед кустами малины.

Сорвав одну ягоду, затем другую – он и не заметил, как увлёкся.

Забыв про всё, Фёдор горстями стал отправлять сочные ягоды в рот. Только вдруг он почувствовал, что не один здесь, а ещё кто-то наслаждается вкусной малиной. Подняв глаза, он с ужасом увидел менее чем в сажени от себя огромного медведя, который, подняв одной лапой ветку, слизывал с неё спелые ягоды.

Фёдор обомлел от страха: на лбу выступили капельки холодного пота, ноги стали непроизвольно подгибаться. Ему показалось, что чуди-

ще косит на него недобрыми глазами. Ужас парализовал его мысли.

Перестав жевать и не сводя испуганных глаз со зверя, он медленно отступил. А затем, скорее подчиняясь инстинкту самосохранения, чем осмысленным действиям, опустился на колени, задом выполз из кустов малины и в два прыжка пересёк отделяющую его от леса поляну. Подгоняемый чувством страха, что зверь вот-вот нагонит его, он очертя голову кинулся через лесную чащу к месту стоянки отряда.

Выбежав с перепуганным лицом на поляну, где его поджидали товарищи, Фёдор стал опасно озираться. Ему всё ещё мерещился хруст веток бегущего следом за ним зверя. Только что пережитое чувство страха ни на минуту не оставляло его. Казалось, что медведь вот-вот появится следом.

Тяжело дыша и не в силах сказать слова, он только и делал, что открывал рот, как рыба, вытасненная из воды.

– Что случилось?! – с тревогой спросил у него Кузьма. – На тебе лица нет!

– У-у-у... у-у-у!!! – промычал Фёдор, от волнения не в состоянии объяснить причину своего страха. Выпучив глаза, он привставал на носки и, поднимая полусогнутые руки вверх, пытался изобразить что-то страшное.

– Да, что такое?.. Маньчжуры?! – встревожился Степан.

Емзынак с Тарханом, ничего не понимая, стояли вытаращив глаза на Фёдора.

– М-Ме-е, – попытался что-то сказать он, глядя в ту сторону, откуда только что прибежал.

– Да что ты блеешь, как овца? – стал уже раздражаться Кузьма. – Скажи толком, чего такой перепуганный?!

– Тт-ам, тт-ам! – заикаясь, тыкал пальцем Фёдор в сторону кустарника...

– Степан, налей-ка ему вина, а то кабы умом не тронулся! – не добившись ничего вразумительного от Фёдора, махнул рукой Кузьма.

Поднеся трясущимися руками чарку ко рту, Фёдор, стуча зубами о края, махом осушил её до дна. Посидев чуток, уставившись бессмысленным взглядом на товарищей, он, понемногу придя в себя, выпалил:

– Мм-едведь!.. С-страшный!.. Лл-охматый!.. У-у!...

– Тьфу-ты!.. А я уж незнамо, что подумал, – с досадой бросил Ефим. – У тебя ж кинжал сбоку болтается, или ты со страху про него и забыл?!

Фёдор удивлённо взглянул на висевший сбоку кинжал, словно впервые увидел его.

– Ты что, никогда медведя не видывал?! – удивился Степан.

– Н-никогда! – трясая головой, ответил понемногу пришедший в себя Фёдор. – Только на картинке, но он там совсем не такой. А здесь – у-у, страшилище! – закатил он глаза, видно, вспомнив пережитое.

Поняв, что немного погорячились, казаки стали по очереди успокаивать упавшего духом товарища.

– Не переживай! Вряд ли кто не побежит, с таким медведем нос к носу столкнувшись, – участливо проговорил Кузьма.

– Да и мало кто из хороших охотников перед таким зверем устоит, – поддержал Степан. – Помню, как-то в горах с инородцев ясак собирали, так прямо на медведицу с медвежатами наскочили. Она из кустов выскочила, поднялась на задние лапы, огромная такая! Едва ноги унесли. Так вот товарищ мой, который впереди ехал, после того неделю заикался, еле отошёл, а ты смотри – молодцом! – приободрил его Ефим.

Фёдор, хлопая посоловевшими глазами и видя поддержку товарищей, окинул их благодарным взглядом.

Убедившись, что никакой опасности нет, казаки разоггли костёр и, сытно пообедав, двинулись дальше...

Опасаясь столкнуться с маньчжурскими отрядами, путники отклонились немного в сторону от перевала Дьал-Менку. Они считали, что лучше подойти к нему с восточной стороны...

Горы здесь заметно подросли: на зелёных склонах, среди лиственниц, ярко выделялись оранжевые поляны запоздалых огоньков, а среди камней – розетки зелёно-блестящих листьев бадана в окружении хрупких чёрных прошлогодних растений. Подъехав к одному из таких камней, Илья соскочил с лошади и стал собирать сухие чёрные листья.

– Хорошая травка – и взбодрит, и для живота полезна. «Монгольский чай» её ещё называют, – объяснил он товарищам. – Вот мы её завтра с утра и заварим.

Теперь отряд продвигался не так быстро. Крутые перевалы, каменистые спуски заставляли их двигаться осторожней. К вечеру казаки одолели только верст пятнадцать и, спустившись к берегу небольшой речушки, расположились на ночлег. Место выбрали на опушке под большим раскидистым кедром.

Быстро сгустившиеся сумерки поторопили путников сразу же разжечь костёр.

Фёдор, не забывая своих обязанностей, подсев ближе к огню, принялся выкладывать на бумаге пройденный путь.

– И где это ты успел научиться так ловко рисовать? – спросил Степан, дождавшись, когда Фёдор закончил работу. Разместившись рядом, он с интересом заглядывал в изрисованный лист бумаги.

– Ты смотри-ка как понятно всё изложил! И где ж ты обучился этой хитрости? – вопросительно посмотрел он на Фёдора.

– Не обучался я нигде, – аккуратно складывая листы в сумку, ответил Фёдор. – Сызмальства желание к рисованию проявилось.

– Так что же ты и картины малевать можёшь? – указал Степан на выглядывающие из пачки листов зарисовки горных пейзажей.

– С них и началась моя страсть к рисованию... Приезжал к нам в деревню знакомец моего батюшки. Останавливался он в нашей избе, и для нас, детворы, это был настоящий праздник. Он всегда привозил много гостинцев, а для меня была ещё одна радость – человек этот был художник. Он всегда брал меня с собой, когда шёл рисовать свои этюды. Я с гордостью и удовольствием тащил мольберт, и вся деревенская детвора с завистью смотрела мне вслед.

Летом мы часто ходили на пруд, покрытый белыми кувшинками. Всё это Иван Гаврилович с большим искусством отображал в своих этюдах. Осенью же уходили на реку. В это время, в тёплые, солнечные дни, вода в реке как будто не двигалась – стояла, отражая, как в зеркале, с одной стороны – зелёный ельник, а с противоположной – золотистую берёзовую рощу, подступающую к самой воде.

Иван Гаврилович так увлечённо и интересно рассказывал о природе, о приёмах рисования, о тайнах красок, что и я понемногу пристрастился к этому искусству.

Здесь, глядя на это великолепие природы, так хочется взять кисть, краски и запечатлеть всё это на холсте. Вот, сделал немного зарисовок, а на большее – времени нет, с утра до ночи в седле. А краски я с собой прихватил и дощечку для рисования... – бросил взгляд Фёдор на внимательно слушавшего рассказ Степана.

– Ну что, пойдём спать? – зевнул тот. – А то заговорились мы с тобой чой-то. Мужики вон уже улеглись.

Подстелив под себя охапки пушистых сосновых веток, намаявшись за день путники быстро заснули, согреваемые теплом всё ещё тлеющего хвороста.

Первые лучи поднявшегося из-за горных вершин солнца разбудили сладко спавших казаков. Пробежав по обильно покрытой росой поляне к речушке, они наскоро умылись холодной родниковой водой, сбросившей с них остатки сна, и, напившись терпкого чая из бадана, стали обдумывать план дальнейшего пути. Судя по рассказам Емзынака, маньчжуры были где-то недалеко, но где именно, это предстояло выяснить казакам. Этого ждали от них в Бийской крепости, в Кузнецке и Тобольске. Теперь их путь лежал к горе Сарлык, откуда было рукой подать до перевала Дьал-Менку.

Дальше продвигались с особой осторожностью, часто останавливаясь и просматривая в подзорную трубу окрестности. Шли долинами, поросшими лесом, а где начинались открытые пространства, сворачивали и продвигались по склонам гор. Там на их пути часто вставали заросли жимолости, смородины, склонённые к земле ветки лиственниц и кедра. Да и лошади с трудом ступали по дороге, усыпанной острыми камнями и перевитой сплетениями корней.

После полудня путники преодолели высокий перевал и спустились в болотистую низину, по которой вышли к истокам реки Курата. Здесь в тени кедровых деревьев, закрывающих их от посторонних глаз, они спешили, освободив от поклажи взмокших коней. Уставшие от тяжёлой дороги лошади с жадностью накиннулись на сочную траву, в изобилии росшую на небольших полянах между деревьев.

– Хороший урожай ореха в этом году! – произнёс Тархан, глядя на тяжёлые, зеленовато-коричневые шишки, свисающие с веток кедров.

– Да-а, – протянул Ефим, оглядывая могучие деревья. – Такое богатство кругом, а вот воспользоваться этим не можем, земля, вроде, наша, русская, а крадёмся по ней словно вороги.

– Прав ты, Ефим, – ответил Кузьма. – Землица-то наша, да не может пока Россия после двух больших войн, Семилетней и турецкой, с Цинским Китаем ссориться. Вот и хозяйничают они здесь, как у себя дома. Про землю эту ещё царь Пётр сказывал, мол, по Бии и Катуню до самых истоков – русские земли.

А теперь вот, видишь, побили маньчжуры джунгар и считают себя здесь хозяевами. Они и

до Томска не против нашей земли отхватить. Да было сунулись к нам – в тридцати верстах от нашей крепости разбойничали, а дальше пойти, видать, побоялись – назад отошли. Вот мы теперь и выясним, где они остановились... Думаю, недолго им по нашей земле ходить осталось.

День клонился к вечеру. Солнце повисло над вершиной горы Сарлык, склон которой отвесной каменной стеной поднимался на западе. Где-то там, за этой горой, по рассказам Емзынака, следовало искать лагерь маньчжур.

– Ну, теперь бы маньчжур сыскать, да и к Емзынаку в улус направимся, – бросив взгляд на заходящее солнце, произнёс Ефим.

– Да хоть сейчас можно пойти. Время до ночи ещё есть, – ответил Емзынак. – Только я эти места плохо знаю. Давно здесь был. Мы сюда с зайсаном Адышем из соседнего улуса за пушной ходили. Много в этом месте соболя, горноста, белки. Познакомился я со здешним охотником Арчимом, родственником Адыша. Если бы найти его, думаю, что не откажет провести нас короткими тропами дальше, до Катуня, – предложил он.

– Арчим, говоришь?.. Хорошо... – обдумав это предложение, ответил Кузьма. – Если сможешь найти его, хорошая подмога будет. Прямо сейчас и отправляйся, а мы с Тарханом и Фёдором, чтобы не терять времени, попробуем разведать про маньчжур... Не подскажешь, как ловчее пройти на вершину?

Емзынак задумался, почесывая затылок:

– Если справа обойти гору, то там должен быть пологий склон. По нему легко будет подняться и посмотреть все окрестности вокруг, – посоветовал он.

– Как ты думаешь, засветло успеет туда добраться? – кивнул Кузьма в сторону вершины горы.

– Если сейчас выйдете, думаю, засветло будете на месте, – с уверенностью ответил Емзынак.

Быстро оседлав лошадей, они вчетвером выехали из лагеря: Емзынак направился в улус к Арчиму, а Кузьма, Тархан и Фёдор – к горе Сарлык.

С другой стороны склон горы оказался действительно пологим и вполне доступным для подъёма. Пройдя по долине, поросшей кедром, через цветущие альпийские луга и далее, поднявшись по каменистому склону, они вышли на вершину горы, которая являла собой довольно большое каменное плато. Перед ними, как на

ладони, лежал таинственный и неизведанный Алтай. Снежные горные хребты, сверкая шапками на солнце, цепью протянулись на юге.

Подыскав место, откуда лучше просматривался вид на Дьял-Менку, Кузьма вынул подзорную трубу, стараясь рассмотреть близлежащие к западу окрестности. Опустившееся к закату солнце ослепляло, и он, отрываясь от трубы, тёр слезящиеся глаза. Осмотрев местность с запада на юг и не увидев ничего, указывающего на присутствие людей, Кузьма, показав, как пользоваться трубой, передал её Тархану. Прильнув к окуляру, Тархан медленно стал водить ею из стороны в сторону. Он долго и внимательно всматривался в местность на северо-западе, вдруг замер, поднял руку, после чего, показывая рукой в ту сторону, произнёс:

– Вот там вдалеке я заметил дымок от костров. На улусное поселение не похоже, скорее всего, какой-то большой лагерь расположился.

Кузьма взял у него трубу и, присмотревшись, заметил верстах в десяти еле заметные признаки разведённых костров. Сомнений не оставалось, это маньчжуры.

Теперь ясно, что они всё ещё были на том же месте, о котором рассказывал Емзынак, осталось только выяснить, сколько их там – большая группа или маленький отряд. Фёдор достал прихваченные с собой листы бумаги и быстро срисовал окрестности, показав месторасположение маньчжур.

Выполнив поставленную перед собой задачу, разведчики пустились в обратный путь и к ночи добрались до лагеря. Едва заметный огонь от костра не дал им сбиться с пути. Большой костер Кузьма запретил разжигать, и они пробирались на еле видимые отблески огня среди деревьев.

– Ну что, Емзынак ещё не вернулся? – первым делом спросил Кузьма.

– Ждём, – ответил Илья. – Как ты распорядился, так и сделали: поддерживаем небольшой огонь, чтоб в темноте нас не потеряли, да вот повечерять собрались, чайник поставили.

– Илья, – обратился к нему Тархан, – знаю, что травник ты хороший, вот и захватил тебе подарок с Сарлыка, – он протянул ему отсвечивающие бронзой корешки. Илья бережно взял один из корешков, размером с ладонь, повертел его в руках, внимательно рассматривая, пожевал, отломив маленький кусочек, после чего с улыбкой ответил:

– Ну, благодарю тебя, Тархан! Это ж золотой корень. Я много слышал о его чудодейственной силе от тубаларов⁵, но вот в руках держу впервые. По цвету и запаху догадался, что это именно он.

– Наш народ давно знает о его свойствах. Охотники и чабаны всегда во время трудных переходов берут с собой сушёные корешки и заваривают их вместо чая. Сейчас нам тоже стоит воспользоваться их опытом, – добавил Тархан.

Илья бережно завернул в тряпицу корешки и положил в суму, где хранились запасы чая.

Время уже было за полночь. Кузьма начал беспокоиться за Емзынака. Он уже пожалел, что не отправил ещё кого-нибудь вместе с ним.

Казаки, напрягая слух, старались уловить какие-либо звуки, говорящие о приближении всадников, но только шум горной речки да отдалённое завывание волков нарушали ночное безмолвие.

– Емзынак – опытный охотник, всю жизнь в седле провёл. Наверное, есть причины, коль он задерживается, – обнадёжил казаков Тархан.

– Хорошо. Раз ты так уверен в Емзынаке, будем надеяться, что если он не нарвался на маньчжур, то скоро должен вернуться, – убедительно произнёс Кузьма. – А сейчас, мужики, спать! Завтра трудный день предстоит. Я пока подожду у костра. Пусть после кто-нибудь меня сменит!

Ночь выдалась холодной, и казаки, завернувшись в одеяла, улеглись на постели, подготовленные из мягких веточек лиственницы.

Кузьма присел у костра, подбросил сухих веток и, глядя на вспыхнувший ярким пламенем потрескивающий хворост, задумался над самым лучшим планом их похода.

Языки пламени выхватывали из ночи тёмные силуэты раскидистых кедров, причудливые очертания растущих неподалёку кустов жимолости, мирно спящих товарищей – всё это в сочетании с тишиной ночи располагало к анализу того, что сделано и что ещё нужно сделать. Ясные, лёгкие мысли выстраивали дальнейший план действий.

Едва слышимое ржание лошади прервало его раздумье. Кузьма поднялся и, пройдя немного в сторону, стал прислушиваться к услышанному звуку. Ржание повторилось более отчётливо, и спустя некоторое время он заметил едва различимые в ночи силуэты двух всадников.

Он облегчённо вздохнул. Сомнений не осталось, что подъезжает Емзынак с товарищем.

Разбудив Тархана, они вчетвером обговорили план завтрашних действий и, расположившись вблизи костра, улеглись спать.

ПОГОНЯ

Едва только начало светать, Кузьма был уже на ногах. До восхода солнца он вместе с Тарханом и Арчимом должны незаметно добраться до разведанного расположения маньчжур.

– Слышь, Кузьма, – подошёл к нему Ефим, – ты бы взял с собой пару ружей. Кто его знает...

– Я думаю, ружья нам будут только помехой. Как мы с ними будем ползать около маньчжурского лагеря? Для защиты у меня есть получше, – и он вытащил шестиствольный пистолет системы «Пеппербокс», данный ему комендантом на время выполнения задания. – При ближнем бое очень полезная штука, – пояснил Кузьма.

Наказав Ефиму быть настороже и приготовиться к отъезду, они, быстро оседлав коней, исчезли в предрассветной мгле.

Хорошо знающий эти места Арчим уверенно повёл их короткой дорогой, стараясь не выезжать на открытую местность, откуда их ненароком могли заметить. Прячась за холмами, пересекающими долину, идя небольшими перелесками, они незаметно продвигались к лагерю и вскоре уже были на краю лесистой местности, где предположительно находились маньчжуры. Привязав лошадей на опушке леса, они, крадучись, стали продвигаться к лагерю. Пройдя совсем немного, почувствовали запах дыма от разжигаемых костров и доносящийся шум просыпающегося военного лагеря. Вскоре между редкими деревьями замелькали палатки маньчжурских воинов.

Наблюдать с этой стороны было небезопасно, их в любой момент могли заметить, да и обзор был неполный. Прячась за деревьями, разведчики высмотрели место, где заросли жимолости и смородины подходили к самому лагерю. Тихо ступая, перебежками, подкрались они к этому месту.

Удобно устроившись в зарослях, Кузьма попытался приблизительно определить численность отряда маньчжур.

Внимание Арчима привлекли трое служивых, сидевших около костра, неподалёку от их наблюдательного пункта.

Толкнув в бок Тархана, он указал в сторону этих людей:

– Вон тот, который сидит правым боком к нам, кажется, мне знаком. Только вот лица его не могу рассмотреть.

⁵ Тубалары – этническая группа, проживающая в Горном Алтае.

– Что там у вас? – шёпотом поинтересовался Кузьма. Тархан объяснил ему, что так взволновало Арчима.

– На-ка, посмотри через это, – достал Кузьма зрительную трубу, и, настроив её на этих людей, передал Арчиму.

– Вот, теперь я узнал его, – прильнув к окуляру, тихо произнёс он. – Это зайсан из соседнего с моим улуса, я даже имя его помню – Улай. После того как маньчжуры расправились с джунгарами и стали угонять алтайцев на юг, он с его улусными людьми добровольно принял китайское подданство – теперь вот служит им. Маньчжурцы используют их как проводников – сами-то они этих мест не знают.

Кузьма прикинул количество палаток и примерную численность солдат – это где-то около трёх тысяч человек. Наверно, это был ближайший отряд к Бикатунской крепости, расположенный в авангарде маньчжурской армии...

Больше их здесь ничто не удерживало. Тихо пятясь, наблюдатели вылезли из кустарника и, скрываясь в лесной чаще, побежали к поляне, туда, где оставили своих лошадей. Посоветовавшись, решили ехать долиной небольшой горной речушки, перемежающейся небольшими холмами и перелесками.

Из лагеря, скрытого лесом, вряд ли была возможность заметить их продвижение.

С лёгким чувством удачно выполненного поручения коменданта Кузьма, напевая весёлую казацкую песню, скакал на вороном жеребце чуть впереди своей небольшой группы. Свежесть утра, окутавшего прохладой низину, приятно бодрила тело. Удачный поход к лагерю маньчжур и точно нанесённое на бумагу место их стоянки наверняка получат высокую оценку полковника Четова и губернского начальства. И хотя солнце уже встало, оно всё ещё пряталось за высокой шапкой Сарлыка, отбрасывающего тень на местность, по которой продвигались казаки, скрывающую разведчиков от возможного обнаружения маньчжурами. Кузьма был уверен, что пока солнце поднимется из-за вершины горы, они уже будут за перевалом.

Вдруг из-за холма послышался топот копыт. Сажень в пятидесяти неожиданно показались пятеро всадников, которые тут же, осадив лошадей, стали показывать в сторону ехавших навстречу им разведчиков.

– Заметили нас, заметили! – с досадой крикнул Кузьма.

– Давай с дороги! – повернул он коня в сторону огромного валуна, лежащего в сажнях десяти от них.

– Арчим! Бери лошадей и спрячься с ними где-нибудь! Если потеряем их, конец нам – до своих тогда не добратесь!

Арчим, видя серьёзность положения, беспрекословно кинулся выполнять приказ, схватив под уздцы лошадей, он, пригибаясь, побежал в недалёкий ельник.

Кузьма же с Тарханом спрятались за валуном, ожидая, что предпримут маньчжуры.

Те, опешив от такой встречи, какое-то время не могли прийти в себя, после чего, порассуждав немного, решили, что неспроста здесь появился русский казак.

Вложив стрелы в луки и натянув тетиву, они стали медленно приближаться к валуну.

Заметив это, Кузьма достал из-за пояса «Пеппербокс» и глазами показал Тархану на его шапку. Тот сразу понял задумку и, надев её на длинную ветку, стал медленно высовывать с левого края валуна, отвлекая внимание лучников. Тут же взвизгнувшая стрела насквозь прошла головной убор. Этого момента и ждал Кузьма, он молниеносно высунулся с правого края и, прицелившись, выстрелил в ближнего от себя лучника. Пуля попала в грудь. Маньчжур вскрикнул, дёрнулся назад и медленно сполз наземь к ногам лошади.

Лучники разом отпрянули, не ожидая такого ответа. Не желая дальше испытывать судьбу, они развернули лошадей и с криками помчались в сторону лагеря.

Кузьма с Тарханом выскочили из своей засады и бегом направились к ельнику, где их ожидал Арчим.

– Теперь жди погони! – поделился тревогой Арчим, наблюдавший со стороны эту баталию.

– А что нам оставалось делать? Они бы либо прикончили нас, либо взяли в плен, – резко ответил ему Кузьма.

Пришпорив лошадей, разведчики заторопились к своей стоянке. Скрываться было уже бесполезно, и, они, выехав на более короткую дорогу, во весь опор погнали лошадей.

Подъехав к лагерю, Кузьма запыхавшимся голосом крикнул:

– Срочно уходим, маньчжуры скоро будут здесь!

Всё было готово к отъезду, лошади осёдланы и навьючены, как распорядился командир, казаки тоже были наготове, ожидая возвращения товарищей.

– Арчим, знаешь ли ты тропу, по которой мы сможем уйти от преследования? – спросил Кузьма.

Арчим замотал головой:

– Тропа то мне известна, но уверен, что проводником у них будет Улай, он эти места хорошо знает, к тому же он умелый охотник и поведёт маньчжур по нашим следам. Если успеем добраться до Катуня, можешь считать, что спасены. Маньчжуры через такие бурные реки боятся переходить.

Я постараюсь провести вас короткой дорогой через перевалы, там узкая и опасная тропа, большой отряд не сможет по ней быстро продвигаться – в этом будет наше преимущество.

Тархан, закончивший переводить, вдруг вытянул руку на запад, показывая на едва заметно поднимающуюся пыль.

Кузьма взглянул в ту сторону через зрительную трубу. Погоня не заставила себя долго ждать – верстах в трех он различил большой отряд не менее тридцати всадников.

Казачи пришпорили лошадей и двинулись вслед за Арчимом.

– Ружья все заряжены? – крикнул Кузьма ехавшему рядом Ефиму.

– Я не советую стрелять, – вмешался Тархан, – только в крайнем случае. В горах звук далеко слышен, из лагеря сразу подошлют подмогу.

– Да, ты прав, – согласился Кузьма.

Вскоре дорога перешла в узкую тропу, которая, круто уходя в гору, терялась среди скал. Поднявшись выше, они заметили своих преследователей, которые, ведомые Улаем, шли по их следу.

Тропа становилась всё трудней и опасней и, если лошади инородцев уверенно шли по ней, то бийские, осторожно ступая, останавливались, боясь идти по крутому, узкому, усыпанному острыми камнями пути. Никакие попытки не могли заставить их продвигаться быстрее. Вот этого и не учёл Арчим, собираясь вывести путников более короткой дорогой. Вместо преимущества в продвижении они всё ближе и ближе становились к преследователям.

Положение становилось отчаянным, вдали уже стали различимы подбадривающие лошадей крики маньчжур. Кузьма понимал, что от преследователей им не уйти. Ещё немного времени, и маньчжуры нагонят их.

И как доказательство этого в двух вершках от уха Фёдора, замыкающего кавалькаду, прожужжала стрела, ударившись в выступающий из от-

весной скалы камень. Видать, несколько лучников, увлекшись погоней, вырвались далеко вперёд и решили атаковать беглецов.

– Растянитесь цепью, подальше друг от друга! Иначе мы для них хорошая мишень, – командовал Кузьма.

– Фёдор, – крикнул Ефим, – отвяжи сумку с крупами и надень на спину!.. Степан, помоги ему!

Степан живо соскочил с коня и, подбежав к Фёдору, отвязал сумку с крупой, перекинутую через спину лошади, примостив её на спине, он крепко затянул верёвкой этот щит. И сделал это как нельзя вовремя. Вторая стрела вонзилась точно в середину сумки, но толстая сыромятная кожа и крупа свели на нет силу удара. Остриё стрелы лишь кончиком кольнуло между лопаток Фёдора.

– Двигайтесь дальше! – крикнул Кузьма. – Я их задержу, вон за тем камнем, – указал он на лежащий впереди большой камень, прижимавший тропу к краю обрыва. Слева от него стеной поднимались скалы, а справа, где-то далеко внизу, громыхал невидимый с тропы горный поток. Редкие сосёнки и берёзки каким-то чудом притулились на каменистом склоне, чуть-чуть ниже края обрыва.

– Кузьма, – обратился к нему Степан, – оставайся с отрядом! Так будет лучше для дела. Для чего нужны эти жертвы, если мы, потеряв командира, не выполним данного нам поручения? Мы с Фёдором постараемся как можно дольше задержать маньчжур.

– Хорошо, – согласился Кузьма.

– Постарайтесь только не высовываться из-за камня, иначе окажетесь хорошей целью для лучников.

– Вот возьми это! – он передал Степану вырвавшийся у него пистолет «Пеппербокс».

– Воспользуйтесь на крайний случай, чтобы не поднимать лишнего шума! И возьмите ещё пару ружей.

– Немного дальше оставим следующую заставу. Кто-нибудь всё равно доберётся назад, к своим.

Распрощавшись с товарищами, Степан и Фёдор расположились за камнем и, положив подле себя ружья, стали ждать преследователей. Тут же показались трое лучников. Они с усердием подгоняли коней, стараясь как можно быстрее нагнать беглецов, успевших повернуть за уходящую влево скалистую стену.

– Ну, держитесь! – с угрозой произнёс Степан, выбирая из лежащих с краю тропы булыжников камень побольше. Он молниеносно вскочил и с силой швырнул камень в едущего впереди лучника. Тот, не успев натянуть тетиву, громко вскрикнул и, медленно оседая, повалился набок, едва не свалившись в пропасть – ноги в стремених удержали его на спине лошади.

Лучники остановились и, не решаясь на повторную атаку, развернувшись, бросились назад по тропе к задержавшемуся внизу основному отряду, увлекая за собой лошадь со сражённым всадником.

– Ну, думаю теперь это немного остудит их боевой пыл, – проронил Фёдор.

Время тянулось медленно, и, как обычно в такие критические минуты, человек вспоминает самые яркие моменты своей жизни. Вот и Степан, вспоминая своё детство, рассказал Фёдору, как мальчишкой бегал в кузницу помогать отцу, а немного погодя и вовсе освоил кузнечное ремесло, как, пристрастившись к охоте, подолгу бродил по тайге.

Фёдору же вспомнилась родная подмосковная деревня, большой пруд, заросший белыми кувшинками, костёр на берегу речки, где они с мальчишками пропадали целыми днями, и вкусная, пахнущая дымком уха.

А ещё Москва, куда впервые, на ярмарку, взял его отец: огромные здания, высокие соборы, перезвон колоколов, толпы народа и ямщиков старой столицы.

Степан, забыв о нависшей над ними смертельной опасности, слушал его с большим интересом. Для него, коренного сибиряка, Москва была чем-то фантастическим, далёким и загадочным.

Между тем из щели между камнем и скалой вылез небольшой паучок, шевеля длинными усиками, он как бы стал прислушиваться к их разговору. Посидев немного, паучок перевалил на другую сторону и скрылся за краем тропы.

При виде паучка Фёдора вдруг осенило, и он скороговоркой стал объяснять Степану суть дела.

– Этот камень – не одно целое со скалой. Давай попробуем сдвинуть его к краю пропасти!

Степан, сразу поняв смысл, вскочил и, упершись ногой в скалу, руками попытался сдвинуть камень. Фёдор, напрягаясь изо всех сил, помог ему с другой стороны.

Могучие мышцы Степана вздулись, борясь с весом валуна, но тот даже не сдвинулся с места.

И тут, ни слова не говоря, Степан побежал к оставленным выше по тропе лошадям. Через

некоторое время он вернулся с длинным куском верёвки.

Взяв её посередине, он один конец привязал за пояс Фёдора и, сунув ему в руки топор, кивнул вниз:

– Сруби вон ту берёзку.

Фёдор, беспрекословно повинувшись, взял топор и через мгновение исчез за краем обрыва.

– Тяни! – послышался снизу голос Фёдора.

Степан с лёгкостью поднял его и привязанную к другому концу берёзку.

Быстро обстругав деревце, он изладил неплохую оглоблю, всунул её между камнем и скалой и, пользуясь как рычагом, попытался сдвинуть камень с места. Фёдор как мог старался помочь ему. Оглобля сгибалась от приложенных к ней усилий, норовя вот-вот обломаться. Чтобы избежать этого, Степан попытался раскатать камень и в какой-то момент валун едва заметно наклонился, чуть-чуть сдвинулся и постепенно стал отходить от своего места в сторону пропасти. Самоотверженно работая берёзовой жердью, Степан заставил камень занять положение не более чем в двух вершках от края обрыва.

Теперь единственным местом для преодоления этой преграды стало узенькое пространство, образовавшееся между валуном и скалой, где с трудом мог протиснуться человек.

– Ну вот, теперь с лошадью здесь не пройти! – отрезал Степан, вытирая пот со лба. – Рядом со скалой не пролезешь, а с другой стороны – вот она, пропасть. Один только способ пройти верхом на лошади – столкнуть камень под обрыв. Ну вот пусть маньчжуры и попробуют. Только место здесь такое, к валуну больше трёх человек не подойдёт.

Они ещё раз с удовлетворением взглянули на свою работу и, выбросив оглоблю в пропасть, быстро зашагали к оставленным выше по тропе лошадям.

Не успели казаки отойти от этого места, как снизу послышались крики, похожие на ругательства, после чего натужное кряхтение совершающих непосильную работу людей. Степан с Фёдором остановились, прислушались.

– Ну вот, видать, камень с дороги пытаются убрать. Слышь, как ругаются. Да и куда им? Только пупки надорвут, – засмеялся Степан.

Они спокойно повернулись и поспешили догонять отряд.

Тропа круто пошла в гору. Монгольские лошади, не чувствуя усталости, несли седоков, оставляя после себя лишь грохот камней, выбитых из-под копыт в пропасть.

– Степан, Фёдор?! Неужто вы? Даже не верится! – послышался сверху из-за поворота голос Ефима, оставленного с Ильёй следующим заслоном. – А мы уж приготовились маньчжур встречать – слышим, что лошади снизу приближаются.

– Живы, слава Богу! – обрадовался Илья.

– А что маньчжуры, где они? Мы-то уж изготовились к бою... Что произошло?!

Степан рассказал об их затее с камнем и тщетных стараниях маньчжур преодолеть преграду. Радуюсь такому чудесному избавлению от преследователей, все четверо, подгоняя лошадей, пустились вслед ушедшим вперёд товарищам. Через некоторое время они заметили их, поднимающихся по тропе, серпантинном огибающей скалу.

– Э-ге-гей! – прокричал снизу Степан.

Им было видно, как их товарищи остановились и дружно вчетвером замахали руками. Ещё немного времени, и они, бесконечно радуясь, что все живы, обнялись наверху перевала. Степан ещё раз с удовольствием рассказал об идее Фёдора, на что Арчим ответил:

– Теперь, я думаю, маньчжуры вернутся назад, в лагерь, в обход им далеко до Катуня. Они не смогут убрать этот камень, ведь к нему возможно подойти только по одному человеку с каждой стороны. Многие пытались убрать с дороги этого каменного истукана, но не нашлось силачей, которые бы сдвинули его. В дождливую погоду он был причиной гибели многих людей, которые, стараясь объехать его, срывались в пропасть.

– Ну если это действительно каменный злодей, то я готов помериться с ним силой, хотя бы в пару с Фёдором... И людям доброе дело сделаем, – вызвался Степан.

– Не стоит сейчас этого делать, – остановил его Кузьма. – Грохот такой поднимется, что маньчжуры сразу поймут, в чём дело, и скорей всего поспешат назад... Не думаю, что они далеко ушли.

– Да, верно, – согласился Степан.

– Даст Бог побывать в этих местах, непременно к нему пожалую. Вон Арчим проводит. Уж больно хочется посмотреть, как этот каменный идол в пропасть загромыхает.

Дав отдохнуть лошадям на вершине перевала, путники отправились дальше, держа курс на восток.

Тропа вела их лесистыми склонами, кое-где спускаясь в пышно-зелёные долины, затем круто

взмывая к цветущим альпийским лугам и крутым перевалам.

Лошади без передышки бежали к следующему рубежу своего пути, то галопом через долины, то тяжело ступая на крутых подъёмах...

Вечером они вышли к каменистому берегу стремительной Катуня, выглядевшей сурово в лучах заходящего солнца.

Пройдя немного берегом, Арчим вывел отряд к удобному месту для переправы. Хотя река здесь стала немного шире, течение – более спокойным.

Они без труда переплыли на другую сторону. Степан помог переправиться Фёдору, который на этот раз чувствовал себя смелее и уверенно плыл, держась с одной стороны за лошадь, а с другой – придерживаемый Степаном.

Подыскав удобное для стоянки место, казаки разожгли огонь, чтобы просушить одежду, приготовить горячий ужин и первый раз за весь день хорошо покушать. После всего пережитого хотелось спокойно посидеть у костра, поговорить о доме, который казался где-то очень далеко. Чувство, что они избежали маньчжурского плена, а, может, и смерти, располагало к душевным разговорам. Только Фёдор, не привыкший к таким переходам, просушив одежду и наскоро поужинав, сразу же заснул, забравшись под овчину...

Утром Арчим засобирался в обратный путь. Тяжело было казакам расставаться с ним. Пережитые опасности вчерашнего дня сделали его своим за то короткое время, что они были вместе.

– Не знаю, чем тебя отблагодарить, – произнёс Кузьма, положив руки на плечи Арчиму. – Что бы с нами случилось, если бы не ты? Вряд ли убереглись от маньчжур – из-за нас жизнью рисковал.

– Самая лучшая для меня благодарность – это спокойно ходить по своей земле и ни от кого не прятаться, – ответил Арчим.

– Верно говоришь, – согласился Кузьма. – Не дошли ещё руки у нашей императрицы до этой землицы, вот и мы по ней всё крадучись ходим... Ничего. Дай время! – обнял Кузьма Арчима, остальные тоже попрощались с ним как со старым товарищем.

ЗАТЕРЯННЫЙ УЛУС

Дождавшись, когда Арчим скроется из виду, казаки пришпорили коней, и, ведомые Емзынаком, двинулись вверх по Катуню. Этот путь для него был уже более знаком. Дорога шла то бере-

гом, освежая путников прохладой близкой воды, то в стороне от реки: лугами, поросшими цветущим разнотравьем, неповторимый аромат которых дурманом окутывал всадников. Иногда выросшие вдруг скалы преграждали путь, и дорога, огибая препятствие, серпантинном уходила в горы, где буйная зелень лугов менялась на каменные тропы, слева от которых поднимались отвесные скалы, а внизу бушевала река.

Местами путь их пересекала впадающая в Катунь горная речка, протекающая глубоко внизу, между отвесных берегов, тогда приходилось рубить деревья и, перебросив их на другую сторону, налаживать нечто наподобие моста.

Маньчжуро-джунгарская война оставила горные тропы практически без мостов, которые были сожжены во время боевых действий. Все эти работы утомляли и очень замедляли продвижение отряда.

– Ну что, Фёдор, трудновато? – участливо спросил Кузьма, видя, как тот, обливаясь потом, рубит небольшую берёзку. – Ты лучше вот что, заметь-ка у себя в бумагах все эти мостики, которые мы перекинули. Думаю, на обратном пути эти заметки ой как нам пригодятся! Да и те, кто пойдёт после нас, помянут тебя не раз добрым словом...

Когда тропа в очередной раз спустилась к реке, путники облюбовали место на берегу и, хотя день только клонился к вечеру, решили спешиться и остаться здесь на ночлег.

Емзынак, соорудив немудрёные снасти, вместе с Ефимом и Тарханом спустились к реке. В первый раз за время путешествия выпало столько свободного времени, что можно было, закинув снасти, расположиться на берегу и, забыв про всё, предаться рыбной ловле. Богатая рыбой Катунь вскоре обрадовала их крупным тайменем, разнообразившим их скудный рацион.

В это время Илья вместе с Фёдором, пройдя по окрестностям, набрали для чая душистых трав.

Оставшиеся на стоянке Кузьма со Степаном уже развели костёр и поставили воду, как раз сгодившуюся для тайменя.

– Хороша для уха рыбка! – глядя на внушительных размеров тайменя, тут же определил Илья.

– Ну-ка, Фёдор, тащи сюда сумку с крупой! Сейчас с тобой кашеварить будем.

Сообразив жирную, наваристую похлёбку из рыбы и заварив душистого чая, путники плотно поужинали, после чего разложили возле костра

траву, подбросили побольше дров и, дождавшись, когда от них останется куча раскалённых углей, забралась под овечьи одеяла, томимые одним желанием – выспаться...

Солнечное холодное утро, какое часто случается в горах, покрыло росой прибрежную поляну. Пробежав босыми ногами по мокрой траве к недалёкому перелеску, Илья вскоре вернулся с огромной охапкой дров. Отволгшие после холодной ночи дрова никак не хотели разгораться. Пришлось воспользоваться толикой спирта, фляжку которого Илья прихватил в лечебных целях.

– Ты чего это с утра пораньше фляжку откупорил?.. Для сугреву – али как? – продрав глаза и позёвывая, задёргал носом Ефим.

– Да, оно бы в самый раз, пропустить чарку этого напитка, а после плюнуть на всё и завалиться спать, – смачивая хворост спиртом, пошутил Илья.

Дымя и потрескивая, дрова постепенно взялись огнём. Разогрев остатки ужина и напившись бодрящего, с ароматом розы чая из золотого корня, казаки продолжили свой путь, продвигаясь всё дальше вверх по берегу Катунь. Лошади резво бежали, сбивая росу с высокой травы, заполонившей прибрежную долину. Только почти у самой воды тянулась неширокая полоска леса, словно отделяя зелёное покрывало лугов от бурной реки. Прохладное влажное утро приятно бодрило седоков. После тяжёлых переходов через горные перевалы такая поездка воспринималась как увеселительная прогулка.

Встречающиеся на пути небольшие речушки, пересекающие долину и напоминающие скорей ручьи, проскакивали с ходу. Иногда лишь путники останавливались, чтобы напоить лошадей и самим утолить жажду чистой родниковой водой горных рек, да немного охолонуться в холодной воде от июльского зноя.

Но горы есть горы, и вскоре их вновь встречают затаенные перевалы, и они снова взбираются по каменистым тропам на головокружительную высоту.

Вот так: то взбираясь вверх и озирая окрестности с высоты птичьего полёта, то спускаясь в долины где-то просторные, а где-то прижатые к воде горами, переходя вброд кристально чистые речки и ручейки, путники добрались до того места, откуда они должны были повернуть на восток. А далее, через горные хребты и перевалы, дойти до цели своего похода. Но это было ещё впереди...

**Владимир
ПЕРЕВОДЧИКОВ**
КОЛОДЕЦ

Рой колодец, пока не одолела жажда.

Китайская пословица

КОЛОДЕЦ

*Посёлка нет. Исчез из этих мест.
Не дезертир – он просто стал не нужен.
Колодца журавель дежурит. Прах да крест.
Да тракт травой и временем заужен.*

*Обняв по-братски сруб, склоняюсь над дырой.
Сквозь шар земной, через прохладу – космос.
А там внизу двойник, и враг мой, и герой.
С каким ко мне он тянется вопросом?*

*О чем молчит из светлой глубины?
Не ново мне, что одиноки оба.
И что-то мы сей миг решить должны
Перед земной разверстою утробой.*

*Как сталь тугим становится эфир,
Скалой на спину давит чёрный вечер.
Пусть между нами будет вечный мир,
Чтоб мы друг другу бросились навстречу.*

*Я – вниз, открыть ему возможность – вверх.
И встретиться на той хрустальной грани,
Чтоб оказаться где-то в синеве
Между большими хладными мирами.*

*Но мниться мне, что это лишь обман.
Он мой двойник, но вовсе не ровесник.
Меня направит он во тьму, в туман,
Его я вознесу до поднебесья.*

* * *

*Вода холодная, но добрая
Переливается, искрит.
Качая вёдрами и бедрами
Под коромысла легкий скрип,
Не только свежесть –
Света лучики
Несёт она хозяйкой в дом.
Ей так и кажется, целуются
Бедро с ведром, вода со льдом.*

РАДУГА

*Торговал старик на рынке
Свежей радугой-дугой,
Зазывая по старинке.
Подошёл к нему другой.*

*И смущённо, виновато,
Чуть ногой не наступил:
Мол, дуга-то бледновата,
Чуть бы ярче – и купил.*

*Тетя-бочка в два объёма
И её мужик Тарас:
– Да, дуга-то маловата.
Чуть бы больше – в самый раз.*

*Девка. Чёлка ей мешает,
А в глазах азарта зуд.
– Взять бы, только вот большая.
А поменьше завезут?*

ПЕРЕВОДЧИКОВ Владимир Андреевич родился в селе Нижний Калгукан Читинской области. Заслуженный артист РСФСР, лауреат международных конкурсов иллюзионистов. Коллективные сборники: «Дороже серебра и золота», «Война без побед» (Кемерово, 1996), «На родине моей выпали снега», «Не покидай меня...» (Кемерово, 1998). Автор семи книг. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

*А купец-старик тот весел,
Разостлал на берегу.
И потом чудак развесил
В небе раду-ду-ду.*

ПУРГА В ОХОТСКЕ

*Сушу я над буржуйкой сапоги.
В Охотск мы не напрасно прилетели:
Мы слушали симфонию пурги,
Тревожную мелодию метели.*

*Не видно ни восхода, ни зари.
Суметы выше окон, аж до крыши.
И лампа больше суток не горит.
Один фонарь – и тот на ладан дышит.*

*Но благо, что столовая жива.
В ней ладная игривая хозяйка.
Я говорил ей лживые слова,
Как лоботряс, повеса и зазнайка.*

*Мы с ней прорыли у стены туннель,
И пили спирт, разбавленный – из склянки.
Солдату – долгополая шинель,
А северянке – теплая кухлянка.*

*Я помню мягкой талии изгиб.
Ее мне было много, было мало.
Под снегом видно не было ни зги,
Но темнота светло нас принимала.*

*Прошли снега, дожди, прошли года.
Всё плаваю, и езжу, и летаю.
И понял я, что больше никогда
Такой пурги ни с кем не испытаю.*

КОНЦЕРТ ДЛЯ ДВОИХ

*Вас страна одела и обула
Защищать чужие рубежи.
...Госпиталь военный средь Кабула,
Там, где восстанавливают жизнь, –*

*В комнате плакатной, белой, чистой
Контингент – кто мог сидеть, ходить.
Сцена. Мы, эстрадные артисты,
Музами старались угодить.*

*Хлопали вы песне, шутке, чуду.
Вы тоску хотели утолить.
Лица и бинты горели всюду –
Можно ль больше душу опалить.*

*Однорукий хлопал по колену,
В пол безногих били костыли.
...Не понять, где штатский, где военный.
Только все от Родины вдали.*

*...Врач ко мне подходит осторожно.
Тихие спокойные глаза:
– Я прошу, конечно, если можно,
Что-нибудь в палате показать.*

*Капельницы. Две болванки гипса,
На двоих три глаза и рука.
Ни один из них не шевелился.
Я и сам не двигался пока.*

*Но затем, стараясь улыбнуться,
Сделал трюк с разрезанным бинтом,
Со стаканом, шариком и блюдцем
И с Антошкой-куклою потом.*

*Слушал, кто из них или не слушал.
Меньше стали, больше ли страдать?
Где витали в это время души –
Невозможно было угадать.*

*Веря в гороскопы и приметы,
Дань отдав небесным голосам,
Мне хотелось крикнуть: «Чуда нету!!!
Мальчики, не верьте чудесам».*

*Вас сюда послали, одурманя,
Выжившие дряхлые вожди.
Вот и я вам фокусным обманом
Обещаю чудо – верь и жди...*

Владимир НЕУНЫВАХИН

Рассказы

МАТИЦА – ОПОРА ДОМА

Был у меня на севере, когда я там правил службу и жил в Североонежске после ухода в отставку, замечательный друг Юрий Степанович Рыжков, такой же страстный охотник и рыбак, как и я. Познакомились случайно. Проходил мимо частных гаражей и увидел, как худощавый мужик среднего роста паяльной лампой обрабатывает передние ноги сохатого. Явно готовился будущий деликатес – холодец из лосятины с хренком. Подошёл, и не в надежде на приглашение на обед, а просто из любопытства:

– Привет.

Мужик, сидя на чурбаке, неохотно поднимает голову и зыркает на меня.

– Привет.

– Лося сам добыл или друзья угостили? – киваю я на полуопаленные конечности таёжного быка.

– Друг у меня промысловик. Ежегодно лицензии берёт, и едва снег ложится на землю – он на промысел. Везучий. До десятка рогачей добывает.

– Давно мечтаю приобрести хотя бы одну лопату рогов сохатого. Оригинальная вешалка для головных уборов получается. Случайно у твоего друга нет лишней пары лосиных рогов?

– Поинтересуюсь, – и кивает на чурбак по соседству. – Присаживайтесь, – и представляется: – Юрий. Бывший механик автобазы СОБРа, сейчас на пенсии.

Я скептически оглядываю его:

– Больно молод для пенсионера-то?

– В аварию попал. БелАЗ сорвался в котлован разреза. Меня здорово помяло. Кое-что по частям собирали. Ушел на пенсию по инвалидности. Спасибо медикам – неплохо собрали, но к непогоде бывает так ломает, что хочется на стену лезть. А вы, как я понял, увлекаетесь охотой, коли можете отличить ноги сохатого от домашнего быка.

– Есть грех. Люблю побродить с ружьишкой по таёжным тропкам и лосей видел неоднократно, даже охотился на них.

Так мы познакомились с Юрием Степановичем, с которым впоследствии исколесили на его стареньком «москвиче» все заброшенные лесовозные дороги Плесецкого района, которые по причине заболоченности местности представляли собой бревенчатые настилы, так называемые лежнёвки. А сколько мы с ним добыли косачей и глухарей за пятнадцать лет дружбы – не счесть. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь возвращались с охоты пустыми.

Кстати, сегодня многие эпизоды нашей совместной охоты описаны мной в ряде произведений и опубликованы во втором томе собрания сочинений.

Степаныч – так я его называл по-дружески при общении – был фанатично влюблён в технику, в любую, будь то мопед или дизельный двигатель БелАЗа. Но особенно отдавал предпочте-

ние реанимированию убитым в прах агрегатам: мог неделями ковыряться в каком-нибудь давно списанном жигулёнке и добивался – тот оживал, приобретал благодаря Степанычу вторую жизнь. Откуда у этого истинно деревенского паренька, предки которого испокон веку были землепашцами, возникла тяга к «железякам»? Не знаю. Родом он был из деревни Бережная Дубрава – довольно большого поселения, расположенного на высоком левом берегу Онеги. В этой деревне – единственной в округе – был построен еще в восемнадцатом веке не в деревянном, а каменно-кирпичном исполнении огромный собор, куда на молебны в престольные праздники съезжались многие жители окрестных деревень.

Большущий дом почти в центре деревни с поветью, клетями и подклетями, коровником, летней и зимней половинами из добротной маринованной лиственницы построил еще прадед Юрия Степановича и по исстари установленному семейному порядку переходил в наследство младшему отпрыску (старшие с помощью родителя, отделяясь, строили себе жильё сами). Именно по этому принципу стал хозяином прадедовского дома его правнук – отец Юрия Степан. Таким его преемником должен был стать и Юрий – четвёртый, последний, сын в семье деревенского учителя Степана Рыжкова, который умел не только учить детей грамоте, но и хорошо владел плотницким топором, мог срубить добротный дом, много трудился в поле, обеспечивая семью из девяти человек хлебушком и весь скот на подворье необходимыми кормами. Своим крестьянским умением отец щедро делился с сыновьями, в том числе и с Юрием. И, надо сказать, мальчишка легко, на лету схватывал уроки отца: уже в пятнадцать лет помогал ему рубить новый коровник, амбар и другие хозпостройки, на их подворье давно требовавшие обновления. Он даже старшему брательнику вместе с батей помогал строить дом, не всякому малолетке доверяют подгонять половые плахи, чтобы зазор между ними не превышал толщину бумажного листа, а ему доверили.

Однажды отец спросил сына:

– А скажи, Юрий, что, по-твоему, главное в доме?

Юрка задумался и неуверенно произнес:

– Мне кажется, первый венец. Рассыплется он или сгниет – весь дом рухнет.

– В какой-то степени ты прав, сынок: начнут разрушаться венцы – дом осядет, покосится, но

жить в нем еще можно будет, а вот если матица рухнет, то все: обвалится потолок, крыша, и в доме уже жить нельзя. Это как плечи. Убери их, и весь груз упадет. Недаром потолочную балку зовут матицей, от слова мать. А на матери весь дом держится, упадёт она – всему дому погибель, разруха. Запомни, сынок.

И Юрка запомнил, на всю жизнь запомнил.

Но однажды пареньку попался в руки старый полуразобранный велосипед, и он загорелся отремонтировать его и покататься вдосталь. И добился-таки, даже ездил в Конево к одному из старьевщиков, в хламе которого нашлись кое-какие детали к велосипеду, а многое изготовил сам из подручного материала при помощи напильника, коловорота и наждака. Чуть ли не со всей деревни сбегались пацаны поглазеть и потрогать Юркину двухколеску в тот знаменательный день, когда он выехал со двора на отремонтированном велосипеде.

Потом были усовершенствованная лобогрейка, молотилка, крупорушка и другие немудрёные деревенские механизмы, используемые крестьянами в повседневной работе. К услугам мальчишки-умельца в Бережной Дубраве прибегали многие сельчане, и он вдруг понял, что его способности принесут больше пользы в городе, чем в деревне. И Юрий в неполные семнадцать принялся уговаривать родителей отпустить его в город учиться на механика. Но батя как отрубил:

– Пока не закончишь школу – никаких механиков и из деревни ни на шаг.

Ослушаться в то время родителей никто даже в мыслях не допускал.

Окончив школу, Юрий буквально через месяц был призван в армию и несказанно обрадовался, попав в моторизованные войска. Здесь он научился водить новейшей конструкции танки, БТРы, мощные и длиннющие ракетовозы.

Демобилизовавшись, Юрий в первую очередь заехал в Североонежск – новостройку бокситового рудника, посмотреть, что, да как и... затормозился. Его с удовольствием взяли водителем БелАЗа и уже через полмесяца, как и обещали, перевели механиком автоколонны.

Североонежск был недалеко от Бережной Дубравы, и почти каждые выходные он ездил попроведовать родителей. Но выходные случались редко, он их не любил, предпочитал заниматься в эти дни профилактикой вверенной техники, да и тяжело было при посещении дома смотреть отцу в глаза, в которых постоянно чи-

тался немой упрек: «Эх, ты! Предал наш род, ушёл из отчего дома, кому он теперь достанется?»

А вскоре отец скоропостижно скончался. Осиротел дом, как-то сник, почернел, будто и на него горе тяжкое свалилось. Вернувшись с погоста, Юрий долго со слезами на глазах, прежде чем покинуть деревню, смотрел на него. Узнавал и не узнавал его. Раньше-то таким заматерелым кряжем стоял: не стар и не нов, в самой своей крепости. Бревно к бревну подогнано (лезвие ножа не подсунешь), прилежалось, доска к доске притерлась. И вот вдруг после смерти хозяина дом как-то присел, не стало в его осанке горделивости былой, молодцеватости прежней.

Но жива была мать, и дом по-прежнему хранит тепло и уют. В последующем, приезжая к матери и ночуя в доме, Юрий физически чувствовал, как дом сдаёт: он кряхтел, вздыхал, постанывал, будто жаловался, что за ним перестали ухаживать, вовремя делать ремонт там, где начало разрушаться.

«Боже, как рано ушел батя, дом приходит в упадок без мужских рук. Мне же не разорваться между Бережной Дубравой и Североонежском», – к этому времени он уже женился на любимой Валюше, у них родился первенец, и они получили хорошую трёхкомнатную квартиру в пятиэтажном доме, построенном в городке совсем недавно.

Ненадолго пережила мать батю. Проболев всего два месяца, ушла в начале весны через два года после его ухода. И поездки Юрия в Бережную Дубраву практически прекратились. На дверях родового дома повис амбарный замок.

Приехал как-то Юрий в деревню помянуть родителей на погосте и, подойдя к дому, ужаснулся: дом-то совсем сдал – заметно осел на один бок, крыша просела, и вообще выглядел жалким дряхлым стариком.

«Надо продавать, пока совсем не развалился», – печально и судорожно вздохнул Юрий. Поговорил с соседями и кое с кем из деревенских, и вскоре покупатель нашёлся. И тут будто молнией ударило Юрия: «Зачем избавляешься от родового гнезда? Здесь же твои дед и отец, дядьки и тетки, братья и сестры, да и сам ты на свет народились, выросли... Сколько событий радостных и не очень в их жизни и твоей за это время произошло, а ты одним махом хочешь все перечеркнуть...»

Подумал-подумал и решил не продавать, а вдруг придётся вернуться.

И в конце концов это «вдруг» случилось. Уйдя на пенсию по инвалидности, Юрий затосковал по сельскому укладу жизни, по отчему дому, видимо, в нем проснулся зов предков. Теперь всё чаще на охоте он рассказывал мне о своей деревне, о детстве и юности.

– Понимаешь, я все чаще и чаще стал вспоминать наш дом. Просыпаюсь и в голове сразу же мелькает: «Как там дом? Не сломалось ли что-нибудь в нем?» Обвешал он за последнее время здорово. На глазах дряхлеет. Когда я приезжаю и смотрю на него, у меня сердце от боли сжимается, и всегда голос матери слышу: «Сынок! Где запропал? Иди домой. Обед стынет».

Однажды он пригласил меня с супругой в Бережную Дубраву. Было это в начале апреля, приближалось время ледохода на Онеге. У берегов уже появились промоины, через которые перебросили временные дощатые мостки. Оставив машину на подворье знакомых в деревне на правой стороне, мы по хлипкому настилу со страхом перебрались на лед и вскоре поднялись на крутой противоположный берег, где широко раскинулась Бережная Дубрава с высоко взметнувшейся колокольной и куполом храма в центре. Ещё на льду я обратил внимание на обилие деревьев в палисадниках домов и прицерковном парке и мысленно отметил: «Выходит, не зря деревня названа Дубравой – вон сколько насаждений. Представляю, какая здесь летом зелень распускается – крыш домов не видно».

Приехав на север, я поразился своеобразию строительства жилья сельчан и их подворий, они в корне отличались от наших, сибирских. Удивляли их значительные размеры и совместимость хозяйственных помещений под единой крышей с жильём хозяев. И все в двухэтажном исполнении. Как-то, будучи в гостях у одного из старожилов и осмотрев расположение комнат изнутри, заинтересовался:

– У вас пять комнат на первом этаже и столько же на втором, зачем столько? У вас что, большая семья?

– Нас пятеро, мы с женой и трое детей, но они уже взрослые, дома практически не живут, один в Архангельске обосновался, дочь – в Вологде замужем, младший поступил в Ярославский институт.

– Тем более, зачем вам двоим такие хороши? – поспешил я продолжить свою мысль.

– Нам-то они не нужны. Это дань прошлому. Такие дома строили деда и прадеды, а нам они

достались в наследство. Раньше-то семьи были большими: по пятнадцать-восемнадцать человек, у моего прадеда, к примеру, было шестнадцать детей. Вот и строили большие дома, чтобы всем места хватило. И потом, существовало правило: женившись, сын продолжал жить с родителями, приведя в дом молодую жену, и отделился только тогда, когда отстраивалось новое подворье и решался вопрос с наделом земли молодым. К чему это я? А к тому, зачем раньше строили такие большие дома. И почему в два этажа? А затем, что в зимнее время вся семья жила в более теплых комнатах на нижнем этаже, а летом перебиралась в прохладные на втором этаже и тем самым существенно экономили на топливе.

– Как все просто, – с некоторым разочарованием протянул я. – А скажите, с какой целью строятся все хозпостройки под одной крышей с жилым домом и также в два этажа?

– Это в какой-то степени связано с климатическими условиями – крепкими морозами и метелями в зимнее время. Сами можете представить, как на ветру и холоде доить корову и задавать корм скоту. У нас же всё это проводится в закрытом помещении, в относительном тепле, и корм здесь же под рукой. Раньше скота держали помногу, по нескольку коров, лошадей, овец, и все они размещались в соответствующих загорадах на первом этаже. Рядом – сено, лари с овсом и другим комбикормом, даже не надо тепло одеваться. А на втором этаже размещались все припасы на зиму: мука, всевозможные овощи и крупы, соленья и копченья, в том числе бочки с лесными дарами – ягодами и грибами, присоленной рыбой, лари с семенным зерном и так далее. Хозяйка, накинув лёгкую шубейку, выскочила из дверей в двери, набрала чего надо – и на кухню готовить завтрак или обед для всей семьи.

...Вступив на центральную улицу Бережной Дубравы, мы с женой сразу же направились к храму, который, к сожалению, оказался на замке, даже калитка и та была на щеколде. Юрий пояснил, что церковь давно планировали поставить на ремонт, видимо, по этой причине доступ в храм прекращён.

Родовой дом Степаныча оказался недалеко от храма, как я и предполагал, был в полном соответствии с северным вариантом, о котором шла речь чуть выше, но даже при беглом взгляде выглядел, образно выражаясь, дряхлым

старцем, опершимся одним боком (стеной) на подпорку, как на своеобразный батог. Мы на какой-то момент приостановились у калитки, и Юрий, обернувшись ко мне, вопросительно глянул в глаза.

– Да-а-а, – вздохнул я. – Подзапущен дом-то. На пределе держится. Давно нужны мужские руки.

– Вот и я о том же. Ну заходите. Разговор о доме потом продолжим. Расположимся на кухне, она более в приличном состоянии. Печь затопим – тепло будет. Двери в соседние комнаты законопатим поплотнее, чтобы холод оттуда не проникал, и все будет абгемахт.

Вскоре, распаковав хозяйственные сумки и растопив голландку, мы с Юрием отправились на берег Онеги топить баню, женщины взялись готовить ужин.

Бань на берегу, к моему удивлению, оказалось великое множество, практически по численности домов в деревне. Наколов дров и натаскав воды в бочки, принялись растапливать банную печь, которая, кстати, топилась по черному и, наглотавшись дыма до одури, со слезящимися глазами, вскоре вывалились на свежий воздух. Отдышавшись, уселись на чурбаках в ожидании, когда нахолодавшая за зиму баня (с полгода в нее никто не заглядывал) наконец-то начнет нагреваться, а окатыши каменки наливать духмяным жаром.

– Занявшись ремонтом дома, тебе, Степаныч, придётся и баню в порядок приводить. Бедолага почти по пояс в землю ушла, – роняю я, косясь на друга.

– Придётся, – соглашается Юрий.

Мое внимание привлекают небольшие квадратные срубы, во множестве разбросанные не вдалеке по руслу каких-то ручьев. Они напоминают деревенские колодцы с откидными крышками, но без обычных журавельных коромысел и воротов, с помощью которых поднимают бадейки с водой. Срубы (размером метр на метр) изготовлены из тонкомерных бревен. Я насчитал таких «колодцев» не меньше трёх десятков.

– Что это? – интересуюсь у Юрия, кивая на срубы.

– Своеобразные холодильники наших сельчан. В этом месте из берега бьёт очень много родников, температура воды в которых не превышает трёх-четырёх градусов. Люди пользуются этим, постоянно очищают русла, чтобы они не засорялись, и, сделав небольшие углубления, в которых циркулируют родниковые струи, уста-

навливают над ними деревянные срубы с крышками, и в летнюю жару хранят в них всевозможные продукты: корчаги и крынки со сметаной, творогом, свежее мясо, рыбу и даже суп в кастрюлях. Ледяная вода, омывая корчаги и горшки, надолго сохраняет, подобно современным холодильникам, скоропортящиеся продукты.

– И никто не ворует эти продукты? – не удержавшись и слегка ошалевший, спрашиваю я.

– А зачем. бомжей у нас нет. Сельчане даже замки на крышки не вешают.

– Впервые встречаюсь с такими холодильниками, – удивляюсь я и тут же меняю тему разговора. – Ты о доме хотел продолжить разговор, делись, Степаныч, что гложет?

– Мне трудно объяснить, но почему-то с годами меня все чаще и чаще стали мучить воспоминания о детстве, о доме в деревне, а ночами замучили сны с теми же сценами деревенской жизни, будто возвращаюсь в Бережную Дубраву и начинаю восстанавливать пришедшее в упадок родительское подворье, встречаюсь с близкими, соседями. И до меня наконец дошло, почему гложет тоска по прошлому, за что терзает подспудная вина, а всё потому, что пошел против воли родителя, покинув отчий дом, ушел работать на госпредприятие, на котором получил тяжелейшую травму и стал инвалидом, поселился в Североонежске с набором городских благ, которые сегодня меня попросту угнетают. Но главная причина – во мне проснулся зов предков и этому зову сопротивляться я не могу. Да и не хочу. Я принял решение возвращаться. У меня уже есть план перестройки дома. Я сделаю его гораздо меньше, без всех хозяйственных пристроек. Зачем они нам с женой, мы не собираемся заводить скот. Тем паче нам на двоих не нужно столько жилых комнат...

– Подожди, подожди, – перебиваю я друга. – Почему ты говоришь только о себе и Валентине? У тебя же двое сыновей, которые, как и ты, унаследуют родовой дом?

– Я тоже так считал. Но на днях оба категорически заявили: «Батя, зря ты заиклился на этом доме. Плюнь и забудь. Мы с Сергеем никогда не променяем свои городские квартиры, а тем более престижную работу в Вологде и Ярославле на грядки в деревне. Конечно, если потребуется какая-то наша помощь, по возможности поможем, а входить в долю не будем. Извини».

– Вот она, современная молодежь, – сочувственно вздыхаю я. – Ну что теперь? С

Валентиной-то советовался? Она-то как к твоему решению относится?

– Советовался. Конечно, не очень рада, говорит: как ты, так и я. Куда, мол, мне деваться.

– Так-то оно так, но она ведь еще работает, а уходить перед пенсией с должности заведующей детским садом, считаю, не очень логично.

– Пока я один переберусь в Бережную Дубраву, а она будет дорабатывать стаж. Через год, как оформит документы на пенсию, переберётся ко мне. Но североонежскую квартиру ни продавать, ни менять мы не собираемся. Кто знает, как жизнь повернется, может, вернуться придётся.

Мне стало грустно: в кои-то веки нашёлся настоящий друг, начали понимать друг друга с полуслова и вот на тебе... заела ностальгия по деревенскому укладу.

– А как же я? – непроизвольно вырвалось у меня с предательской дрожью в голосе. – Как же наша охота по выходным? Если честно, я уже привык каждое воскресенье в шесть утра, нетерпеливо, стоя у окна, поглядывать на улицу в ожидании твоего москвичёнка и сигнала клаксона – выходи, мол, я здесь.

Юрий удивлённо глянул на меня и, наклонившись, похлопал по плечу.

– Не переживай, Максимыч. В окрестностях Дубравы дичи значительно больше, чем под Североонежском. Это я тебе как коренной житель говорю. Так что будете каждую субботу приезжать или лучше вечером в пятницу, назавтра душу отведём на охоте, а в воскресенье к вечеру вы – дома.

– Заманчиво, но несподручно: дорога больно долгая.

...С тех пор со Степанычем я встречался раз в полгода, иногда два, да и то, если он приезжал в Североонежск за каким-нибудь дефицитным стройматериалом. Накоротке мы обменивались новостями, но в основном Юрий рассказывал, как перестраивает дом, что сделал и что надумал обновить.

Через два года переустройство родового дома Юрий закончил. К этому времени ушла на заслуженный отдых и его супруга Валентина, окончательно перебралась в Бережную Дубраву. И Степаныч стал настойчиво звать меня в деревню на охоту, но, увы, на этот раз я связался со строительством дачи, почти сутками пропадал на садовом участке и с поездками не получалось. Потом от кого-то из деревенских слышал:

новые друзья у Степаныча объявились – охотники столичные. Наезжали частенько: то на зайчишек по чернотропу, то на лосей, то на глухарей и косачей на весенних ристалищах. Я завидовал, но это строительство дачи...

Прошло два года, и Юрий вдруг резко сдал. Обострились старые посттравматические болячки, но особые страдания приносили головные боли. А однажды прямо на охоте случился удар. На третий день он умер. Кровоизлияние в мозг.

Я откровенно плакал, узнав о его смерти, и до сих пор не могу прийти в себя: что стало причиной его безвременного ухода, почему из всего рода Рыжковых он оказался недолгожителем? Можно сослаться на основную причину: производственную травму, но я очень часто бывал с ним на охоте и рыбалке и видел, как благотворно влияла на его здоровье природа, он преобразился и становился буквально неутомимым. Часто делился со мной:

– На охоте, рыбалке и вообще на природе я чувствую себя превосходно, в меня будто какая-то энергия вливается, сил втроекратно прибавляется. Я забываю о всяких болячках и не ощущаю их, будто молодею.

Значит, причина преждевременного ухода в другом. И неожиданно для себя сделал вывод – всему виной родовой дом. Да, да – родовое гнездо. Дом не простил ему предательства. Став прямым наследником, Юрий бросил дом на произвол судьбы, допустил до полного обветшания, а вернувшись, перестроил, разрушив целостность родового гнезда. Не знаю, возможно, это мой домысел, но других причин не вижу...

«Я ТАК ВИНОВАТ ПЕРЕД ТОБОЙ!...»

Часто вспоминаю время работы литсотрудником многотиражной газеты, свои бесконечные командировки по городам и весям в поисках интересного материала. В памяти всплывают встречи с людьми, которые запомнились чем-то необычным: кто-то – превратностями судьбы, другие – невероятными приключениями в жизни, третьи – своим юмором, а кое-кто до сего времени служит мне примером, как нужно и как нельзя поступать в тех или иных ситуациях. Многие из встреченных людей стали героями моих рассказов, повестей, зарисовок, но больше живы в моей памяти, и, надеюсь, они воплотятся в героев будущих произведений.

Сегодня я расскажу о встрече еще в семидесятые годы минувшего столетия с интересной

личностью – Петром Карповым, коллегой по журналистике, собкором «Сельской правды» столицы Алтайского края.

* * *

Это было поздней осенью. Я остановился в доме приезжих передового совхоза «Победа» Ельцовского района, где проживал один из героев моего будущего очерка и с которым мы договорились по телефону встретиться на следующий день. Долгая дорога автобусом умотала, к тому же я изрядно проголодался и, едва устроившись в номере, отправился в буфет чего-нибудь перекусить. Крошечный зал буфета вмещал всего четыре столика, и только у одного из них в самом углу было два свободных места. Заказав пару бутербродов с колбасой и бутылку лимонада, я двинулся в угол, но пробраться туда было не так-то просто. Лавировать между стульями приходилось, привставая на цыпочки и глубоко втягивая живот.

Пожилой мужик с большими залысинами на голове, широкоскулым лицом и крупным с грузинской горбинкой носом, доброжелательно глянув на меня, придвинул поближе к себе стакан с остатками чая и тарелочку с надкусанным бутербродом, освободив тем самым место под мою снесь, тепло улыбнулся и с хохлатским выговором произнес:

– Сидайте, молодой человек.

Я благодарно кивнул и со вздохом облегчения уставшего человека наконец-то опустился на стул.

С интересом наблюдая, с каким аппетитом я расправляюсь с бутербродами, и хохотнув, констатировал:

– Сразу видно нашего брата – журналиста.

Я удивленно воззрился на соседа, который все больше и больше нравился мне, особенно его аккуратно подбритые усики, чем-то напоминающие сталинские, только меньших размеров и совершенно белые от седины.

– Откуда такая пронизательность? Я действительно журналист.

– Так видно по аппетиту. Только наш брат-журналист, наголодавшийся за день беготни, может с такой жадностью проглотить безвкусные бутерброды с какой-то третьесортной варёной колбасой.

Я расхохотался. Сразу куда-то отступила усталость. И мы познакомились. Завязался разговор с воспоминаниями интересных историй и

происшествий во время служебных командировок по заданию редакций, и не заметили, как разошлись посетители буфета, как буфетчица всё громче позвякивала посудой, давай понять, что пора выметаться и нам.

– А давай пойдём ко мне в номер. У меня в портфеле бутылочка припасена. Возьмём пару бутербродов и посидим.

Через несколько минут мы сидели в его четырёхместном номере. Двое его соседей уже спали. Я сбежал в свой соседний, тоже четырёхместный, кое-чего прихватил из своего портфеля и на цыпочках, не будя соседей, перебрался к Петру за круглый стол со скромной сервировкой. И полушепотом продолжили разговор. Петр был словоохотлив, и я его не перебивал, а рассказывал он очень интересно, без обычной журналистской вычурности.

– Начинать я свою журналистскую деятельность тоже молодым, примерно в твоём возрасте, Максимович. А было это в начале пятидесятых, и начинал я собкором районной многотиражки. По деревням мотался очень часто и видел, как тяжело жили люди на местах. Война выкосила мужиков, особенно молодых. Остались одни женщины, старики и инвалиды, покалеченные на полях сражений. Без слёз на их жизнь смотреть было невозможно, а писать правду – тем более. Правда была под запретом. Вдовам и несостоявшимся невестам было уже около тридцати, им бы рожать, детей нянчить, а они жили рвали на полях и ложились в холодные постели, обливая слезами и кусая подушки. И у них не было ни малейшей надежды выйти замуж и даже родить от любимого мужчины.

Приезжая в деревни, я всегда видел жадный интерес женщин ко мне. Я, конечно, не был красавцем, но был молод и хорошо сложен, однако к тому времени был женат и до безумия любил жену, старался в тот же день вернуться домой, к любимой супруге. К тому же у нас родилась прекрасная дочка, которая требовала много внимания.

И вот однажды приезжаю в самую дальнюю в районе деревню: по заданию редакции нужно было написать о лучшей доярке, которая стала победительницей в соревновании по итогам третьего квартала. Приехал. Председатель колхоза лично проводил меня на ферму и познакомил с победительницей. Ею оказалась молодая женщина лет двадцати восьми – тридцати. Статная, красивая. В ватнике, резиновых сапогах, гряз-

ном переднике. Зарделась, видимо, застыдилась своего одеяния и наотрез отказалась давать интервью прямо на рабочем месте:

– Здесь не та обстановка для таких бесед. Пошли ко мне домой. В тепле, чистоте и поговорим, – и в голосе располагающая теплота и просьба. Пришлось согласиться.

Приходим. Дом, конечно, давно ремонта просит, по всему видно, от родителей достался. Но внутри тепло, чистенько, половички, вышивки кругом. Уютненько – одним словом. Провела к столу в горнице, усадила, и не успел я оглянуться, как где-то переодевшись в лёгкое ситцевое платье в горошек, она быстро заскользила от русской печи к столу, из сеней в кухню, и на столешнице вскоре появилась миска горячей картошки, огурцы и капуста свежего посола, глиняная корчажка с варенцом, сметана и горка ломтей аккуратно нарезанного каравая.

Я, естественно, отнекиваться не стал, здорово проголодался, уплетаю закуску, а молодая хозяйка на меня неотрывно смотрит – в кои веки мужик в доме появился... Я её взгляд с влагой в уголках глаз до конца дней своих не забуду: в нём было столько материнской теплоты, женской нежности и девичьей стыдливости одновременно – у меня аж голова закружилась, но делаю вид, что не замечаю, а она вдруг, придвинувшись, умоляющим голосом говорит:

– Солнце на закате, дождь накрапывает. Вы на ночь глядя, я смотрю, в дорогу собираетесь? Не советую. У нас тут волки в округе пошаливают, не дай бог, что случится... Ночуйте, а завтра пораньше, на рассвете, я вас разбужу и поеду-те...

Я начинаю молоть какую-то чепуху, рассказываю, что женат, жену очень люблю, и она будет ждать к ночи, что никогда жене не изменяю, да и с детства, мол, матерью приучен быть добropорядочным семьянином...

А она вдруг заплакала.

– Вы только не подумайте, что я вас уговариваю ночевать для забавы, из-за какого-то распутства. Я совсем не такая. Мне очень ребёночек нужен. Поймите, мне уже под тридцать, а я ещё не знаю, как женщины вынашивают в себе плод, я так хочу стать матерью, почувствовать на своей шее тёплые ручонки родного дитя, обнимающего тебя. Уходит моя молодость, блекнет, увядает девичья красота, мне некого приласкать, некому отдать накопившуюся теплоту, некому сказать доброго слова. А родится ребёночек

– совсем другая жизнь будет. Я отдам ему всё тепло своего сердца, всю скопившуюся во мне любовь и невыплеснувшуюся ласку. Христом Богом умоляю! Я хочу быть матерью – больше мне ничего не надо! Может, вы боитесь, что узнает кто? Никогда! – она порывисто перекрестилась, резко повернувшись в передний угол на икону, обрамлённую белоснежной вышитой занавесочкой. – Я никому словом не обмолвлюсь о том, что вы ночевали у меня. Это останется между нами.

Было нестерпимо стыдно. Но я продолжал пороть какую-то чушь:

– Вам нужно выходить замуж.

– Рада бы, но за кого?

– Ну-у-у, на крайний случай, найти друга из числа приезжающих помогать колхозу.

– Да они – сплошная пьянь. Приезжают только затем, чтобы наклюкаться на природе. Хороших-то работников завод не отпускает, самому нужны, да и все они семейные...

– Так и я семейный.

– Вы – другое дело. Вы, сразу видно, порядочный. Я вас заметила ещё в первый ваш приезд, хотя и бываете у нас редко. Вас близко практически никто не знает. А шефы часто бывают, одни и те же. Сплетни пойдут. Над ребёночком потом издеваться будут. Есть у нас злые на языке люди.

– А может, – продолжал я настаивать робко, – вам лучше в город уехать? Там можно скорее найти кавалера. Замуж выйдете.

– Да кто нас из колхоза отпустит, паспорта-то не дают.

А я, как баран, на свои принципы упираю, на честность ссылаюсь, и она не выдержала, видать, достал я её, кричать начала:

– Да что вы заладили одно и то же: коммунистическая мораль! Высокая ответственность перед семьёй! Ячейка общества! А как нам-то быть? Мы в чём виноваты, если всех наших ровесников поубивали? Вы хоть понимаете, в чём отказываете мне? Вы отказываете мне стать матерью и тем самым исполнить свой долг перед обществом! Да после этого вы просто негодяй!

Я поднялся из-за стола. Женщина сразу сникла, медленно опустилась на колени, спрятала лицо в ладони и разрыдалась. Я не мог двинуться с места, ноги будто примерзли к полу. Женщина резко оборвала всхлипывания, подняла ко мне мокрое искаженное лицо и вдруг стала выкрикивать страшные обжигающие слова, от которых у меня по спине побежали мурашки.

Боже! Какие беды призывала она на мою голову!

– Силы небесные, лишите его жены и детей! Отнимите кров! Пусть напрасно будет жаждать утешения у женщин, как я сейчас жажду утешения от него. Пусть никто не сжалится над ним, как он сейчас не захотел сжалиться надо мной. Пресвятая мать Божия, пусть люди отвернутся от него, как он из-за своей гордыни отвернулся сегодня от меня.

Она умолкла, пристально взглянула мне в глаза и размашисто перекрестила, будто хотела оградить от тех бед, которые сама же мне пожелала.

Я был членом партии и, естественно, ярым атеистом. Не верил ни в какие потусторонние силы, а тем более в какие-то проклятья и предсказания. Но как бы там ни было, роковые пожелания красавицы-доярки начали претворяться в жизнь. Вскоре скоропостижно от инфаркта умер отец, менее чем через полгода после смерти отца ушла мать – инсульт. Тяжело заболел я сам, долго мотался по больницам: то желудок, то почки с печенью. Пока болел, жена завела любовника и, забрав дочку, ушла к нему. На работе начались неприятности, а всё из-за увлечения спиртным. От него и болезни меня мучили.

Ещё до увольнения из районной многотражки я как-то ещё раз побывал в том дальнем колхозе. И конечно, очень захотелось встретиться с передовой дояркой – деревенской красавицей. В первую очередь отправился к её дому, и был потрясён: изба осела ещё сильнее и как-то странно скособочилась на сторону, будто старуха, схватившаяся за больной бок. Но больше всего поразило запустение и забитые досками крест-накрест окна.

Мимо ковыляла старушенция, я к ней:

– Скажите, как я понял, в этой хате сейчас никто не живёт, куда хозяева делись?

– Э-э-э, милай, ещё в позапрошлом годе Марью-то Славину похоронили. Красивая девка была, молодая – кровь с молоком...

– Что случилось-то? Отчего померла?

– Да не померла. Отравилась.

– Боже! Что её заставило пойти на это? И когда это, в какое время случилось?

– А кто его знает, что на неё нашло. А случилось вот так же по осени, слякотно было...

Давно уплелась старуха, а я всё стоял и стоял у покосившейся избы, у упавшего заплота. Ломило в висках, отчего-то щипало глаза. И би-

лась единственная, как заноза, мысль: «Это случилось именно в ту осень, когда я приезжал сюда... Слякоть была... Мария... Маша... Что ты наделала? Неужели не было другого выхода? Боже! Это я виноват в твоей смерти... Нет мне прощения...»

Карпов умолк. Потрясённый его рассказом, застыл в оцепенении и я. Только через несколько минут Пётр продолжил:

– Ушёл я из многотиражки. Долго бичевал. Несколько раз сходил с женщинами. Одна из них умело отсудила у меня квартиру. И кто знает, возможно, так и загнулся бы где-нибудь под забором. Но однажды сон увидел: стоит Мария, как тогда посреди горницы, и пристально смотрит на меня, смотрит с укором и болью. И говорит: «Погибнешь так. Хватит. Берись за ум. Я давно простила тебя. Не губи свой талант».

И я будто очнулся. Увидел облака, плывущие по небу, увидел, как улыбаются люди...

Сегодня я вновь работаю в газете, но теперь уже в краевой. На хорошем счету. Вновь женат. У нас двое детей. Неплохая квартира. Но, оставаясь наедине, я часто вспоминаю Марию – красавицу, дюряку из умирающей деревни и шепчу одними губами: «Прости меня, Мария! Я так виноват перед тобой!..»

НЕ ДАЙ БОГ ИСПЫТАТЬ ТАКОЕ НИКОМУ!

Анна Петровна Назарова по национальности немка. Это по мужу она Назарова, а по отцу – Вирц. На вид Петровне лет под восемьдесят. Так оно и есть – родилась она в 1925 году в селе Байдек, что в Саратовской области. Лицо у старушки, как печёное яблоко, всё в крупных морщинах, а в поблекших глазах – такая усталость, будто человек только что вернулся с покоса и ему смертельно хочется лечь, разогнуть онемевшую согбенную спину, разбросать вдоль тела ноющие от тяжкой работы руки и забыться хотя бы на несколько минут, на часок в освежающем сне, который, возможно, и принесет облегчение обесиленному телу и душе, придаст немного сил для последующего движения вперед.

Я беседую с Анной Петровной о жизни, о её родителях, о войне, чем запомнились юные годы и о тех событиях, что западают в душу и очень часто вспоминаются на склоне лет. Рассказывая, старушка часто задумывается и, встрепетавшись, потеряв нить мысли, постоянно перепрашивает:

– Так на чём я остановилась? Вот проклятый склероз, опять забыла, о чём рассказывала.

Мне было всего пять лет, когда умерла мама. У отца осталось на руках пятеро детей – три девочки и два пацана. Старшей дочери было десять, младшенькой только-только исполнился годик. Я не знаю, от чего умерла мама, отец говорил, что простыла, случилось воспаление лёгких, и буквально в течение десяти дней она сгорела. Я только смутно помню, как она в беспмятстве металась на кровати и была очень горячая.

Через год отец женился вторично. С мачехой жилось нам несладко. Как хозяйка она была очень хорошей, но характером весьма жёсткой. Среднего братишку забрал бездетный отцов брат и растил как сына, а мы терпели, пока не встали на ноги.

У мачехи с отцом родились трое детей, но все умерли в малолетстве.

Особенно тяжело нам досталось начало тридцатых годов, была сильная засуха, не уродились ни зерновые, ни овощи, и случился большой голод. Тогда поумирало очень много народу. Наша немецкая слобода насчитывала почти тысячу дворов, осталось вполовину. Еле-еле стали выкарабкиваться из голодухи, тут – коллективизация. А немцы – народ законопослушный, им сказали: «Вступайте!», – они как один подали заявления и с педантичной скрупулёзностью принялись осваивать коллективное хозяйство. И потом: попробуй вякни что-нибудь супротив – моментом сгребут, сунут в «чёрный воронок» и... поминай, как звали. Все до жути боялись тогда этого «чёрного воронка» и старались поменьше болтать.

К 1934 году колхоз в нашей слободе уже крепко на ноги встал, и вплоть до войны большие урожаи собирали. Даже на трудодни прилично начисляли, на весь год хватало и зерна, и муки, и овощей. Колхоз имел хорошую животноводческую ферму, была своя маслобойня и сырное производство, из излишков мяса, после сдачи государству, делали колбасу и коптили окорока. С плантаций подсолнечника получали хорошую прибыль, выгоняя и продавая постное масло. Люди имели возможность строить дома, и слобода заметно похорошела, появилось много добротных домов, все улицы в основном были вымощены камнем. Начиная с пятого класса нас, школьников, приучали к труду, на всё лето вывозили на стан, и мы занимались прополкой хлеба вручную. И посмотреть на такие поля было любо-дорого, ни соринков, ни травинки, только колосистая пшеница, рожь и ячмень.

Но грянула война. И уже первого сентября сорок первого нам объявили о высылке и отправке на Алтай. Дали на сборы неделю и решили брать с собой из вещей не более пятидесяти килограмм на человека. Мы в основном брали продукты: муку, крупы, всякие копчености, сыры, масло и т. д.

Старшая сестра к тому времени уже работала, и её отправили куда-то в тыл сопровождать скот. И больше мы её не видели, пропала без вести.

На телегах нас довели до станции (обоз тянулся на несколько километров), посадили в тележки и в течение двух дней отправили на восток. Почему, зачем нас выслали в Сибирь, так никто толком и не объяснил. Якобы боялись, что мы переметнёмся на сторону фашистов.

До Алтая добрались уже в конце октября. Продукты все подъели, зима на пороге, а как её пережить – одному Богу известно. Разместили нас по квартирам в деревне недалеко от Бийска, и мачеха принялась обменивать пожитки, что взяли с собой, на продукты, пока что-то можно было выменять. А тут новая беда – в декабре отца мобилизовали в трудовую армию, отправили в Архангельскую область, откуда он так и не вернулся. Следом за отцом в трудармию забрали старшего брата, которому исполнилось 18 лет, а в начале сорок второго забрали в трудармию и меня. К тому времени мне шёл семнадцатый год.

Попала я в Свердловскую область, в город Тавда. Не в сам город, а в лагерь, где перед нашим приездом отбывали наказание заключённые. Их перевели в другой лагпункт, нас же, женщин, в количестве полутора тысяч человек поселили на их место. До лагеря шли пешком два дня, так как до него было почти девяносто километров. Многие женщины всю дорогу плакали по оставшимся дома малолетним детям. А бежать боялись, потому что всё равно поймают, не успеешь порог переступить и близких увидеть, как тут же схватят и вообще за колючую проволоку упекут, а то и прибьют насмерть.

Расселили нас по баракам с двухъярусными нарами, а бараки старые, по стенам влага сочится, вместо матрасов какое-то затхлое тряпье. Спецодежды никакой. Не положено. На работу ходи, в чем одет и что с собой прихватил. Работа – лесоповал, не каждому мужику по плечу, а тут девчонки и бабы... Сегодня смотришь фильмы про фашистские концлагеря, а наши-то чем бы-

ли лучше?.. Одно только отличие, что на работу под конвоем не водили. А переключки те же, утром и вечером, и пайка скудная, да и та при условии выполнения дневной нормы. Не выполнил – из лесу не приходи, талон в столовую не дадут. Мы-то молодые, нам легче было эти нормы вытягивать, а кто постарше и здоровья нет, те быстро изнашивались. От полутора тысяч через год если четыре сотни девок осталось, да и того меньше.... В основном от истощения и простудных заболеваний умирали.

Но людей постоянно пополняли. Отовсюду пригоняли этапы: и из Казахстана, и с Дальнего Востока, и с Алтая, но в основном ссыльные немцы и русские. Южане не выдерживали, быстро погибали, и их перестали привозить, видимо, поняли – толку мало, одни затраты на перевозку.

Недалеко от нашего лагеря находился мужской конвойный лагерь, и почему-то мужиков больше умирало, чем женщин. Видимо, по природе женщины выносливее мужиков, в народе недаром говорят: «Бабы, что кошки, живучи». А у мужиков и нормы были выше, и кормежка хуже, вот и слабели они быстрее.

Одну зиму я работала на вывозке леса, баланы возили на санях лошадьми, летом лошадьми почти не возили, места болотистые – не проедешь. Летом строили деревянные узкоколейки, вместо шпал клали низкосортные баланы и верхнюю часть деревьев. Сверху на них прибывали деревянные «рельсы» – бруски из жердей. Их тесала специальная бригада, и шпалы таким макаром готовили заранее. На укладке примитивной узкоколейки тоже две-три бригады работали. Вот уж работа адова – постоянно по пояс в болотной жиже лазили. А сушиться только у костра. И гнус с комарьем житья не давали. Чем только ни мазались, чтобы отпугнуть этих кровососов, да толку почти никакого.

Так вот на конный двор и с конного двора мимо ворот мужского лагеря приходилось проезжать. И сколько раз видела, как дядя Ваня (тоже возчик – неоднократно встречались на конном дворе при запрягании и распрягании лошадей) грузит голые трупы мужиков на розвальни, укладывает закоченевшие тела валетом, чтобы больше вошло на сани, увязывает их верёвкой, дабы не растерять по дороге на кладбище.

– Дядя Ваня, – спрашиваю, – а почему они голые?

– А зачем им – мертвякам – в земле одёжа? Постирают и живые донашивать будут.

– Что-то много их у вас?

– Да, считай, каждую неделю по двое-трое розвальней отвожу.

Зековское кладбище (а там и наших женщин хоронили) располагалось невдалеке за лагерем, в лесочке. Еще летом бригада землекопов копала там несколько рвов, и за зиму они заполнялись телами доверху. По мере заполнения ров закидывали землей и принимались заполнять следующий.

Не было такого дня, чтобы кто-то из нашего барка не умирал, а то и по два-три человека сразу, особенно зимой. Барак же было четыре. Так что труда особого не составляло подсчитать, сколько баб и мужиков ежедневно отдавали Богу душу только в Тавдинском трудовом лагере. А сколько по Сибири и по всей матушке России?.. Господи, и за что? За какие такие провинности и грехи ты наказывал нас?

За полтора года (со дня прибытия в Тавду) мы так обносились и оборвались, что на нас жутко было смотреть – одни лохмотья. На ноги приспособивали рукава от старых изношенных пальто и телогреек, придавая им вид бурок, завязывали их под коленями веревочками, чтобы снег не набивался внутрь, а вместо подошв привязывали или бересту, или обрезки от старых попона, коими укрывали взмокших и продрогших лошадей.

Помню, был на конном дворе подсобным рабочим один очень исхудавший мужчина. Не сказать, чтобы старый, но очень изможденный. Говорят, раньше работал в лесу сучкорубом, а когда уж совсем поддошёл, взяли из жалости подсобником на конюшню, пусть хоть овсом подкормится вместе с лошадьми. Ходил он весь в лохмотьях, фуфайка постоянно в штаны заправлена и что-то за пазухой прятал.

Стали мы у него допытываться, почему он так опустился?

– Ты ведь ещё молодой. Возьми себя в руки. Не вечно же мы здесь лес валить будем. Настанут и лучшие времена.

От такого внимания к себе он заплакал.

– Понимаете, – говорит, – я ведь в прошлом первоклассный лётчик, на больших бомбардировщиках летал, других учил летать. И сегодня мог бы бить фашистов, уничтожать их технику на своём бомбардировщике, но меня выгнали из армии, загнали сюда валить лес... За что меня сделали нечеловеком? – и прошептал, вытирая слёзы: – Наверное, за то, что отец у меня был волжский немец, а мама – финка...

Потом он достал из-за пазухи пачку фотографий и показал, комментируя каждый снимок:

– Это мои родители, а это жена с сыном и дочкой. Где они сейчас, я не знаю. Они остались в Казахстане. А вот это мои однополчане по лётному училищу. Здесь я со штурманом и механиком у самолета. А на этом снимке мы укладываем парашюты, готовимся к прыжкам...

Как сейчас помню его глаза, когда он показывал нам фотографии. В них были и счастье, и радость, и боль, и тоска. Я чуть сама не заплакала, глядя на счастливые улыбки его жены и детей, запечатленные на помятой фотографии. По-моему, он так и не дождался дня Победы над фашистской Германией. Меня вскоре перевели в лес вальщиком, и на конный двор я больше не ходила.

Кормили нас отвратительно. Восьмисотграммовая пайка хлеба на день, и та наполовину с мякиной и опилками, а баланда с мороженой капустой и картошкой – одно название, что суп, для желудка никакой сытости. С работы придёшь – аж качает от усталости и есть хочется – невмоготу. Ляжешь на нары, все кости болят, а от голода уснуть не можешь. В голове – одна мысль, где бы чего поесть. Однажды в каком-то беспомыслии встала и побрела к столовой, опёрлась о дверь и горькими слезами плачу. Выходит старичок (он у нас поваром работал), увидел меня и спрашивает:

– Ты чего здесь среди ночи? Кто увидит, не сдобровать тебе.

А я сквозь слёзы:

– Не могу уснуть, есть хочу.

Старичок впустил меня, завёл на кухню, в какой-то закуток, усадил на табуретку и принёс миску каши. Я не заметила, как проглотила её, а когда уходила, вышел на крыльцо посмотреть – нет ли кого, и сунул на дорогу ещё полбулки хлеба: «Беги и никому не говори, что я тебя покормил. Тебя накажут, и мне не сдобровать».

Прибежала в барак и сразу же уснула, да так, что не слышала побудку на развод. Подружка будит:

– Аня! Аня! Вставай, уже развод начинается. Ты чего сегодня такая? Заболела?

А я ей шепчу на ухо: «Катюша, а у меня полбулки хлеба есть», – и рассказала, как ночью на кухню бегала, и дедушка таким добрым оказался, сжалился надо мной.

В сорок третьем назначили нового начальника нашего трудовом лагере. Он собрал собрание и сказал:

– Я буду строго спрашивать за выполнение норм выработки, но сделаю всё, чтобы вы не были голодными и такими оборванцами.

И, правда, с приходом нового начальника всё изменилось. Мы жили в полуподвальных бараках, где по стенам в дождливую погоду, весной и осенью сочилась влага, в комнатах жили по пятьдесят человек, с одной буржуйкой посредине, которая ни черта не грела, и невозможно было высушить мокрую одежду. Утром надеваешь свою рвань, а она ещё влажная и на морозе сразу колом становится. От того и простывали часто. Одно спасенье было – отогреться и обсушиться у костра. Соберёмся у него, от нас пар валит клубами и только разговор о еде, о хлебе.

– Господи, – вздыхали все, – когда же наступит такое время, когда можно вдоволь наесться хлеба?

И вот за лето построили новые бараки. Тёплые, светлые, с двухъярусными металлическими кроватями. Построили баню и сушилку (раньше мы летом только в речке мылись, а тут парная и еженедельная помывка). Вечером с работы пришел, мокрую одежду сдал, утром получил горячую и сухую.

Выдали одеяла, подушки и матрасовки, которые мы периодически набивали сеном – спать одно блаженство. Впервые выдали валенки, бушлаты, шапки, рукавицы, портянки, а летом получали ботинки.

И кормёжка значительно улучшилась, появилась рыба, крупы и даже консервы, не говоря уже о качестве хлеба, в котором исчезли опилки, и он стал пахнуть именно хлебом.

Тогда-то я поняла, как много зависит от местного начальства: захочет руководитель заботиться о подчиненных – всё будет, не захочет – всё прахом пойдет. А на заботу и мы отвечали ударным трудом.

В сорок седьмом нас, женщин, освободили от трудовой повинности и отпустили по домам. Вернулась я на Алтай, а родных кроме мачехи и пятнадцатилетней сестрёнки – никого. Тут я и узнала о смерти отца в трудармии. Братья ещё отбывали там трудовую повинность. Сестрёнка жила с мачехой и, несмотря на свое малолетство, уже работала в колхозе. Посмотрела, как над ней измывается мачеха, забрала её, и мы ушли на квартиру в пригороде Бийска.

Голодно было. Собирали по полям и пашням близлежащих колхозов колоски и мерзлую картошку, за двенадцать километров ходили и в хо-

лод, и в слякоть. Обьездчики гоняли нас, кнутами хлестали, но не подыхать же с голоду.

Устроилась на стройку, арендовала огородик, целик раскопала, посадили с сестрёнкой всяких овощей, но больше всего картошки. И в тот год она очень хорошо уродилась, нам с сестрёнкой на всю зиму хватило, мы ели её во всех видах: и варёную, и толчёную, и жареную, и в «мундире» с квашеной капустой. Даже часть продали, а на вырученные деньги купили себе на барахолке обновы и поросёнка, благо было чем кормить. Получали мы не ахти, но на прожиток хватало. В общем, жизнь стала налаживаться. И надоело нам по чужим квартирам мотаться. Выделили мне небольшой участок, на работе пообещали помочь с некоторыми стройматериалами: двери, окна, цемент, гвозди, а в остальном – крутись сама. Ну что ж, крутиться не впервой.

Взялась сначала за саманные кирпичи. До свету встану и на берег речки. Вырою углубление, глины накидаю, соломы. Воды натаскаю, и давай ногами месить. Затем массу замеса лопатой в подготовленные формы набью, ноги помою и бегом на работу. Вечером прибегаю, кирпичи на жаре подсохли. Аккуратно вынимаю и раскладываю под навесик дальше подсыхать, а сама – новый замес. Так за лето на целый дом кирпичей и наготовила.

А тут сестрёнка замуж засобиралась – девятнадцать стукнуло. Куда деваться – надо помогать – дело молодое. Она ведь как дочка мне стала. Отгуляли скромную свадьбу, и я принялась перевозить свои саманные кирпичи с берега на тележке на свой участок. Перевозила. В посёлке тогда много переселенцев с Поволжья было. Клич кинула. Пришли мужики, бабы и за два дня мне хату сложили. Нашёлся и хороший печник, добротную мне печь сложил. Окна, двери вставили, и к холодам я уже новоселье справляла. Женщины помогли мне оштукатурить стены и побелить как снаружи, так и изнутри. Посмотришь со стороны – домик, как игрушка, получился. Беленький, уютненький. А сердце так и млеет от радости.

В пятьдесят пятом, когда мне стукнуло тридцать, постучало счастье и в моё окно – посватал лучший комбайнёр из соседнего совхоза. Парень чуть старше меня, разошёлся с женой, что им не пожилось, детей не завели, может, и это стало причиной развода, только у нас с Аркадием данной проблемы не возникло. Буквально че-

рез год у нас родилась дочь, а потом один за другим два сына.

В 1961 году мы надумали переехать в поселок Абагур под Новокузнецком, уговорили дальние родственники Аркадия. И работа ему сразу нашлась – механиком в поселковую автобазу. Продали свой уютный домик, который для нашей разросшейся семьи уже стал тесноват, и уехали.

Удачно устроились на новом месте. Обжились, Аркадий благодаря своему мастерству и доброжелательному характеру в автобазе пользовался авторитетом, даже когда ушёл на пенсию, к нему частенько обращались за советом.

Прошло много-много лет. Мне уже восемьдесят. Я пережила почти всех сверстников. Нет уже

любимого мужа, остался один сын, но зато у меня много внуков и правнуков. И я часто задумываюсь: удалась ли моя жизнь, нет ли горечи и сожаления о чем-то несбывшемся? В общем-то жизнью я довольна. Всё было. И радость, и любовь, и счастье было... Вот только тот период – тяжкие пять лет изнурительной работы и постоянного страха, что вычеркнула из жизни трудармия, вспоминать не хочется. Не дай Бог никому пережить такое! Боже, сколько людей осталось там, на таёжных погостах у бывших лагерей, которые сегодня сравнялись с землей и заросли чертополохом. На их месте нет монументов и обелисков и... никогда не будет...

г. Новокузнецк.

**Наталья
АХПАШЕВА**

СЕРЕБРЯНЫЙ БРЕДЕНЬ

* * *

*Лишь только несмело забрезжит, как,
где омуты не глубоки,
серебряным бреднем старик-рыбак
водит по дну реки.
Вдоль кромки плещет сырая тьма,
и на поверхность воды
стекает густой – молоком – туман
с его седой бороды.
Но утро уходит стайкой мальков
сквозь серебро прорех...
И всё-то счастье, и весь улов –
лукавый русалочий смех!*

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

*Накид. Лицевая. Накид.
Поехал он левой дорогой,
где конь его будет убит,
вдруг видит в избушке убогой
Яга Костяная Нога:
«От дела, царевич, лытаешь?»
Опять разыгралась пурга.
Ну что же ты не засыпаешь?
Куда ж твой отец запропал?
Погода сегодня шальная...
И дальше Иван поскакал.
Изнаночная. Лицевая.*

* * *

*До самой последней разлуки
почти пересчитаны дни.
Лежат безнадежные руки
поверх голубой простыни.
В палате прохладно и сыро.
В разводах пустая стена.
Бутылочка из-под кефира
на тумбочке возле окна.
Лекарствами пахнет с порога
и хлоркою – от половиц.
Как трогательна и убога
стерильность районных больниц!
А дни всё короче, короче.
И думаешь – может, пора?
Но страшно. И ласкова очень
дежурная в ночь медсестра...*

* * *

*Под зелёным стёклышком секрет –
бусинка и фантик от конфеты.
Лето. Полдень. Шесть, наверно, лет.
Мам, купи мне куклу, как у Светы,
чтоб умела глазки закрывать,
по слогам выкрикивала «мам-ма»!
Я учусь, как взрослая, читать:
мама, Мила, мыла, Рома, рама.*

АХПАШЕВА Наталья Марковна родилась 31 января 1960 года в хакасском селе Аскиз. Окончила Красноярский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Работает в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова. Имеет несколько десятков стихотворных публикаций в коллективных сборниках и периодических изданиях Москвы, Новосибирска, Красноярска, Томска, Барнаула, Кызыла, Абакана. Автор пяти поэтических книг. Удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры Республики Хакасия» (1999). Член Союза писателей России. Живет в Абакане.

*Шмель над медуницей: жу-жу-жу!
Бусинка – из красного коралла.
Ни за что я Свете не скажу,
где в саду секретик закопала!
А нас печальные дела,
плакала на кухне тётя Гапа,
будто тётя Зоя умерла...
Но бессмертны мамочка и папа!*

«СУРОК»

*Я помню, как урок простой
давался мне с тоскою:
«Из края в край иду с сумой,
и мой сурок со мною».
Зря обижались на меня
счастливые подружки,
пока упорствовала я
на скрипке-четвертушке.
Сердито закусив губу,
забыв о доле лучшей,
тянула – через не могу –
мизинец непослушный.
И было, слёз не удержать,
жаль маленьких скитальцев
и больно – струны прижимать
подушечками пальцев...
Но вот, как будто на парад,
меня с утра собрали,
а на макушке белый бант
огромный завязали.
Концерт ударных школьных сил
в районной шёл столице.
Учитель терпеливый был
доволен ученицей.
Прости, не вышло из меня
скрипачки знаменитой,*

59

*но мне понравилось стоять,
сиянием залитой,
у дня и мира на виду...
С тех пор своей судьбою
иду сквозь радость и беду,
и мой «Сурок» со мною.*

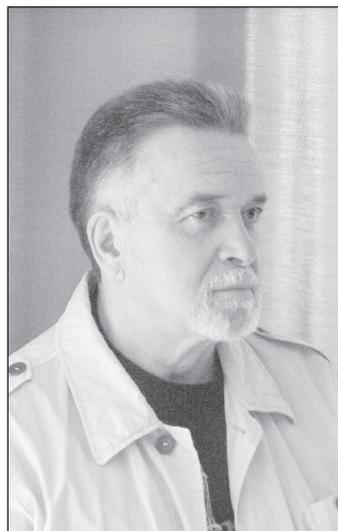
* * *

*Опять в своей хламиде пёстрой,
сбежав из дома налегке,
он что-то чертит щепкой острой,
зажатой в потном кулаке.
Его – соседи и родные
привычно кличут дурачком,
и дразнят мальчики чужие,
когда приходят в этот дом.
Не излечим и не вменяем,
он злых сторонится детей.
Он в мире этом – только краем
счастливой сущности своей.
Обидчив, мнителен и робок
иной действительности сын,
и до седых волос – ребёнок,
и с детства самого – один.
Сморзнут белёсые ресницы,
улыбка разворотит рот,
и мыслей медленные птицы
бесстрашно канут в небосвод.
Зачем он – здесь? Он сам не знает.
Душой, затерянной во мгле,
о чём с улыбкой вспоминает?
Что чертит щепкой на земле?
Посмотрит с ласковым упрёком,
и ты не спросишь ничего,
чтоб не нарушить ненароком
сосредоточенность его.*

**Николай
ШАМСУТДИНОВ**

**НЕПРИХОТЛИВЫЙ
ЗАВИТОК РАКУШКИ**

* * *

Зелёным предгорьям, пернатым воздушным
холмам –
Я, гиперборей, потрясённой души не отдам –
За пылкое лето, за юную свежесть от Альп,
В зенит устремивших кристальный
возвышенный альт.

Лукавая, мистификациям жанра верна,
Поэзия, в гениях, паразитирует на
Зелёных предгорьях, пернатых воздушных
холмах,
Из масс, исторгающих неистошное «Ах!»...

С охалкою желтофиолей, прижатой к груди,
В возвышенной готике, к памяти лепится Ди,
С фонетикой вечных фонтанов, и фавны
детей
Вскипают в их струях в молочной отваге
своей,

Как души предгорий...
И, не остывая, в виду
Заснеженных шапок, Борей обирает в саду
Обильные вишни, в биении веток тугих,
С пульсацией нежности в прикосновениях сих...

Зелёным предгорьям, пернатым воздушным
холмам –
Перо, натрудившее пальцы, поёт по утрам,
Но свежести, нежности, небу прозрачной
глуши
Я не отдаю, древоточец пространства, души.

Она, воплощённая неуязвимость, бедна
На страсти... Но, не уступая их тяге, она –
В хохочущих фавнах фонтана, в крошечном
саду,
Откуда никак, что мне там ни твердят,
не уйду...

* * *

За полночь в море войти и, ввиду забвенья,
На спину лечь, отпуская пространству душу,
Неторопливо, мгновение за мгновеньем,
Взором Гомера отталкивая – не сушу,

Но – чёрствый узел сомнений, обид... Ночную
Дряблой порой, чьи сентенции бесполезны,
Плыть бы да плыть бы, пристальною спиною
Слушая холод чужой, безразличной бездны.
Что до земли, то, в природе познанья, с нею
Только морока, тасующая пространства,
Ибо ничто не сбывается здесь полнее,
Кроме несчастья, дающего постоянство
Каждому...

ШАМСУТДИНОВ Николай родился 26 августа 1949 года на полуострове Ямал. Выпускник Литературного института. Работал в геологоразведке, оператором нефтедобычи, тележурналистом, художником. По рекомендации 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1979) становится членом Союза писателей СССР. Печатался в «Новом мире», «Литературной газете», «Юности», «Октябре», «Молодой гвардии», «Дружбе народов», «Звезде», «Неве», «Пионере», «Костре», «Уральском следопыте», «Авроре», «Кругозоре», «Сибирских огнях» и многих других периодических изданиях России, Европы, США. Автор двадцати четырех поэтических книг. Лауреат всероссийских литературных премий, общенациональной им. М. Горького и международной им. М. Волошина. Почетный работник Тюменской области. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Проживает в Тюмени.

* * *

...Тотчас же в крик, что забудешь...
Эк удивила! –
И без того я, паря в эмпиреях, знаю,
Что не одна меня, вздохом даря, забыла,
Ведь забывают – в объятьях и – обещаая

Вечную верность или, по крайней мере,
Добрую память... Вся-то, от кос до ступней,
Помнят тебя все тропинки в вечернем сквере.
Помнят ли? Но, на беду ли, всё неотступней

Перед глазами твой абрис, омытый кротким
Воспоминаньем Орфея... Скажи на милость,
Как оказалось, печально кивнув, коротким
Всё, что с тобою, любовь, бесконечным
мнилось?

* * *

На приморской веранде, в грозу, с вездесущим
плющом,
Нам, притихшим, уютно под ветхим ахейским
плащом...
Прикорни же ко мне, извиняя себя и не куксясь,
Чтоб оттирнуться в памяти юным,
прохладным плечом
На приморской веранде... Вблизи исполненных
зыбей,
Под отчетливый шелест истлевших великих
теней...
На свету их, любовь, уязвимее жизнь,
в изложенье
Неизменных лишений и кукольных, пылких
страстей.

Ливень выдохся, и спеленала, слепа, тишина
Облетевшее лето с полнощной подкладкою
сна...

Меднолатный атлет, в полносочных
объятьях Медеи
Горячо засыпает счастливый владелец руна.
На приморской веранде... А дело, любимая,
в том,
Что душа, прилепившись к твоим инвективам
в былом,
Так и тянется к ним – из постылого
уединенья
И, как встарь, не находит опоры в них, и –
поделом...

* * *

Выпукло-сумрачны, синие, как предгрозы
Над неумолчной долиной, – искус гортани –
С лоз изнемогших срезаны грузные гроздья,
Мраком пока сочатся, в давящем чане

Преображаемы в алые гулы. Броженье
Токов стоустых играет в сосудах тесных
И вымывает, влажное, из забвенья
Древние навыки и родовые песни.

Гул до полуночи, не досажая слуху,
Весь восприемлем – дыханьем работы
умелой,
Мир пропитал. И глухо подтянешь, по духу,
По необоримой тяге – брат виноделу.

Не потому ль, обращаясь в него, ночами,
Ибо бессонная жажда в права вступила,
Мнешь его, слово,
словно в давящем чане,
Чтобы верней и крепче в голову било?..

* * *

67 Солнечно. Теплится в плеске волны – канцона.
Гравий серебая под голову, как подушку,
Так же, как небо легко узнает в лицо нас,
Я узнаю в лицо любую ракушку.

Море многоголосо, как полуденный форум.
Жар обнимает меня. На ладони мерцанье
Влажной ракушки. Приветствую эту форму,
Что воспитала втайне своё содержанье!

Так не о том же пекусь ли и я, эклектик
Вещей природы? Достало б душе свободы,
Чтобы училась взгляду – не у диалектик
Пыльных теорий, а у парадоксов природы.

Зреет канцона в приборе. Слепит оконечность
Да-альнего мыса. Я долго гляжу с подушки,
Как непреклонно ввинчивается в Вечность
Неприхотливый, слепой завиток ракушки.

* * *

В морозное крошево, в дождь ли
Чужих, запредельных времён,
Кусая перчатку, всплакнёшь ли
Дорогой с моих похорон? –

Что скаредна вещья пряха,
Что весь я в забвенье – один,
Сам прах, прозорливец, от праха
Суровых кладбищенских глин,

Что гибельный рок – неминуем,
Что губы («Царуй!.. Государь!»)
Ни ласкою, ни поцелуем
Уже не разбудишь, как встарь...

И в ветре, вздымающем ропот
Листвы над тесовой тоской,
Услышишь надорванный шёпот,
Сырою затёртый доской?

Уже не руками – ветвями
Я встречу, забвеньем продут,
Ушедших. Какие на память
Тебе перелески придут,

Преосуществляясь в страданье?
И ты не почувствуешь, вот,
Как, недоуменный, в рыданье,
Слепой, расплзается рот.

Ну, так оглянись же! Бессильем
Я грубо спеленут,
На свет
Простёртый – в посмертном усилье
Взглянуть тебе, радость, вослед...

Игорь ГЕРМАН

Два рассказа

ПРИГЛАШЕНИЕ К БЕЗУМИЮ

В театр на постановку пригласили режиссера из Москвы!.. Понятное дело, такая новость не могла оставить равнодушным никого. В кои-то веки в театр маленького сибирского городка была приглашена столичная величина. Правда, насколько эта величина соответствовала провинциальным представлениям о гипотетическом московском уровне, никто не имел ни малейшего понятия. Фамилию режиссёра, неофициально гулявшую по кулуарам театра, никто не слышал и постановок его никто не знал.

Районная газета уже сообщила городским театрам о сюрпризе, их ожидавшем в ближайшее время.

Однако вскоре стало понятно, что зрителей ожидает еще больший сюрприз, чем они могли себе предположить. Дина, заведующая литературной частью театра, молодая интеллектуальная дама, спустившись однажды в курилку, сообщила дымившим коллегам о том, что она сейчас прочитала предназначенную для постановки пьесу. Удерживая тонкую сигарету изящными длинными пальцами, она долго и загадочно молчала, подогревая общее нетерпение, потом наконец объяснила, что пьеса эта является продукцией молодой современной драматургии и поэ-

тому не следует предъявлять к ней слишком высокие требования.

Этот размытый диагноз мало что прояснил слушателям, и тогда завлиту Дине пришлось открыто признать, что текст пьесы содержит в себе массу нецензурных выражений. И не просто уменьшительно-ласкательных, имеющих свою нишу в мировой литературной практике, а тяжёлую запредельную матерщину.

63

Этот слух мгновенно аукнулся по всем уголкам театра. Правда, тут же поступила смягчающая информация, утверждавшая, что главный режиссер категорически запретил вынесение нецензурщины на консервативную провинциальную сцену.

Так как всякий скандал только подогревает интерес к самому скандалисту, пьесой немедленно заинтересовался весь актерский цех: от молодых до заслуженных. К заведующей труппой выстроилась целая очередь желающих ознакомиться с текстом смелого художественного сочинения. В разряд отчаянных смельчаков немедленно попал и сам главный режиссёр, утвердивший сомнительное название в репертуар театра и не побоявшийся взять на себя бремя, скажем прямо, нешуточной ответственности. Пьеса, помимо тяжёлой артиллерии, которую главный обещал порезать, изобиловала массой

ГЕРМАН Игорь Викторович родился 10 августа 1964 года в городе Топки Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный институт культуры в 1985 году. Служил в танковых войсках.

Работал актером в театрах Красноярского края, ныне в Русском республиканском драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова Абакана (Республика Хакасия). Публиковался в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Современная драматургия» (Москва). Спектакли по пьесам идут в Уфе, Симферополе, Оренбурге. Живёт в Минусинске.

выражений, весьма отдаленных от классического образца. Как главный режиссер собирался ограничивать этот момент авторской свободы, театральные слухи неопределенно умалчивали. В любом случае неподготовленный провинциальный зритель был обречен на большую неожиданность.

Вскоре на стенде информации театра появился приказ о начале работы над спектаклем и распределении ролей. Персонажей в пьесе оказалось немало, поэтому новая работа задействовала большую часть труппы.

В назначенный день прибыл режиссёр. На первую репетицию – читку пьесы – актёры явились по обыкновению немного взволнованные: некоторая предпраздничная одухотворенность сопровождает начало любой творческой работы. Двое заслуженных артистов – Дорофеев и Алтынская – молча сидели за столом с непроницаемыми лицами. Молодежь, доминирующая в будущем спектакле, чувствовала себя более раскованно и непринужденно.

Все притихли, когда двери репетиционной комнаты распахнулись и в сопровождении главного режиссера театра вошёл приезжий москвич. Главный представил его, сказал несколько традиционных общих фраз и, пожелав коллективу счастливого плавания, удалился.

Приглашённый режиссёр оказался очень приятным молодым человеком. Если ему и было за тридцать, то только с незначительным хвостиком. Некоторая полнота придавала его облику добродушие и солидность. Полудлинные чёрные вьющиеся волосы, недельная небритость, мягкий взгляд, обаятельная улыбка. Бывают настолько симпатичные люди, что они с первой же минуты знакомства сразу располагают к себе.

– Здравствуйте, – еще раз поприветствовал режиссер, тепло улыбнувшись. Он потер ладони, собираясь с мыслями, взволнованно вздохнул и продолжил: – Я много хорошего слышал о вашем театре; с удовольствием приехал в этот маленький милый городок. Я полон надежд на творческое сотрудничество и нацелен на плодотворный результат. Надеюсь, что у нас с вами все сложится, склеится, срастется... Зовут меня Антон... – Он выдержал некоторую паузу.

– А по отчеству? – вежливо, но твердо поинтересовалась Алла Константиновна Алтынская, очень серьезная бабушка с волевым профилем характерной героини.

Вопрос был задан тоном, не оставлявшим ни малейшего шанса попыткам демократизации устоявшегося творческого процесса.

Молодой режиссер понимающе улыбнулся.

– Антон Александрович... Фамилия моя Болотов, хотя это уже и говорили... Обращаться ко мне можете как по имени-отчеству, так и просто по имени, кому как удобнее. А для начала...

Он вынул из своей сумки две коробочки шоколадных конфет и положил их перед актерами на столы.

– Подкуп?.. – хихикнул кто-то, скорее от неожиданности, чем от желания состричь.

Актеры благодарно оценили маленький дружеский знак внимания. К коробкам потянулись руки: сначала несмело, потом увереннее. Оба заслуженных дипломатично не заметили предложенного угощения.

– Ну что?.. – подвел черту режиссер под первым и положительным впечатлением о своей персоне. – А теперь почитаем пьесу?

Актеры с готовностью заёрзали на стульях.

– Скажите, пожалуйста, с ней уже все ознакомились? Своеобразный материал, согласитесь? – продолжил он.

– Очень, – сухо заполнила Алтынская неудобную паузу.

– А чем он своеобразный?

– Ну, прежде всего тем, – не выдержал сидевший рядом с Алтынской Дорофеев, – что он знаменует переход нашего театра на новый уровень сценической культуры.

– Вижу: пьесу читали, – солнечно улыбнулся Антон Александрович. – У кого ещё будут какие предположения?

Молодежь выжидающе помалкивала, оценивая расстановку сил. Херсонов хотел что-то сказать, но, шумно выдохнув, передумал. Мрачный Твяринин мелко забарабанил концом шариковой ручки по столу.

– Я вам честно скажу: я тоже не люблю матерщину, – признался режиссер. – В принципе, я против этого... Но что делать?.. Сейчас все драматурги пользуются матом как речевой характеристикой своих персонажей. От правды жизни никуда не деться. Таковы реалии нашего времени.

– А при чём здесь мы? – с некоторым вызовом спросила Алтынская.

– Хочу вас сразу успокоить: нецензурные выражения в спектакле произноситься не будут. Это, во-первых, условие вашего главного режиссера...

– Спасибо ему за это, – бесстрастно вставила Алла Константиновна.

– А, во-вторых, это и моё убеждение. Я понимаю, что зритель в такой провинциальной глубинке ещё не совсем готов к восприятию, скажем так, некоторого авторского права.

Дорофеев поднял тяжёлый взгляд на режиссера.

– Вы думаете, зритель когда-нибудь будет совсем готов?

Антон Александрович почтительно заглянул в глаза заслуженного артиста.

– Когда-нибудь случается всё.

– Не дай бог дожить, – мрачно изрекла Алтынская.

– Нам с тобой это не грозит, – успокоил ее Дорофеев. – Эта зараза так быстро не прилипает.

– Не уверена.

– Этот эксперимент может оказаться и последним.

– Надеюсь.

– Так вот... – уважительно переждав краткий диалог ветеранов сцены, продолжил режиссер. – Мы с вами начали говорить о своеобразии материала, но не завершили эту тему. Интриговать дальше вас я не буду. Я знаком с драматургом, написавшем эту пьесу. Мы с ним почти друзья. Главное, что я хочу сказать, это то, что вам повезло.

– Мы и не сомневались, – впервые подал голос Виталий Тяврнин.

– Не иронизируйте. Я знаю многих современных драматургов. С одними я знаком лично, с другими – через их творчество, и поэтому могу вам с уверенностью сказать: если кого-нибудь из нынешних авторов и будут ставить через сто лет, то это только автора этой пьесы. Он талантливый человек, я влюблён в его работы. Эту пьесу я перечитывал много раз и всегда находил в ней какой-то новый мощный пласт мысли, не замеченный мною ранее. Я очень рассчитываю на то, что и вы полюбите эту пьесу. Я сделаю всё, чтобы влюбить вас в неё... А теперь, если не возражаете, давайте почитаем.

Актёры послушно зашуршали листами ролей.

– Конечно, – спохватившись, дополнил Болотов, – излишних резкостей, как я и обещал, в спектакле не будет, но... Сейчас я предлагаю читать весь текст таковым, каков он есть.

– Вместе со «словами»? – поинтересовалась одна из актрис.

– Да. Вместе со «словами», – мягко, но убеждённо подтвердил режиссёр.

– Для чего? – спросил Тяврнин.

– Давайте прочтем пьесу, потом я всё объясню. Я специально попросил приготовить каждому из вас по экземпляру, так как считаю, что вы должны знать всю пьесу, быть в курсе того, что происходит в ваших сценах, при домашней работе над ролью. Я считаю, что пьеса на руках гораздо эффективнее надёрганных реплик... Итак, прошу.

Кашлянув, актриса Ева Свалова озвучила вступительную фразу будущего спектакля...

Когда дело дошло до первой «ласточки», молодой актёр, читавший текст, даже не споткнувшись, одолел отчаянное выражение. Несколько юных актрис глупо хихикнуло, Дорофеев поджал губы, а профиль Алтынской стал совсем каменным.

Вторая «ласточка» в тексте стриганула так же смело, вызвав уже более непринужденную коллективную реакцию. После этого общее напряжение упало.

Виталий Тяврнин, принципиально пропуская в своей роли крылатые выражения, удивлённо и растерянно наблюдал за реакцией коллег; теперь уже каждая авторская непристойность встречалась взрывом общего, немного нервного веселья.

65 Помимо Тяврнина, литературный язык в тексте, вопреки автору, выдерживали Дорофеев, Алтынская и совсем молодая актриса Галя Ожегова. Уткнувшись хмурым взглядом в одну точку, эта четвёрка не поднимала глаз, чувствуя себя неуютно на этом первом в своей жизни разгуле абсолютной свободы слова.

Наконец пьеса была дочитана до конца. Болотов удовлетворённо улыбнулся.

– Ну?... Что скажете?

– Может, сначала послушаем вас? – предложил Дорофеев.

– Я с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

– О чём пьеса?

– О любви.

Даже молодёжь дружно повернула головы и внимательно посмотрела на режиссера.

– О чём? – переспросила Алтынская.

– О любви, – очень просто повторил Болотов.

– О любви к сквернословию? – уточнила Алтынская.

– Нет. О любви юноши к девушке, родителей к детям, детей к родителям.

– И где это всё вы здесь увидели, позвольте вас спросить?

– В пьесе. Это очень чётко выписано.

Убежденность режиссёра обескуражила заслуженных артистов, и им на выручку поспешил Твяринин.

– Извините, но... здесь совершенно невнятный сюжет; несколько линий героев и ни одна из них не доведена до конца; финала нет... Мне, например, в принципе непонятно, о чём пьеса. О любви – это общие слова. Можно раскрыть любой текст и, покопавшись в нём, найти всё что угодно, включая любовь: к детям, родителям, Родине. Нам уже приходилось работать над плохими пьесами, но с хорошими режиссёрами. Мы прекрасно знаем, что в таких случаях результат зависит не от изначально заложенной драматургией мысли, а от режиссёрской фантазии, которая даже в таком материале помогает найти подтекст, второй план, какую-то идею.

– Я уверен, что вы говорите не об этой пьесе, – улыбнувшись одними губами, вкрадчиво сказал Болотов.

У Твяринина не хватило духу идти до конца, а, может быть, он просто не увидел в этом здравого смысла.

– Я говорю вообще...

– Вообще – принимается, но в данный момент нас интересует только эта история. Давайте говорить предметно.

– Хорошо, – опять вступил в разговор Дорофеев. – Тогда зайдем с другого бока. О чём будет наш спектакль?

Болотов удивленно поднял брови.

– Ну, если пьеса о любви, тогда о чём может быть спектакль?.. Если вы обратили внимание, здесь очень хорошо прослеживается тема главных героев. Они вам никого не напоминают?

– Современную шпану, разговаривающую дурным языком, – сказал Дорофеев.

– Тепло, тепло, ну?.. Подсказываю: в пьесе идет речь о взаимоотношениях двух семей, живущих на одной лестничной площадке. У них есть дети: его зовут Рома, ее – Женя. Семьи, как это водится у соседей, не очень-то жалуют друг друга... Рома и Женя... Рома и Женя... А?..

– На что это вы намекаете? – резко спросила Алтынская, начиная понимать.

– Я говорю о классической истории, хорошо знакомой всем, даже людям, далёким от театра. Я говорю о Ромео и Джульетте.

– Боже мой, да как можно сравнивать эти две вещи?! – возмутилась Алтынская. – Извините,

но это с Шекспиром и рядом не стояло! Даже пытаться проводить какие-то аналогии в этих пьесах недопустимо и кощунственно!

– А вам нравится пьеса «Ромео и Джульетта»? – вдруг спросил Болотов.

– Мне? – растерялась Алтынская, пытаясь нащупать каверзу, скрытую за простым вопросом.

– Да, да, вам... – Болотов заглянул в блокнот. – Алла Константиновна.

– Конечно, нравится. Это одна из лучших пьес мировой драматургии... А вам она не нравится? – ее вопрос прозвучал скорее как утверждение.

– Мне? – режиссёр открыто улыбнулся. – Скажем так: я не уверен, что это моя любимая пьеса.

– Чего в ней хорошего?.. Дети, секс, наркотики, убийства... – заговорил молчавший до сих пор Херсонов. – Ужасная пьеса.

Коллеги, улыбнувшись, на минуту расслабились, сбросив напряжение утомительно-серьёзной беседы.

– Нет, я не хочу сказать, что пьеса Шекспира плоха, – продолжал режиссёр. – Просто это не мой материал. А в данном случае эта же классическая тема, талантливо адаптированная автором к сегодняшнему дню, даёт нам помимо сюжета еще и очень яркие, сочно выписанные характеры.

– Отчего же Ромео и Джульетта разговаривают на матах? – не унималась Алтынская.

Режиссёр философски развел руками.

– Если вы заметили, так в пьесе разговаривают не только Ромео и Джульетта.

– Да, этого трудно не заметить.

– Я уже говорил вам, что мат – это авторский прием, очень чёткая речевая характеристика.

– Так почему же эта речевая характеристика у всех персонажей абсолютно одинаковая?.. – громко заговорил Твяринин. – Лают все! Без исключения!.. Автор мог бы и соригинальничать: хотя бы кого-нибудь из героев наградил бы нормативным сценическим языком. Вот была бы загадка режиссёрам и зрителям! Вот поломали бы голову – почему это один из персонажей разговаривает как человек?! Так нет же, автор, кроме матерщины, не удивил нас ничем.

Болотов на секунду задумался.

– Скажите... а вы не встречали в жизни людей, похожих на героев этой пьесы?

– Как вам сказать?.. – Твяринин тяжело перевел дух. – В жизни встречал всяких людей, в том числе и таких.

– Так в чём же дело?

– Но, знаете, в жизни, как это ни странно, есть еще много и нормальных людей: с другой психологией, с другими интересами, с проблемами, которые касаются большинства и будут интересны большинству. Чем автора увлекла эта грязь?

– Ну, во-первых, не такая уж это и грязь, – не согласился режиссёр. – А, во-вторых, чтобы лучше показать светлое, необходимо оттенить его тёмным. И в искусстве театра имеет право на жизнь закон контраста. Как вы думаете, если на белую, чистую простынь посадить чёрное пятно, что мы увидим?..

– Мы увидим испачканное белое, – тут же нашелся Тяврнин.

– Хорошо... Тогда так... Виталий?.. – Болотов еще раз заглянул в блокнот. – Виталий Дмитриевич!.. Вы в жизни используете ненормативную лексику?.. Лично вы?

– Лично я?.. Случается.

– И часто случается?

– Случается, что часто.

– Вот видите.

– Пока не вижу ничего.

– Дело в том, что боязнь вынести на сцену какие-то естественные моменты, допускаемые нами в жизни, является, по моему глубокому убеждению, обыкновенным ханжеством.

Заслуженные артисты дружно хмыкнули. Тяврнин растерянно проглотил неожиданный вывод молодого режиссёра.

– Интересная мысль, – заскрипел стулом Херсонов. – В жизни, например, помимо всего прочего, мы еще и ходим по нужде. Но при этом закрываемся в отдельных кабинетах и стараемся, чтобы нас никто не увидел и не услышал за этим занятием. Может быть, нам имеет смысл это делать публично?.. Всем на глазах у всех?.. Ведь это самая естественная часть жизнедеятельности нашего организма, и боязнь вынести этот акт на всеобщее обозрение не является ли показателем нашего ханжества?.. – он взглянул на режиссёра. – Я просто рассуждаю.

– Каким образом это связано? – осторожно поинтересовался Антон Александрович.

– Мат – это словесные фекалии, – пояснил Херсонов. – Им место только в отхожих местах, какими являются частные беседы, но не на сцене... Я допускаю, что есть любители фекалий, в том числе и словесных, но таких ребят называют меньшинствами. Я не уверен, что в этом случае

морально здоровое большинство должно следовать, скажем так, сомнительным вкусам специфического меньшинства. Конечно, я и сам могу загнать, но... я разделяю сцену и жизнь. Это не одно и то же. Есть допустимые и недопустимые вещи. В жизни – пожалуйста. Я бываю свиньей, дайте мне поваляться в моей грязи. Но публично изливаться своей испорченностью, как это делает господин драматург и как это предлагает нам, – извините!

Обстоятельный монолог Херсонова несколько озадачил молодого режиссёра. Он замолчал и задумался. В этот момент в его сумке радостно затренькала мелодия. Болотов поспешно вынул надрывающийся телефон и, извинившись, отошел к окну.

– Привет... Всё в порядке... Да... Хорошо... Лена, мне некогда, у меня репетиция... – он несколько секунд напряжённо выслушивал захлебывающееся многословие абонента, потом неожиданно рывком высокой нотой: – Всё! Я занят! Пока!

Опустив телефон в сумку, Антон Александрович шумно выдохнул, стряхивая с себя груз то ли своих личных проблем, то ли прерванного звонком принципиального творческого спора. Затем взял себя в руки, доброжелательно осмотрел притихший коллектив и вновь осветил своей улыбкой кабинет репетиционной комнаты.

– Ну что, продолжим?.. Договорим то, что мы не договорили, и я вас отпущу на перерыв. Времени у нас не так много, поэтому график работы будет плотным. Сегодня мы разберём материал по первому кругу... сколько успеем, конечно, – он задумчиво перебрал пальцами лежавшую перед ним стопку листов режиссёрского экземпляра пьесы и, взглянув на Тяврнина, продолжил: – Так вот, отвечая на ваш вопрос – для чего мы читали и будем пока читать весь текст без купирования его нашей внутренней цензурой. Я хотел бы прежде согласиться с вами в том, что мат в пьесе не всегда к месту. Иногда он тяжёл, навязчив и скорее раздражает, чем рисует образную картину. Но в данной пьесе – и это моё глубочайшее убеждение! – он необходим. К сожалению, мне не удалось убедить в этом вашего главного режиссёра, но мы пришли к компромиссу: сильное слово в спектакле прозвучит всего один раз, но оно прозвучит. В нужном месте и в нужное время. И тем мощнее будет его эмоциональный заряд... – Антон Александрович выдержал паузу, оценивая эффект, произведённый его

заявлением. – Но все эти слова и выражения, которые так пугают некоторых из вас, должны фантомно присутствовать в нашем спектакле. Хотя бы для того, чтобы текст не воспринимался кастрированным. Зритель должен понимать, что в этом месте актёром... то есть персонажем – простите! – произнесено, пускай и не вслух, но всё же произнесено то образное слово, которым мы с удовольствием пользуемся в жизни и от которого немножко лицемерно пытаемся откреститься на сцене. Поэтому мы будем зарабатывать эффект присутствия этих слов на репетициях, чтобы они неслышно звучали в нужных местах спектакля и играли на его мысль.

Режиссёр замолчал. Наступила минута полной тишины.

– Значит, премьеры сквернословия в нашем театре все же состоится... – зловеще констатировала Алтынская.

– Ну-у... – режиссёр многозначительно вздохнул.

Геннадий Гутин, невысокий, полный, начинающий лысеть актёр, нервно ожил на своем стуле. На протяжении диалогов режиссёра с оппонировавшими коллегами он сохранял молчание, внимательно и напряжённо слушая. Его слегка покрасневшее лицо и сжатые губы выдавали желание ввязаться в спор. Он терпеливо ожидал своей минуты, которая теперь, по всей вероятности, и наступила.

– Я не понимаю, – негромко начал он, играя колпачком шариковой ручки. – Не понимаю, почему мы так боимся этих слов? Действительно, с какой лёгкостью и вкусом мы пользуемся ими в жизни, не стесняясь ни друг друга, ни детей, а тут из-за этого целая трагедия! Как-то, знаете, даже смешно слушать все это. Самое настоящее лицемерие, а как назвать всё это иначе?.. Ну, сказали что-то со сцены, ну и что? Люди слышат это на каждом шагу, дома и на улице, почему-то там их это не шокирует! А если произнести это в театре – тут же возмущённые лица, грозящие пальчики: ай-ай-ай!.. Делаете это в жизни, имейте мужество увидеть себя же на сцене – свои слова, свои поступки. Пьеса – это срез жизни, реальной жизни, а не прилизанный и приглаженный обрубок!

Повисла напряжённая тишина.

– Вы шутите?.. – как-то растерянно обратилась к взъерошенному оратору Алтынская.

– Нисколько не шучу, – не поднимая на неё глаз, ответил Гутин. – Я говорю вполне серьезно.

Лично я не против матов. Я вообще люблю материться.

– Гена, ты любишь материться, а при чем здесь театр? – спросил Тяврнин.

Покрасневшее лицо Гутина стало пунцовым.

– Виталья, мне не нравится твоя позиция. Мне вообще не нравится, как ты рассуждаешь!.. Почему ты давишь на нас? Почему я должен соглашаться с тобой и поддакивать тебе, если у меня другое мнение?!..

– Никто тебя не заставляет поддакивать, но существует же какая-то внутренняя культура... Таким текстом мы испачкаем себя и обрызгаем зрителя. Чистым не останется никто: ни мы, ни они!

– Ну, тебе же ясно сказали: матов в спектакле не будет. А тот, один-единственный, может, достанется и не тебе. Чего ты переживаешь?

– Тут, кроме матов, грязи по колено! Ты собираешься все это произносить?

– По крайней мере, я не ханжа! – поставил точку в разговоре Гутин.

По вежливым выражениям лиц скучающей молодежи было понятно, что малозанятный спор старших товарищей их утомил, и они желают перерыва.

– Перерыв, – сказал режиссёр.

Застучали отодвигаемые стулья, и взбодрившиеся артисты потянулись в курительную комнату...

Театральная курилка – это особое место. Таинство причащения молодых актёров к миру искусства, быть может, происходит в большей степени именно здесь, чем на сцене. Интимная и притягательно-порочная атмосфера курительной комнаты затягивает в свои сети всех: мужчин и женщин, курящих и некурящих. Правда жизни как таковая очень часто оказывается здесь гораздо интереснее и насыщеннее, чем на сцене. Коллеги обсуждают репетиции, спектакли, режиссёров, друг друга; делятся впечатлениями о политике, экономике, здоровье и зарплате; не существует недостатка в графе «разное». Здесь на равных сходятся слон и моська, волк и ягнёнок. Несколько минут великого перемирия уравнивают всех... кроме главного режиссёра. Этому человеку, обладающему исключительными правами в театре, нет необходимости опускаться до курилки. Может быть, поэтому главному режиссёру здесь больше всех и достаётся?.. И поделом – будь ближе к людям.

Очередные и приглашённые режиссёры уже по своему статусу более демократичны. Они не

формируют репертуар, на них не лежит тяжкий груз ответственности за актёрскую занятость, и поэтому им нечего бояться коллектива. Здесь они солидарны с артистической братией, запросто общаются, дурачатся, шутят.

Антон Александрович Болотов последним в цепочке нетерпеливо следовавших актёров вошел в курилку, легко заговорил на свободную тему и опять стал центром всеобщего внимания...

Тяврнин, никогда не куривший, и Херсонов, давно бросивший эту гиблую привычку, лицом к лицу встретились в узком коридорчике, ведущем в мужские гримерные.

Между ними никогда не было особенной теплоты отношений. Но сейчас некая общая тревога словно магнитом притянула их друг к другу. Остановившись, они несколько секунд помолчали.

– Слушай, у меня нет слов... – негромко сказал Тяврнин.

– Это и есть знаменитый столичный уровень? – усмехнулся Херсонов. – Интересно... Ну, там пусть что хотят, то и творят, но зачем здесь им позволять делать это?.. У нас ведь, слава богу, не Москва!

– Я как потом в глаза буду смотреть своим знакомым?.. Он приехал и уехал, а нам здесь жить и работать. Это там – насвинячишь, спрячешься в миллионной толпе – никто тебя не увидит и не узнает. У нас здесь другая жизнь. Как он этого не понимает?.. – Тяврнин возмущённо спрятал вспотевшие ладони в карманы брюк.

– При чём здесь он? – вопросительно пожал плечами Херсонов. – Он-то как раз в этом случае не виноват. С него-то какой спрос?.. Зачем вообще было брать такой материал в репертуар? Какая необходимость ставить в нашем театре откровенно плохую пьесу? Почему мы должны произносить со сцены текст, написанный автором в состоянии алкогольного или наркотического одурения?.. Таким сочинением трезвый и умный человек разродиться не может. Это, извините меня, не пьеса, а драматургический выкидыш!

– За такое писательство руки надо обрубить по самые уши, – согласился Тяврнин.

– А тогда что нужно обрубить господам главным режиссёрам, которые утверждают в репертуар такую художественную патологию?.. Я бы обрубил. С удовольствием бы обрубил... за то, что опустил и нас, и театр, и зрителя!

– А меня вот что поразило больше всего... – Тяврнин помолчал, связывая в общую мысль

бродившие в нем обрывки эмоций и чувств. – Знаешь, Саня... Я когда одолел дома эту, прости господи, пьесу... я был абсолютно уверен, что никто из наших на читке не будет вслух произносить матерщину, что как-то будем... нивелировать её, что ли... Но я ошибся. Практически все! И молодые и немолодые! И мужики и бабы!.. Женщинам-то вообще постыдно даже выговаривать это, но ничего, как-то справились. Даже и не покраснели. Молодцы.

– Репетиция – ладно, но дальше так дело не пойдёт. Я такой же творческий человек, как и режиссёр, и имею право на принципы. Подурчили и хватит! – Херсонов даже покраснел от волнения. – Прислали сюда умника! Приехал учить нас культуре!.. Тут от своих учителей не знаешь куда бежать!.. в какую щель забиться!.. Он у меня довыпендривается: пошлю его подалее при всем коллективе и объясню, что это не оскорбление, а очень чёткая речевая характеристика актёра высшей категории Херсонова! Пусть потом разбирается в этой морфологии... – он в раздражении сплюнул.

Они помолчали, думая об одном и том же и каждый о своем.

69

– Гена Гутин меня убил, – опять заговорил Тяврнин. – От него я вообще не ожидал такого. Умный, интеллигентный человек... Столько лет знакомы... Как люди иногда неожиданно раскрываются!.. Я уже не знаю, что ожидать от каждого из нас. Ладно – молодежь – это ведомая публика, но взрослые, умные люди... Ничего не понимаю... Другое время... Время других ценностей, других отношений, других пьес.

– Я думаю, что ситуация еще хуже: сейчас время других людей.

– Да... не вписываемся в формат, – согласился Тяврнин и повторил. – Не вписываемся...

Перерыв закончился, и помощник режиссера пригласила всех на продолжение репетиции.

Когда актерская команда уселась за столы и затихла, Болотов объявил:

– Сейчас мы ещё раз прочитаем пьесу, только уже немного внимательней, и разделим её на эпизоды. Приветствую начало актёрского поиска в характерах своих персонажей... – он взял в руки первый лист. – Да!.. Читаем весь авторский текст. Весь.

– Вы этого требуете? – спросила Алтынская.

– Что вы?! – вежливо улыбнулся Антон Александрович. – Я просто предлагаю...

УРОК ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Уже вторую перемену ученик четвёртого класса Миша Елесин собирал вокруг себя большую группу ребят. Заинтересованный мальчишник после каждого звонка с урока сбивался в одном из уголков школьного коридора. Собственно, центром внимания становился не сам Миша, а какой-то предмет в его руках, который и обладатель, и облепившие ребята внимательно рассматривали, увлечённо склонив головы.

Любопытствующих одноклассниц мальчишки, расступаясь, допускали до своего секрета, а затем провожали торжествующим хихиканьем, когда покрасневшие девочки прорывались сквозь мальчишеский строй и торопливо убежали.

Заметив кого-либо из учителей, группа, как по команде, разбрелась в разные стороны. Миша Елесин уходил в класс, но спустя минуту появлялся в коридоре вновь, и мальчишек опять тянуло к нему, словно стайку воробьев на корочку хлеба.

Возвращаясь из учительской на урок русского языка, Нина Александровна заметила у лестницы своих учеников, притихших и что-то сосредоточенно рассматривавших. Занятая своими мыслями, она, не останавливаясь, прошла мимо. Вскоре прозвенел звонок, и дети уселись за партами на свои места.

Весь урок Нину Александровну не покидало странное ощущение. На первый взгляд всё было так, как всегда, и только напряжённая тишина на протяжении долгих сорока пяти минут наводила опытного педагога на мысль о существовании какой-то тайны, связывавшей детей, но пока ещё неизвестной классному руководителю.

На перемене Нине Александровне сообщили, что в связи с плановой вакцинацией необходимо к началу следующего урока привести свой класс в медицинский кабинет. Прививки отнимут немного времени, и полностью освободить детей от урока нет необходимости.

К концу перемены, проходя по коридору, Нина Александровна опять обратила внимание на мальчишек, окруживших Мишу Елесина. Увидев учительницу, ребята сделали безразличный вид и разошлись. Нина Александровна успела рассмотреть предмет в руках Миши, который он тут же спрятал в карман. Это был мобильный телефон.

Прозвеневший звонок собрал в класс гудевший детский улей.

– Ти-ши-на!.. – перекрыла учительница возбуждённые высокие голоса. – Слушайте меня внимательно: сейчас вы все подниметесь на второй этаж и подойдёте к медпункту...

– Зачем? – перебил кто-то из мальчишек.

– Дослушайте и всё узнаете... Подойдете к медпункту. Там вам будут делать прививки.

Четвёртый класс хором выразил своё неудовольствие.

– Это совсем не больно, – объяснила Нина Александровна. – Все дружно стоим возле двери кабинета, входим по одному, выходим, ждём всех остальных и вместе возвращаемся в класс. Понятно?

– Сотики брать с собой? – спросил писклявый девичий голосок.

– Сотики можете оставить здесь. Я замкну класс, и они никуда не денутся. В коридоре соблюдать полную тишину: идут уроки. Всё, поторопитесь, я иду следом.

Ученики вышли в коридор и потянулись к лестничной клетке. Класс опустел. Нина Александровна уже подходила к двери, как вдруг в последний момент вспомнила о мальчишеском междусобойчике, толкавшемся каждую перемену возле Миши Елесина. Если в первый раз она не обратила на это внимания, то повторение картины на следующей перемене заставило её насторожиться. Нине Александровне показалось подозрительным то, с какой поспешностью Миша спрятал свой телефон.

Остановившись, учительница на секунду задумалась и посмотрела на парту Елесина. Его новенький мобильник беспечно лежал возле учебника «Окружающий мир». Нина Александровна вернулась, взяла Мишин телефон, некоторое время смотрела на чёрный квадратик дисплея, а затем нажала одну из кнопок. Мобильник послушно высветил стопкадр неоконченного видеоролика. На застывшей картинке крупным планом был зафиксирован самый откровенный момент главной тайны отношений мужчины и женщины.

От неожиданности Нину Александровну передёрнуло, но она, теперь уже решив идти до конца, активировала кнопку воспроизведения.

Оставшиеся пятнадцать секунд ролика педагог досмотрела до конца, стоя в растерянности. У неё было такое ощущение, будто её публично окатили помоями. Она оглянулась на полуоткрытую дверь класса и брезгливо положила телефон на место.

Вышла в коридор, замкнула дверь и нервно зашагала к двести шестому кабинету. Её душа клокотала негодованием. Ведь это безобразие определенно видел весь класс! Теперь ей стала понятна причина провокационной тишины, царившей на уроке. Значит, об этом знали все, кроме учительницы. Знали и помалкивали!..

Нина Александровна на ходу подбирала слова, с которых она собиралась начать серьёзный разговор с детьми.

У медкабинета она молча выстроила учеников в колонну по одному. Миша Елесин стоял первым. Он храбро вошел в кабинет и вскоре вышел оттуда, натягивая на себя курточку.

– Не больно, – сказал он то ли ребятам, то ли Нине Александровне, как-то по-особенному сморщившись на него.

Миша был выше и крупнее своих сверстников, но не отличался ни физической силой, не смелостью. Учился посредственно, стремлений к знаниям не проявлял, хотя в общем был способным и неглупым мальчиком. В нём отсутствовало первое и самое главное качество ученика – желание. То, что у Миши есть персональный компьютер, Нина Александровна знала, как знала и то, что через интернет может нацеплять всяческой дряни любой пользователь, независимо от своего возраста, пола, уровня воспитания и внутренней культуры. В наше время никто не застрахован от агрессивной навязчивости липкой всемирной паутины и безнравственности плетущих ее пауков, но козырять закачанной оттуда грязью перед одноклассниками!.. В десять лет – не рановато ли?..

Когда последняя девочка робко вышла из дверей медкабинета, Нина Александровна повела детей в класс.

Она в строгом молчании дождалась, когда они рассядутся по местам, затихнут и обратят на неё внимание. Самые сообразительные ученики зашикали на галдевших товарищей, и в классе установилась образцовая тишина.

Нина Александровна достаточно долго, не нарушая этой тишины, немим укором стояла у доски. Заглянув в глаза каждому ребенку, она намеренно задержала взгляд на невинном взоре Миши Елесина. Она внимательно смотрела на него, а он на нее, не обнаруживая при этом ни малейшего смущения.

Затянувшаяся игра в молчанку первой утомила учительницу, и она решила перейти непосредственно к делу.

– Так... Послушайте меня внимательно. Сейчас я у вас кое-что спрошу, и вы должны мне ответить честно. Слышите – честно!.. Итак: поднимите руки те, кто не смотрел на переменах того, что записано на телефоне у Миши Елесина!..

В классе, казалось, стало ещё тише. Руки никто не поднял. Нина Александровна растерялась.

– Что, – не поняла она, – это увлекательное кино видели все?

Три девочки неуверенно вытянули руки вверх.

– Хорошо, – сказала учительница стыдливо съёжившемуся классу. – Значит, из двадцати семи человек только у троих хватило ума и совести не смотреть того свинства, которым угощал вас сегодня Миша. Ну, что же... молодцы.

– Мы с Настей не знали, что там, – попыталась оправдаться одна из девочек.

– А к нам сами подошли и показали, – добавила другая.

Мальчишки смущённо помалкивали. Теперь, когда карты были раскрыты и своё причастие к запретно-греховному отрицать стало невозможно, весь класс уткнул носы в парты.

– Чего головы опустили? Стыдно мне в глаза смотреть?.. Это хорошо. Когда стыдно, это очень хорошо. Если у человека есть стыд, значит, он ещё человек. Если стыда нет, он – свободная личность. Так вот: свободными личностями вам становиться еще рано. Некоторые поступки не красят взрослых, а уж детей тем более, – она возмущённо помолчала. – Как вы могли это смотреть?! А?.. Саша... – обратилась Нина Александровна к примеру класса Саше Казанцеву. – Тебе не совестно было? Ну, скажи: не совестно?..

Не поднимая головы, мальчик пробурчал невнятное оправдание.

– Что, что?.. – не поняла учительница.

– Все смотрели, и я смотрел, – чуть громче повторил Саша.

– А если все заберутся на крышу и начнут оттуда прыгать, ты тоже будешь это делать? – привела учительница вечный в своей простоте и гениальности пример. – Ну, говори, тоже прыгнешь вниз?.. Я была о тебе лучшего мнения.

Саша Казанцев обиженно промолчал.

– Это касается не только Саши, это касается всех, – продолжала Нина Александровна. – Помните, дети: если кто-то когда-то предложит вам сделать что-то некрасивое, не бойтесь ска-

зять «нет», даже если это некрасивое будут делать все вокруг. Не бойтесь иметь собственное мнение, не идите ни у кого на поводу. А иногда нужно уметь сказать «нет» и самому себе. Сегодня этого «нет» не сказал себе никто из вас, я так понимаю. Вы покорно пошли туда, куда повёл вас Миша Елесин... – Нина Александровна остановила суровый взгляд на виновнике некрасивой истории. – Миша, встань.

Покрасневший мальчик нехотя поднялся, глядя в пол.

– Ну, рассказывай...

– Что рассказывать?

– Ну, для начала скажи, где взял эту гадость.

– В интернете, – несмело признался Миша.

– Очень хорошо. Сам скачал?

– Сам.

– Молодец. Прямо мастер на все руки. А в класс зачем это принёс?.. А?.. Ну, говори: зачем принёс это в класс?

– Не знаю.

– За свои поступки нужно уметь отвечать. Вот и объясни всем нам: зачем ты эту мерзость принёс в школу? – Нина Александровна не сводила строгих глаз с совершенно смутившегося ученика. – Я жду.

– Так... посмеяться, – наконец едва слышно выдал из себя Миша.

– Посмеяться?! – воскликнула учительница и, оглядев испуганно молчавший класс, спросила. – Ну что, кому из вас было смешно?..

Дети ещё крепче вжались в свои стулья, не смея даже пошевелиться. Никто не произнёс ни слова.

– Вот, Миша, – говорила Нина Александровна, – оказывается, смешно не было никому. Честно признаюсь тебе: мне вот тоже было не особенно весело, когда я увидела всё это. Так что праздника не получилось, ты уж извини, – помолчав, она устало вздохнула. – Мама-то знает о том, что ты находишь в интернете, что скачиваешь оттуда и что приносишь в школу?.. Знает?

– Нет, – ответил Миша.

– А теперь узнает обязательно, – пообещала Нина Александровна. – Потому что я ей скажу об этом. И ей будет очень стыдно за тебя. Я обязана сообщить маме о твоём поступке. Завтра Диана Сергеевна должна прийти в школу для разговора со мной. Передай ей это, пожалуйста. Если мама не придёт, я тебя на урок не пущу. Ты понял?

Мальчик уныло кивнул головой.

Нина Александровна еще долго воспитывала класс. Говорила эмоционально и убедительно, пытаясь объяснить детям существование тонкой грани между дозволенным и недозволенным, а также обязанности каждого человека, независимо от возраста, слышать голос своей совести и следовать ему. Говорила о том, что мир взрослых устроен очень сложно и что в этом мире, к сожалению, много делается неправильно, опасного и отвратительного. Не все взрослые могут служить примером для маленьких детей, и дети должны учиться понимать сами, кому из взрослых можно доверять, а кому нельзя, какие поступки нравственны, а какие гадостны!.. Нина Александровна так увлеклась, что не заметила, как пролетело время и прозвенел звонок.

На следующее утро Миша Елесин подошёл к классной руководительнице и сообщил, что мама пообещала прийти сегодня обязательно.

– Хорошо, – ответила на это Нина Александровна и разрешила мальчику занять своё место за партой.

Диана Сергеевна оказалась в дверях класса на большой перемене. Нина Александровна пригласила её пройти и подождать несколько минут, пока она отведёт детей в столовую.

Усадив ребятшек за накрытые столы и дождавшись стука ложек по тарелкам, учительница вернулась в класс к ожидавшей ее Мишиной маме.

Диана Сергеевна была довольно плотной молодой женщиной высокого роста с крашеной под вороново крыло короткой стрижкой. Как истинная современная дама она предпочитала носить джинсы.

Задумавшаяся родительница неподвижно стояла у учительского стола. Нина Александровна начала издалека. Она рассказала маме о поведении Миши в целом, о том, что он не отличается усидчивостью и дисциплинированностью, о наличии у него способностей, но отсутствии старания и, наконец, о том, что хотелось бы Диану Сергеевну почаще видеть на родительских собраниях. Когда Нина Александровна подошла к главному вопросу, из школьной столовой уже начали возвращаться ученики.

Одним из первых в класс вошел Миша. Искоса поглядывая на беседующих взрослых, он сел за свою парту.

Нина Александровна подробно объяснила Диане Сергеевне суть вчерашней ситуации и попросила серьезно поговорить с Мишей на пред-

мет этики и морали, а кроме этого изыскать возможность контролировать блуждания сына в интернете.

Диана Сергеевна слушала, опустив голову и глядя в пол. В течение всей пространной речи классного руководителя она ни разу не подняла глаз.

Нина Александровна полностью высказалась и замолчала, ожидая ответного слова родительницы.

Диана Сергеевна едва слышно произнесла: «Хорошо», – и сразу же вышла из кабинета.

– Видишь?.. – обратилась Нина Александровна к Мише. – Видишь, как ты подвёл свою маму? Ей даже стыдно было смотреть мне в глаза. И мне тоже очень неприятно за весь этот разговор. Своим поступком, Миша, ты поставил нас, взрослых людей, в неловкое положение.

Миша молчал, но Нина Александровна отметила, что, несмотря на свое смущение, он смотрел ей в глаза прямо, открыто и даже, как показалось ей, немного дерзко. Действительно, очень непросто достучаться до сердец сегодняшней молодежи, и с каждым поколением делать это становится всё труднее и труднее. Ничего удивительного: чёрствое время востребует чёрстные души.

Нина Александровна сокрушенно вздохнула, села за стол и принялась перелистывать журнал. Минуты через три прозвенел звонок, но начать урок педагог не успела. В класс заглянула секретарь и попросила ее пройти в кабинет директора.

– Я ненадолго, – предупредила Нина Александровна радостно заулыбавшихся учеников. – Сидеть тихо! Ни одного звука!..

Поднимаясь по лестнице на второй этаж и шагая по опустевшему школьному коридору, она пыталась угадать причину внезапного вызова к Ольге Петровне, но не угадала.

В кабинете директора находилась также и Диана Сергеевна Елесина. Стало понятно, что разговор будет иметь непосредственное отношение к мальчику Мише.

– Добрый день еще раз, – поздоровалась Нина Александровна. – С Дианой Сергеевной мы только что разговаривали.

Ольга Петровна не ответила на приветствие. Мишина мама отошла к окну. После вступительной паузы директор начала разговор.

– Нина Александровна... Полагаю, что вы уже догадались, по какому поводу я пригласила вас сюда.

– Думаю, что по поводу инцидента с Мишей.

– Совершенно верно... Совершенно верно...

– Ольга Петровна, несмотря на свою внешнюю невозмутимость, была чем-то озадачена. – Дело в том, что мы сейчас тоже беседовали с Дианой Сергеевной, и она, то есть Диана Сергеевна, настояла, чтобы в продолжение нашего разговора обязательно присутствовали вы.

– Хорошо, – согласилась Нина Александровна. – Я слушаю.

Директор внимательно посмотрела на учительницу, выдержавшую пристальный взгляд.

– Нина Александровна... скажите, пожалуйста, каким образом вы узнали, что именно было в телефоне вашего ученика?.. Я имею в виду Мишу.

– Его телефон лежал на парте. Я взяла его и посмотрела.

После этих слов Диана Сергеевна шумно засопела у окна, а Ольга Петровна сдержанно выдохнула.

– Нина Александровна, – подчёркнуто спокойно продолжала директор. – Как вы считаете: имели ли вы право брать в руки чужую вещь?

Кабинет на секунду оглох от абсолютной тишины.

– Не понимаю, – растерялась Нина Александровна. – Что вы имеете в виду?

– Дело в том, – вступила в разговор Диана Сергеевна, – что мы сегодня живём в другом мире, и в нём, слава богу, существуют права. Даже самый маленький человек является гражданином, и у него есть законное право на своё личное пространство и на свою личную собственность. Телефон, уважаемая Нина Александровна, является личной собственностью ребёнка, и никто, слышите, никто не смеет без разрешения хозяина этот телефон брать в руки, а тем более выискивать в нём какой бы то ни было компромат. Вы вчера нарушили законное право ребёнка на собственность...

– Позвольте... – перебила родительницу возмущенная Нина Александровна.

– Нет уж, теперь вы позвольте! – повысила голос ещё более возмущенная Диана Сергеевна. – Я вас выслушала в классе. Теперь уж вы меня послушайте... Мой сын вчера был в шоке. Он долго не мог успокоиться. Вы опозорили его перед одноклассниками. Мало того, что вы лазили в его личных вещах...

– Потрудитесь выбирать выражения! – вспыхнула Нина Александровна. – И сбавьте, пожалуйста, тон.

– Я выбираю выражения! – не смутившись и тона не сбавив, продолжала Диана Сергеевна. – Я только называю вещи своими именами... Как мне теперь объяснить сыну, что никому не дозволено вторгаться в его личное пространство, если вчера это его личное пространство было самым возмутительным образом нарушено. И кем?.. Учителем – человеком, являющимся для ученика примером!

Диана Сергеевна активно перевела дух.

– Я могу сказать слово? – Нина Александровна повернулась к Ольге Петровне, явно чувствующей себя неловко.

– Да. Пожалуйста.

– Вы здесь говорили о правах, – обратилась классный руководитель к взволнованно блестящей глазами родительнице. – Так вот, я тоже хочу вступить за своих учеников. Двадцать четыре ребенка имели право быть огражденными от порнографии, которую распространял ваш сын. Двадцать четыре!.. Таким образом, вашим сыном были нарушены права двадцати четырех учеников.

– Их никто не заставлял, – возразила Елесина. – Они смотрели по доброй воле. Это тоже выбор каждого человека.

– Извините, о каком выборе в десятилетнем возрасте вы говорите?

– Надо уметь уважать выбор человека любого возраста.

– Нет, такой выбор я уважать не могу.

– Это ваши проблемы, – отрезала Диана Сергеевна.

– Нет, это ваши проблемы, – не согласилась Нина Александровна. – Если вы сейчас потакаете сыну в таких вещах, то рано или поздно всё это станет вашими проблемами. Хорошо ещё, если только вашими.

– Пожалуйста, не нужно меня ни учить, ни воспитывать.

– Я учу не вас, а вашего сына. А воспитывать ребёнка в первую очередь обязаны сами родители.

– Вы хотите сказать, что мой Миша невоспитанный мальчик?

– Вы видели, что у него в телефоне?

– Видела.

– И какова ваша оценка?

– Мальчик начинает интересоваться девочками. Это нормально. Ненормально было бы, если бы мальчик девочками не интересовался.

– Но вы понимаете, что это совершенно другое качество интереса? Это не имеет никакого

отношения ни к взрослению ребёнка, ни к любопытству. Это грязная порнография.

– Вас в данном случае это не должно касаться. Со своим сыном я разберусь сама.

– Пожалуйста, разбирайтесь, но так, чтобы в дальнейшем от поступков вашего сына не страдал весь класс.

– В свою очередь, я хотела бы попросить вас, чтобы в дальнейшем от ваших противозаконных действий не страдал мой сын!..

– Диана Сергеевна, – осторожно заговорила Ольга Петровна. – Давайте будем немного сдержаннее в своих оценках. Нина Александровна – педагог с большим стажем, её уважают коллеги и любят ученики.

Разгорячённая родительница замолчала, но тут же, передохнув, упрямо продолжила:

– Конечно, сам ребёнок не может за себя постоять, это понятно. Но детская беззащитность ещё не повод для вседозволенности, тем более в образовательном учреждении... Моему сыну нанесена психологическая травма, – обратилась она к директору. – В качестве компенсации за моральный ущерб я требую от Нины Александровны извинений.

– Что?! – глаза учительницы гневно засверкали.

Ольга Петровна сжала губы и промолчала.

– Оскорбление моему ребёнку было нанесено публично, поэтому и признание своей неправоты тоже должно быть принесено педагогом при всём классе.

– Вы соображаете, что говорите? – задыхнулась от возмущения Нина Александровна. – Всему есть граница.

– Вот именно, граница есть всему. Вы первая её нарушили и должны за это отвечать. Кстати, это будет прекрасным примером детям в том, как должен вести себя человек, осознающий свою неправоту.

– Диана Сергеевна, это уже слишком, – попыталась остановить разгоревшийся конфликт директор. – Давайте все вместе сделаем правильные выводы из случившегося и разойдёмся по-хорошему.

– Нет, это принципиально, Ольга Петровна, – не согласилась родительница. – Мой сын должен знать свои права и никому не позволять посягать на них.

– Что касается извинений, – срывающимся голосом заговорила Нина Александровна, – то в первую очередь класс должен услышать их от Миши.

– Миша не трогал чужих вещей. А то, что он по своему детскому недомыслию скачал из интернета, может найти и увидеть любой ребенок, хотя бы немного разбирающийся в кнопках компьютера. Так что здесь нет никакого преступления, и извиняться ему не за что.

– В таком случае, боюсь, что и я помочь вам ничем не смогу.

– Ну что же... – пожалала плечами Диана Сергеевна и решительно вышла из кабинета...

Последующие субботу и воскресенье Нина Александровна находилась под сильным впечатлением. Учителям не привыкать к претензиям и напраслинам со стороны родителей, но этот случай, по её мнению, был вопиющим. Она уже давно так не нервничала.

В понедельник, по окончании последнего урока, Нину Александровну опять пригласили в кабинет директора. Учительница почувствовала предстоящее продолжение неприятной темы и не ошиблась.

Ольга Петровна на этот раз была в кабинете одна. Она предложила присесть Нине Александровне, после чего, избегая глаз собеседницы, сообщила, что сейчас звонили из городского отдела народного образования. Мама Миши Еленина была сегодня там и заявила о нарушении прав ребёнка в школе, где учится её сын.

– Ну, это уже смешно, – сказала Нина Александровна.

– Нет, как раз это совсем не смешно, – возразила директор. – Наша школа прозвучала на уровне города, но совсем не так, как хотелось бы всем нам.

– Беспокойная мамаша. Чего она добивается?

– Она добивается извинений.

Нина Александровна хотела высказать всё, что думала, но осеклась и замолчала.

– Неприятная история, – Ольга Петровна задумчиво постучала карандашом по полированной поверхности стола и повторила. – Неприятная история.

– Что сказали в гороно?

– В гороно сказали, что классный руководитель была неправа.

– Как?..

– Дорогая Нина Александровна... – директор наконец подняла взгляд на побледневшую учительницу. – Да поймите же вы, что при любом раскладе неправым в такой ситуации всегда выглядит тот, кто без разрешения взял чужую вещь.

С этим согласится любой суд. Если дело до него, конечно, дойдет.

– А что, может?

– К сожалению. Мама полна решимости до победного конца бороться за права человека в отдельно взятой школе. И нам это грозит совершенно ненужной славой. Мало того, Диана Сергеевна пообещала передать информацию в край, если здесь её требования не будут удовлетворены.

– Прямо террористка какая-то, – попыталась пошутить Нина Александровна, но глаза директора смотрели на неё серьезно и безжалостно.

– В этом случае наша школа приобретет большую популярность. Вот как бы нам её избежать?..

– Я извиняться не буду, – тихо сказала Нина Александровна. – Это иезуитство.

– Послушай, Нина, – вдруг тепло и откровенно заговорила Ольга Петровна. – Мне год до пенсии, тебе год до пенсии. У нас с тобой очень хорошие отношения, поэтому давай я скажу тебе всё без затей. Из гороно мне недвусмысленно намекнули, что я должна уладить этот конфликт, потому что там тоже не заинтересованы в его раздувании. Как ты сама понимаешь, нарушение прав ребёнка – это такая пачкотня, после которой долго не отмоешься. И никто не будет разбираться, что там было у этого мальчика в телефоне. Тут главное звон, а не суть. Если звона всё же избежать не удастся, то по окончании учебного года, дорогая моя Нина, я должна буду отправить тебя на заслуженный отдых. Я знаю, что и меня вслед за тобой ожидает такая же участь. Подумай теперь сама: у тебя дети, у меня дети; у тебя внуки, у меня внуки. Кто будет им помогать?.. Тем более у тебя дочь без мужа... Вот скажи: стоит ли всё это каких-то дурацких принципов, которые, по большому счету, никому не нужны?

Нина Александровна смотрела на Ольгу Петровну и молчала.

– Ты должна извиниться, – сказала директор. – У тебя, Нина, нет выбора. Единственное, чем я могу тебе помочь, это уговорить мамашу выслушать твоё покаяние не в классе, а здесь, у меня.

Совершенно белая Нина Александровна вышла из кабинета...

Ольга Петровна сдержала слово. На следующий день она вновь пригласила провинившегося педагога в директорскую. Здесь уже ожидали Диана Сергеевна с сыном Мишей.

Нина Александровна во вступительном слове объяснила смущённому ученику, что не всё можно и нужно приносить в школу, что он уже взрослый человек и должен отвечать за свои поступки, что, в конце концов, нельзя заставлять так нервничать и маму, и классного руководителя. Затем она начала говорить о том, что учителя такие же люди, как и все, и им тоже свойственно ошибаться. Но в отличие от некоторых детей взрослые всё же находят в себе силы признавать свои ошибки. Поэтому Нина Александровна соглашается, что была неправа, взяв без разрешения Мишин телефон. Чужие вещи вообще брать нехорошо, даже если этим ты кому-то хочешь сделать доброе дело. Нина Александровна теперь сама убедилась в этом и прино-

сит Мише извинения за свой неправильный поступок.

Она хотела еще что-то прибавить, но у нее вдруг закончились и мысли, и слова. Просто закончились и всё. Словно из часов вынули батарейку, и они беспомощно остановились.

Диана Сергеевна посчитала себя достаточно удовлетворенной. Права ребёнка были восстановлены...

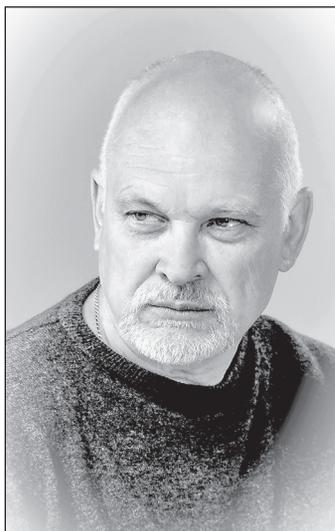
По окончании уроков, проводив последнего ученика за дверь, Нина Александровна замкнула за ним класс и, не найдя в себе сил вернуться на учительское место, тяжело опустилась на стул у ближайшей парты.

Никто не видел, как она плакала.

**Валерий
БАСЫРОВ**

**ЛЮБОВЬ МОЯ,
РОДИНА, МОРЕ**

* * *

*Небеса весенние просели,
холодом дохнуло на ребят.
Закрывают в парке карусели,
воробьи обиженно галдят.*

*Ну и юг! Глаза бы не глядели!
С гор дожди холодные скользят.
Снова в парке мокнут карусели,
воробьи нахальные молчат.*

У МОРЯ

*Сегодня в день ворчливого прибоя
у моря отдыхали мы с тобою.
Роптали волны,
ты читала.*

*Весенний ветер, выгнанный волною,
вдоль берега охотно шёл со мною.
Смеялись волны,
ты читала.*

*Поникнул ветер головой хмельною
и, не простившись, скрылся за горою.
Вздыхали волны,
ты читала.*

*День тишиной наполнился густою,
но не поверил я нежданному покою.
Затихли волны,
ты читала.*

* * *

*Вернулся я не вдруг издалека –
истосковался по земному раю.
Молчание здесь каждого цветка
легко, как человека, понимаю.*

*Вернулся навсегда издалека,
и так добра ко мне земля родная,
что долго воду пью из родника,
горячими губами припадая.*

ВСТРЕЧА

*Как долго не видел я друга!
И вот за накрытым столом
вино, завезённое с юга,
мы молча и медленно пьём.*

*Потом от него я узнаю
про дом на крутом берегу,
который с трудом вспоминаю
и вспомнить никак не могу.*

Про сад сиротливый и дикий
в далёком, как детство, краю...
И память – трава повилика –
опутает душу мою.

Давно я на родине не был!
Наверно, поэтому мне
высокое крымское небо
так часто приходит во сне...

ТРИПТИХ, НАВЕЯННЫЙ ТОБОЙ, РОДИНОЙ, МОРЕМ

1

Что может быть желаннее одиночества?

Удивительное состояние,
когда остаёшься один на один
со своими мыслями;
когда никто тебе не мешает соглашаться
с самим собой;
когда ты можешь быть откровенным
(наконец!)
и не боишься показаться незащищённым
в глазах природы;

когда твоя душа
охотно откликается
на сдержанные размышления ветра
и радуется достигнутому взаимопониманию.

Что может быть тревожнее одиночества?

Взгляд невольно натолкнётся
на картину-видение,
написанную ветром на холсте неба
посредством облаков –
и состояние покоя –
только что пришедшее к тебе, –
сменяется неопределённостью:
как всё зыбко в этом мире...

Что может быть безрассуднее одиночества?

Как гнетёт порою предчувствие
опустошённости:
боишься признаться себе в том,
что очень долго шёл к пониманию своей сути.
Но, осознав это, –
испуганно остановился на пороге Мгновения,
которым ты надеялся утолить жажду
невысказанного тщеславия.

Вот так и у нас с тобой:
рождённые для одиночества,
интуитивно потянулись друг к другу

и в огне страсти расплавили
свои истосковавшиеся души.
Пусть.

Я ни о чём не жалею.
Молю Судьбу об одном:
Господи,
сохрани наши чувства,
не дай им сгореть...

2

Что Смерть?
Не опровергнутый пока
закон,
рождённый Жизнью.

В ночи Луна
подмигивает резвым
и блуждающим огням,
скользящим по Волнам
от мыса Ай-Тодор
в таинственную Осень.

Как опрометчивы Огни!
Игрою увлеклись –
и вот уже их погасило Море.
Остановитесь!

Где там.
Несутся друг за другом
и забываются у Горизонта на груди.

Всему свой срок:
и нашему Молчанию,
и оплывающей свече.
И дивному Вину
с диковинным названием –
«Чёрный доктор».

Всему виною рок:
я на тебя смотрю,
а взгляд уже мой в прошлом;
обнял тебя, –
и в прошлое прикосновение ушло.

Как быстротечно Время.

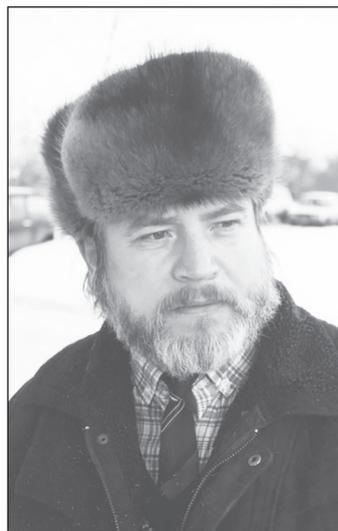
3

Мрачно.
Пустынно,
тревожно.
Опустошает гнетущая боль.
Под теменью
нев्यразительна разноликость юга.

Поздравляем нашего коллегу, члена СП России Сергея Степановича Побокина с 70-летием. Сергей Степанович, от всей души желаем тебе успехов, здоровья, творческих сил!

Сергей ПОБОКИН

ЛЮБВИ МОЕЙ ОПОРА

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

*Там, где плачут над водами старые ивы
И рассветы встают над туманной рекой,
Где-то там я бегу по-ребячьи счастливый,
С незапятнанной светлой и доброй душой.*

*В пережитом старье и истёртом ошерстье,
И недавно совсем отгремела война.
И такой же со мной товарищ и сверстник.
На работу спешит светлым утром страна.*

*Мы пока что запас – трудовые резервы,
Но придёт наше время, страна позовёт.
Мой товарищ – вторым, я уйду снова первым:
На подсобку пока, а потом на завод.*

*Мы пока огольцы – обживаем просторы.
Разлилась по полям в половодье река.
Мы на лодке плывём, как лихие поморы,
Всё у нас впереди, подрастаем пока...*

*Кто-то скажет: «Зачем ворошить своё
детство.
Коль ушло – так ушло, что его вспоминать!»
Только нет! От коррозии средство –
Моё детство напомнит опять и опять...*

ИСКИТИМКА

*Привет речушке Искитимке!
Меня с тобой уж рядом нет.
Ты вся за далью в синей дымке
Из детства излучаешь свет.*

*Твой берег в плитах, как в граните.
У зданий европейский вид:
Пришли и стали у границы
Моей мальчишечьей любви.*

*Тут голубей оседлых стаи,
И диких уток трудно счесть.
От труб сливных и льдины тают,
И птицам можно в воду сесть.*

*Над речкой в январе летают –
Уже не тянет тёплый юг.
Путей миграции не знают,
А может, просто недосуг?*

*Он стал иным, привычный город,
К далёким рубежам стремясь.
И здесь любви моей опора,
И с малой родиной связь...*

ПОБОКИН Сергей Степанович родился в 1945 году в Кемерове. Окончил Анжеро-Судженский горный техникум, машиностроительное отделение. Работал на химических и машиностроительных предприятиях области. Его стихи публиковались в альманахе «Огни Кузбасса», журнале «Молодая гвардия», коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Улица Синего плёса», «Русь в берёзовой строчке», «Летний снегопад». В качестве прозаика выступает впервые. Член Союза писателей России. Живёт в Анжеро-Судженске.

* * *

Включаю фару, побибикал.
И, как коня, веду на вход.
Товарищ – верный мотоцикл,
Моё спасенье – вездеход.

Проводка видится снаружи
И слышен скрип железных жил.
В жару и до предзимней стужи
Он верой-правдой мне служил.

На мне от возраста, наверно,
Проводка тоже вся видна,
Но не ругаю немощь скверно
И не курю, не пью вина.

Уже гляжу на мир построже,
На пройденный житейский путь.
Под сморщенной и смуглой кожей
Рабочая открылась суть.

* * *

Забыл, о свет, ты в космосе свой путь.
И по земле плетёшься как-нибудь.
Толкаешь еле день, чуть дёргаешь рассвет:
Наверно, у тебя уж прежней силы нет.
И мы без цели по земле бредём,
Припоминая молодость вдвоём.
Остался за спиной нелёгкий путь,
Пора бы нам, наверно, отдохнуть.
А там, где в небе радуга дугой,
Судьбой отмечен будет кто другой.

СИБИРЬ

Хороши поутру на рассвете
Рощи в щебете, в дымке поля.
Здесь и солнце по-доброму светит,
И тепла под стопою земля.

Согревает земляца наша,
Пусть Сибирь далеко не рай.
Земли есть и богаче, и краше –
Мне дороже Сибирский край.

Не удержат заборы, ограды
Наш простор, что не знает границ.
Для души лучшей нет награды
Голосистого пения птиц.

Здесь в озёрах зеркальные рыбы,
Лес колбой да грибами щедр.
Сибиряк, не боясь ушиба,
Оседляет могучий кедр.

По железным дорогам Транссиба
Мчат составы, ликуя, звеня.
Я на Яю поеду за рыбой,
Возле плёса ищите меня.

* * *

Берёза словно Иппокрена –
Святой поэзии родник!
В лесу весеннем непременно
Я выберу счастливый миг.

Открою родничок в овраге,
В гостях у речки и тайги.
Пусть из коры, как из бумаги,
Прольются соки, как стихи...

Поэзия, ты струйкой брызги
Весёлой, словно детский смех.
Пью чашу на закате жизни
За поэтический успех!

**Вячеслав
КИЛЕСА**

ПРИЕЗД НЕЗНАКОМКИ

Рассказ

Вечером, после ужина, жена неожиданно вспомнила:

– Тебе звонила какая-то женщина из Тирасполя. Сказала, что её зовут Маша, и что вы были раньше знакомы, когда ты в армии служил, как я поняла.

– В армии? – Донов нахмурился. – Да, что-то припоминаю... Она ещё что-нибудь говорила?

– Она будет тебе звонить часов в десять в воскресенье, – жена с любопытством посмотрела на Донова: – Какое-то юношеское увлечение, да?

– Просто знакомство, – Донов отвернулся, не желая продолжать разговор, и жена, поняв это, безразлично пожала плечами и занялась мытьём посуды. Они давно не интересовались делами и переживаниями друг друга: два корабля, вынужденные стоять на приколе в одной семейной гавани.

Маша... Память Донова, всколыхнувшись, перенесла его через множество лет в Тирасполь, где он, двадцатипятилетний лейтенант, призванный после окончания вуза на два года в армию, приглашает в театр официантку генеральской столовой Машу, самую красивую и недоступную девушку в дивизии, – и с удивлением обнаружи-

вает, что она соглашается. И этот вечер в театре – ставили очень смешную и увлекательную комедию, – когда общий смех настолько их сблизил, что Донов решился взять Машу за руку, и она не сразу её отняла. А потом он провожал её домой, и на перекрёстке она попрощалась с ним, пояснив, что возле подъезда на лавочке постоянно сидят соседи и она не хочет, чтобы их видели вместе, а он ещё долго стоял, слушая, как удаляются в темноте её торопливые шаги, потом нашёл троллейбусную остановку и отправился на квартиру, снимаемую у одинокой старушки, и был безумно счастлив...

Время до воскресенья тянулось долго, мучительно, но вот оно пришло, и вместе с ним телефонный звонок. Дети отдыхали в оздоровительном лагере в Евпатории, жена со своим другом Володей ушла купаться на озеро, – и Донов радовался одиночеству, позволявшему разговаривать с Машей без возможных насмешек присутствующих. Да, это была она, Маша, и он с удивлением слушал её неизменившийся голос, называвший его Санечкой и рассказывавший, как долго вела она переписку с различными адресными бюро, пока не установила его адрес и телефон.

КИЛЕСА Вячеслав публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Радуга» (Киев), «Алые паруса», «Фанданго», «Чёрное море», «Ковчег-Крым», «Литературный детский мир», «Крымша». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии». Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.). Член Союза писателей Республики Крым, Национального Союза писателей Украины, Союза писателей России, Международного Союза писателей СНГ. Живёт в Симферополе.

– У тебя жена и двое детей: мальчик и девочка? – полувопросительно, полуутвердительно спросила Маша.

– Да. А у тебя?

– Сейчас никого. Дочь выросла, живёт с мужем в Петербурге, я – одна, в той самой Тираспольской двухкомнатной квартире, ты должен помнить.

– Маша, – волнуясь, прервал ее Донов. – Ты не хотела бы встретиться?

– Да, – Маша ответила сразу, словно ждала этого вопроса.

– Я работаю сейчас в Симферополе и сниму для тебя квартиру. Ты была когда-нибудь в Крыму?

– Нет. Я почти всё время проработала в Германии, в Тирасполь вернулась четыре года назад.

– Прекрасно. Посмотришь Крым, на море купаешься. Согласна?

– Конечно. Я как раз уйду в отпуск.

Договорились, что через неделю Донов позвонит Маше по телефонному номеру её подруги и узнает, когда её встречать.

Положив телефонную трубку, Донов замер, переживая и осмысливая состоявшийся разговор, потом сел за пианино и долго играл сонаты Бетховена, успокаивая фантазиями глухого старика разыгравшееся воображение: приезжает Маша, забирает его в Тирасполь и начинается жизнь, посвящённая любви и музыке.

Донов представил шумящие аплодисментами концертные залы, расклеенные афиши с его именем – и горько усмехнулся.... После окончания музыкального училища Донову предсказывали звездное будущее – он прекрасно играл на фортепиано и великолепно пел, – но родители уговорили поступить по знакомству в юридический институт, соблазняя высокими заработками и престижностью профессии, и Донов поддался на уговоры и не жалел, и только в последние, рыночные годы начал уставать от мелочности адвокатского существования, занятого выдаванием денег у клиентов и ублажением взятками судей.

Квартиру, точнее, комнату, Донов снял по объявлению: он не хотел вовлекать в личные дела симферопольских знакомых, у которых ночевал: что-то объяснять, потом опасаться длинного языка. Объявление дала худенькая, замотанная жизнью женщина, вынужденная для удовлетворения потребностей сына-старше-

классника периодически сдавать в наём небольшую, но уютную комнатку: в двух других располагалась хозяйка, отрекомендовавшаяся Донову как Екатерина Васильевна, можно Катя, и её сын Олег.

Хранившихся про запас денег не хватило, пришлось брать в производство неприятное, но прибыльное дело с полной предоплатой, договариваться на работе об отгулах, что-то врать жене, решать другие пустяковые проблемы. Но всё заканчивается – и в среду утром Донов стоял на перроне, встречая одесский поезд, волновался, сможет ли узнать Машу, пытался представить, какая она будет. Последний раз они виделись на днестровском мосту, их излюбленном месте свиданий. Цвел июнь; Донов ждал приказ о демобилизации и готовился к гражданской жизни, думая о том, как совместить свои планы с появлением в его жизни Маши, уже получившей от него предложение выйти замуж и обещавшей сегодня дать ответ, который, конечно, будет положительный, и Донов стоял на мосту, не зная, радоваться ли новому дню, который придётся делить на троих, учитывая Машину трёхлетнюю дочку.

Маша пришла с опозданием, чего обычно, ценя своё и чужое время, не позволяла; в выражении её лица Донов уловил напряжённость, как у человека, не уверенного в правильности принятого решения и всё-таки собирающегося ему следовать.

– Ты окончательно отказался от роты? – спросила, поздрававшись, Маша.

– Конечно! – удивлённо посмотрел на неё Донов. – Армия – та же тюрьма, и я не собираюсь в ней сидеть.

– Но многие остаются в армии – и не жалеют. Твоя нынешняя зарплата лейтенанта выше зарплаты инженера; у тебя есть талант руководителя, тебя ценит командование. Здесь у тебя есть будущее: ты уверен, что оно будет на гражданке?

– Я уверен в себе, – хмуро ответил Донов. – И потом – музыка. Я должен к ней вернуться – и вернусь. Я тебе рассказывал.

– Да, помню, – вздохнула Маша. – Ты – человек мечты. А я... – Маша запнулась и с неохотой продолжила: – Я – человек быта. Я эти дни места себе не нахожу, всё думаю, думаю. После техникума, выйдя замуж за офицера, я связала свою жизнь с армией: работала поваром, потом официантом. Когда ушла от пьяницы-мужа, командир дивизии выделил мне двухкомнатную

квартиру, пробил место в садике для дочки. Я знаю, что в трудную минуту мне здесь помогут. – Маша умоляюще посмотрела на Донова: – Санечка, останься в армии. Я слышала, как заместитель командира дивизии за обедом огорчался, что не уговорил тебя стать кадровым офицером. Армия нуждается в умных командирах, а ты умница, так все говорят.

Маша взяла Донова за руку.

– Санечка, если я попрошу командира дивизии, он поможет с военной академией, и ты быстро получишь полк. А музыка... Я рожу ещё одного ребёнка, и ты будешь играть нам по вечерам. Санечка, я боюсь тот мир, куда ты меня зовёшь, я его не знаю. Если бы одна, а так, с ребёнком...

Маша ожидающе посмотрела на Донова. Он молчал. В августе его ждали в московской филармонии, и если прослушивание пройдёт удачно, он будет зачислен в штат. А Маша... Она не знает, как тяжелы будни строевого командира, как нелегко быть думающим в мире посредственности и как противно растить из вчерашних школьников пушечное мясо.

– Понимаешь, – Донов осторожно сжал Машины руки, – для меня офицерский мундир – как чужая судьба. Меня корёжит от армии, я не дождусь, когда от неё избавлюсь.

– Да, конечно.

Машино лицо стало холодным, отстранённым. Осторожно выдернув руки, она внимательно посмотрела на Донова и тихо сказала:

– Речка – и два берега. Желаю счастья, Санечка!

Повернулась и пошла прочь. Донов видел, как она вышла на набережную, потом на площадь и скрылась за углом трёхэтажного магазина. А Донов ещё долго стоял на мосту, вглядываясь в текущие воды Днестра и уверял себя, что поступил правильно.

...Одесский поезд опоздал на десять минут. Маша вышла из вагона в числе последних пассажиров; Донов помог ей сойти на перрон, перехватил огромную сумку и, неловко улыбаясь, произнёс:

– С приездом!

– Доброе утро, Санечка! – откликнулась Маша и, окинув Донова быстрым взглядом, отметила: – Такой же, только потолстел.

– И поглупел, – засмеялся Донов. Неловкость первых минут не проходила. Одета в жёлтое платье странного фасона, эта идущая рядом

с ним женщина с усталым лицом совсем не походила на ту, с сияющими глазами и лукавой улыбкой Машеньку из далёкого прошлого, и Донов поскучнел.

Что-то почувствовав, Маша остановилась.

– Санечка, ты такой кислый, словно лимон проглотил, – Маша внимательно смотрела на Донова. – Я сильно изменилась, да? Хочешь, я сегодня уеду обратно?! Только город посмотрю, но это могу и одна сделать.

– Что ты! – всполошился Донов. – Не обращай внимания, на работе были неприятности, я ещё не отошёл, к тому же так долго не виделась!

– Двадцать один год – я посчитала.

– Больше, чем у трёх мушкетеров! – пошутил Донов.

– Каких мушкетеров? – изумилась Маша.

– Ну этих: Атоса, Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна.

– А, из фильма... – протянула Маша и, перейдя на деловой тон, спросила: – Что запланировано?

– Сейчас едем на квартиру – вот, кстати, твой ключ от дверного замка – потом прогулка по городу.

Комнатка Маше понравилась; распаковав вещи, она из привезённых с собой продуктов приготовила на кухне обед – очень вкусный, Донов давно такой не ел: жена готовила на скорую руку, лишь бы заполнить желудок. Маша радовалась, слушая похвалу в свой адрес, подкладывала Донову лакомые кусочки, рассказывала, что правильно сваренная и пожаренная еда делает человека здоровым, поэтому, работая долгие годы заведующей столовой, она все сложные блюда готовила сама, особенно когда командующий войсками в Германии принимал иностранные делегации. Пришёл из школы хозяйский сын Олег, и Донов с удовольствием отметил, что Маша, не жадничая, покормила мальчика.

В «их» комнате стояли две односпальные кровати; осмотревшись, Маша сказала:

– Я себе возьму ту, возле окна, а тебе постелю другую. Не возражаешь?

– Нет, – ответил Донов.

До этого момента он не мог решить, удобным ли будет остаться на ночь, и готов был поближе к вечеру, пожелав Маше спокойной ночи, отправиться на свою квартиру. В том далёком прошлом они, всласть целовавшиеся, так и не стали близки.

– Ты помнишь, Санечка, тот концерт в Доме культуры, где ты так красиво играл? У меня с тех

пор полонез Огинского «Прощание с родиной» – любимая мелодия. А когда удалось попасть в Лейпциг, отнесла цветы на могилу Мендельсона и вспоминала твой рассказ о свадебном марше, подаренном этим нищим композитором любимой девушке, вышедшей замуж за богача, и о том, что это оказался подарок для девушек всего мира.

Да, тот концерт, посвященный Дню Победы... Донов вспомнил его так отчетливо, словно он состоялся вчера. Зал Дома культуры был набит, музыкальные вариации Донова оказались апофеозом концертной программы. Вдохновлённый любовью к Маше, сидевшей в первом ряду, Донов играл на вершине своих возможностей – и был награждён шквалом аплодисментов. А потом Маша предложила отметить успех у неё дома, и Донов впервые переступил порог Машиной квартиры. Был поздний вечер, в одной из комнат спала уложенная приходящей няней Машина дочка. Донов сидел на кухне, пил шампанское, надеялся, что останется до утра, и, будучи девственником, страшился и ждал этого момента. Маша была оживлённо-испуганной; Донов ловил её убегающий взгляд, что-то говорил, потом встал и прижал Машу к себе, чувствуя, как трепещет под ласками её тело. И вдруг, как гром с неба, – протяжный звонок в дверь.

– Господи, кто может быть?! – оттолкнув Донова, Маша поспешно приводила в порядок одежду. – Полночь скоро, кому не спится? Нужно открыть, а то дочку разбудит.

Выбежав в прихожую, Маша повернула в замке ключ и распахнула дверь.

– Здравствуй, Мария! Извини, что поздно: свет на кухне горит, решил навестить.

Маша зажгла в прихожей электросвет, и остановившийся в проёме кухонных дверей Донов увидел высокого, лет сорока – сорока пяти мужчину, рассматривавшего Машу со счастливой улыбкой.

– Вот, зайду, думаю, чайком угостишь, – повторил мужчина растерянно молчавшей Маше.

– Добрый вечер! – решил заявить о себе Донов.

Мужчина вздрогнул, повернул голову и ошеломлённо замер, разглядывая Донова.

– Кто это? – удивлённо-требовательным голосом спросил он у Маши.

– Это мой знакомый, Александр Николаевич, – объяснила Маша. – Пришёл, как и вы, в гости. Идите на кухню, сейчас сделаю чай.

Донов повернулся и уселся на табурет; мужчина разместился напротив. Донов смотрел на Машу, хлопчущую возле газовой плиты, чувствовал, что она перепугана, – и понимал, почему. «Я работаю среди сотен мужчин, оторванных от женщин, – объясняла Маша Донову в начале их знакомства. – Меня называют Ледяной принцессой не потому, что не умею улыбаться, – я не позволяю себе этого. Репутация – главная моя ценность: появятся грязные слухи – я потеряю уважение командования и работу. Не обижайся: расставаться будем за квартал от дома, я так всем говорю, кто бы ни провожал». Сегодня Маша впервые нарушила своё правило – и попала.

Мужчина, сидевший со смятённым лицом, вдруг привстал:

– Алексей Петрович, подполковник, замкомандира лётного полка. А вы кем будете, молодой человек?

– Гвардии лейтенант Донов, командир мотострелкового взвода, – нехотя отрекомендовался Донов. Ситуация складывалась нелепая, и он не знал, как себя вести.

Маша налила гостям чай, открыла банку с вареньем и, сказав, что пойдёт заниматься дочкой, ушла в комнату.

– Для меня Мария – как родная, – вдруг начал объяснять подполковник. – Конечно, я понимаю.

Подполковник встал: злой, разочарованный, с горькой улыбкой.

– Вас и Марию объединяет молодость. А я...

Махнув рукой, подполковник прошёл в прихожую и вышел, осторожно закрыв дверь.

– Ушёл? – зайдя в кухню, Маша быстро подошла к окну. – Нет, стоит у беседки, смотрит. До утра теперь не уйдёт.

– Кто это? – спросил Донов.

– Давний знакомый, со времён замужества. Интеллигентная жена, взрослые дети, а туда же: «Не могу без тебя, всё брошу»... Трудно быть одной!

Маша на секунду задумалась, решительно сказала:

– Позвоню знакомой, попрошусь переночевать. Ты сможешь проводить, дочкину одежду понести?

– А зачем уходить? – удивился Донов.

– Он после твоего ухода начнёт опять ломиться, отношения выяснять. А если ты не уйдёшь, такое устроит, всех соседей разбудит!

Через десять минут Маша со спящей дочкой на руках и Донов с сумкой вышли из подъезда. Вокруг никого не было: подполковник то ли застался, то ли ушёл. Пахло сиренью; вышитое звездами небо казалось нарисованным. Маша и Донов молча шли между домами. Происходящее казалась настолько нереальным, что Донов засмеялся.

– И часто так бегаешь? – спросил он.

– К счастью, нет. Привяжется какой-нибудь: скандалить нельзя, приходится прятаться. Всё, пришли.

Сидевшая на лавочке женщина поднялась им навстречу, забрала у Донов сумку и вместе с Машей вошла в подъезд.

– Спокойной ночи, Санечка! – услышал он Машин голос и, повернувшись, отправился ловить такси.

После этой ночи Донов виделся с Машей не раз, но на квартире у неё так и не побывал. Отложенное на потом – отложенное навсегда.

...Подождав, пока Маша распакует и разложит вещи, Донов предложил познакомиться с окрестностями. Расспросив прохожих, посетили несколько магазинов, зашли на рынок, наполнив сумки овощами и фруктами. Расплачивался Донов. Маша оживлённо болтала, сравнивала крымские и тираспольские цены, рассказывала о трудностях существования Приднестровской республики. Донов поддакивал, задавал вопросы, ощущая себя играющим роль в придуманном кем-то спектакле.

– Ты так и не стал музыкантом, почему? – спросила вдруг Маша.

– Наверное, не хватило настойчивости, – откровенно сказал Донов. – С зачислением в штат московской филармонии не получилось: обещанное мне место отдали бесталанной дочке влиятельного человека. Предлагали подождать, закрепившись кем-нибудь в Москве или Московской области, но начались трудности с пропиской. А тут позвонили родители: освободилась должность заведующего юридической консультацией. Вернулся в Крым, через три года женился на коллеге, появились дети. Была вакансия в симферопольской филармонии, приглашали, но я на работе ждал получение квартиры.

Донов вздохнул.

– Думаем, что откладываем на завтра дела, а оказывается – жизнь.

– Тебя надо подталкивать, Санечка, тогда всё получилось бы, – неожиданно серьёзно ска-

зала Маша. – Ты из тех мужчин, кому нужна женщина-лоцман.

– Сомневаюсь, чтобы женщина смогла мной управлять! – хмыкнул Донов. – Для меня на первом месте работа, затем – всё остальное, в том числе и женщины.

Бросив на Донов недоверчивый взгляд, Маша, секунду помолчав, занялась пересказыванием модного кинофильма, то и дело спрашивая мнение Донов. Тот отвечал неохотно: ему хотелось поговорить о себе, об одиночестве, в котором плавала его душа последние годы. Он понял, что нашёл в Маше внимательного слушателя, и был готов раскрыться, как на исповеди.

Зайдя в небольшой сквер, они сели на скамейку, и Донов принялся рассказывать о своих метаниях: между необходимостью устроить быт для семьи и мечтой бросить всё, подобно Гогену, и уйти в творчество. Маша слушала, поддакивала в нужных местах, говорила утешительные слова. Протянувшаяся между ними ниточка начала связывать их, немолодых людей, близостью, иногда более долговечной и прочной, чем пылкость чувств юных влюблённых.

Вечерело. Из соседних домов в сквер потянулись подышать свежим воздухом молодые мамы с колясками, уставшие после кухонных забот старушки.

– Пойдём, – предложил Донов. – Познакомимся с Екатериной Васильевной: помню, она говорила, что в это время с работы возвращается.

Судя по оживлённому разговору, завязавшемуся между Машей и Екатериной Васильевной, женщины друг другу понравились. Олег смотрел в комнате телевизор; взяв в книжном шкафу «Триумфальную арку» Ремарка, Донов уселся на диван и углубился в чтение.

Книги для Донов были единственным другом. Когда на голову сваливались неприятности, Донов выбирал в домашней библиотеке подходящего по настроению автора и уходил в воображаемую страну, возвращаясь в повседневность спокойным и отдохнувшим. Жена тоже любила чтение, – это было одним из факторов, способствовавших их мирному сосуществованию, – но её книжный мир никогда не пересекался с миром Донов.

– А, читаешь! – Маша зашла в комнату веселая и довольная. – Я тоже книжками балуюсь, особенно Мопассаном и Есениным. На ужин отбивные будут, не возражаешь? Екатерина Васи-

льевна – очень милый человек, приятно разговаривать!

Пожинав, сели смотреть по телевизору кинофильм «Соломенная шляпка», и Донов, восхищаясь мастерством актёров, в который раз порадовался везению родиться современником Андрея Миронова, Александра Ширвиндта и Людмилы Гурченко. Особенностью социализма было создание поколений романтиков, неистово веривших как в коммунизм через двадцать лет, так и в возвышенность человеческих отношений, бросавших солдат на пулемётные амбразуры и превращавших любовь в чудо, поиску которого посвящалась вся жизнь. Поэтому Донов в наступившей эпохе прагматизма, насмешливо спрашивающей: если ты такой умный, то почему такой бедный?!, чувствовал себя иногда последним римлянином, бродящим среди развалин захваченного варварами города.

После кинофильма посидели на кухне, попили чай, посплетничали о политике. Взглянув на часы, Екатерина Васильевна и Олег пожелали всем спокойной ночи и разошлись по комнатам; Маша и Донов последовали их примеру.

Переход к постели произошел обыденно, словно Донова и Машу соединяли давние супружеские отношения. Позже, вернувшись на свою кровать, Донов с грустью подумал, что чувства изнашиваются, как одежда, и когда после единственного или единственной появляется череда новых партнёров, венец любви превращается в половой акт, где сексуальная техника никогда не заменит исчезнувшую восторженность души.

Донов привык просыпаться рано; лёжа на кровати, он смотрел, как бегают по стенам, разгоняя тени, лучи июльского солнца. День обещал быть жарким; поднявшись, Донов надел спортивный костюм и занялся утренними процедурами. Маша в комнате отсутствовала: судя по доносившимся из кухни голосам, она и Екатерина Васильевна готовили завтрак.

Выполняя комплекс физических упражнений, Донов поймал себя на мысли, что не может определить своё отношение к Машину приезду. Вместо ожидаемого праздника получалось непонятное беспокойство мысли, и, решив подумать над этой ситуацией, одному, без Маши, Донов после очень вкусного завтрака извиняющимся тоном сказал, что должен ехать на работу.

Пристально посмотрев на Донова, Маша неловко улыбнулась, сказала, что работу, конечно, пропускать нельзя; она найдёт, чем занять вре-

мя, тем более что нужно съездить на вокзал и купить на воскресенье билет на одесский поезд.

– Я думал, ты дольше погостишь, – поразился Донов.

– Дома огородом надо заняться и в Санкт-Петербурге побывать, у дочки.

На работе Донову удивились – все знали, что у него до понедельника отгулы, но спрашивать ни о чём не стали: напичканная тайнами адвокатская братия в чужие дела без спроса не лезла.

Усевшись за свой стол, Донов разложил на нём судебные документы и надолго задумался. Приехала женщина, которую он когда-то любил и никогда не забывал: она оказалась не той, какую он помнил, но и Донов давно не был романтично настроенным лейтенантом, видевшим в каждой привлекшей его внимание девушке ждущую Ассоль.

Донов подумал о жене и вздохнул. Его разочарование началось через год после свадьбы, когда выяснилось, что жену раздражают его мечты о музыке и главным для нее является благополучный быт, на формирование которого она направила свою жизнь и – после рождения детей – жизнь Донова. Разговоры о преобладании духовного мира над сытостью воспринимались как уклонение от обязанностей главы семьи добывать деньги, – и Донов замолчал, закрылся. Постепенно он и жена превратились в отдельные государства, связанные брачным договором, ордером на жильё и свидетельствами о рождении детей.

Донов нравился женщинам, – сохраняя, впрочем, первые годы верность жене, – пока желание почувствовать свою нужность кому-то не толкнуло на первую измену. В каждой из очередных женщин Донов искал воплощение мужской мечты, которое заставило когда-то капитана Грея направить корабль в Каперну. Но проходил месяц, другой, утихал восторг первых поцелуев, и Донов, с грустью убеждаясь, что нет ничего нового под солнцем, начинал искать благовидный предлог для расставания.

Пододвинув к себе одно из дел, Донов занялся составлением апелляционной жалобы; рассортировав деловую почту, ответил на несколько писем. После работы зашёл в театральную кассу, приобрёл билеты на завтрашний спектакль, потом забежал в магазин, купил сыра и шоколадных конфет: из тех, что нравились Маше. Подходя к подъезду, представил ждущую его Ма-

шу и вдруг почувствовал, что возвращается домой, – ощущение, исчезнувшее после смерти погибших в авиакатастрофе родителей.

Его действительно ждали: он понял это по Машиной улыбке, по начавшейся вокруг него суете. Показав билеты, Донов гордо сообщил, что завтра днём они пройдутся по музеям, а вечером будут лицезреть в театре булгаковскую «Мастера и Маргариту».

– Надеюсь, это будет прекрасно, – весело сказала Маша. – Хотя, скажу честно, я «Мастера и Маргариту» так и не дочитала до конца, этот роман – какой-то надуманный.

– По мнению литературоведов, «Мастер и Маргарита» – величайший роман века, – возмутился Донов. – Так все считают.

– Я с ними не спорю, – пожала плечами Маша. – Я своё мнение высказала, а не каких-то литературоведов.

– Тем более что никого из них ты не читала, – презрительно усмехнулся Донов. – Если не разбираешься в чём-то, промолчи, не хвались невежеством. Смешно: официантка судит классика литературы!

– Я здесь не как официантка сижу, а как обычный человек, имеющий право на мнение, – побледнев, Маша посмотрела на Донова с укором. – Возможно, роман замечателен, но это не мой роман, он не для меня писался. Почему ты такой злой, Санечка?! Господи, ну зачем я сюда приехала?!

Маша расплакалась.

Донов смутился. Усевшись рядом с Машей, начал просить прощения, потом обнял её, и так они просидели долго, долго, пока Маша, острожно высвободившись из рук Донова и взяв зеркальце, не сказала грустно:

– Ревушка-коровушка! Испортила всем настроение! Краска на лице размазалась: только в огороде вместо пугала стоять.

Поднявшись, Маша ушла в ванную, а Донов, походив по комнатам и пообщавшись с Екатериной Васильевной, вновь открыл Ремарка, прислушиваясь иногда, как Маша в перерывах между телевизионной информацией рассказывает Екатерине Васильевне свои впечатления о Германии. В комнату Маша вернулась поздно, когда Донов, по ее мнению, заснул, и, улегшись в кровать, беспокойно ворочалась, о чём-то думая.

Утро всегда действовало на Донова живительным образом, и сегодня он поднялся, полный сил и надежд, намеренный отнестись к Ма-

ше как к долгожданной гостье. Поэтому, наверное, завтрак прошёл весело и непринуждённо, и Донов с радостью увидел довольное лицо Екатерины Васильевны, наверняка что-то понявшей и переживающей за Машу, почувствовал благодарность, светившуюся в Машиных глазах, и подумал, как приятно делать других счастливыми. Мы не боимся – особенно в молодости – терять людей: их много, и вместо старого друга легко завести нового. И лишь тогда, когда опыт превращается в мудрость, понимаем, что вместе с людьми уходили частицы прошлого, обедняя и укорачивая настоящее, и что есть потери, которые не заменишь.

Экскурсию по городу начали с Пушкинской улицы и набережной Салгира, как считал Донов, главных достопримечательностей Симферополя. На набережной у Донова было любимое место: на противоположном от здания Киевского районного суда берегу можно было сесть на бетонное основание столба и наслаждаться зрелищем многоярусной вербы, протягивающей ветки к воде, изогнутого дугой мостика, мельканием рыбок. Потом Донов повёл Машу к Петровским скалам, показал, откуда отправлялись в полёт в довоенное время планеристы, рассказал, как после гибели одного из них, Ричарда Петровского, в похоронах участвовал весь город, а погибшего, словно воина, везли на пушечном лафете.

– Какое разное каждое поколение, – задумчиво заметила Маша. – Я иногда, читая о людях тех лет, их не понимаю, как меня не понимает дочка. Эта безумная и смешная сейчас вера в мировую революцию...

– По содержанию веры, по идеалам поколения и различаются, – резюмировал Донов. – Достоинство поколения определяется по его духовным ценностям. И жаль, если о нас напишут, как Александр Блок о мировоззрении народников: «Бога нет, душа – клеточка, отца – в рыло».

Музеи оставили Машу равнодушной. «Оно все мертвое, – объясняла она Донову о краеведческих экспонатах. – Пусть бы покоилось с миром! А то рассматриваем, как обезьян в зоопарке, да ещё деньги за это платим».

Пообедав, сходили на рынок, потом отдохнули, а вечером направились в театр. Минувший день развеял доновские сомнения: он начал привыкать к Маше, к тому, что рядом идёт заботливая, думающая о нём женщина. Они были людьми одного поколения, гражданами несуществующего государства: ничему не удивляющие-

ся, мало во что верящие и всё-таки стойкие, как оловянные солдатики.

Донов привык, что в театре среди зрителей попадаются знакомые лица, но эта встреча, произошедшая в фойе, была ему неприятна: перед ним остановился, держа под руку свою высокомерную, славящуюся ехидным умом супругу, заместитель директора адвокатской фирмы Ретюнский.

– А-а, вот для чего отгулы брались, – насмешливо протянул Ретюнский и поклонился Маше: – Позвольте представиться: Павел Викторович, коллега вашего спутника, а это моя супруга, Ольга Владимировна.

Супруга Ретюнского снисходительно кивнула головой, бесцеремонно разглядывая Машину жёлтое платье.

«Черт бы вас побрал!» – воскликнул мысленно Донов, представив, какие шуточки будет отпускать на работе Ретюнский по поводу Машиного наряда.

– Рада познакомиться! – улыбнулась Ретюнская Маше. – Булгаков вновь начал входить в моду, вы не находите?! Хотя я считаю, что Сартр о подобных проблемах писал острее. А вы как думаете?

– Возможно, вы правы, – осторожно ответила Маша, беспомощно оглядываясь на Донову, и Донов понял, что о Сартре, конечно же, Маша слышит впервые.

Донов представил, как Машу начнут прямо при нём изящно унижать при невозможности Донову этому воспрепятствовать: хамить Ретюнским, превращая их в своих врагов, он не собирался, торопливо сказал: «Извините, мне надо отлучиться. Маша, не забудь: восьмой ряд, пятое-шестое места», – и нырнул в толпу зрителей. Зайдя в туалет, дождался второго звонка и направился в партер. Усевшись рядом с Машей, спросил: «Отбилась?», услышал Машину: «Так, поговорили», и перевел взгляд на сцену.

Спектакль Донову не понравился: вместо удивительного романа с ясными и сильными сюжетными линиями показали слащавую мелодраму, которую спасала от провала только игра актёров. Помня предыдущий разговор, Маше своё впечатление решил не высказывать, предложив пройтись по проспекту Кирова, а потом посидеть в кафе «Парус».

Свободный столик нашёлся в углу, неподалёку от входа в кафе; заказав кофе и пирожные, Донов начал рассказывать о перипетиях тяжбы,

которой занимался в числе прочих последний год: женщина, продав квартиру, отнесла полученную в долларах сумму на хранение друзьям, а когда пришла за деньгами, наткнулась на недоумённое удивление. Письменных доказательств передачи денег у женщины не было, и Донов совершал чудеса адвокатской ловкости, поддерживая процесс и ведя его к выигрышному финалу. Возмутившись предательству друзей, Маша, повторяя: «Я всегда знала, что ты очень умный», хвалила Донову, но какая-то неловкость между ними не исчезала, и Донов не удивился, когда Маша, помолчав, вдруг спросила:

– Что с тобой случилось в этих годах, Санечка? Тогда, на Тираспольской площади, ты меня не бросил.

– Какой площади? – невольно спросил Донов и тут же поправился: – Да, помню: комендант и нищий.

На одетого в лохмотья старика они наткнулись возле «Детского мира»: старик лежал, привалившись к бровке тротуара, то ли после припадка эпилепсии, то ли после перепоя; немногочисленные прохожие, бросая равнодушные взгляды, проходили мимо. Донов собирался последовать их примеру, когда Маша, подойдя к старику, провела рукой по его лбу и, обернувшись к Донову, встревоженно сказала:

– У него кровь: ударился, когда падал, о бордюр. Телефон на той стороне площади, вызови скорую помощь.

Донов поморщился: после работы он забежал к командиру соседнего взвода Боре Чибизову поздравить с днём рождения и выпить стопку водки и переодеться в гражданскую одежду не успел, а прославившийся свирепым характером комендант Тирасполя полковник Шаулимов как раз по вечерам выходил на ловлю нарушающих устав младших офицеров, причём площадь была одним из его охотничьих маршрутов, но возражать не решился и поспешил к телефону.

Дозвониться удалось быстро; объяснив, куда выезжать, Донов повернул обратно и остановился, увидев возле Маши возмущённо жестикующего коменданта и патруль. «Нужно вернуться за угол и исчезнуть, – мелькнула мысль. – Шаулимов запах водки на расстоянии пяти метров чует. А Маше завтра всё объясню».

Донов начал осторожно пятиться и вдруг увидел, как солдаты патруля по приказу коменданта схватили нищего за ноги и руки, собираясь оттащить в ближайшие кусты, а Маша их оттал-

кивает. Выхода не было: Донов поспешил Маше на помощь. Его появление прервало перепалку в самом напряжённом месте: «Сейчас генерал здесь проедет!» – «При больном сердце человека нельзя двигать, может умереть».

– Разрешите доложить, товарищ полковник! – отдавая честь, застыл Донов перед Шаулимовым. – Этот больной – ведущий актёр нашего театра, лауреат всесоюзных премий. У него сейчас роль нищего в спектакле, видимо, он её отработывал, пока сердце не схватило. Сейчас скорая подъедет, я вызвал.

– Да?! – комендант призадумался – оказаться виновником смерти лауреата ему не хотелось – и приказал патрулю:

– Станьте так, чтобы артиста с дороги видно не было. Дождитесь врача.

А Донову бросил:

– Молодец, лейтенант! Хвалю!

Потом, уловив исходивший от Донова алкогольный запах, насупился, поизучал вытянувшегося в струнку Донова глазами и, отвернувшись, сказал:

– Идите, лейтенант! И в таком виде больше не попадайтесь!

– Слушаюсь! – отчеканил Донов, подхватил Машу под руку и быстро зашагал прочь. Свернув возле магазина грампластинок в переулочек, они остановились и начали хохотать.

– «Лауреат всесоюзных премий...» – давилась от смеха Маша. – Я не знала, Санечка, что ты такой выдумщик.

– А что оставалось делать? Ещё немного, и вы с Шаулимовым начали бы дубасить друг друга кулаками. Послушай, ты так серьёзно к этому отнеслась. Почему?

– У меня отец на улице умер: схватило сердце, и никто не помог, – помрачнев, пояснила Маша. – А нищий – он такой же, как мы, и его кто-то сейчас ждёт. В мире нет человека, которого кто-нибудь не ждал.

Через три месяца Донов демобилизовался, и эта история забылась, как и многое другое. А сейчас...

– Понимаешь, Маша, – медленно произнес Донов. – Я не хочу ни в чём оправдываться. Просто я стал очень осторожным и не уверенным ни в ком и ни в чём.

– Я – временное явление, а с Ретюнским работаешь постоянно, – подсказала Донову Маша. – Ты это хотел сказать?!

– Наверное.

– «Позади Москва, отступать некуда» – клятва панфиловцев, – откинувшись на стуле, Маша внимательно смотрела на Донова. – Санечка, у тебя что, такой Москвы нет и ты всегда готов отступить?

– Не знаю, – Донов встал: ему стало неловко, словно его уличили в постыдном поступке. – Пойдём домой, а то от этого философствования голова заболит.

Ночью Донову приснился сон: его, маленького мальчика, опять побил соседский мальчишка Ванька, и он плачет, уткнувшись лицом в забор, и Донов сразу проснулся, и оказалось, что у него по щекам и в самом деле текут слезы, а пришедшая к нему Маша вытирает их и целует его, как покойная мама в детстве, и Донов заплакал еще сильнее: то ли по неудавшейся жизни, то ли по мальчику Саше, всегда знавшему, что он будет великим музыкантом.

Поднялись рано и, взяв приготовленные с вечера сумки, поспешили на вокзал, откуда ушли троллейбусы на Алушту. Расположившись на пляже, сразу побежали купаться, и Донову было приятно видеть, как мужчины оглядываются на Машу, стройная фигура которой выгодно отличалась от тучных тел лежавших на песке женщин. Донов учил Машу плавать; потом, когда время подошло к полудню, они, собрав вещи, пообедали в кафе, распили захваченную с собой бутылку шампанского и отправились кататься на катере. Донов рассказывал о расположенных на берегу достопримечательностях, читал стихи любимого им Блока и чувствовал, как переполняет его чувство восторга: словно вернулись те далекие годы, когда каждая встреча с Машей оказывалась букетом счастья. Иногда, с оглядкой на окружающих, он осторожно целовал Машу, шептал о том, какая она красивая и как он рад её приезду – и с нежностью ощущал ласковое пожатие Машиных рук. Потом вновь был троллейбус, город Симферополь и заглядывающий в их комнату вечер. Екатерина Васильевна с сыном ушли к кому-то в гости, поэтому после ужина Донов, пользуясь их отсутствием, привел Машу в гостиную и, усадив в кресло, торжественно сказал:

– Знаешь, я все решил: придётся тебе забирать меня в Тирасполь.

Слова эти дались Донову нелегко: он думал над ними весь день, мучаясь от неизбежного расставания с детьми и предстоящими поисками работы в чужом городе. Но другое чувство, бо-

лее сильное – то ли проснувшейся любви, то ли желание перемен, – заставляло его свернуть на этот путь, оборвавшийся на Тираспольском мосту и продолженный здесь, в Симферополе.

– Спасибо, Санечка, за эти слова, – Маша смотрела на Донова с грустью, словно на больного ребёнка. – Я понимаю, как тебе трудно было их сказать. Но, Санечка, это невозможно, – и не потому, что я тебя не люблю. Я, наверное, всегда тебя любила, поэтому и замуж не вышла: я это недавно поняла, когда занялась твоими поисками. Но у тебя своя судьба, и я не хочу её ломать. Тогда, на мосту, я была права, как и ты. Мы действительно два берега – и так ими останемся. Бывает мечта, которой нельзя исполняться. Прости, я не умею правильно говорить, но я сегодня вдруг представила тебя, бросающего всё нажитое, детей – и поняла, что это трагедия, виновником которой я оказываюсь. Менять можно только в юности.

– Тогда зачем ты приехала? – недоумённо спросил Донов, чувствуя невольное облегчение от Машиных слов.

– Только не затем, чтобы отнять тебя у семьи. Мне захотелось доставить себе капельку радости: пообщаться с мужчиной, бывшим все эти годы моим идеалом. Воспоминаний об этом мне хватит надолго: может быть, до конца жизни. А всё остальное – лишнее, и не будем об этом.

Встав, Донов обнял Машу, прижал к себе и почувствовал текущие у неё по лицу слезы.

– Прости, Санечка, – Маша уткнулась ему в плечо. – Я понимаю, что дура, но иначе не могу. Ворованное счастье... Нет, прости. Мы поздно встретились, Санечка. Может, тогда, в Тирасполе, ещё можно было что-то изменить, но не сейчас.

– Мы ещё увидимся?

– Вряд ли, но кто знает? Будем в это верить. Человек должен жить верой в другой день, где всё будет лучше, интереснее, – иначе зачем жить?! Правда, Санечка?

– Наверное. Знаешь, Маша, я тебя очень люблю. Наверное, нужно было пережить эти годы и твой приезд, чтобы это понять. Возможно, ты не права и нам нужно остаться вместе?

– Мы и так вместе – пусть и на расстоянии. Ты и я – люди обязательств. Кому нужны твои дети, кроме тебя? Хватит, Санечка, не расстраивай меня ещё больше. Пойдём спать.

В эту ночь они любили друг друга так, словно встретились на заре юности и всё было впервые, и аромат нежности витал над постелью дурманящим фимиамом. Это была ночь, которую Донов запомнил навсегда, потому что такого у него никогда не было и – он знал – никогда не будет.

Утром встали поздно, долго собирались, поглядывая друг на друга, словно стараясь запомнить. Посидели перед дорогой, попрощались с Екатериной Васильевной и Олегом и вскоре были на вокзале. Донов занёс Машиные вещи в купе, потом вывел Машу на перрон и долго её целовал, пока проводница не закричала, что поезд отправляется и пора занимать места.

Маша поднималась по ступенькам в тамбур, когда поезд тронулся, убыстряя движение. Шумели, махая руками, провожающие, мелькали вагонные окна с приплюснутыми к ним лицами, а Донов не мог оторвать взгляд от поворота, где исчез вагон, увезший Машу. Он понимал, что видел её в последний раз, и от этой безнадежности ему хотелось расплакаться и что-то сделать, потому что не могут вот так расставаться люди, предназначенные друг для друга. Поезд ушёл, а Донов всё стоял и стоял, словно не зная, куда идти.

**Константин
СТАФИЕВСКИЙ**

Я ТАК ЖИВУ

Я ТАК ЖИВУ

*Я так живу, как будто бы умру,
Как будто завтра не наступит завтра.
Так каждый миг я с радостью беру,
Не ожидая своего возврата.*

*Как будто нет меня и этих лет,
Точней, могло не стать за полминуты.
Так я теплее сохраняю свет,
Не ожидая, что настанет утро.*

*Меняю жизнь, и волосы растут,
За ними ногти, борода, а кожа
Сама себя меняет – нет, не врут,
Ем, сплю, дышу, себя меняю тоже.*

*Я так живу, что нужно умереть,
И доля мига может стать смертельной.
Так мне точнее замечать, смотреть
И видеть мир до клеточки отдельной.*

* * *

*Я – бумажный самолётник,
Я свободой поглощён,
Мягкий призрак свежей ноты –
До небес разоблачён.*

*Я – бумажный самолётник,
Я летаю в облака.
Я летаю, вы живёте
Под покрывалом потолка.*

*Я – бумажный самолётник,
Я прозрачен. Лёгко свет.
Я летаю. Вы все ждёте,
Упадёт он или нет.*

*Я – бумажный самолётник,
Разложить меня легко.
Вы меня летать зовёте,
Я мечтаю далеко.*

*Я – бумажный самолётник,
Я хочу летящим стать.
Я летаю. Вы идёте,
А пешком нельзя летать.*

*Я – бумажный самолётник,
Отражаю телом свет.
– Прямо. Прямо. Поворотик.
Снова взлёт, паденье. Нет.*

*Я – бумажный самолётник
Из бумажнокрылых птиц.
Ветер держит нас на взлёте,
На разломе всех границ.*

* * *

*Сухой сквозняк, и осень,
И горький привкус – чай.
Уйди, пока не просят,
И свет не выключай.
Прости, когда не верят,
Последнее отдай.
И отвори все двери
В нехоженный свой рай.*

*Сухие листья – к небу,
И дождь пошёл гулять.
И малого не требуй,
Старайся всё отдать.*

*Останешься последним,
Но только не один,
Пойдёшь тогда по следу
До позапрошлых льдин.*

*И выпустив всё это,
Как птицу, до небес,
Опустятся ответы
В твой райский новый лес.*

*Поэтому всё чаще
Дыши назло всегда,
И чай на дне всё слаще.
Осенняя вода...*

* * *

*Пружинка слов натянута до боли,
К минимализму сводится вся суть...
Ты получаешь срочной бандеролью,
Что не забыть, не спрятать, не спихнуть.*

*Весь этот мир как сон позавчерашний,
И сроки годности прошли проверку лет.
Трамвай уходит в ночь и в свет тогдашний,
Где никого, поверь мне, больше нет...*

* * *

*Опять гудки в застывшем телефоне,
И провода, запутавшие ночь.
Не бойся спать, тебя никто не тронет
И сны твои не сможет уволочь.*

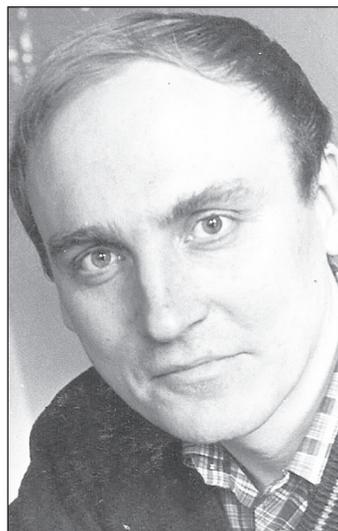
*И стёкол взгляд холодный, будто простынь,
Холодная, постиранная днём.
А скоро всё изменится, и осень
Зашелестит сентябрьским огнём.*

*Похоже, сон, в котором бы проснуться?
Но почему тебе тогда тепло?
Есть только шаг, чтобы туда вернуться,
Где, будто эхом, слышится «алло».*

**Сергей
ОЗЕРОВ**

**КОЛОКОЛЬЧИКИ
ДЗИНЬКАЛИ НА ЛУГУ**

* * *

*В белом платье, в ситцевом платье
В мелкий розово-синий цветочек
И прическу, и чубчик приладишь,
Повязав цветом тем же платочек.*

*Обязательно солнечный дождик
Поливает тебя, словно клумбу.
И твои необутые ножки
Побегут к сельсовету и клубу.*

*Посмотрите, теперь я какая,
Упорхнула из чёрной одежды,
Когда женщина рассветает
И летает в любви и надежде.*

* * *

*Подари мне, любимый, кольцо
С гравировкою: «Всё пройдет!»
В медальоне – твоё лицо
Сберегаю последний год.
На груди сердечко несущу,
Будто это нательный крест,
Будто вправду иду на суд,
Где оправдывают невест!*

* * *

*Снилось мне: колокольчики
Дзинькали на лугу.
Мамка мешала ложечкой,
В кружке затеяв пургу.
Там из воды и сахара
Кружится куча мала.
Здесь же душа моя плакала,
Девочкой к речке шла.
А берега все в инее,
Небо о чём молю,
Я не зову по имени
Невыносимость мою.
Может, она утопится
В щиколотной глубине.
Только душа не торопится
Снова вернуться ко мне.*

* * *

*Я сегодня читал Рубцова,
Словно в детстве пальцем по строчкам
отцовым,
Слёзы лить и ревя теперь сетовать некому,
Что закончилась детства квота!*

ОЗЕРОВ Сергей Владимирович родился в Новокузнецке 4 мая 1959 года. С десятого класса посещал литстудию «Гренада». В 1993 году вышел первый сборник стихов «Самоколесо», в 2011-м – «Обратная перспектива». Публиковался в альманахе «Кузнецкая крепость», журнале «Огни Кузбасса». Живёт в посёлке Теба Междуреченского района.

ОПТИМИЗАЦИЯ

Басня

Соединяя этажерку с книжным шкафом,
Оптимизации хозяева добились!
Деталей много, полочки покаты:
Журналы с книжками в конце концов свалились!

Несущая конструкция просела,
Подпилены излишества немножко,
Но шкафоэтажерка окосела
И вытянула кверху свои ножки!

Вот куча книг и куча деревяшек,
Хозяева выносят их, бедняжек!

Не раз уже проходит перестройка,
Печатное – не жаль в макулатуру,
Когда оптимизируют культуру,
Её «выносят», и растёт помойка!

ШЁЛ КАЧАЯСЬ

Шёл качаясь. Лишь автопилот
Вывел к дому; не разоблачаясь,
Я, упав на левое крыло,
Умер. И воскрес. И было счастье.
Руслан Сидоров

...чаю
Счастье, умерев, воскреснуть!
Но подумал, глядя в облака:
Лучше буду я живую песней,
Словно ветерок, пихту ласкать!

И она, покачиваясь вяло,
Уловила такт моих шагов.
Ничего,
что голоса
не стало,
по губам читать
умеет бог!

Сергей
ПЕТРОВ

НЕУДЕРЖИМЫЙ

Рассказ

Виктор гордо стоял на высшей ступеньке пьедестала для награждения. Сегодня был его день, его победа!

Справа насупился гимнаст из Германии, слева невозмутимо выпячивал грудь японский спортсмен. Немец неожиданно повернулся и на своём языке отчеканил:

– Это победа только в упражнениях на кольцах. Посмотрим по итогам соревнований.

– Посмотрим, – ответил по-немецки Виктор.

Немец от неожиданности растерянно заморгал.

А вокруг гудел и бурлил многоликий стадион. Лица неразличимы, только мелькающие руки и вынырывающие из общего гула выкрики: «Браво, руссо!», «Гут гемахт!», «Уэлл дан!». Восторг расплескивался волнами, разбегающимися и вновь соединяющимися в ликующей радости возгласов, которые бежали, вздымаясь в самозабвенной пене восхищения. Порой шквалы эмоций затихали, сменяясь гладью затишья, но затем, словно спохватившись, клокотали рокотом упоения. И вновь восторг, с ещё большей энергией, вздымал валы нарастающего гомона объединенных в едином порыве болельщиков.

Но Виктор видел уже иное море, спокойное, матовое, словно застеленное синью бархатной скатерти. Вдали зеленел, будто не закрытый тканью, узкий ободок земли.

Именно таким он впервые увидел море через прорезь корпуса баржи. От неожиданности

зажмурил глаза, отвыкшие от света. А когда открыл, перед ним в лучах солнца играла живая огромная равнина в легких барашках волн. Сияя на солнце, они несли курчавую пену к горизонту. Все сияло величием и добротой. Солнце окунало лучи в водную гладь, а море, поймав их, улыбалось и искрилось. Глядя на это веселье света, он вдруг подумал: «Ну, вот и смерть пришла. Не сбьется мечта, и флаг страны не сможет подняться в честь моей победы».

96

Мечта стать гимнастом зародилась у Виктора еще в детстве. В клуб привезли фильм и перед сеансом крутили журнал. Там он впервые и увидел показательные выступления гимнастов. Гибкие и легкие, статные и красивые спортсмены легко и непринужденно взлетали вверх, крутились, демонстрируя сальто, соскоки, пируэты, шпагаты. От восхищения у мальчишки перехватило дыхание. Девушки в чёрных купальниках были полны изящества и грациозности. Они, как кошки, ловко запрыгивали на узкое бревно и, стоя на цыпочках, будто резиновые, изгибались в немыслимых фигурах. Потом, окутанные змеящейся лентой, порхали точно бабочки над лугом. Атлеты взлетали на кольцах и показывали в упражнениях потрясающее владение своим телом. Затем, зависнув в воздухе, резко падали, словно ныряли вниз рыбкой, мгновенно взвиваясь от пола в перевороте и победно приземляясь на ноги.

ПЕТРОВ Сергей Владимирович в 1960 году печатался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Север», «День и ночь». Автор исторического детектива «Всё когда-нибудь заканчивается». Член Московского отделения Союза писателей России. Живёт в Москве.

Ещё полгода назад Витя был равнодушным к полету гимнастов под куполом цирка. А вот сейчас перед началом фильма от восхищения у него перехватывало дыхание.

Возвращаясь из клуба, ребята наперебой обсуждали фильм, а у него перед глазами крутили сальто гимнасты. Задумавшись, он неожиданно воскликнул:

– Как же красиво!

– Чик, да что ты красивого в фильме увидел? – ехидно сузив глаза, спросил Петька, прозванный за задиристость Атаманом.

Растерявшись, Витя промямлил:

– Я про гимнастов, а не про фильм, – и, заикаясь, как часто бывало от волнения, закончил, – к-которых в журнале п-показывали.

– Видал я журнал. Мура – твои гимнасты, – презрительно скривился Петька.

– Сам мура.

– Ах, так!

Петька грозно сжал внушительные кулаки. Витя сначала весь сжался внутри, желая вращаться в землю, а на деле выпрямился и, глядя в глаза противнику, тоже демонстративно сжал кулаки. Мальчишки сцепились и, упав на землю, стали, сопя, барахтаться в пыли. Проходящая мимо почтальонша грозно крикнула:

– Вот родителям скажу – ремня хорошего высыпят!

Ребятня бросилась наутек.

Вечером Витя долго не мог заснуть. Выцветшие обои и фотографии дедушки на стене уже скрылись в полумраке. Только падающий из окна на половицы коралловый свет заходящего солнца словно звал куда-то. Волнение не проходило, как будто он увидел чудо, изменившее всё вокруг.

Тихо подошла мама.

– Какой-то ты сегодня, сынок, взъерошенный.

Она всегда говорила нараспев и близоручко щурилась, словно извиняясь за свою речь.

– Мама, я сегодня увидел сказку.

– Фильм, говорят, на самом деле чудесный!

– Я про гимнастов. Их в киножурнале показывали.

– Расскажи, Витюша.

И сына уже было не остановить.

Мать, счастливо улыбаясь, подытожила: «Даже ни разу не заикнулся, хоть и волновался. Вот что гимнастика сделала».

На следующий день и на уроке у него в воображении рисовались пируэты и махи гимнастов.

– Чикарин, к доске!

Но Витя не услышал.

– Он в гимнастку влюбился, – ехидно выпалил с последней парты Петька.

Класс взорвался смехом.

Однако после занятий Петька протянул ему руку:

– Мир? Меня все боятся, а ты не из трусливых.

Фильм крутили две недели, и каждый вечер Витя приходил в клуб. Детвору пропускали без билетов, он садился на поскрипывающий дощатый пол и, не отрываясь, смотрел журнал, затем, не дожидаясь фильма, уходил. Но все когда-нибудь заканчивается. Увезли этот и привезли новый фильм. И Виктор вдруг растерялся, как будто почва из-под ног ускользнула. Опустошенный, он лежал в полумраке спальни. Из окна вновь падал свет заходящего солнца, но не радовал зайчиками, а словно поглощался темнотой. Отец, сидя рядышком, побряхтывая, сказал:

– Сынок, мы родились, чтоб сказку сделать былью. Так в песне поется. Всё во власти человека. Запомни это. Спи. Завтра поговорим.

Возвращаясь на следующий день из школы, Витя уже издалека услышал стук молотка и скрежет металла. Открыв калитку, увидел, что отец из остатков ржавых труб соорудил турник с перекладиной.

– Это для начала. Попробуй, твое ли это? – широко улыбнулся отец.

– Папка! – расцвел мальчишка.

Сначала попробовал подтянуться на перекладине. Пару раз удалось. Обрадовавшись, попробовал сделать подъем переворотом, как в том киножурнале, но неуклюже упал. Боль пронзила тело. Голова гудела. Пальцы рук были в пыли, он обтер их машинально о штаны.

В окне показалось лицо отца.

– Начало есть. Что-то получилось. Без падений побед не бывает!

Так начались его ежедневные упражнения и освоивание турника. Скоро парнишка подтягивался десять раз, легче давался подъем переворотом.

Правда, падения продолжались. Все тело было в ссадинах и синяках. Он даже не мог себе объяснить, почему снова и снова шел к турнику, ещё не осознавая, что это становилось внутренней потребностью, состоянием души.

– Сынок, может, хватит? Весь синюшный! – причитала мать.

– Да это только синяки, они не болят, – бодро утешал маму Витя.

– Худоба ты моя, а гимнасты ведь рослые и плечистые, сам говорил.

– И я таким буду. Вот увидишь.

В тот же вечер, засыпая, он услышал через окно разговор родителей во дворе.

– Откуда в нём такое упорство? – слышался удивлённый голос матери.

– Это неудержимость мечты. Мне этого не было дано, пусть хоть сын узнает счастье победы.

– Ладно бы так. А если не получится?

– Всё получится. Сегодня мечта, завтра реальность. Будущее за теми, кто верит в мечту!

Спустя много лет Виктор узнал, что отец в юности мечтал стать геологом, и была у него любовь. Но получилось так, что стал учителем и женился на другой.

Но тогда этот разговор родителей Витя толком не понял и наутро забыл. Его томила другая неопределенность.

«Нужно узнать, как правильно делать эти упражнения. А так всё без толку», – в очередной раз размышлял он, сидя на крыльце.

Открылась калитка и отец позвал:

– Вставай скоренько, пойдём.

– Куда?

– Увидишь.

И вот они вошли в обшитоое щитами здание с большими мутными стеклами, оказавшееся спортивным залом. Синие стены смотрели на них приветливо, но обшарпанный пол недовольно заскрипел. Виктор испуганно остановился. Пахло краской и пылью. В углу возвышалась груда матов. В середине зала девочки и мальчики в трико переминались с ноги на ногу, человек десять. У канатов стоял пожилой мужчина, подтянутый и атлетически сложенный. Это был тренер. Звали его Стас Григорьевич. Оказывается, в детской спортивной школе только закончился набор в секцию гимнастики. Отец с мужчиной пошептались.

Витю усадили на скамейку, и тренер сказал:

– Пока посиди и посмотри. После занятий поговорим.

Мальчик приготовился посмотреть на пируэты и сальто. Да, тренировка была такой же, как на занятиях физкультуры в школе. Гимнасты бегали по кругу, прыгали со скакалкой и в длину. Вите стало скучно. Он встал, подошёл к брусью. Их отполированная поверхность блестела и манила.

«Это тебе не ржавые трубы во дворе, – подумал он. – На таких снарядах тренироваться в радость».

Между тем занятия продолжались. Мальчики поднимали штангу, девочки у стенки махали ногами. Самая высокая девочка важно показывала остальным, что может поднять ногу почти до уровня плеча. Закончились занятия игрой в баскетбол.

Совсем уже поникший, он ёрзал на скамейке. Подошёл тренер.

– Понравилась тренировка?

Витя неопределенно пожал плечами.

– Не совсем. Бег, прыжки, баскетбол.

– А, сальто и пируэтов не увидел? Считаешь, что сразу надо на кольца или брусья? Милый мой, для перехода к специальным упражнениям нужна хорошая физическая подготовка, это основа любого вида спорта. На наших занятиях были не просто упражнения. Бегом и ходьбой мы развиваем выносливость, прыжками в длину – быстроту, баскетболом – ловкость, силу развивают подтягиванием на перекладине. И только после общей приступаем к специальной подготовке: упражнениям на гимнастической стенке для развития гибкости, прыжкам со скакалкой для выносливости, упражнениям с гириями, гантелями для силовых качеств. К самим гимнастическим упражнениям перейдём не раньше, чем через четыре месяца. А кто не выдержит – не перейдёт. Ведь гимнастика – это не только красота. Красота – это результат, а вначале постоянный и изнурительный труд. И только он приведёт к победе и совершенству. И то не сразу, и не по мановению волшебной палочки, а благодаря упорному труду. Ты готов идти до конца?

Витя кивнул.

– И имей в виду, что не всегда занятие и выучка смогут создать гимнаста. Видишь Веру? – тренер взглядом показал на важничающую девочку. – Так вот. Из нее не получится гимнастки, завтра об этом скажу её родителям.

– Но она очень гибкая! Даже может ноги поднимать до плеч!

– Основа гимнастики – выворотность ног. Умение по-иному развернуть стопы наружу. Без этого многие гимнастические упражнения невозможны. Одним это дано, а другим – нет, и никакими упражнениями суставы не «развернуть», можно только травмировать. У неё этого нет. Так что не каждый может стать гимнастом. Подумай, у тебя есть время. Если не передумаешь, то завтра жду на тренировку.

На следующий день Витя за полчаса до занятий уже сидел на скамейке.

– Предупреждаю сразу, – осадил пыл новенького тренер, – чтобы стать гимнастом, надо уполовинить свои права и вдвое увеличить обязанности.

– К этому я готов, только бы стать чемпионом, – вздохнул с облегчением Виктор.

Тренер в ответ только улыбнулся:

– Значит, станешь!

Вчера казалось всё просто, но после первой тренировки от усталости Витя еле стоял на ногах. А парнишка из той же секции, Максим, оценил его взглядом и назидательно изрёк:

– Знай, салага, жизнь гимнаста – это борьба, с махами, остановками, падениями и соблазнами.

И начались тренировки, с выработкой упоров, висов, шпагатов, выкрутов, сальто.

– Упражнения на гимнастических снарядах выполняются силой и махом. Это главное, – повторял тренер.

Но для Вити не только это оказалось главным.

Остановил его самый простой спортивный снаряд – деревянное туловище на четырёх металлических ногах.

– Сей снаряд называется спортивным конём. Теперь начнём покорять его, – заявил тренер.

– Точно лошадь, но безголовая, – хохотнул Максим.

Все гимнасты засмеялись. Тренер, улыбнувшись, продолжил:

– Тут всё просто. Разбегаешься, подпрыгиваешь на пружинящих ногах, ноги сами разведутся, а руки найдут, где оттолкнуться, и не заметишь, как перепрыгнешь. При приземлении спина выгнута, руки вверх. Запомни, беги к коню не думая.

Но Витя, побежав к коню, как назло, прикидывал, сможет он перепрыгнуть или нет, и перед снарядом встал, как вкопанный, ноги не оттолкнулись, а сердце испуганно заколотилось. Так повторялось из раза в раз.

– Ещё один на отчисление, – крикнул Максим и ехидно ухмыльнулся.

Витя был сам не свой.

После занятий тренер его оставил.

– Витя, самая большая ошибка, что ты стал думать, как перепрыгнуть. А конь этого не любит, потому и не даёт. Попробуй оседлать его. Заберись, посиди, попривыкни, поползай по нему. И когда сроднишься с ним, то выходи на старт.

В тот день Витя около получаса сидел верхом на коне, называл Сивкой-Буркой, нахваливал и просил покориться.

Потом вышел на исходную позицию и победил, уже уверенный, что конь не подведёт, и... легко перепрыгнул – всё оказалось так просто!

Потом покорялись брусья, кольца... Сколько Виктор падал, знает только господь бог. Часто ночью просыпался, промахиваясь и падая даже во сне. Но снова приходил в зал. Наверное, это судьба. А ещё так хотелось стать чемпионом! И чтобы в честь его победы звучал гимн страны и поднимался флаг!

Если в спорте он уже всё строго и точно определил, то первая любовь пришла внезапно. Это была Аня. Тоже гимнастка. Тоненькая, с широким лицом в веснушках и с носом картошкой. И еще с большими синими глазами. Когда она улыбалась, то глаза сияли, словно гладь озера.

В переулке, за углом школы, был пруд. Они любили, держась за руки, ходить туда и смотреть на уток. Пруд был небесно-синий, окутанный зарослями камыша, бездонный, как Анины глаза. Между синью пруда и облаков о чём-то шептались на ветру стройные березки и, словно ярким ситцем, украшали округу.

Было двадцать второе июня. В то лето у их любимой утки появилось потомство. Маленькие, пушистые и смешные утята переваливались, неуклюже перебирая лапками, и без конца падали. Утка не успевала за всеми. Устало покрикивая на детишек, поднимала клюв. Её тревожное кряканье кромсало тишину. Но утята, словно не слыша свою мать, норовили везде сунуть свой клюв. Один заглотнул одуванчик и со страху бросился наутёк, другой застыл перед озером, рассматривая своё отражение. Утка зашла в воду и, перебирая лапками, поплыла, а за ней, толкаясь и суется, бултыхнулись несколько утят.

Потом около беседки Витя с Аней ели мороженое и смеялись.

– Меня берут в сборную Союза, запасным, – похвастался Виктор.

– Здорово! А у меня сегодня не шли обороты и перемахи, представляешь? Так знаешь, что тренер сказал? Хочешь быть гимнасткой – умей вертеться.

Оба звонко засмеялись, весь мир для них был прекрасен, и казалось, что так будет всегда!

У выхода из парка вокруг динамика собралась толпа. Лица озабоченные.

– Будет правительственное сообщение, – с тревогой в голосе сказала полная женщина, прижимая к груди ведро. Витя с Аней тоже решили послушать. И тут из динамика ударил набатом громкий, металлический голос:

– Сегодня... без объявления войны...

Женщины заголосили.

Не осознав значимости события, Виктор выпалил с досадой:

– Эх, п-поездка на ч-чемпионат мира сорвалась.

Аня, посмотрев на него, покрутила пальцем у виска.

Виктор спохватился: «Не то ляпнул».

Через неделю он стоял на вокзале. Рядом мать и Аня. Отец с братом уже были на фронте. Мать растерянная, с растрёпанными волосами и красными от слёз глазами, шёпотом повторяла:

– Сыночек, возвращайся живой...

– Мама, не п-пройдет и месяца, ф-фашистов вышибем и п-приду домой, – отвечал новобранец. Тогда все думали, что война ненадолго.

– Я тебя ждать буду, – сквозь слёзы шептала Аня.

С родными Виктор держался, а как только эшелон тронулся, сам не заметил, как по лицу потекли слёзы.

Он стал рядовым 1044-го полка 289-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

Несмотря на продвижение немцев, настроение было бодрым, все были уверены, что вот-вот погонят фашистов со своей земли. Поэтому даже на фронте Виктор не забывал о тренировках, и в минуты затишья качал пресс, делал махи, отжимания и другие нехитрые упражнения для поддержания физической формы. Его так и прозвали во взводе: Гимнаст. На прозвище Виктор не обижался. В детстве вообще за ним закрепилась кличка «задохлик» и дразнилка «Витя, Витя, королёк, мама тити не даёт». А в школе сначала звали «каланчой», а затем «гимнастуком». Так что эта кличка была лучше предыдущих.

Во взводе попались весёлые ребята. Без смеха и шуток не проходил и час. Вечерами по очереди травили анекдоты. Виктор их не запомнил, но вчера удачно ввернул тот, что вспомнился, и все от души хохотали.

«Приходит к доктору гимнаст и говорит:

– Когда делаю стойку вверх ногами, то в голову сразу приливает кровь, а встаю на ноги – притока нет.

Доктор ему в ответ:

– Все объяснимо: в ногах у вас нет пустоты». Но вскоре стало не до анекдотов.

В сентябре сорок первого под Полтавой их рота засела на высоте и попала в окружение. С неё просматривалась вся округа, и до позиций немцев было рукой подать.

Каждый вечер внизу раздавался оживлённый стук котелков. От запаха мяса и каши у солдат на высоте сводило желудок: сухие пайки давно кончились. После ужина снизу уже доносились сытые звуки немецкой гармоники и смех.

Высота была стратегической, и немцы бросили для её захвата крупные силы. Ряды защитников редели, но высоту держали. Тогда немцы решили поступить проще: подтянули артиллерию и обрушили на окружённых смерч огня и металла. Земля вздрогнула и зашевелилась, вздымаясь от взрывов. Вот и у Виктора почти над ухом раздался свист, и ухнувший взрыв взметнул вал земли с бруствера окопа. Пронзительный крик щуплого белобрысого ефрейтора со смешной фамилией Босота смешался с грохотом и дождём осколков. В глазах вспыхнули разноцветные круги, и взрыв боли помутил сознание. Очнулся Виктор от резкой боли, открыл глаза и увидел кованый немецкий ботинок. Сапог нанёс ему ещё пару ударов, гулкой болью отдавших в голове, и затем слух оглушила немецкая речь. Человек десять оставшихся в живых повели под конвоем в сельский клуб. Там уже накопилось много пленных, присесть было негде, спали стоя.

Так он попал в плен. Первый лагерь запомнился отчётливо. Немцы, собаки с вывалившимися красными языками. Колючая проволока. Наши бойцы, лежавшие на сырой земле. Смерть косила не разбирая. Умирали от ран, голода и тифа. Умерших сами складывали в штабеля и затем грузили на машины. Кормили вонючей жижей со щепоткой горелых зёрен. Раз после раздачи пищи к нему подсел щуплый пленный и, воровато озираясь, предложил за похлёбку кусок копчёной конины. Но сидящий рядом кряжистый мужчина прогнал того.

– Не конина это, а мясо, срезанное с трупов, – объяснил он, трясая головой при каждом слове. – Контузия, – объяснил мужчина.

Звали его Егор, ел он, смачно чавкая, размешивая в жестяной миске похлёбку большими,

толстыми корявыми пальцами с въевшейся в ногти грязью.

– Выжить тут можно, даже нужно. Мы еще нашим пригодимся. За всё гниды ответят.

– Надо бежать, – чуть слышно прошептал Виктор.

– Всею своё время. Надо осмотреться.

Виктор машинально огляделся. Туманом заволокло все вокруг. Но белую пелену бдительно рассекали кресты бревен караульных вышек, шаги патруля и лай собак.

Одним таким же туманным утром они решили бежать. Высчитали время смены караула. Всё должно было получиться. Уже пролезли через проволоку, но удача отвернулась: приехала, как назло, машина с фуражом. Прожектор, проснувшись, осветил автомобиль, и их, уже перелезших через колючую проволоку, заметили. Напоминанием на всю жизнь остался шрам от приклада автомата, который вогнал ему в грудь охранник. Хорошо, что не расстреляли на месте.

Потом их разбросали по разным лагерям. Прощаясь, они по-братски обнялись...

Лагеря менялись один за другим. И в каждом немецкая тюремная система исправно высасывала из него жизнь, впившись мёртвой хваткой в беззащитное рабочее орудие.

Порой всё казалось ожившим сценарием ¹⁰¹ скверного кинофильма, в съёмки которого он случайно попал. И казалось, вот-вот закулисный режиссёр скажет: «Ну, вот и отснят последний кадр. Благодарю всех за участие». И всё окажется игрой воображения, а он вернётся домой.

Однако сценарий был реальностью и бесконечной вереницей смертей претворялся в жизнь.

Мысли о побеге не покидали Виктора. Уже был готов план, когда неожиданно его снова перевели в другой лагерь. Им оказался Бухенвальд.

Лагерь встретил колонну новичков надписью, высеченной над металлическими воротами: «Jedem das Seine».

– Что там написано? – спросил идущий рядом Ашот, армянин из Еревана.

– «Каждому свое» там написано, – перевел Виктор.

– Что это значит? – эхом раздался хриплый голос за спиной.

– Это нацистский принцип справедливости: они – высшая раса, остальные народы подлежат уничтожению в концлагерях, – ответил Виктор,

не оборачиваясь, чтобы не получить удар прикладом автомата.

– Добро пожаловать в ад! – крикнул на ломаном русском языке стоящий у ворот охранник и загоготал.

Виктор вздрогнул.

За воротами всех выстроили на мощённой булыжником площади со стоящей поодаль виселицей. Неподалеку уныло темнели одноэтажные деревянные грязно-зелёные бараки. Вдали чёрными крышами поблескивали кирпичные здания.

– Казармы для охраны, – сказал кто-то.

За ними возвышалось здание с дымившей трубой. «Наверное, крематорий», – молча предположил Виктор. Лужа под ногами отражала съжившееся и совсем чужое лицо. Он уныло улыбнулся, и лицо в воде тоже скривилось в улыбке.

Толстый коротышка-офицер обошёл строй. Весь его облик был чужим и угрожающим. Остановившись, он резко прокричал по-немецки. Аккуратный и ловкий переводчик громко сказал:

– Вы прибыли в Бухенвальд. Сразу предупреждаю: тут строгий порядок. Имейте в виду, за всё время существования из лагеря не было совершено ни одного побега.

Коротышка закрутил головой, глаза у него были красные, как у кролика-альбиноса.

Виктор глянул на небо. Оно было угрюмым и серым, как неволя.

Вновь прибывшие прошли санитарную обработку в бассейне с карболкой, и каждому выдали номер. Теперь они стали не людьми, а просто номерами. Он стал номером 10491. Всем сунули робы, синие, изрядно поношенные.

– С умерших заключённых, видимо, сняли. Экономят, – брезгливо заметил высокий мужчина, близоруко щурясь.

Затем выдали деревянные выдолбленные колодки, надев которые, Виктор понял, что далеко в такой обуви не убежишь. Поместили в десятый барак. Здание в виде прямоугольника площадью сорок на пятьдесят метров. Грязно-жёлтая стена. Большой проход, по обеим сторонам в четыре яруса полати из необструганных досок.

– Похоже, бывшая конюшня, – оглядевшись, хмыкнул рябой мужчина и добавил: – Я деревенский, знаю.

– Верно. Это бывший конезавод, теперь мы вместо лошадей тут пашем, – прошамкал измождённый беззубый доходяга, похожий на цыгана.

– Как кормят?

– Получше, чем в других лагерях. Только работаем по двенадцать часов в сутки, и СС люют.

Слова цыгана подтвердились. Кормили лучше, давали мутную жидкую баланду и полтора-ста граммов эрзаца – хлеба пополам с опилками. Но и контроль над военнопленными был хорошо организован. Два ряда колючей проволоки под током. Многочисленная охрана. Три раза в день номерная перекличка. И лютовали немцы всласть. В кураже могли забить плётками или растерзать овчарками.

Вечером, после пьянки, с хохотом и трелями губной гармоникой вламывались в барак, высвечивая фонариками жертв, и в порыве куража пускали автоматные очереди. Убитых после таких гулянок уносили десятками. Работали, как и сказал цыган, по двенадцать часов в сутки в каменоломнях и на подземном заводе по производству немецких ракет «Фау-2».

Прошёл месяц, за ним второй, третий... Все одинаковые, серые и мрачные.

Виктор порой удивлялся, что еще жив и что ему бывает холодно или жарко, что может хотеть есть или пить и что в его теле ещё есть жизнь, хотя его окружали живые трупы с такими же, как у него, потухшими глазами.

На каждой перекличке лагерное начальство вдальбивало, что Москва уже пала и немецкие войска ведут успешные бои, завоёвывая Сибирь. То же самое передавалось по лагерной радиосети. Верить в это не хотелось.

Только мысли о побеге поддерживали его силы. Рядом с лагерем был густой лес, в нём можно было затеряться. На это и был расчёт.

И даже в этих условиях Виктор продолжал свои физические упражнения: разминал мышцы рук, ног, шеи, чтобы не утрачивались гимнастические навыки. И здесь его также звали Гимнастом.

Неожиданная информация пришла из спецбарака. Там услышали сообщение немецкого радио о том, что наши войска вышли к Кёнигсбергу. Это больше походило на правду: английские бомбардировщики всё чаще стаями проплывали по небу в сторону Берлина. Шёл март сорок пятого года.

Виктор уже был готов к побегу, но удача опять отвернулась. После переклички около сотни пленных перевели в другой лагерь, рядом с побережьем Северного моря. Лагерь окружали вышки с пулемётами. Что это означало, никто не

понимал. Уже была слышна канонада орудий, значит, фронт близко. Но скоро всё разъяснилось. Однажды утром после переклички всех вывели под усиленным конвоем из лагеря. Шли долго. Наконец, преодолев большой пригорок, увидели расстилающееся Северное море. У берега чернела сухогрузная баржа с буксиром.

– Топить будут, – волной прокатилось по колонне.

– Молчать! – закричали конвоиры по-немецки.

В это время вид баржи с затаившейся в ней смертью затмил саму синь моря. Её никто не увидел. Бывает такое.

– Глянь вверх, – раздался голос рядом.

Виктор поднял голову. В небе летела, быстро взмахивая небольшими крыльями, белая птица. Её голова была неестественно опущена вниз, словно хотела предупредить о чём-то.

– Гагара, – кто-то пояснил за спиной.

– Свободные создания. Почему мы не птицы? – продолжался шёпот слева.

Между тем вдали появилась чёрная точка, которая, стремительно разрастаясь, превратилась в сокола. Приблизившись к жертве, он взмыл ввысь и упал камнем вниз. Все замерли. Мгновение, и, издав истошный крик, гагара уже трепыхалась в когтях хищника. Расправив крылья, сокол напоминал немецкую свастику.

– Свободе капут. И тут фашистский орёл нашёл жертву, – шептал с сожалением тот же голос.

Неожиданно за спиной Виктора раздался отчаянный крик:

– Врешь, не возьмешь! Помирать, так с музыкой!

Несколько пленных побежали на охрану. Немцы вскинули автоматы и уложили их шальными очередями, не жалея патронов. Остальные замерли: хотелось ещё пожить, хоть несколько дней... Дальше колонна двинулась в гробовом молчании, нарушаемая лишь беспечными разговорами конвоиров. Худые измождённые пленные напоминали серые тени, бредущие в преисподнюю.

Как оказалось вблизи, баржа была старая, поржавевшая, с облупленной краской. Палуба прогибалась под ногами, скрежеща кровельно-железным настилом. Дальше пленные, пройдя сквозь строй охраны немцев, пропадали в люке. Настал черед и Виктора. Деревянная скрипучая

лестница уткнулась в дощатый пол. Он огляделся. Рядом почерневший борт. Высота трюма около пяти метров. Пахло сыростью и плесенью. Напряжённые приглушённые голоса. Лязгнули люковые крышки, и всё поглотила темнота. Такое впечатление, будто попал в могилу. Загремела кровельная палуба. Отчётливо стучали в висках подковы сапог торопливо уходящих немецких солдат. Баржа вздрогнула, корпус устало заскрипел, и посудина с недовольным скрежетом двинулась.

Все растерянно молчали, затем раздались испуганные крики:

– Взорвут! Утопят!

Плач, ругательства и вопли слились в единую предсмертную исповедь. Пленные стали метаться, в темноте натываясь друг на друга, падали, снова вставали. Кто-то ползал на четвереньках. Однако баржа продолжала плыть, и ничего не происходило. Люди стали успокаиваться.

– Видимо, в другой лагерь везут, – раздались радостные возгласы.

Постепенно глаза привыкли к темноте и стали различать контуры людей. В корпусе баржи было много зияющих пробоин, из которых проникал свет. Все было не так уж плохо. В корме нашли дыру в четыре дюйма. Из неё можно было видеть море. Стали выстраиваться в очередь ¹⁰³ «посмотреть на море». Дошла очередь и до Виктора, и тогда он впервые увидел море. Сначала невольно зажмурил отвыкшие от света глаза. Но открыл снова. Море было спокойным и ласковым. В его сине-зелёных просторах беззаботно играли солнечные блики. Похожие на зайчиков из его детства, когда они прыгали по стенам его комнаты.

– Время вышло! – осторожно засипел за спиной тихий голос. – Людей много в очереди!

Виктор сошёл с лестницы, оглядел сидящую очередь «к морю» и уступил свое место другому. Его сразу окружили.

– Рассказывай скорее! Не молчи! – звучали тихие, но настойчивые голоса.

– Красиво!

– Знаю, – пропел кто-то.

Он отошёл в сторону и сел.

Сколько времени прошло, никто не знал. Неожиданно донесся взрыв, и баржа подпрыгнула, охнув стальным днищем. Раздалась пулеметная очередь, затем ухнул новый взрыв. Все посыпались на пол. Гулко и тревожно застучало сердце.

Из щелей в корпусе стал просачиваться запах гари.

– Похоже, взорвался буксир. Вон английский бомбардировщик, – сообщил смотревший в пробоину.

– Ура! – понеслись волнами возгласы.

Баржа раскачивалась на воде. Стало понятно, что буксир затонул, самолёт улетел. И что дальше? Скоро освободят?

Шло время, но ничего не происходило. День сменился ночью. Голод и жажда стали невыносимы. У некоторых помутился рассудок, послышался бред, вызванный галлюцинациями. Вокруг Виктора ползали обессиленные люди. В трюме нарастал смрад от испражнений.

И тут началась буря. Баржа вздыбилась, стала подлетать и с уханьем опускаться на волны. От таких перепадов все внутренности едва не выскакивали наружу. Казалось, ещё мгновение – и судно опрокинется. Снова началась паника. Однако уверенный громкий голос всех успокоил:

– В барже есть воздушные резервуары вдоль бортов, они не дадут перевернуться. Это вам боцман говорит.

Но случилась другая беда: старая баржа не смогла долго выдерживать удары волн. В средней части корпуса раздался скрежет, обшивка лопнула, и через большую трещину потекла вода. Сняв с себя робы, пленники заткнули пробоину. Надолго ли?

Опять потянулись часы ожидания. В таком состоянии пленники, услышав шум приближающегося корабля, приняли его за очередную галлюцинацию. И лишь тогда поверили в реальность, когда услышали топот на палубе, и из открывающегося люка раздалась английская речь.

Ошалевшие узники обнимались и целовались, подпрыгивали, как дети. Это была радость спасённых, воскресших людей.

А когда они узнали, что подписан пакт о безоговорочной капитуляции Германии, многие, не стесняясь, плакали. Вот так и сидело с полсотни всхлипывающих мужчин, не стыдящихся своих слёз. А в голове у Виктора рефреном звучала фраза: «Отольются вам наши слёзы».

И вот он уже в эшелоне и, свесив ноги из теплушки, охмелевший от спирта, горланит песни. Эшелон ехал сутки без остановок и вдруг застрял на маленькой станции. Все вокруг было забито эшелонами и людьми. Вечером на изра-

ненном взрывами перроне зазвучали песни и начались танцы под аккордеон.

Тогда он впервые услышал эту песню.

*А когда не станет горя и в помине,
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомним, как на запад шли по Украине,
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.*

*Вспомню я пехоту и родную роту,
И тебя – за то, что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ, мой!*

Хмельной Виктор настолько проникся словами песни, что даже потянулся к участливо предложенной сигарете. Но тут же спохватился: «Гимнасту курить нельзя и пить хватит. Двое так наакались, что ночью, как бревна, из вагона вывалились».

Вот и знакомое здание вокзала. В поношенном, не со своего плеча пиджаке, коротких сатиновых брюках, тощий, мертвецки белый, с котомкой в руке он стоял, озираясь, на перроне. Родной город встретил жарким июньским солнцем. Но не успел он снять ветхий пиджак, как небо стремительно потемнело. Раздались, как выстрелы, залпы грома, от которых Виктор инстинктивно съёжился, но тут же вспомнил, что война закончилась. Застучал дождь. Весь промокший, он спрятался под козырёк дома. Кинжальный треск молний и раскаты грома заполнили всё вокруг. Но грозы хватило лишь на десять минут. Небо прояснилось, и выглянуло солнце.

Ноги вели Виктора к родному дому, но не давали бежать. Только он убыстрял шаг, они, обесиленные пленом, подкашивались. Приходилось останавливаться, делая вид, что просто не спешит. Хотя мысленно уже открывал дверь дома и видел отца, мать, брата. По дороге его не покидало ощущение, будто он попал в чужой город, настолько все вокруг изменилось. Дома мрачно зияли провалами пустот и полуразрушенных стен. Палисадники заросли бурьяном. На месте клуба пепелище. Земля изрыта воронками от снарядов. Пруд, у которого они с Аней засматривались на уток, почернел, и от охранявших его березок остались торчащие полуобгоревшие безжизненные стволы.

Подойдя к своей улице, Виктор притормозил – страшился увидеть вместо дома развалины.

Постоял и решительно пошёл навстречу неизвестности. Как же он обрадовался, увидев, что дом остался цел. Та же красная дверь с облупившейся краской. Поднял руку, чтобы постучать, для торжественности. Но вспомнил, мать глуховата, всё равно не услышит, да и дверь их никогда не закрывалась на замок. Все друг друга знали. Дверь и сейчас не была закрыта. Прошёл в коридор и, как в детстве, ударился лбом о висящий таз. «Забыл», – улыбнулся он.

Мать стояла у стола спиной к двери.

– Мама, вот и я вернулся, – сказал Виктор.

Она обернулась. Постаревшая, серая, усохшая мать испуганно смотрела на него запавшими от слёз глазами. Перед ней стоял страшный, измождённый, обтянутый кожей скелет с глазами старика. Совсем непохожий на её сына. Но это был сын, материнское сердце не обманешь.

Виктор по взгляду матери понял, что она его не узнала. Но подошла и обняла.

– Пришла похоронка, что ты под Полтавой в сорок первом погиб. А сердцем чувствовала, что живой. Так всем и говорила. Вот и шрам, – она погладила рубец на макушке сына (ребёнком он упал со скирды).

– Мама, а как отец?

Она только крепче его обняла и прижалась к плечу:

– Погиб в сорок втором.

– А брат?

– В сорок третьем.

– Бедная. Как ты выдержала?

Мать молчала.

– А Аня?

– В сорок третьем. Похоронка её родителям пришла.

Виктор посмотрел в окно. Небо было синим-синим, словно бездонное озеро, с рассыпанными по нему, словно белые перья, облаками...

Когда-то в этом доме было полно народа. Собирались на праздники, пели вместе за столом: «За околицей солнце клонится, от березоньки веет грусть». Теперь тут тихо и пусто. Лишь в зеркале отражались две обнявшиеся тени.

В тумбочке так и лежали, ожидая его и веря в его возвращение, аккуратно сложенные спортивные трико, майки, и от этого на душе у Виктора потеплело.

Вечером он долго стоял у окна. Внизу был двор. Раздувалась на ветру одежда, развешанная на веревках. За темнеющими тополями вид-

нелись очертания обнимающейся на скамейке парочки. И за ними убегала улица к тому пруду, у которого он когда-то гулял с Аней. Тень возвышающейся котельной упала на окно и накрыла пол.

Когда совсем стемнело, Виктор прилег. Впервые за последние четыре года он лег на матрац, застеленный белой простыней. Сначала было не заснуть от непривычно мягкой постели, но вскоре сон увлек его в свои края.

Засыпая, он думал: «Теперь начнется безмятежная мирная, гражданская жизнь».

Мирная жизнь действительно началась, но вовсе не безмятежная.

Полумрак. Обшарпанные стены. Глазницы серых окон, забранных металлическими решетками. Между стеклами с обречённой неистовостью билась муха. Напротив, на ободранной стене, осуждающе смотрел потрет Сталина. Стул грибом, на одной ножке. Угрюмые папки дел на облезлом металлическом столе. Сидящий грузный мужчина в тёмно-синей гимнастёрке с двумя красными петлицами на плечах. Глаза мутные.

– Признавайся, что сам сдался в плен, немецкий прихвостень! – заорал следователь.

На Виктора пахло перегаром, и дальше ¹⁰⁵ этот запах обдавал его при каждом выдохе следователя.

Опешив, он сказал, что в сорок первом весь полк накрыло на высоте артиллерийским огнём немцев, что он был ранен и потерял сознание, очнулся – рядом фрицы.

– Всё проверим! – кричал офицер. – Тебе повезёт, если так и было. А если врешь, то ты – враг народа!

От крика тревожно закачалась на голом шнуру одинокая мутная лампочка.

В камере было десять человек. Все бывшие в плену у немцев. Там умирали за колючей проволокой, здесь оказались за решёткой. Было горько и невыносимо больно от несправедливости, унижения и незаслуженного обвинения.

– Всё равно в своей тюрьме сидеть лучше, чем в немецком лагере, – раздался хриплый голос.

– Сидеть везде хреново, – эхом ответил кто-то.

Каждый день Виктора по несколько раз водили на допрос. Допрашивали разные люди. Каждый из них кричал:

– Признавайся, что сам сдался в плен, враг народа!

Правда, били не активно, по привычке. Как Виктор понимал, ждали ответа на запрос. Других заволакивали в камеру в окровавленном бессознательном состоянии.

Пришло время, и допросы прекратились. Выдали паспорт.

– Начну снова заниматься гимнастикой, – поделился он своими планами с матерью.

Мать с сомнением посмотрела:

– Одна кожа да кости. Пока еще мясо-то нарастет. Погодь пока. А может, найти занятие поспокойнее?

Тренер долго смотрел на Виктора, потрогал его мышцы и покачал головой.

– Чтобы восстановить здоровье, тебе понадобятся годы, если вообще это возможно. А ты хочешь вернуться в гимнастику, – качал головой тренер, не глядя Виктору в глаза.

– В плену я каждый день разминал мышцы, – с надеждой шептал парень.

В тот день он впервые увидел, насколько тренер сдал за годы войны.

В гимнастике говорят, что тренеры бывают разные: «работяги» и «сачки», «перестраховщики» и «коچهгары», «в законе» и «дипломаты», «практики» и «теоретики», «пофигисты» и «одержимые».

Виктору повезло. Стас Григорьевич был одержимый, ставший ему не только тренером, но и отцом-учителем на жизненном пути. Почему-то при виде тренера он вспомнил Егора, первого, с кем он познакомился в плену. Внешне они были не похожи, но объединяли их понимание и внутренняя уверенность. «Где сейчас Егор? Жив ли? Наверное, никогда не узнаю», – думал Виктор.

И он вернулся в спортивный зал. Но не смог даже подтянуться на перекладине. Один раз мучительно отжался и, обессилев, потерял сознание. До скамьи пришлось ползти. Но на следующий день он снова пришёл на тренировку и начал с простых упражнений для разминки тела: наклонов, поворотов, приседаний, вращения. И так день за днём упорно и методично. После каждой тренировки Виктор долго лежал изнурённый, но на следующий день снова упрямо возвращался в спортивный зал.

Когда первый раз тренер принёс ему кусок сала и ломоть хлеба, Виктор наотрез отказался брать. Но Стас Григорьевич спокойно и настойчиво сказал:

– Организм надо восстанавливать питанием. Я всё равно это не съедаю. Бери, а то перестану тренировать.

Он смотрел на Виктора отцовскими глазами, и Виктор взял сало и хлеб. А что оставалось делать? Спустя годы он узнал, что тренер отдавал ему свою еду, а сам голодал.

Но тогда у Виктора все мысли были о гимнастике и о том, чтобы вернуть былую форму. Бег по кругу. Прыжки со скакалкой. Гимнастическая стенка. Гантели. Отжимания от пола. Штанга. Брусья. Нескончаемые отмахи прямым телом в стойку. И так из ночи в ночь в холодном зале. А утром на работу, затем в Институт физкультуры на учебу.

Через год, ощупывая руки и ноги, он уже чувствовал не дряблое мясо, а тугие мускулы. Стала заметно толще спина, шире плечи.

– В нашем деле главное – выучка, – говорил Виктору тренер. – Можно обладать шикарными данными, но не уметь правильно поднять ногу или, что еще хуже, приучиться неправильно делать это. С выучкой связано совершенство исполнения любых упражнений, о ней свидетельствует даже обычная походка. Как раз выучке научиться можно.

И Виктор отшлифовывал каждый, даже самый простой элемент. Просто стойка или угол на брусьях, но он учился делать всё идеально. Если угол, то чётко прямой, а не девяносто семь и не восемьдесят два градуса.

И вот он вошёл в сборную страны: и дебютант, и ветеран одновременно. Молодёжь, кто искоса, а кто с восхищением посматривала на него, а Виктор от растерянности держался в стороне от всех.

Но однажды он не выдержал и вмешался в разговор. Дело было после тренировки. Самый молодой спортсмен, Олег Тихомиров, назидательно сказал гимнастке:

– Среди нас, гимнастов, есть изречение: гимнасты – это люди, всю жизнь находящиеся то на махе спереди, то на махе сзади.

Виктор остановился и уточнил:

– А среди наших гимнастов есть иное изречение. Гимнаст – это не только акробат, но одновременно и музыкант, и дирижер, и художник. А великий философ Платон сказал, что боги подарили людям два вида искусств: музыку и гимнастику.

И тогда впервые за долгие годы все увидели, как Виктор улыбается, что с ним теперь бывало

крайне редко. Улыбка была такая добрая, искренняя и красивая, что все в ответ невольно тоже улыбнулись. И словно смутившись, Виктор опустил голову и быстро ушёл.

Алексей, старший из гимнастов, оглядев сборную, назидательно заметил:

– Учитесь, салаги. Чикалин – это гимнаст, с головы до пят, и спортсмен от Бога!

И вот Олимпийские игры. Зрители, корреспонденты, судьи, спортсмены из других стран смотрят оценивающе на сборную СССР.

Между тем наши гимнасты выбывают из борьбы один за другим. Михаил срывается с перекладины, Валентин засыпается на брусьях. Японец Тадао в упражнении на брусьях получает оценку девять целых восемьдесят пять сотых балла. Газеты уже пестрят статьями, что победа достанется японцу и никому другому. Единственным, кто может превзойти конкурента, остается Виктор Чикалин. Но ему нужно будет получить оценку не ниже девяти целых пятидесяти пяти сотых балла в последнем упражнении. Балл не запредельный, но остаются вольные упражнения, а это была «ахиллесова пята» Виктора. Его преимущество было на брусьях, коне, но в вольных упражнениях он проигрывал в артистизме – давали себя знать годы плена.

Виктор выходит на помост последним. Скамейка кажется узкой, твердой и раздражающей. Узкая майка неприятно сдавливает грудь. Тапочки сжимают ступни. Он весь покрывается потом и даже слышит его запах. Зал отталкивающе гудит, улюлюкает, брюзжит. Виктор встаёт, расправляет плечи и снова садится.

Из динамиков стадиона разносится:

– На площадку приглашается Виктор Чикалин. Советский Союз.

Виктор делает вдох-выдох, выпрямляется, и беспокойство уступает место сосредоточенности.

Стадион замирает. Застывают в напряжении спортсмены и судьи. И лишь мигают голубые вспышки «блицев». Глухую тишину приумолкнущих трибун нарушают стрёкот камер да лёгкое жужжание ламп. И под прицелом нескольких тысяч взглядов на ковёр выходит Виктор. Кажется, все перестают дышать. Проходя, он бросает взгляд на японского спортсмена. Японец криво ухмыляется.

Росчерк ноги прорезает наэлектризованный тугой воздух. Прыжок, кувырок и вихрь комбина-

ций сливается в симфонию азартной пляски, словно танец откровения на краю скалы. Кажется, воздух, наполненный энергией и ритмом, обжёт своим дыханием зрителей, вовлекая в рождение чего-то изумительно прекрасного.

Финальный взмах – и зритель выдыхает. Все взгляды устремляются на табло. Там оценка девять целых и пятьдесят пять сотых балла! Всегда невозмутимый Виктор, до этого замерший в спортивной стойке, вдруг, изогнувшись, делает шаг-прыжок, за ним другой, третий. Радость, ликование чувствуются в его полётах-шагах, и, не дойдя до ступенек помоста, он бросается в объятия товарищей по команде.

– Мы победили! Мы первые! – кричит он, размахивая снятой майкой. Стоящие рядом спортсмены затихают, глядя на его грудь с глубоким шрамом.

– Это от неудачного побега осталось, – беспечно отвечает Виктор, его лицо сияет, глаза горят.

На следующий день все газеты пестрели заголовками с фотографиями Виктора. Цитировали слова японского гимнаста: «У этого спортсмена невозможно выиграть». В других изданиях приводились слова немецкого спортсмена:

«Геометрическую точность полёта Чикалина можно повторить только с помощью линейки и циркуля».

Москва встретила чемпиона унылым, обшарпанным перроном с несколькими журналистами. Виктор дал интервью и пошёл с тренером в железнодорожную кассу. Билеты были только на следующий день, и им ничего не оставалось, как ночевать на вокзале.

– Это даже к лучшему, – шутил Виктор. – Хоть по Москве погуляем, на Красную площадь сходим. Кстати, надо найти почтамт. Позвоню домой матери с женой, они ведь так ждут меня.

И улыбнулся. Второй раз за месяц.

* * *

Рассказ основан на реальных событиях.

Виктор Иванович Чукарин, бывший узник Бухенвальда, гимнаст, чемпион мира, обладатель семи золотых олимпийских медалей. Ушел из спорта в тридцать шесть лет, ни разу не испытыв горечи поражения. Так и остался непобежденным.

Умер в 1984 году.

Его именем названа улица в городе Львове и не переименована по сей день.

**Юрий
ПОЛЯКОВ**

**С КРЫШИ
НАШЕГО САРАЯ...**

С КРЫШИ НАШЕГО САРАЯ...

*С крыши нашего сарая
Ты увидишь свысока,
Как бежит, во всю сверкая,
В бликах солнечных река.*

*За рекой полей просторы,
А за ними тёмный лес,
А за ним синюют горы,
Подпирая край небес.*

*За горами, вся без края,
Разлилась морская гладь.
(Только с нашего сарая
Моря вовсе не видать).*

*Но зато увидеть можно,
Если глянуть за забор,
Как собака спит тревожно –
Стережёт соседский двор.*

*Как дорога вдаль стремится
Через поле напрямик,
Как по ней куда-то мчится
Допотопный грузовик,*

108

*Как часами ждут улова
Рыбаки на берегу,
Как рогатая корова
Щиплет травку на лугу.*

*С крыши нашего сарая
Ты увидишь свысока,
Как земля твоя родная
Бесконечно широка,*

*Как огромен и прекрасен
Твой родной и тихий край...
Нет, сегодня не напрасно
Я забрался на сарай.*

ЭСЭМЭСКА

*Урок...
Телефон завибрировал резко.
Наташе Петровой
Пришла эсэмэска.
А в той эсэмэске
От Мишки пять слов:
«Петрова, тебя я люблю.
Иванов».*

ПОЛЯКОВ Юрий – обладатель Золотого диплома Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Москва) в номинации «На лучшее произведение для детей» (2009, 2010 годы); лауреат Международного поэтического фестиваля «Чеховская осень» (Ялта) в номинации «Стихи для детей» (2010); обладатель Гран-при Всеукраинского поэтического фестиваля «На берегу Муз» (Евпатория, 2011); победитель первого международного конкурса детских авторов «Серебряный ручеёк» (Сочи) в номинации «Сказки и истории в стихах» (2011); лауреат Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским» в номинации «Литература для детей» (2012); победитель Международного литературного конкурса издательства М. Волковой «От 7 до 12» (Челябинск, 2012), лауреат литературной премии автономной Республики Крым (2013). Член Союза писателей Республики Крым. Живёт в Симферополе.

Петрова
Слегка покраснела:
«Ах, Мишка!
Какой он прикольный
И классный мальчишка!»
И шлёт эсэмэску –
Всего лишь три слова:
«Дурак Иванов! –
Ну, и подпись:
Петрова».

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

У Ленки –
Щенок,
Хомячок –
У Андрюшки.
У Ваньки –
Ушастый египетский кот.
А я обзавёлся недавно
Лягушкой!
Она у меня
Под кроватью живёт!
Её окружаю
Заботой безмерной
И, честно признаюсь,
Никак не дождусь,
Когда превратится лягушка
В Царевну...

И я на Царевне-Лягушке
Женюсь!

ТОПАЛ ДОЖДИК...

Озорной,
Весёлый,
Прыткий
Топал дождик
Тут и там:
Шёл
По тротуарной плитке,
По деревьям,
По кустам,
Шёл
По крыше
Неуклюже,
По аллее
Прямоком...

А ещё...
Еще по лужам
Топал дождик
Босиком!

ОСТОРОЖНО, ГОЛОЛЁД!

Осторожно!
Осторожно!
ГОЛО-ГОЛО-ГОЛО-ЛЁД!
Все
Скользя,
Пыхтя,
Буксуя,
Продвигаются
Вперёд.

Осторожно,
Шаг за шагом,
По сплошному
ГОЛО-ЛЬДУ,
С бабушкой
Буксую рядом –
В детский сад
Её веду.

Осторожно!
Осторожно!
ГОЛО-ГОЛО-ГОЛО-ЛЁД!
...Без меня,
Бабуля
Точно
До детсада
Не дойдёт!

УРОК ПЕНИЯ

В школе
Львята с р-р-рвением
Занимались пением, –
Хорошо
У детворы
Получалась
Нота «Р-Р-Р-РЫ!...»

НА ПОРОГЕ МРАМОРНОГО ЗАЛА...

На пороге
Мраморного зала,
В замке
Короля – Его Величества,
Тряпка очень важная
Лежала –
Важно-влажно-грязное
Тряпичество.
И была Тряпичество
Горда.
И полна достоинства:
Ещё бы!
Об неё придворные особы
Вытирали ноги
Иногда.

МОЛИТВА

Вечер.
Иконка.
Лампадка мерцает.
Бабушка шепчет –
Молитву читает,
Слышу я:
«Господи,
В трудные дни
Нас не покинь
И от бед охрани».
Теплится свет
Под иконкой в лампадке,
Я повторяю
Молитву украдкой
Тихо за бабушкой –
Снова и снова –
С верой в простое
И доброе
Слово.

КАПРИЗНОЕ МОРЕ

Почему
Ты такое капризное,
Море?...

Ты вчера
Бушевало,
Волнами грозя,
Волновалось,
Металось
На диком просторе...

Так нельзя,
Море,
Слышишь меня?
Так нельзя!

Я просил тебя:
– Море,
Послушай,
Стань тише,
Я приехал
Всего лишь
На несколько дней.
Мы ведь были друзьями...
Ты помнишь?..
Ты слышишь?..

...Только пенилось море
И злилось
Сильней!

А сегодня...

Сегодня ты,
Море,
Другое.
В целом мире
Добрее тебя
Не найти!
Ты со мною
Играешь
Полоской прибоя,
Виновато вздыхаешь
И шепчешь:
«Прости...»

Людмила
КВАШНИНА

ДЕВОЧКА
ПО ИМЕНИ МАГДА

ОТ АВТОРА

Порой реальная жизнь оказывается интереснее и драматичнее придуманных историй и закручивает такие невероятные сюжеты, что не осилить даже самому богатому воображению. Все события, описанные здесь, происходили на самом деле много лет назад. Героиня повести, слава богу, живёт и здравствует. Её непростая судьба достойна пера великого писателя, но поскольку рядом такого не оказалось, поведать эту историю миру придётся мне. Решение вызревало постепенно и достаточно долго. Сначала я просто с большим интересом слушала её рассказы, иногда в девяносто девятый раз, затем посоветовала написать мемуары или обратиться за помощью к опытному журналисту. Но как-то все эти предложения тормозились разными обстоятельствами и не получили развития. Наконец, наступил тот переломный момент, когда я настолько прониклась её воспоминаниями, что пришло твёрдое убеждение: это я должна, просто обязана написать сама. Повествование ведётся от первого лица, чтобы передать мышления и настроение героини как можно точнее, но в чём-то, конечно же, проявилось и моё собственное восприятие тех далёких событий.

ИНДИГО

С самого раннего детства я ощущала себя чужаковатой, непохожей на других. И это ощущение

подпитывалось отзывами окружающих детей и взрослых. Как только меня не называли! «Белая ворона» и «чудо в перьях» – самые безобидные из моих прозвищ. Я не пыталась исправиться, чтобы соответствовать общему знаменателю, и не особенно-то комплексовала по поводу своей несурзности. Ну не как все, ну и что!

Уже взрослой я прочитала статью на тему психологии про детей «индиго» и поняла – это про меня. После статьи появилось какое-то двойственное чувство, вроде как успокоило то, что не одна я с приветом, а с другой стороны, даже немного задело, что, оказывается, встречаются в природе подобные типажи, и я не такая уж уникальная личность. Надо сказать, всё точно совпадало с моим характером в детстве. Я росла маленькой бунтаркой, крайне любопытной, очень упрямой, скрытной и неусидчивой. Когда я ещё не умела читать, мама, чтобы разучить со мной стишки, садилась на стул посреди комнаты, вслух читала, а я бегала вокруг неё и повторяла. Минута простоя для меня казалась невыносимой. Я не капризничала и не озорничала. Все мои поступки подстёгивались исключительно любопытством и желанием испытать свои силы: смогу – не смогу.

С детсадовского возраста меня посещали философские умозаключения. Я смотрела, как прыгают и смеются дети, и думала с осуждением: «Какие же они глупые, веселятся, а ведь

КВАШНИНА Людмила Александровна родилась 1 октября 1961 года. Девичья фамилия – Островая. Место рождения г. Экибастуз Павлодарской области КазССР. Образование высшее медицинское. Врач-невропатолог 1-й категории – 1984–1996 годы. Предприниматель – 1997–2009 годы. Менеджер страховой компании с 2009 года. Копирайтер WordPress с 2012 года. NIK ladyLAK. Замужем. Двое сыновей. Литературный псевдоним – Людмила Островая.

жизнь так коротка». Для своих лет я была слишком серьёзной и рассудительной. Воспитатели часто привлекали меня в помощники, и я, как надзирательница, следила, чтобы дети во время тихого часа не разговаривали и лежали с закрытыми глазами. Пословицы и поговорки я перевирала по-своему, придавая им новый смысл в своём понимании. Мои первые афоризмы: «Утро вечера утреннее», «Век живи – век лечись».

Мне легко давались предметы по точным наукам. Я даже помогала решать задачи по физике и математике своим друзьям старше меня на один-два класса. Мне нравилось ковыряться в различных механизмах, начиная с будильников и заканчивая двигателями. Став постарше, малость остепенившись, я стала много читать, читала взахлёб при любой возможности. В гостях, первым делом, спрашивала разрешения порыться в книжном шкафу. В одном из школьных сочинений, за которое получила оценку «отлично», я процитировала слова Базарова: «Искусство делать деньги или нет более геморроя». Мама прочитала моё творение, усмехнулась и спросила, знаю ли я, что такое геморрой? «Нет, – говорю, – не знаю, но думаю что-то революционное». Тайком от всех сочиняла стихи и вела дневник. Мама не одобряла мою склонность к чтению, считала баловством, но не препятствовала.

Как все настоящие «индиго», я страдала обострённым чувством самоуважения и справедливости. В первом классе произошёл такой случай. В диктанте я допустила ошибку, написала «ку-ре-ца». Учительница прочитала мою работу перед классом, и все дружно посмеялись, а потом ещё и дразнились: «Эй, ты, курца!». Я пришла домой и сказала маме: «Ты можешь меня убить, но я в эту школу больше не пойду». И моя строгая мама, которую я боялась как огня, поняла, что в этот раз ей меня не сломить, на следующий же день забрала документы и отнесла в другую школу. В новой школе ко мне отнеслись более лояльно и одноклассники, и учителя. Если вдруг я пролезала под партами через весь ряд, чтобы взять у кого-нибудь карандаш, то наша классная руководительница Галина Фёдоровна, которую мы между собой любовно называли Галифе, говорила: «Дети, сидите тихо! Пожалуйста, не наступите на Кондратьеву!»

Я не играла в куклы, больше водилась с мальчишками. Могла постоять за себя и за других, кидалась на обидчика как кошка, не зная

на перевес сил противника. Но сама первой никогда не задиралась. Я была дворовой атаманшей, и все малявки бежали ко мне жаловаться и просить защиты. В детстве мне постоянно хотелось подпрыгнуть, куда-нибудь залезть, пробежаться. Энергия во мне бурлила и искала выхода. Казалось, руки как крылья, стоит взмахнуть, и я полечу. Однажды какая-то необъяснимая и непреодолимая сила заставила меня забраться на высоченную акацию. Залезть-то залезла, а спуститься не могу. Уже вечер, пора домой, помочь некому. Делать нечего, обняла ствол руками и ногами, да и съехала вниз. Дерево старое было, кора толстая, грубая, в общем, я неделю ходила, раскорячив ноги. Страха не было совершенно. Все мои бесчисленные ссадины и синяки ничему меня не учили, боль быстро забывалась, и я опять, как одержимая, принималась за старое. В травматологическом пункте меня уже встречали как знакомую: «Опять Кондратьева! Что на этот раз?» Во время перевязки пожилой доктор Владимир Иванович грозно поглядывал через толстые линзы очков и предупреждал: «Будешь пищать – усы зелёной нарисуешь».

Единственное, чего я боялась, так это маминого наказания. Воспитывала она меня строго, даже, можно сказать, сурово. Частенько поколачивала. Не помню, чтобы она хоть раз обняла или сказала ласковое слово. Почему так сложилось? Для меня до сих пор нет ответа на этот вопрос. Может быть, одной из причин был неудачный брак с моим отцом. Волей-неволей я постоянно напоминала маме о нём. Мы никогда не выясняли отношений и не говорили на эту тему. Я уверена, что у неё и не было чувства вины передо мной. И хотя я всегда старалась для самоуспокоения найти маме какое-то оправдание, тлеющая обида где-то в глубине души так и осталась.

МОЯ СЕМЬЯ

История моей семьи тоже необычная и запутанная. Моя мама была эстонка. Все называли её Мета, и в паспорте стояла запись: «Мета Рудольфовна», хотя её настоящее имя – Меета. Мамины родители эмигрировали из Эстонии в город Карс, что на севере Турции, в поисках лучшей жизни. В двадцать пятом году надумали вернуться на родину. Маме тогда исполнилось девять лет. В одном из перевалочных пунктов на пути их следования, под Армавиром, стряслась беда. Один местный парень стал домогаться ма-

миной старшей сестры, ей было шестнадцать лет, преследовал её по пятам, проходу не давал. Она избегала его, боялась. Однажды, когда она гуляла с полуторагодовалым братиком, он подкараулил их и обоих зарезал ножом. Бабушка не смогла пережить несчастье, вскоре умерла, а мама с дедом добрались до Таганрога, так и осели здесь. Все эти географические перемещения нашли отражение в маминной речи. Она разговаривала очень своеобразно: смесь эстонского акцента с южнорусским. Видимо, пережитое семьёй горе повлияло на мамин характер. Возможно, она обращалась со мной слишком жёстко, тревожась за мою жизнь. Да и поводов для беспокойства хватало: я была резвым ребёнком, вечно с разбитыми коленками и царапинами. Хотя мама и держала меня в ежовых рукавицах, конечно, она заботилась обо мне. Её строгость я воспринимала тогда как должное, а наказания считала справедливыми. Она была для меня всем, и я страшно боялась её потерять. В детском саду я говорила воспитательницам: «Я никому не доверяю, только своей маме».

Отца своего я совсем не помню. Фотографий тоже не сохранилось. Мама о нём никогда не рассказывала. Только иногда, после моей очередной выходки, восклицала в сердцах: «Вот ведь кондратьевская порода!» Говорили, что он был красивый, высокого роста. У него была страсть – карты, которые его и сгубили. Интересно, что мои родители встретились на Дальнем Востоке, хотя оба были из Таганрога. Мама поехала туда в командировку по направлению завода метеоприборов, а отец отбывал там наказание в колонии-поселении за свои картёжные дела. Он работал на предприятии, жил в общежитии, ему запрещалось покидать посёлок. Скорее всего, мама сначала ничего и не знала о криминальной стороне дела. Отец был обаятельный, наверное, как все картёжники. Маму он тоже заметил неслучайно: на такую девушку нельзя было не обратить внимание. Большие голубые глаза, пышные, волнистые волосы пшеничного цвета, никто не верил, что это натуральные кудри, думали, перманент. Она хорошо шила, со вкусом одевалась, была стройной и долго оставалась моложавой. Когда я уже подросла, нас часто принимали за сестёр. В пожилом возрасте она подсмеивалась сама над собой: «Сзади – пионерка, спереди – пенсионерка!»

Видимо, командировка была продолжительной, потому что они там же расписались, в Та-

ганрог мама вернулась уже в положении и поселилась у его родителей. Отец через некоторое время освободился, но вскоре опять попался, на этот раз в тюрьму. Больше его никто не видел, через несколько лет он там, в тюрьме, и умер. Бабушка рассказывала, что у него были математические способности и умелые руки, но он пошёл по скользкой дорожке.

Кондратьевы относились к маме и ко мне хорошо, помогали чем могли. Бабушка занималась знахарством. Люди обращались к ней за помощью, очевидно, лечение давало положительный результат. Она собирала и сушила травы, делала какие-то настойки и втирания, лечила заговорами. В летней кухне постоянно что-то варилось, булькало, как в алхимической лаборатории. Приятно пахло ромашкой и чабрецом. Бабушка, маленькая, щупленькая, в белом ситцевом платочке, проворно сновала от одного чана к другому, помешивала кипящий отвар, что-то процеживала сквозь сито, растирала в ступке. На крючках под потолком висели пучки сушёных трав, корешков, цветов. Полки были заставлены разнокалиберными пузырьками, баночками. Бабушка разрешала мне наблюдать за лечебными сеансами и поощряла моё любопытство. Она часто повторяла: «Вот подрастёшь, передам тебе свои секреты». Однажды пришёл мужчина с распухшим большим пальцем на руке. Бабушка дала ему пшеничный колосок и велела зажать в кулаке. Что-то нашёптывала. Потом стала в воздухе делать движения, словно вытягивала невидимую нить из большого пальца. И вдруг из пальца показался тонкий, как волос, длинный червяк. Бабушка подцепила его палочкой и бросила в печь. Целительницей я так и не стала, но несколько раз экстрасенсы, к которым я обращалась в разные периоды своей жизни, говорили мне: «Зачем Вы пришли? Вы сами можете других лечить!»

ОТЧИМ

Отчима своего я помню очень хорошо, хотя мне было всего три-четыре года. Звали его Василий Гуров. Высокий, сероглазый, с чёрными выщипанными волосами. Василий служил в НКВД, носил форму. Но даже в гражданской одежде по его выправке можно было догадаться, что он человек военный: подтянутый, чёткий. Когда он приходил с работы, я с щенячьей радостью выбегала к нему навстречу, он снимал фуражку и надевал мне на голову. Возле порога оставлял

свои сапоги с высокими голенищами, и тогда в них залезала я. Василий подшучивал: «Под мышками не жмут?» В таком виде, в сапожищах сорок пятого размера и фуражке, я отправлялась к соседям по квартире и, приставив ладонь к козырьку, отдавала воинскую честь. Соседи улыбались: «Здорово, командир!» Василий меня любил и относился с теплотой. Всегда приносил гостинчики и заступался, если мама уж чересчур строго наказывала.

Мне нравилось, когда он подбрасывал меня на руках. Я заливалась смехом и просила: «Ещё, ещё!» Однажды он не рассчитал траекторию полёта, и я ударила головой о потолочную балку. Рёву было на весь дом! А Вася качал меня, прижав к груди, и виновато приговаривал: «Не плачь, маленькая, ну прости меня, дурака!» У Василия как у главы семейства было постоянное место за столом, а сидел он на табуретке весьма оригинальным вывертом: одну ногу подкладывал под себя, а другую поджимал, коленом до подбородка. В конце ужина Василий говорил: «Надя, наколоти-ка мне чаю». Это означало, что нужно положить в стакан с чаем сахар и размешать. С самым серьёзным видом он объяснял, что чай будет слаще, если водить ложкой строго в одном направлении по часовой стрелке. Я преданно заглядывала ему в глаза и с удовольствием выполняла все его просьбы.

Иногда он показывал один и тот же фокус с монетами. Я просила у мамы мелочь. Василий сначала немного торговался, набивал цену, говорил, что с полтинником работать легче, чем с пятаком. Затем согнутую руку ставил локтем на стол и начинал энергично втирать в неё монету другой ладонью. При этом он уверял, что ему очень больно, делал страдальческое лицо, закатывал глаза и закусив губу, и даже немного покрывался. Потом резко убирал ладонь, показывая, что ничего нет, и предлагал потрогать руку, убедиться, что монета волшебным образом внедрилась под кожу. Я осторожно надавливала пальцем указанное место, он опять очень правдоподобно изображал мучения от моего прикосновения. Потом, случалось, я находила монеты на полу, это вызывало у меня какие-то смутные подозрения, но всё равно, несмотря ни на что, я продолжала верить Василию.

Как-то Василий пришёл раньше обычного, мамы дома не было. Он лёг прямо на пол и говорит: «Что-то я приболел. Кажется, у меня жар. Неси градусник». Я принесла. Он поставил тер-

мометр, подержал, потом посмотрел и говорит: «Маловато. Принеси-ка спички. Щас сделаем температуру». Я вприпрыжку за спичками. Принесла. Он зажжёт спичку и стал разогревать градусник, да, видно, близко поднёс пламя. Стекло лопнуло, мелкие бусинки ртути разлетелись по всему полу. Мы ползали на коленях, пытаюсь собрать их обрывком газеты. Я с восторгом глядела, как подвижные жидкие металлические шарики, соприкасаясь, сливаются в крупные блестящие капли. Часть ртути всё-таки просочилась сквозь щели между половицами. Потом мама устроила нам разнос.

Когда я заболела желтухой и лежала в инфекционном отделении, он каждый день забегал в больницу. Посетителей внутрь здания не пускали из-за карантина, только принимали передачу. Дети в больничной одежде, кто в пижаме, кто в халате, как маленькие арестантики, выглядывали из окон в ожидании своих родственников. Однажды Василий всё-таки пробрался в отделение через чёрный ход. Увидев его, я так обрадовалась, бросилась ему на шею. Потом вдруг отстранилась и побежала назад в палату. Он кричит: «Надюша, ты куда?» А я быстренько сгребла свои вещички и снова к нему, как своему спасителю: «Забери меня отсюда!». Он прямо в лицо переменялся, так растрогался. Завернул меня в полушубок и собрался уходить, но тут прибежали медсёстры и нянечки, давай его увещевать и стыдить: «Папаша, ну разве так можно! Ребёнка надо лечить!». Наш дерзкий побег сорвался. Василий вернулся домой расстроенный, мама на кухне лепила вареники, он сел напротив, прямо на стол с мукой положил руки, опустил голову и... заплакал. Эти подробности я узнала после выписки из больницы, мама рассказывала подруге, а у меня, как всегда, уши торчком, уж очень хотелось узнать, что там взрослые обсуждают. Василий был хорошим человеком, совестливым. Я думаю, он прекрасно понимал, что происходит в НКВД и стране. Помню, как он иногда жаловался маме: «Мета, боюсь, я больше не выдержу!». Для такой работы у него был слишком добрый и мягкий характер.

В ТАГАНРОГЕ

Моё детство и юность прошли в Таганроге. Спокойный приморский город. Много зелени. Частые сильные ветра. Жаркое лето и совсем не по-южному морозная зима. Через город в одноимённых балках протекали две речки: Большая

и Малая Черепаха. Это сейчас их почти полностью загнали под землю в ливнесточные коллекторы. В балке Большой Черепахи раскинулась дубовая роща, некоторые деревья сохранились ещё с петровских времён.

Для меня центром мира был наш двор. Он объединял сразу несколько домов. Посреди двора росла огромная шелковица. Ствол был такой толстый, что два человека не могли его обхватить. Извилистые корни, как щупальца спрута, расплзлись в разные стороны на поверхности земли. Раскидистая крона затеняла весь двор. Я любила залазить на дерево, есть сочные ягоды и раскачиваться на толстых ветках, за что неоднократно получала от мамы нагоняй.

Во дворе стояли две качели: лавка-качалка для малышей и подвесная, на прочных канатах, для детей постарше. С этими качелями связаны яркие эпизоды моего детства. В нашем доме жила Клавдия Семёновна, она работала кассиром на заводе. Семьи у неё не было. Обычная тётка лет пятидесяти, но если в праздники Клавдия Семёновна выпивала, то проявляла буйный темперамент. Один раз она раздухарилась не на шутку: взобралась на большие качели и так раскачивалась, что боковые опоры скрипели и ходили ходуном. При этом она голосила песни, в основном патриотической направленности. Платье развевалось, мелькали голубые панталоны. На бесплатный концерт собрались зрители, одни глазели из окон, лежа на подоконнике, другие сидели на лавочке во дворе и щёлкали семечки. Кто-то пытался её урезонить: «Клава, ну хорош! Упадёшь ведь!» Она с гордым вызовом отвечала: «Упаду, так на советскую землю, и советские врачи меня спасут!» Активная фаза сменилась депрессивной. Клавдия Семёновна уселась за стол, где мужики играли в домино, начала лить слёзы и жаловаться на всё подряд: одиночество, непонимание, несправедливость. Высказав все претензии человечеству, она побрела домой, грустно поникнув головой. А на следующее утро, как ни в чём не бывало, бодро помахивая красным ридикюлем, шагала на работу.

На маленьких качелях отличилась я сама. Качались с подружкой, она на одном конце лавки, я на другом, всё как положено, вверх-вниз по очереди. Подошёл пацанчик постарше, подружку согнал, а сам с разбегу как скакнёт на край качели! Меня резко подбросило вверх, я не смогла удержаться и брякнулась с качели прямо в песочную кучу. Рыхлый песок смягчил удар, но

подбородок я всё-таки разбила. Домой побоялась идти, новое платье в крови и грязи, пошли к подружке, её мама постирала моё платье, смазала ссадину йодом. Только когда одежда высохла, я пошла домой.

Мы жили в коммунальной квартире на втором этаже. Детский сад летом закрывался на ремонт. Как-то мама ушла, а меня заперла на ключ от греха подальше. Погода тёплая, во дворе ребята шумят, а дома одной скучно. Недолго думая, я вылезаю в открытое окно и по узкому карнизу лицом к стене приставными шагами продвигаюсь к соседскому окну. А оно закрыто! Только небольшая форточка распахнута. Что же делать? Назад идти боюсь, вниз прыгать – слишком высоко, в три года это я уже соображала, ухватилась одной рукой за край форточного проёма и стала звать соседку: «Тётя Оля! Тётя Оля!» Соседка в это время находилась на кухне, услышав мой голос, кричит мне в ответ: «Потерпи, мама скоро придёт». Я опять: «Тётя Оля, идите скорее сюда!» Она поняла, что происходит что-то неладное, стала стучаться к нам. А дверь-то закрыта на ключ! «Надюшка, что случилось? Ты где?» Кричу: «Да, здесь я, у вас!» А сама еле держусь, вот-вот сорвусь. Она вбегает в свою комнату и видит меня за окном, повисшую на форточке. Соседка не растерялась, сразу хватя меня одной рукой, другой открыла шпингалет и затащила в комнату. Когда маме доложили о случившемся, она была так поражена, что единственный раз в жизни не стала меня наказывать. Она привела наглядный пример. Подвела меня к окну и бросила вниз яйцо. Яйцо разбилось и разбрызгалось в разные стороны, а мама сказала: «Вот видишь, если бы ты упала, от тебя бы тоже осталось только мокрое место».

По соседству, в отгороженном от нашего двора доме, жили пожилые супруги Розенсон. Рахиль Евсеевна – бывшая учительница, а Наум Григорьевич ещё работал инженером на железной дороге. Они, казалось, совсем не подходили друг другу, ни по внешности, ни по характеру. Она – высокая статная дама, спокойная и приветливая. У неё были белоснежно-седые волосы, уложенные в витиеватую причёску, чёрные, очень выразительные глаза и необыкновенно добрый, ласковый взгляд. А он чуть ниже неё, коренастый, плотный живчик, балагур и остролов, всё время придумывал какие-то шутки-прибаутки. Когда Наум Григорьевич работал у себя в саду, то вытирая потную лысину носовым плат-

ком, глубокомысленно изрекал: «Труд создал человека, труд его и угробит». Они иногда обращались к маме с просьбой что-нибудь помочь по хозяйству. Когда приезжали их дети с внуками, они накрывали стол в саду и заводили патефон. У них были удивительно нежные, заботливые взаимоотношения. Он её просто боготворил и говорил, что муж – это мужчина, угнетённый женщиной. А она снисходительно улыбалась и смотрела сквозь пальцы на все его юморизмы. По вечерам она, накинув белую вязаную шаль, выходила за ворота встречать его с работы, они обнимались, как сто лет не виделись, и в обнимку шли по тропинке в дом. Никто не слышал, чтобы они когда-нибудь ссорились или даже голос повысили друг на друга. Наум Григорьевич признавался: «Ну что вы! Конечно ругаемся, только шёпотом и под одеялом».

И вот к таким замечательным старикам я залезла в сад через дыру в заборе и сорвала яблоки. Яблоки были крупные розовые, но недоспелые, твёрдые и кислые, я их надкусанные тут же и побросала. А вечером пришла Рахиль Евсеевна обсудить с мамой свои дела и пожаловалась, что первый год, как появились яблоки, новый сорт, ещё не успели попробовать, и кто-то оборвал. Мне соседку жалко стало, такая хорошая женщина, и, желая её как-то утешить, чтобы она зря не огорчалась, говорю: «Да они совсем невкусные, одна кислотина». Словом, спалилась. Мама от стыда вся покрылась красными пятнами и, едва сдерживаясь, стала извиняться перед соседкой. Рахиль Евсеевна поняла, что грядёт буря, и деликатно удалилась. Как только дверь за ней закрылась, мама развернулась ко мне и, задыхаясь от возмущения и гнева, угрожающе прошипела: «Какой позор! Моя дочь – воровка!». Схватила веник, стоявший рядом в углу, и отлупила меня этим веником, как сидорову козу, причём рукояткой, и приговаривала: «Вот тебе, получай, воровка!». После физического наказания последовало выяснение мотива и обстоятельства преступления. Мама ещё некоторое время пошумела, повозмущалась, я уже с облегчением подумала, что на этом дело и закончится, а не тут-то было, она ещё взяла и вытолкала меня на улицу: «Иди, извинись и поклянись, что больше не будешь!». Я плачу: «Я боюсь, уже темно!» Но мама была непреклонна: «Ничего, дойдёшь! Пока не попросишь прощения, домой не приходи, не пущу!» Я всё-таки немного схитрила, не стала идти к воротам, а пошла проверенным путём, че-

рез знакомую дырку в заборе. Хорошо, что соседи ещё не спали, в окнах горел свет, и дверь на веранде была открыта. Розенсоны меня великодушно простили, выразили уверенность, что такое больше никогда не повторится, и даже усадили пить чай с абрикосовым вареньем, а потом проводили домой.

Летом мы, компания дворовых ребяташек, часто бегали на море купаться. Одно из самых прекрасных впечатлений детства и, пожалуй, всей жизни – закат на море. Это захватывающее чувство необъятного простора, свежий ветер, яркие краски заката, опрокинутые в море! На фоне заходящего солнца виднелись розовато-серые облака, похожие на огромного, по всему горизонту, коня на полном скаку с развевающейся гривой и хвостом. Этот облачный конь появлялся каждый вечер, из года в год. А может, мне так просто казалось? Я рано научилась плавать и очень полюбила это занятие. Могла часами находиться в воде и с удовольствием ныряла. У нашего берега морская вода была опреснённая, поблизости впадала река. Однажды какие-то взрослые парни на пляже заметили, что я долго не вынырываю, и предложили соревнование: кто дольше продержится под водой. Я отказывалась, но они пообещали мороженое, и пришлось согласиться. Один был судьёй, другой нырял. Я вынырнула гораздо позже и дальше своего соперника и честно заработала свою награду. Плавать меня никто не учил, я сама разобралась, как правильно двигаться и регулировать дыхание. Особенно мне нравилось лежать спиной на воде, раскинув руки и ноги, качаться на волнах и смотреть в небо. Однажды я даже уснула в таком положении. Проснулась от душераздирающего крика: «На-а-дя, На-а-дя!». Поднимаю голову, а это друзья мои на берегу кричат: «Фу-у, как ты нас напугала! Мы думали, ты утонула и всплыла!».

Был у меня на море один «подвиг». Это уже постарше, лет в девять. Как-то во время купания брат моей одноклассницы решил развлечься тем, что незаметно подплывал к девчонкам и хватал их за ноги и другие места. Доставалось и взрослым женщинам. Меня он не трогал, я тогда была худышкой и привлекательными формами не отличалась. Парень – здоровенный амбал, девятнадцать лет, его уже перед армией побрили. Белобрысый такой: и брови, и ресницы белые. А лицо красное и в конопушках. Связываться с ним никто не хотел, боялись. А тут он до-

брался до моей подружки Светки. Тискает её, она визжит, а отбиться от него не может. Я, ни секунды не раздумывая, бросилась выручать и стала изо всех сил колотить его кулаками по спине. А ему – как слону дробина. У подружки от щекотки уже начался нервный смех со всхлипываниями. Тогда я запрыгнула ему на спину, обхватила руками его голову и сдавила пальцами глаза. Как он взвыл! Я такого вопля никогда не слышала. Женщины кричат: «Молодец, так ему и надо! Не будет лапать!» Пока он орал благим матом, закрыв ладонями глаза, и приходил в себя, мы со Светкой кинулись к берегу, быстро хватая свои пожитки и бегом босиком по горячему песку домой. Как я додумалась до такого изуверства, сама удивляюсь! Надеюсь, что не сделала этого альбиноса инвалидом и всё обошлось.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Мне было четыре года. Тот момент, когда пришло известие о войне, не запомнился. Потом все фронтовые новости мы узнавали от Василия. Уже вскоре после начала войны нам пришлось покинуть город. Линия фронта приближалась очень быстро. Военным, коммунистам и их семьям оставаться в городе было опасно.

Время подтвердило правильность нашего решения. Уже после войны мы узнали о массовых расстрелах людей в Петрушиной балке на окраине города в первые же дни оккупации. Особенно много погибло евреев, на них велась настоящая охота, среди них были дети, женщины и старики, не щадили никого, многих задерживали прямо на улице. Наши соседи Розенсоны не захотели уезжать, говорили, что они уже старые, не вынесут переезда. Их тоже убили. Вспоминаю глаза Рахили Евсеевны, в них светилась душа. Как могла подняться чья-то рука стрелять в такого человека?! Родители моей подружки Светки тоже остались в городе, они работали в местной филармонии, отец – администратором, а мать была певицей. Она выступала перед немцами в пьяных компаниях. Рассказывали, что пела и плясала прямо на столе. Детский дом в Таганроге фашисты превратили в донорский пункт. У детей брали кровь для немецких офицеров. При отступлении в сорок три году фашисты вывезли малолетних доноров на свою подконтрольную территорию, где продолжали истязать их.

Но всё это произошло позже. А тогда, летом сорок первого года, Василий помог нам с мамой

эвакуироваться в Миллерово. Запомнились проводы. На вокзале было очень многолюдно и шумно. Пока мама с Василием прощались, я сидела на сумках и охраняла багаж. Мимо нас взад-вперед спешили люди, задевая своими баулами. Чтобы не раздавили в толпе, я осталась с Василием на перроне. Мама с трудом протолкалась в вагон, открыла окно, и Василий подал ей меня, потом вещи. Он что-то говорил, но ничего не было слышно. Мы уезжали из родного города в полную неизвестность. Самого Василия позже по службе командировали в Баку. Никто не знал, как долго продлится война, и что с нами будет.

МИЛЛЕРОВО

В Миллерово располагалась крупная узловая железнодорожная станция. Самые первые минуты в Миллерово омрачились страшным зрелищем, мы стали свидетелями несчастного случая. Мы высадились и ждали, пока пройдёт поезд на соседнем пути. Поезд только тронулся с места, но быстро набирал ход. Какая-то отставшая пассажирка с кружкой в руках бежала за поездом. Из двери последнего вагона, держась за поручень, свесился мужчина и протянул ей руку. Женщина успела ухватиться, он стал подтягивать её вверх, но она сорвалась и упала прямо под колёса. Поезд уехал, даже не притормозил, оставив за собой раздавленное тело. Сбежались люди. Женщина лежала поперёк рельса и ещё дышала, широко раскрытым ртом судорожно заглатывая воздух. Обезумевшие вытаращенные глаза. Поперёк живота – глубокая кровавая борозда от колеса. Я не могла на это смотреть и отвернулась, прижавшись к маме. В самом тягостном настроении мы отправились на вокзал.

Если до этого происшествия ещё теплилась слабенькая надежда, трусливый самообман, что, может быть, всё образуется и вернётся к прежнему, то это ужасное событие, ставшее предвестником тяжелых испытаний, заставило по-настоящему осознать страшную правду, как будто за нами зловеще захлопнулась железная дверь и отсекала всё, что было раньше. Впереди была непонятная и от того ещё более пугающая мгла. Надо было как-то выживать в новой действительности, приспосабливаться к условиям войны.

Первое время мы ночевали на вокзале, потом удалось снять комнату. Мама устроилась са-

нитаркой в эвакуационный госпиталь. Меня брала с собой, оставить-то не с кем. Мне тоже поручали несложную работу: составлять и развешивать порошки и мази, особенно много делали серной мази, от чесотки. Я складывала комки жёлтой серы в фарфоровую ступку, растирала пестиком в порошок, добавляла вазелин и смешивала в однородную массу. Готовую мазь расфасовывала по баночкам. Мне всё было интересно и любопытно. Я воспринимала работу как игру и с готовностью помогала. Однажды даже присутствовала на операции. Одному бойцу понадобилась срочная операция. Начиналась гангрена, требовалось ампутировать ногу. Госпиталь располагался в каком-то учреждении, операционную развернули в большом кабинете, тут же находилась конторская мебель. Было поздно, мне сильно хотелось спать. Я стояла в сторонке возле серванта, облокотившись об выступ, и постоянно зевала во весь рот. Чтобы как-то отвлечься, взялась рассматривать затейливый рисунок дерева на дверце, мне казалось, что он похож на лохматую голову льва. Стою, глаза слипаются, голова медленно опускается на грудь, а колени плавно подгибаются, на секунду засну, потом встрепенусь, встану ровно, проморгаюсь, опять борюсь со сном и смотрю на деревянного льва. Пока врач делал операцию, мама удерживала ногу бойца на весу. Отчётливо помню всё до мелочей: звяканье инструментов, противный скрежет пилы, запах эфира. Из очередного погружения в сон меня вывел сильный стук. От неожиданности я резко вздрогнула, вижу, что мама лежит на полу. Она достояла до самого конца, а когда врач допилпил кость, мама так с обрубком ноги в руках и рухнула в обморок. Я с плачем бросилась к ней, подбежали медсестры, запахло нашатырём, маму отнесли на кушетку.

Операция затянулась, домой мы возвращались уже поздним вечером, когда стемнело. Нужно было переходить на другую сторону через многочисленные разветвлённые железнодорожные пути. Мама шла впереди, а я, сонная и уставшая, плелась сзади. Вдали уже показался прожектор локомотива. Мама меня подгоняет: «Давай быстрее, поезд идёт!» И тут, как назло, у меня ботинок застрял в щели между рельсами в месте стрелки. Ногу выдернуть не могу, и ботинок плотно зашнурован, быстро снять не получается. Поезд всё ближе. Мама подбежала, пытается освободить ногу, но никак. Тогда она что

есть силы как дёрнет меня! Так, что подошва ботинка оторвалась и осталась между рельсами. А мы вместе, потеряв равновесие, свалились в сторону. Поезд был совсем близко. Казалось, что мама выдрала меня из-под самых колёс. Ещё не успели встать, как через несколько секунд он промчался рядом с оглушительным грохотом. Так в ботинке без подошвы я и хромала по грязи до самого дома.

Начальником эвакогоспиталя был военврач по фамилии Мозер, почему-то запомнилась фамилия. Не знаю, сколько ему было лет, мне он казался старым, лицо сморщенное, как печёное яблоко. Он сразу положил на маму глаз, она не отвечала взаимностью и тяготилась его вниманием. Мамины товарки-санитарки сигналили ей о его приближении, и она старалась где-нибудь спрятаться, за тюками или в шкафу. Он зайдёт к нам в каморку, а мы с честными глазами врём: «Нету! Вышла!». Вскоре госпиталь стали готовить к передислокации, и мама решила на побег. На вокзал нас пришла провожать Петровна, женщина, у которой мы квартировались. Сначала мы вместе со всем персоналом погрузились на поезд, чтобы никто ничего не заподозрил. А как только поезд тронулся, мама передала меня на руки Петровне, стоявшей на перроне, выбросила наши узлы и прыгнула сама. Поезд ушёл. Мама была вольнонаёмной, наказание за дезертирство ей не грозило.

ПОДКОЛОДНОВКА

Из Миллерово мы подались в Подколodновку. В селе легче было прокормиться. Добирались на попутных машинах и долго шли пешком. По дороге нам встречались разрушенные дома, без крыш и окон, только стены. В одном из таких домов мы заночевали. Мама нашла большой кусок клеёнки. В углу, где поменьше дуло, расчистила место от обвалившихся кирпичей, собрала и набросала в кучу какое-то тряпье. Мы улеглись, мама расстегнула свой плюшевый жакет и обхватила меня лапами. Сверху с головой накрылись клеёнкой. Так под открытым небом и спали, крепко прижавшись друг к другу, а ночью выпал первый снег. Проснулись, вокруг всё бело, и сами покрыты снегом.

В Подколodновке мама устроилась писарем в сельсовет. Нас подселили в один дом. Хозяйку звали Маруся. Дородная, пышущая здоровьем казачка, лет сорока, бойкая, острая на язык. Её муж ушёл на фронт. Детей у них не было. Дом

состоял из двух комнат и большой печи с лежанкой. За домом – сад, а дальше огород. Маруся держала корову и кур. Мама с Марусей подружились и вместе управлялись с домашними делами: воду носили из колодца, дрова кололи, варили еду. Иногда ночью перед сном их пронимало откровение, и они, каждая со своей кровати, подолгу вполголоса разговаривали за жизнь. Я притворялась, что сплю, а сама, развесив уши, ловила каждое слово, подслушивала женские секреты. Маруся подарила нам свои вещи, ставшие ей малыыми: кофточки, юбки, почти новые. Что-то подошло маме, а что-то она перешила мне.

Зима прошла спокойно. К весне обстановка в селе стала тревожной. Фронт продвигался всё ближе и ближе. Опасно было выходить на край села, долетали снайперские пули. Случались артобстрелы и авиабомбардировки. В селе размещались наши военные. Здесь находилось самое удобное место для переправы через Дон. Нас научили во время обстрела падать на землю лицом вниз и закрывать голову руками. Как-то начали стрелять, я плюхнулась на землю, а почва в тех местах глинистая, после дождя непролазная грязь, а в сухую погоду пыль мелкая, как пудра. Вдохнула я эту пыль, как напал на меня кашель, прокашляться не могу, горло перехватило до удушья. Мне уже всё равно, что вокруг стреляют, встала, кашляю, аж слезы потекли. Кто-то из взрослых подбежал и заставил пригнуться.

Никогда не забуду самый первый артобстрел. Я была одна дома. Мама на работе. Маруся тоже куда-то отлучилась. Вдруг страшный пронзительный свист и взрывы. Я испугалась, побежала к маме в сельсовет, который находился через несколько домов. Уже до сельсовета оставалось несколько метров, вижу, как на крыльцо выбежал офицер, а за ним солдат, и вдруг я чувствую острую обжигающую боль в ноге и в то же самое мгновение вижу, как офицеру срезает голову, и она, как мяч, скатывается по ступенькам, из неё маленьким фонтанчиком пульсирует кровь. Потрясённая такой жуткой картиной я встала как вкопанная, забыв про боль, не замечая взрывов, не в силах отвести глаз, тупо и отстранённо смотрела, как обезглавленное тело офицера продолжает идти, и сделав два-три шага, валится на землю. Вслед за солдатом на крыльцо выскакивает мама, они бегут ко мне, уносят в блиндаж, вырытый рядом с

сельсоветом. Мама своим платком перевязала мне ногу, у неё дрожали руки, но она старалась держаться спокойно и приглушённым, сдавленным от волнения голосом повторяла: «Ничего, потерпи, всё заживёт». Тот осколок снаряда, что убил офицера и ранил меня, застрял в стене, стены сельпо были саманные, мягкие, я потом отковыряла кусок металла длиной сантиметров двадцать. Просто чудом этот осколок скользнул по моей ноге, не нанеся увечья.

Авианалёты случались редко, укрывались от них, где придётся: в блиндаже, траншее, подполе, что было поблизости. Моё первое посещение подпола оказалось неудачным. Мы находились дома, услышали звук самолёта, Маруся отодвинула крышку подпола и велела нам спускаться. Меня пропустили вперёд. Внизу темно, ничего не видно, промежутки между перекладинами лестницы широкие, мне приходится к ним тянуться и шарить ногой. Руками держусь за боковины лестницы. Бомбёжка уже началась, Маруся решила меня поторопить и ладонью сверху легонько надавила на голову. Этого оказалось достаточно, чтобы я сорвалась вниз, там стояли деревянные короба с картошкой. Пока летела, думала, хоть бы не порвать платье, а то мама отругает. Мама с Марусей спустились за мной. Я сильно ударилась коленом и вывихнула мениск. Боль дикая, ногу не согнуть, не разогнуть, голень сместилась в сторону. Мама держала лампу, а Маруся налила на ладонь керосин, хорошо растёрла место ушиба, потянула меня за ногу, сустав щёлкнул и вправился на место. Острую боль быстро отпустило. Сидим втроём на чурбаках при свете керосиновой лампы, прислушиваемся: где-то вдалеке слышен гул самолётов, ухают взрывы. Маруся говорит: «Я карты захватила. Может в дурака, а?» Мама покачала головой: «Нет, Маруся, я в карты не играю, есть серьёзная причина. Не хочу об этом говорить, ворошить прошлое». «Ладно-ладно, не надо! Давай тогда я тебе погадаю, меня одна старая цыганка научила». Мама согласно кивнула. Маруся положила квадратную фанерку на пустое ведро и стала на подручном столике раскладывать карты. Она внимательно разглядывала их, меняла местами, что-то невнятно проговаривала. Мама с лёгкой усмешкой, а я, разинув рот, следили за этими загадочными манипуляциями. Наконец, после томительного ожидания Маруся вынесла вердикт: «Сперва будет трудно, но потом всё наладится. Ты встретишь большую лю-

бовь». Мама засмеялась: «Я думала, ты скажешь, когда война закончится, а ты про любовь. У меня уже есть большая любовь!» Маруся невозмутимо ответила: «Хочешь верь, хочешь не верь. Что карты показывают, то и говорю».

Сложно представить, но мы постепенно привыкали к обстрелам, война становилась для нас будничной, во всяком случае, уже не было панического страха, мы знали, какие можно предпринять защитные меры и обезопасить себя. Однажды Маруся попросила привести корову, которая забрела куда-то на окраину села. Снайперы не трогали детей, и мы с ребятнёй осмелели и шныряли по всему селу, бегали за огороды к ручью. Я отправилась на поиски. А тут началась артподготовка. Какой-то солдат схватил меня в охапку и затащил в траншею, которая пролегла вдоль реки. Кричит: «Ты что, не видишь, стреляют?!» Я говорю: «Мне корову надо найти». Он строго-настрого приказал мне сидеть в укрытии и не высовываться. Поставил передо мной ящик с гранатами и сказал: «Будем заряжать». Стал показывать. Гранаты были крупные, с длинной деревянной ручкой, похожие на толкушку. От меня требовалось взять стеклянную капсулу с жидкостью наполовину белёсого и розового цвета, открыть в гранате отверстие, вставить капсулу и снова закрыть. Я заряжала гранаты и подавала солдату, а он складывал их на бруствер, ступеньку наверху траншеи. Наши ожидали наступление немцев после артподготовки. Все стали выбираться из траншеи, стрелять и с криками «ура!» побежали отбивать вражескую атаку. Мой солдат крикнул мне: «Сиди здесь!» – и тоже убежал. Что там происходило, я не видела, только комья земли падали сверху. Когда всё стихло, он вернулся: «Ну, всё, подруга, можешь идти. Ищи свою бурёнку».

Возвращаясь домой, я чуть не попала под машину. Откуда-то выскочила большая собака, стала на меня лаять, я испугалась, побежала от неё через дорогу. А тут как раз полуторка ехала, везла боеприпасы на линию. Прямо на дороге я обо что-то споткнулась и упала, водитель резко повернул руль в сторону, я только почувствовала, как вертящееся колесо коснулось локтя. Грузовик съехал в неглубокий кювет. Перепуганный водитель выскочил из машины, поднял меня и отнёс в кабину. Успокоившись, что со мной всё в порядке, он стал объяснять: «Никогда не убегай от собаки. Это хоть и домашнее животное, но зверь. А для зверя всё, что движется – дичь. Как

увидишь собаку, стой спокойно, смотри ей в глаза и разговаривай с ней по-доброму, дескать, ну что лаешь, ты же хорошая псина». Эти слова я запомнила на всю жизнь. С тех пор собак не боялась и могла заговорить зубы любому волкодаву.

В конце лета 1942 года немцы подступали всё ближе, военные сказали, что будет большой бой, вряд ли удастся удержать село, и надо уходить в степь. Все сельчане собрали самые необходимые вещи, запасы продуктов, уводили с собой скотину. У нас была собака по кличке Дамка, рыжая дворняжка, она недавно оценилась и за нами не пошла. Обосновались мы в степи среди скирд. Скирды стали нашим временным жилищем. Делали в них норы, и там спали, ночи уже были прохладные. Я боялась залезать в скирду, там темно и колючие сухие травинки. Мама забиралась первой, а потом затаскивала меня. Днём искали дрова и готовили еду на костре. Жили мы там до самых холодов, пока немцев не выбили из села.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

К нашим скирдам подошли двое мужчин, одетые, как деревенские, и сказали, что им нужно пройти в соседнее село, изучить обстановку. Они просили, чтобы кто-нибудь отпустил с ними ребёнка для отвода подозрения. Понятно, что своих детей никто отдавать не хотел, и показали на меня, мол, девочка шустрая, смышлёная. Думаю, сыграла определённую роль мамина прибалтийская национальность и то, что мы приезжие. К маме относились хорошо, но всё-таки нет-нет да и проскальзывало некоторое недоверие. Не знаю, как эти двое смогли уговорить маму, но она в конце концов согласилась.

В назначенное время, рано утром, я отправилась в первую и единственную в своей жизни разведку. Шли довольно долго, через поле, хлеб уже убрали. Припекало солнце, при каждом шаге от земли поднимался столбик пыли, это меня забавляло, и я старалась ещё посильней приотпнуть ногой. По дороге мы разучили нашу легенду, мои спутники пояснили, что вот этот человек – твой папа. Я с лёгкостью приняла эти условия, «новый родитель» чем-то напоминал мне Василия. Мы порепетировали, как отвечать на возможные вопросы. Я чувствовала себя ужасно гордой, что мне поручили такое ответственное дело, и со мной так серьёзно разговаривают взрослые люди. Сначала шли втроём, потом один из них на перекрёстке свернул в дру-

гую сторону. Мой старший товарищ по разведке оказался благодарным слушателем, я безумолку трещала, рассказывала стишки, похвасталась, что понимаю по-эстонски и в подтверждение своих слов спела эстонскую песенку. А он терпеливо сносил мой лепет и даже иногда поддакивал.

Уже на подходе к селу, нам повстречались два полица с чёрными повязками на руках. Остановили, один стал задавать вопросы: кто такие, куда, откуда. «Папа» отвечает, мол, идём с дочкой в село к родственникам. И вдруг тот полицай, который всё время помалкивал и внимательно разглядывал нас, говорит: «Врёт он всё и девочку взял для прикрытия. Давай отведём в сторону, шлёпнем его, и все дела». Я сразу поняла, что его хотят убить. Первая мысль, что ударила в голову, как же я смогу вернуться к маме?! Обхватила своего спутника за сапоги и как давай кричать: «Папочка, родненький, папочка родненький, не оставляй меня!» Со мной случилась истерика, я рыдала во весь голос, вцепившись в «папу». Полицаи даже немного растерялись, но поверили, махнули рукой ипустили. Я долго не успокаивалась, уже не могла идти и говорить, а только судорожно всхлипывала и вздрагивала всем телом. «Папочка родненький» нёс меня на руках, пока я не затихла.

В селе он завёл меня в какой-то дом, сказал хозяйке: «Она очень устала». Они накормили меня, и я уснула, а поздно вечером он вернулся, разбудил: «Нам пора идти». Когда мы пришли к скирдам, мама была вне себя от радости. Одному богу известно, что ей пришлось передумать и пережить за время ожидания. «Папа» рассказал ей про наши геройские похождения и в заключение добавил: «Она спасла мне жизнь».

Вернулись мы в Подколодновку поздней осенью, когда наши освободили село. Дома стояли целые, только окна разбиты. В нашем дворе лежала расстрелянная Дамка и четверо щенков. После четырёх месяцев, проведённых в поле, мы, наконец-то, вернулись к нормальным условиям. Женщины натаскали воды, Маруся затопила баню. Мы напарились от души, нахлестались берёзовыми вениками. После бани я залезла на печную лежанку, своё любимое место, и, закутавшись в одеяло, просто млела от приятного ощущения тепла и чистоты.

Спустя несколько дней после нашего возвращения через Подколодновку провели большую колонну пленных. Рассказывали, что среди них были не только немцы, но и итальянцы. Многие

жители села вышли посмотреть. Пленные солдаты понуро брели по дороге, отводя глаза, стараясь не встречаться с нами взглядом. Сельчане стояли молча, в этом напряжённом, гнетущем молчании выразилось всё: ненависть, горе, осуждение.

На следующий день мама пошла в соседний брошенный дом, поискать что-нибудь из кухонной утвари. А там два немца притаились на печи, прикладывают палец к губам, дескать, не кричи, и просят: «Матка, ам-ам». Они сбежали из колонны. Молодые совсем, голодные, шеи тонкие. Пожалела она их, принесла из дома несколько свёкол. Потом соседка рассказывала, что нашли двух убитых немцев. Вернулись конвоиры, недосчитались пленных, разыскали беглецов и прямо в огороде расстреляли.

В нашем доме военные устроили временный склад трофейного продовольствия, к нему приставили охранять солдата. Большая комната была заставлена ящиками с консервами, мешками, коробками. Как-то Маруся меня подзывает и шёпотом говорит: «Я отвлеку солдата, а ты возьми конфеты». Мне хорошо запомнились розеновские яблоки, я отвечаю: «Меня мама накажет». Маруся клятвенно пообещала, что не выдаст меня и всю ответственность берёт на себя. Она подвязала мне платье верёвочкой, чтобы не растерять трофеи. Вызвала солдата на крыльцо, о чём-то стала с ним беседовать. А я тем временем зашла в комнату-склад. Смотрю на груды продуктов и никак не могу отыскать конфеты. В комнату заскочила Маруся, она под каким-то предлогом отправила охранника в сарай, видит, что я ещё без добычи, поддала мне ниже спины, чтобы я быстрее шевелилась, и опять убежала. Марусин шлепок, и правда, возымел действие. Я как-то сразу нашла большой плотный бумажный мешок с пакетиками мятных леденцов, вытащила несколько упаковок, сложила за пазуху. Потом всё отдала Марусе, а она спрятала в шкафу и месяца два выдавала нам сладкий паёк: по две конфетки в день.

К концу сорок второго года Богучарский район освободили от немцев. Фронт двинулся на запад. Наши военные покинули село. Вслед за ними засобирались и мы с мамой. Маруся отговаривала, предлагала пожить у неё ещё, но мама уже что-то решила. В день отъезда Маруся на вертела нам увесистый узел с простой деревенской едой: варёные яйца и картошка, солёные огурцы, мочёные яблоки, бутылка молока. Мама

отказывалась, но Маруся настояла: «Возьми, тебе надо ребёнка в дороге кормить». Перекрестила нас на прощание: «Ну, девчата, храни вас господь. Простите, если что не так».

ЗВАКОГОСПИТАЛЬ № 280

Мама, несмотря на женственную внешность, обладала мужским характером. Очень волевая, честная, прямолинейная, порой резкая. Всегда держала слово. Терпеть не могла сплетен и умела хранить чужие секреты. Все наши знакомые, соседи и сослуживцы относились к ней с уважением и обращались по отчеству – Рудольфовна, хотя она была совсем молодой. Маму можно назвать по-настоящему идейным человеком. Ведь она могла эвакуироваться в тыл, как жена офицера, да ещё с маленьким ребёнком, но она снова устроилась в эвакуационный госпиталь, на этот раз кастеляншей. Вместе с эвакогоспиталем мы переезжали из одного населённого пункта в другой. Обычно размещались в больших зданиях, школах или клубах. Особенно долго наш госпиталь дислоцировался в Днепропетровске.

Я подросла, да и навыки кое-какие накопились, и мне уже поручали более ответственные задания. Мне выдали аптекарские весы с чашечками и деревянный контейнер с гнёздами для гирек. Я взвешивала порошки и заворачивала в пакетики из вощёной бумаги, помогала в аптеке скатывать ватные тампоны, скручивала бинты. Как-то я попросила медсестру разрешить мне самой сделать перевязку. Мне интересно было наблюдать, как она ловко управляется. Смочит салфетку на ране водой, чтобы размякла запёкшаяся кровь, потом быстро одним движением р-раз! и сдёргивает! Мне доверили одного бойца, у него было ранение в голову, я точно также увлажнила салфетку на лбу, да видно, поторопилась снять её и содрала кровяную корочку, боец невольно отпрянул и поморщился от боли, а из раны потекла струйка крови. При виде крови, а ещё больше от осознания, что это случилось по моей вине, я перепугалась и во весь голос заревела. После этого случая я уже боялась браться за какие-либо медицинские процедуры.

Я всё время была на подхвате: унести, принести, подать. Была у меня ещё одна почётная обязанность: делать раненым самокрутки. Получалось у меня довольно умело: брала кусок газеты, насыпала из кисета табак и сворачивала в трубочку, слюнявила край и склеивала. Кресалом высекала огонь на фитиль. Он загорался, и

от него прикуривали. Иногда, если мало было фитиля или надо было отнести папиросу кому-то из лежачих, просили прикурить меня, но строго предупреждали, чтобы дым не вдыхала, а задерживала во рту. Курнуть я всё-таки попробовала, ужасно хотелось испытать, какое в этом удовольствие, я же видела, с каким наслаждением курили солдаты. Поскольку своего табака у меня не было, я решила приготовить его самостоятельно. Нарвала в палисаднике сухих листьев подсолнуха, растерла их в мелкую труху. Завернула в трубочку из газеты, подожгла лучинку от костра на улице. Уединилась за сараем, чтобы никто не застукал, подпалила свою «сигару» и затянулась, предвкушая блаженство. Самокрутка вспыхнула в одно мгновение, я вдохнула огонь и опалила горло, сильно кашляла. От ожога горло долго болело, но я никому не призналась и не жаловалась, а то бы ещё от мамы подзатыльников получила. С тех пор желание покурить отбило навсегда.

От Василия не было никаких известий. Мы не знали, что и думать. Первое время, когда мы жили в Миллерово и Подколдновке, письма приходили часто, потом всё реже и реже и совсем перестали, хотя почта работала исправно. В сорок третьем году один знакомый ехал в Баку в отпуск. Мама дала Васин адрес и попросила зайти. Знакомый потом рассказывал, что Василия не застал. Дверь открыла молодая женщина, беременная. На вопрос, кем она ему приходится, ответила, что жена.

С Василием мы встретились уже после войны. Он приезжал в Таганрог по служебным делам. Мама уже вышла замуж. Я училась в шестом классе. Он спросил у соседей, где я учусь, и пришёл в школу. Удивительно, но мы друг друга сразу узнали, хотя прошло десять лет. Он подарил мне духи «Магнолия» в красивой коробочке. Расспрашивал про маму и сказал, что очень жалеет, что они расстались. С мамой он тоже встретился по дороге с работы. Они долго гуляли по городу. О чём они говорили, никто не знает. Мама в тот вечер была грустная и молчаливая. А её муж всё время ходил и бурчал. Лишь однажды она заговорила о Васе. Я была уже взрослой, она почему-то вспомнила, как он красиво ухаживал. Они шли вдвоём по обочине дороги. Кругом грязь, лужи. И тут мимо на полной скорости несётся грузовик, отступить некуда. И тогда Вася распахнул шинель и заслонил маму от грязных брызг. Я думаю, она по-прежнему любила Василия, но гордая была и простить измену не смогла.

В госпитале в Днепропетровске была налажена культурная жизнь. На лечении находился один боец по имени Арсений, из цирковых. Он был среднего роста, кряжистый такой, крепкий. Мы с ним выполняли акробатические этюды. Мама специально для выступления сшила мне из марли юбочку, наподобие балетной пачки. Арсений расстелил матрас на полу посреди палаты. Лег на спину с вытянутыми поверх головы руками. Я встала на его ладони, и он очень медленно, вместе со мной, держа меня за ступни, поднялся. Затем, уже стоя, пожал мою ногу, это был условный знак, я поднимала эту ногу, изображая в воздухе ласточку. Зрителей набилась полная палата, и раненые, и медперсонал, те, кому не хватило места, вставали на стулья в коридоре и заглядывали в дверной проём. Публика не скупилась на аплодисменты и одобрительные возгласы. Каждый номер сопровождался комментариями и шуточной перепалкой среди зрителей. Кто-то ехидно выдал реплику: «Подумаешь, да так и я смогу! Надюшка-то лёгкая, как пёрышко, а ты попробуй Зину подними, сразу грыжа вылезет!» Зина, молодая санитарка, рослая и полная, несмотря на внушительные габариты, быстрая и ловкая, обернулась к остряку и под общий гогот отбрила: «Поговори у меня, получишь клизму вне очереди».

А как-то в госпиталь пришёл маленький вертлявый фотограф с камерой на треножке. Он принёс с собой новенькую гимнастёрку, и все в ней по очереди фотографировались. Снимок был до пояса, поэтому так и сидели перед камерой: в гимнастёрке и кальсонах.

Один из бойцов говорит мне: «Надя, пойдём вместе сфотографируемся». У меня до сих пор сохранилась эта фотография. На ней сидит мужчина, лет тридцати пяти, в гимнастёрке со знаками отличия, тёмные густые волосы. Сзади него стоит девочка с короткой стрижкой и ровной челкой, обняла его за плечи и прижалась щекой к его виску. Фотограф сказал не моргать. И от напряжённого ожидания лицо у меня получилось насупленное, бровки домиком. На обратной стороне фотографии лиловыми чернилами написано: «На долгую память в день рождения Нади Кондратьевой от фронтовика гвардии лейтенанта Золотухина Андрея Даниловича. Прошу беречь фотографию. Быть может, когда-нибудь ты вспомнишь меня, Надя. Фотографировались 28 февраля 1944 года, г. Днепропетровск. 280 эвако-транспортный госпиталь, 2-й этаж, 31 палата,

5 марта 1944 года. А. Золотухин». Я выполнила твоё пожелание, мой старший фронтовой товарищ. Бережно храню эту фотографию вот уже семьдесят лет. Не знаю, как сложилась твоя дальнейшая жизнь. Я помню тебя с любовью и благодарностью, дорогой гвардии лейтенант Золотухин! Светлая тебе память.

В Днепропетровске я впервые увидела легендарные катюши. Госпиталь размещался на окраине города. На площадку неподалеку от нашего здания пригнали грузовики с боевыми установками, похожими на вздыбленные рельсы. Вид у них был очень устрашающий, а когда они начинали стрелять, раздавался оглушительно-пронзительный вой сирены.

В конце сорок четвертого года госпиталь погрузился на поезд и отправился вслед за линией фронта. Ехали очень медленно. Часто останавливались, то ждали встречного поезда, то загружали продукты, медикаменты, принимали раненых. Несколько раз наш поезд-госпиталь подвергался бомбардировке. Это было гораздо страшнее, чем в Подколотовке – в чистом поле спрятаться-то негде. Как начинали бомбить, мы все выскакивали из вагонов и во весь дух бежали прочь, кто куда. В один из авианалётов поезд остановился на высокой крутой насыпи, я не устояла на ногах и кубарем скатилась вниз, все камешки пересчитала. Потом тело ныло от ушибов, на лице и руках остались ссадины. Часто бомбёжки начинались на рассвете, я уже приучилась спать при любом шуме, мама хватала меня сонную и выволакивала наружу. Нам повезло, что наш поезд ни разу не задело бомбами, только впереди повреждались железнодорожные пути.

Эвакогоспиталь – это огромное хозяйство на колесах, кроме собственно госпиталя и аптеки, много вспомогательных служб: кухня, прачечная, швейная и обувная мастерские и даже конюшня и коровник. Во время остановок я с бидоном приходила в хозблок за молоком. На печке-буржуйке мама варила молочные супы, а часть молока ставила на закваску, получалась простокваша. В хозблоке обитал индюк с красным бородавчатым наростом под клювом, важно, высокомерно на всех поглядывал и всё время норовил наброситься на меня. Как-то раз я не успела от него увернуться, и он запрыгнул мне на спину и клюнул в голову. Я от испуга кричу: «Помогите!» Солдат-охранник стал сгонять его ремнём, да задел железной пряжкой по башке, и зашиб насмерть.

Время от времени выздоравливающие бойцы объезжали коней. Лошади не могут долго находиться без движения. Мне нравилось смотреть, как за медленно идущим составом ехали всадники. Я была единственным ребёнком на поезде, меня любили, старались чем-нибудь угостить, уделить внимание. Из гимнастёрки мне сшили платье. Из шинели пальтишко. Ткань была плотная, торчала колом. Грубый воротник царапал мне родинку на шее, и я всё время недовольно вертела головой. Мне даже смастерили две пары сапожек, одни попроще, светлые из свиной кожи, на повседневку, другие – выходные, как офицерские хромовые, коричневые, правда, большеватые, на вырост, я в них ещё два года ходила. Я научилась быстро заворачивать портянки. Мы ночевали и проводили свободное время в так называемом «телячьём» вагоне. Телят там не было, просто в подобных вагонах, типа товарных, перевозили животных. Офицеры и врачи располагались в пассажирских вагонах.

Наш госпиталь приближался к границе с Румынией. И тут возникла неожиданная проблема. Детей через границу запрещалось перевозить. Начальник хозчасти предупредил маму, чтобы отправила меня к родственникам или отдала в детдом. Но она поступила по-своему. Поговорила с плотником, тот специально для меня по моим размерам под нарами смастерил ларь-схрон, нарастил перекладину из бруса, получилась ниша, сверху положили доски и матрас. Мама провела со мной жёсткий инструктаж, как надо себя вести: «Не чихать, не кашлять и вообще не дышать. Не вылезать, пока не скажу». Как только начиналась очередная проверка, я стремглав юркала в своё укрытие и сидела там, притаившись и сжавшись в комочек. В нашем вагоне находился склад: бельё, посуда, инвентарь, одежда. Пограничники заставляли всех выйти, а сами досматривали вагон. Я зажимала нос и рот ладошкой, старалась сдерживать дыхание, а сердце так колотилось, что, казалось, его могут услышать. Совсем рядом стучали сапогами, разговаривали, отодвигали ящики, на моих нарах, прямо надо мной отворачивали матрас. Трудно сказать, сколько времени длился осмотр, мне казалось бесконечно долго. После долгожданных слов: «Ну, всё. Пошли, ничего нет», – я, наконец-то, могла немного перевести дыхание. Но продолжала тихо сидеть, пока мама не вызволяла меня из заточения. Опасность миновала, всё обо-

шлось, никто ничего не заподозрил, и мы благополучно переехали на территорию Румынии.

Был канун Нового, 1945 года. Вагон украсили еловыми ветками, бусами из ватных шариков на нитке, вырезанными из бумаги снежинками. В один из вечеров поезд долго стоял. Мы с дежурным солдатом сидели возле буржуйки, он мне рассказывал сказки, чтобы не уснуть на посту, ну а я, конечно, с удовольствием слушала. Так было хорошо, тепло и уютно. Горячий чай, запах хвои, огонь в печке, потрескивают дрова. Я упростила маму, чтобы она разрешила мне посидеть подольше, несмотря на поздний час. Но, как не силилась, всё-таки заснула, он унёс меня и уложил на нары.

Рано утром проснулась от шума: голоса, беготня, лязганье дверных засовов. Взрослые что-то громко, взволнованно обсуждают. Из их разговора я поняла, что ночью в соседний с нами вагон забрались неизвестные. По-видимому, через щель в двери просунули нож и приподняли задвижку, всем, кто там находился, военным и персоналу, было их двенадцать человек, перерезали горло. Должно быть, дежурный заснул на посту. Всё произошло бесшумно. Наш солдат тоже ничего не слышал. Трупы обнаружили только утром во время пересмены охраны.

Из Румынии госпиталь направился в Венгрию, в город Бая, где мы и остались до конца войны. Небольшой по нашим меркам городок на берегу Дуная. Очень ухоженный и уютный. Наш госпиталь разместился в здании местного муниципалитета. У меня сохранилась довоенная открытка с его видом. Большое трёхэтажное здание П-образной формы с боковыми флигелями и внутренним двором. Нас поселили в доме, неподалёку от госпиталя.

По приезду в Баю я заболела малярией. Неизвестно, где я её подцепила. Меня лихорадило с такой силой, что я вся тряслась от озноба. А мама придавливала меня своим телом, чтобы согреть и снять дрожь. Меня лечил врач из нашего госпиталя, Эдуард Михайлович. Молодой, интеллигентный доктор. Назначил хинин, ужасно горький порошок. Когда я уже пошла на поправку, он зашёл к нам дать последние рекомендации и, уходя, сказал, что у него тоже есть дочка моего возраста, зовут Верочка, он за ней сильно скучает и жалеет, что побоялся провезти её через границу. От взрослых я слышала, что он овдовел, не помню, что случилось с его женой: умерла или погибла, а девочку отдал в дет-

ский дом. Через несколько месяцев, уже весной, пришло сообщение, что его дочка заболела и умерла. Говорили, что Эдуард Михайлович плакал навзрыд, мучительно переживал и винил себя, что не взял девочку с собой.

ФЛОР

Мама к тому времени вышла замуж за начальника госпиталя. Когда начался их роман – тайна за семью печатями, в Венгрии они уже жили вместе. Он был родом из Ленинграда. Мне всё в нём, начиная с имени Флор, казалось странным. С Флором они прожили вместе сорок четыре года и так и не зарегистрировались. У неё к нему была слепая, абсолютно преданная любовь, которая с возрастом только усилилась. В старости она уже говорила про него: «Это святой человек!» Что в нём такого святого, мне ни тогда, ни позже было непонятно. Заурядная, ни чем не примечательная внешность. Он был скуп, всю жизнь копил деньги, нас с мамой во всём ограничивал, хотя работал главным бухгалтером в солидном учреждении и получал хорошую зарплату. Если я на свои заработанные деньги покупала себе одежду или, не дай бог, книги, он считал это неразумной тратой денег и выговаривал маме. По части финансов он был очень грамотный, но в быту совершенно неприспособленный и бестолковый, в этом было что-то ненормальное. Его движения были какими-то манерными, несколько неловкими. Он даже пуговицы не мог самостоятельно застегнуть, как будто не знал, как это делается. Мама обращалась с ним, как с ребёнком, и одевала его, и мыла, и видно было, что ей нравится нянчиться с ним. Как он работал, да ещё на ответственных должностях, просто поразительно. Беспомощность его, правда, была избирательной, ел он сам. Ложку мимо рта не проносил. Может быть, ему нравилась мамина забота, и он подыгрывал ей? Ко мне он относился ровно, особой любви не проявлял, но и не обижал, впрочем, маминой любви я тоже никогда не чувствовала. В общем-то, характер у него был спокойный, да и мама старалась заглаживать все недоразумения, как заметит, что он надулся, говорит ему со своим милым акцентом: «Фоля, ну ты шо? Обсердился шо ли?». Она восхищалась его интеллигентностью и обходительностью, правильной речью. Самое страшное ругательство, которое он мог себе позволить, – это слово «бес». Наверное, его положение начальника и образованность были предметом её гордости и женского самоутверждения.

Первое время я называла его дядей. Мне мешало чувство предательства по отношению к Василию. Потом одна знакомая сделала маме замечание: «Почему Надя не зовёт Флора Фёдоровича папой? Ведь вы вместе живёте, он её воспитывает». Мама в приказном порядке велела звать папой. Я оттягивала трудный момент, как могла, старалась не обращаться к нему напрямую и не называть никак. Но чему быть – того не миновать. В тот исторический день в стране был объявлен траур, в буквальном смысле: скончался Калинин, всесоюзный староста. Флор сидел у окна и слушал радио. Лицо его было задумчиво и серьёзно. Мама куда-то ушла. А мне надо было отпроситься на улицу. У нас это было строго заведённое железное правило. Я нарочно медленно собиралась в надежде, что он сам спросит, куда это я. Но он слушал радиорепортаж и не обращал на меня никакого внимания. Тогда я, стоя уже у двери, жалобно и протяжно, словно промекала: «П-а-а-а-п!» Он не расслышал. Тогда блеяние повторилось: «П-а-а-а-п, можно я погуляю?» Он повернулся в мою сторону и, довольный, разулыбался: «Конечно иди».

МАДЬЯРЫ

Хозяева дома, где мы жили в Бая, во время войны эмигрировали в Италию. За домом присматривали их управляющие – молодые муж с женой лет тридцати, Пишто и Каталин. Я их называла дядя Степан и тетя Катя. Оба среднего роста, он – чернявый, похожий на цыгана, а она – светленькая, неброской внешности, но очень милая и приятная. У них было двое детей, сын и дочка, четырёх и шести лет. Очень дружная, работающая семья.

Они почтительно отзывались о хозяевах дома и показывали их старую фотографию, датированную 1925 годом. На набережной стоит группа нарядных мужчин и женщин, мужчины в светлых костюмах, с бабочками. Женщины в изящных туфлях и элегантных платьях. На переднем плане живой ослик, а на нём верхом мальчик и девочка. Мама зачем-то эту фотографию выпросила и хранила до конца своих дней, наверное, как несбыточную мечту о красивой жизни. Эта фотография до сих пор в моём альбоме.

Дом был одноэтажный, не слишком большой, но добротный: пять комнат, просторная столовая, кухня, веранда. Рядом с домом палисадник, летом стена дома и забор были заплетены вьющимися растениями и украшены подвешен-

ными корзинками с цветами. Нам выделили небольшую спальню и ванную комнату рядом с ней. В ванне уложили доски с матрасом, я там спала, чтобы не мешать взрослым заниматься своими делами. Но им всё-таки пришлось забрать меня к себе после того, как меня укусила крыса. Это произошло ночью, во время сна я почувствовала прикосновение к лицу и отмахнулась, тут крыса меня и куснула прямо за губу. Я от боли и ужаса громко заплакала. Родители прибежали, ничего не поймут, почему рот в крови.

Венгры, как они себя называли – мадьяры, относились к нам очень доброжелательно. Водили нас посмотреть местные достопримечательности, меня особенно впечатлил старинный монастырь, огромный и величественный. Каталин прекрасно готовила, из самых простых продуктов у неё получались необыкновенно аппетитные блюда, дразнящие запахи обволакивали весь дом. Питались наши семьи отдельно, но управляющие часто чем-нибудь угощали. Каталин пекла вкусный хлеб из кукурузной муки, сладковатый, жёлтого цвета. Я помогала ей лущить кукурузные початки. В большом количестве сушили перец. В сарае с потолка свисали ярко-красные гирлянды из перцев, нанизанных на прочную нить.

Пишто хорошо пел и играл на аккордеоне, который ему подарили хозяева. Аккордеон бережно хранился в большом чёрном футляре. Футляр ставили на невысокую этажерку и накрывали кружевной салфеткой. По праздникам, да ещё после стопочки домашнего винца, Пишто устраивал для нас небольшие концерты. Нотной грамоты он не знал, но мог с ходу подобрать и сыграть любую мелодию. Особенно мне нравилась одна грустная песня, наверное, их любимая, потому что они всегда запевали её вдвоем. Каталин негромко вторила мужу. Два голоса, женский и мужской, красиво оттеняя друг друга, сливались с музыкой и звучали так задушевно и проникновенно! Я не все слова могла понять, но эта песня цепляла самые глубинные струночки моей детской души. Мелодия словно вытягивала из меня тревоги, страхи и переживания и вызвала такую невыразимую щемящую тоску, что мне хотелось подскуливать, как собачонка. Уже дома, после войны, я услышала эту песню по радио в исполнении Александры Коваленко на русском языке. Так обрадовалась: «Мама, мама! Та самая песня, что Пишто бачи пел!» Наконец-то я узнала название этой песни – «Улетают жу-

равли», мне как будто бы открылась одна из больших тайн в моей жизни.

Управляющие дома к праздникам делали нам подарки. Всё это было удивительно и очень трогательно. Помню, Каталин пришла к нам накануне Рождества, велела почистить обувь и выставить в коридор. А на утро мы нашли там гостинцы в свёртках, мне положили домашние конфеты вроде ириса и булочки, маме – колечко колбасы, а Флору – маленькую бутылочку с наливкой.

Как-то Флор попросил меня выплеснуть в раковину из кружки остатки чая. Я так усердно встряхивала прилипшие чаинки, что уронила кружку и разбила. Мама давай ругаться и шлёпать меня. Я плачу. На шум прибежала Каталин. Узнав в чём дело, говорит: «Разве можно детей бить?!», – ушла и вскоре снова вернулась, принесла новую кружку, очень необычную. Она была бочкообразной формы, в виде смешной рожицы, одно ушко которой служило ручкой, глазки, скосившись, смотрели на божью коровку, сидевшую на носу. Мне так понравилась новая кружка! Для меня было открытием, что можно увидеть кончик собственного носа, и я постоянно упражнялась, сведя глаза и пытаюсь разглядеть свой нос.

126

Я быстро освоила венгерский язык и подружилась с соседскими ребятами. Меня они называли Магда. Если надо было перевести, взрослые часто и дома, и в госпитале прибегали к моей помощи. Чуть что, кричат: «Где наш толмач?» В доме было два крупных пушистых кота по кличке Цинкула и Пинкула. Они радостно бежали на зов, задрвав трубой пышные хвосты. Иногда пойманных мышей не съедали, а придушенными приносили на кухню и оставляли на полу рядом с обеденным столом. То ли отчитывались о проделанной охоте, то ли нас хотели угостить. Все смеялись над кошачьей щедростью. Одному Флору было не до смеха, он очень брезговал и не мог есть при видедохлых мышей. У котов была привычка заваливаться спать возле самого порога, свернуться, как два мохнатых коврика, и все домочадцы осторожно через них переступают.

Одним из моих друзей был соседский мальчик по имени Лацико, симпатичный, черноглазый. Ему было восемь лет, на год старше меня. Я ему нравилась, он всегда дарил мне какие-нибудь интересные вещицы. Однажды приходит его старшая сестра Эржике и говорит: «Магда,

ПОБЕДА

Лацико заболел, просит тебя прийти поведать». Какой-никакой, я всё-таки медик. Взяла с собой порошки, знала, что это от головной боли: блестящая белая салицилка. Пошли к страждущему. Правда. Лежит в постели. Сижу, задаю вопросы о самочувствии. И вдруг он говорит: «Поцелуешь меня, я сразу поправлюсь». От смущения я так растерялась, что и не нашлась, что сказать. И не придумала ничего лучшего, как забраться на шведскую стенку рядом с его кроватью. Залезла под самый потолок, одной ногой стою на перекладине, другой раскачиваю. Дальше стенки стоял шкаф, а на нём картонные коробки. Я их случайно задела. Коробки свалились на пол. Я от стыда покраснела и готова была сквозь землю провалиться. Выручила сестра, говорит мне: «Магда, ну что ты там сидишь, слезай».

Зимой вместе с друзьями мы ходили к Дунаю кататься с горки, а ещё Лацико запрягал в санки большущего пса, и мы отправлялись к родственникам за жмыхом, нашим любимым лакомством. Когда уже потеплело, мы проводили время у них в саду. Часто играли в прятки. По правилам игры надо было сидеть в укрытии, пока не найдут. Один раз, когда водил Лацико, он меня нашёл за кустом сирени, подкрался сзади, обнял и поцеловал в щёку. Я вырвалась и убежала, но почему-то не обиделась.

Однажды я поймала жабу. Эржике кричит: «Брось её, а то умрёшь!» Я отпустила жабу, а самой страшно стало, побежала домой. Мама во дворе стирала бельё. «Мама, я жабу держала, я теперь умру?» – «Отстань, не мешай мне!» – «Нет, ты скажи, умру?» – «Нет, не умрёшь!» – «Правда, не умру? А почему Эржике говорит, что умру?» Меня так взволновал этот случай с жабой, что я не могла успокоиться, и ходила кругами возле мамы с корытом, и задавала один и тот же вопрос на разные лады. В конце концов я нечаянно опрокинула таз с выстиранным бельём, который стоял в стороне на маленькой скамейке, бельё вывалилось на землю. Тогда мама схватила пеньковую веревку, которую собиралась натянуть, чтобы развесить бельё, и стала меня стегать, что есть силы, куда ни попадя: по ногам, по рукам, по голове. Что на неё нашло? Уж такого приступа ярости никогда не было. Верёвка тяжёлая, грубая. Я потеряла сознание, а из ушей и носа потекла кровь. Очнулась, лёжа на траве, надо мной склонилась плачущая мама и вытирает мне кровь мокрой тряпкой.

Казалось бы, исход войны уже был ясен, но известие о победе пришло неожиданно и чуть не обернулось для нас трагедией. Среди ночи нас разбудили крики и пальба на улице. Флор вскочил с постели, схватил пистолет и подбежал к окну, стал прислушиваться. В городе случались нападения на советских военных. Расправлялись очень жестоко. Крики и выстрелы продолжались, и тут он услышал слово – «победа»! Тогда он открыл окно, выглянул, по улице бежали несколько человек, непрерывно палили в воздух, кто из пистолета, кто из автомата и кричали: «Победа, победа! Ура!». Позже Флор признался, что напряжение было таким сильным, что ещё несколько секунд и могла бы произойти страшная непоправимая ошибка: он уже был готов застрелить меня с мамой, а потом и себя, чтобы избавить нас от мучений.

На следующий день толпы народа вышли на улицы, люди ликовали, смеялись, обнимались, поздравляли друг друга, распевали песни и плясали. Было организовано праздничное шествие, у всех цветы. Демонстранты несли на виселице чучело Гитлера с узнаваемой косой чёлкой и квадратными усами и гроб с Геббельсом, о чём можно было догадаться по длинному языку, повисшему из-под крышки. Всех нас переполняла радость. В госпитале провели торжественное собрание, многие не могли сдержать слёз. Устроили концерт. Если раньше все думали, когда закончится война, то теперь в мыслях было одно: когда же домой?

Спустя неделю после объявления победы в небе появился и стал кружить над госпиталем самолёт с большими красными звёздами, день был тёплый и солнечный, выздоравливающие бойцы и пленные немцы работали во внутреннем дворе: кололи дрова, подметали дорожки, поливали цветы, многие махали самолёту рукой в знак приветствия. Я играла в палисаднике возле своего дома и тоже видела этот самолёт. И вдруг раздался чудовищной силы взрыв, за ним ещё и ещё. Сбросили несколько бомб. Наш дом был неподалёку от госпиталя, задребезжали оконные стекла, поднялось огромное облако пыли. Когда взрывы прекратились, я побежала к госпиталю. Из ближайших домов вылетели окна. Бегу босиком, а под ногами хрустит битое стекло. Как я не порезалась? Возле госпиталя уже собрались люди. Правое крыло здания разруше-

но, все три этажа сложились. Крики, стоны. Один пленный немец грозился кулаком в небо. Среди обломков видны чьи-то руки, покорёженные железные кровати. Я страшно испугалась. Кричу и плачу: «Где моя мама, я хочу к маме!» Меня не пускают к зданию, опасно, может быть обрушение. Кабинет Флора полностью разворотило, хорошо, что он в этот день был в командировке в Будапеште. По счастливой случайности, мама в момент взрыва находилась в подвале на складе. Спасло то, что её отбросило ударной волной к высокому штабелю из матрасов, часть матрасов и тюки с подушками упали и накрыли её сверху. Но все-таки её контузило, после этого она стала плохо слышать. Когда ей помогли выбраться, она разыскала в толпе меня, выглядела она несколько заторможенной, лицо бледное, маскообразное, она посмотрела на меня какими-то пустыми глазами, как будто не узнавала, поддержала за плечи, убедилась, что я в целостности-сохранности, сказала: «Иди домой, я скоро приду». А сама отправилась разгребать завалы и помогать раненым.

Флор вернулся домой вечером, когда он зашёл, вид у него был потерянный, медленно, нерешительно приблизился к маме, опустился на колени и обнял её за ноги. Она стояла, гладила его по голове и тихо плакала. Ему в Будапеште сообщили о бомбёжке, он не знал, жива она или нет, и ехал домой с самыми тяжелыми предчувствиями. Слава богу, что именно в ту минуту кому-то понадобилась подушка, и мама спустилась за ней в подвал.

Мне запомнился один молоденький солдатик, которого уже готовили к выписке. Ему на фронте осколком срезало кончик носа. В госпитале ему сделали пересадку кожи мостиком с предплечья. Он так и ходил с поднятой рукой, прибинтованной к лицу, пока кожный лоскут не прижился. На днях, незадолго до бомбёжки, его прооперировали и отделили пересадочный мостик от предплечья. Через неделю собирались снять швы. Он с нетерпением ждал выписки и говорил, что теперь у него будет орлиный нос вместо курносого. Этот парень тоже погиб в результате бомбёжки, он был постовым у ворот.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уезжали мы из Венгрии через год после окончания войны, весной 1946-го, из-за чего я на год опоздала в школу и пошла в первый класс в восемь с половиной лет. Наши хозяйка со своими

детьми пришли нас провожать. Каталин испекла нам в дорогу пирог. Прощание было трогательным, мы обнялись, женщины всплакнули. Мы зашли в свой «телячий» вагон. Флор ехал в вагон для начальства. Маму он не мог взять, официально они не были мужем и женой. Раздвижные двери вагона были открыты. Каталин и Пишто стояли на перроне и разговаривали с мамой, я им переводила. Мама попросила сказать, что они ей как брат и сестра. Я перевела. Они утвердительно закивали головами, а Каталин со слезами на глазах сказала: «Ты нам тоже сестра». Поезд тронулся и уже проехал больше половины перрона, как вдруг какой-то мужчина из провожающих выхватил меня из вагона, он подумал, что я венгерка и осталась по недосмотру. Я брыкаюсь, кричу ему по-венгерски: «Отпустите меня!», пытаюсь вырваться. А он крепко держит, не отпускает. Мама кричит: «Да скажи ему, что ты русская!» Наконец, он сообразил, в чём дело, побежал за вагоном со мной на руках и передал маме. Он ещё долго шёл за поездом, то махал нам вслед, то прижимал руки к сердцу, как бы извиняясь за свою оплошность. Люди, стоявшие на перроне, что-то спрашивали у него, а он смущённо оправдывался и разводил руками.

Поезд набирал ход. Мы возвращались домой. В населённых пунктах, на железнодорожных станциях люди приветствовали проходящие поезда. Мы тоже махали им в ответ. Проезжали мимо бригады железнодорожников, поезд уже разогнался до большой скорости, одна из женщин в рабочей спецовке кинула букет голубых полевых цветов: «Эй, ловите!». Многие протянули руки, а поймала мама, все засмеялись, а мама, с сияющими глазами, раздумываясь, размахивала букетом из полуоткрытой двери вагона.

Вдоль железнодорожного полотна часто встречались выложенные из светлого щебня надписи: «Ура!!! С победой!!! Гитлер капут!» Весна была в самом разгаре, мы проезжали мимо цветущих садов. О прошедшей войне напоминали разрушенные дома, на вокзалах часто подходили люди и просили еды.

Иногда останавливались в ожидании встречного поезда, и было слышно, как из леса доносятся соловьиные трели. Пробуждение природы совпадало с нашим состоянием. Было ощущение умиротворения, предчувствия чего-то светлого и важного. Взрослые почти не разговаривали, как будто каждый старался сохранить в себе это тёплое чувство, заслонить от невпопад ска-

занного слова, как прикрывают ладонью слабый огонёк свечи от дуновения сквозняка. Для всех нас, сроднившихся в тяжелейших условиях, молчание было понятнее любых слов.

Монотонно стучали колёса вагона. Лица взрослых светились спокойным счастьем, и это настроение передавалось мне. Впереди была мирная жизнь, ещё не пришло ясное понимание и представление, что нас ждёт, но была уверенность, что все наши беды и несчастья остались позади, теперь всё будет хорошо, и по-другому просто не может быть.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне уже много лет. Очень много. Были в моей жизни и тяжёлые, и благополучные периоды. Время притупляет боль и стирает обиды, многие трудности на расстоянии кажутся менее значительными и воспринимаются спокойно или даже иронично. Но чем больше отдаляются годы моего военного детства, тем сильнее я осознаю, какая чудовищная катастрофа обрушилась тогда на мою семью и мою страну. При воспоминании того времени до боли сжимается сердце, но больше не за себя, а за маму, сколько всего ей, бедной, довелось перенести: изнурительный труд, адское напряжение и постоянная тревога. Кому, каким силам и зачем понадобилось вырвать молодую женщину с маленьким ребёнком из благополучной мирной жизни, бросить в жернова войны, заставить скитаться, страдать, подвергаться опасности?!

То время закалило меня. После войны я перестала плакать, точно окаменела, ни слезинки не могла выдать. Да и о чём я могла плакать? Маленькой девочкой я видела обезображенные тела убитых и раненых, каждую секунду могла потерять маму и погибнуть сама. Все тяготы, что происходили потом, после войны, казались мне такими несущественными, мелкими, нестоящими переживаний.

Моя шкала ценностей выстроилась именно в те годы и стала отправной точкой на всю жизнь. Конечно, я была ещё слишком мала, чтобы выразить это словами, но интуитивно, на уровне ощущений я многое понимала: что такое тру-

сость, предательство, несправедливость. Я чувствовала опасность, притворство, кому можно доверять, а кому – нет. Становление личности, к чему в мирное время большинство идёт долгие годы, для меня происходило в жесточайших условиях слишком рано и стремительно. Моё далекое я, девочка Надя-Магда стала моей совестью, моим внутренним голосом, мерилком мыслей и поступков.

Мне пришлось увидеть и пережить столько страха и горя за четыре военных года, сколько многие за всю свою жизнь не испытывают. Даже не верится, что всё это происходило со мной. Я не просто оказалась в гуще событий, а стала их участницей. Война пронесла меня через огромные людские потоки: в дороге, госпитале, городах и деревнях, где мы временно размещались. В памяти остались в основном те, кто принял какое-то участие в моей жизни, но я хорошо помню общий настрой людей, окружавших меня. Каждый понимал, что для него завтра может и не наступить, но, стиснув зубы, неизменно тяжело, на пределе своих возможностей, шаг за шагом продолжал бороться. И все вместе общие усилия, в том числе и моя крупинка, слились в громадную мощную лавину, сокрушающую всё на своем пути. При всём трагизме той войны великая сила жизни пробивалась сквозь невзгоды и потрясения, всё переплелось: смерть, любовь, боль, слёзы, смех. Редкие мгновения радости и счастья среди горя и страданий вспыхивали особенно ярко, как искры в крошечной тьме. Я берегу их в своём сердце, они для меня бесценны.

Судьбе было угодно подарить мне долгую жизнь. Сколько раз за войну я была на волосок от гибели, но каждый раз, казалось, в полной безысходности неведомый покровитель отводил от меня беду руками других людей, часто совсем незнакомых. До сих пор, по прошествии многих лет, с бесконечной, трепетной благодарностью помню тех, кто защитил меня от смерти, согрел вниманием и добрым словом, делился последним, сохранил в себе человечность и любовь к жизни вопреки зверствам войны. Этот немеркнущий светящийся след останется в моей душе навсегда.

Сергей ФИЛАТОВ

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ УРАЛА

Крымские заметки на полях размышлений о жизни

Жизнь – штука непредсказуемая, скажем, мог ли я предположить ещё полгода назад, что судьба вновь занесёт меня на этот удивительный черноморский полуостров, занесёт, как говаривал французский классик, «десять лет спустя»...

Многое изменилось. Начиная с подданства крымчан и заканчивая тем, что сегодня постройка специального моста через Керченский пролив для сообщения с «большой» Россией – уже реальность. Хотя тогда, в моё прошлое посещение, десять лет назад – кто мог об этом подумать?..

Сегодня крымчане сделали свой выбор, и это их выбор, который я уважаю – в отличие от Западной Европы и США – и который жители Крыма, к их чести, сумели отстоять в жесточайшей схватке, правда, как выяснилось позже, после просмотра документального фильма Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину», не без поддержки России. Впрочем, это только усугубляло мой интерес: а как сами крымчане относятся к своему возвращению...

3 мая 2015 года. Первое касание земли, «Боинг» несколько раз слегка подпрыгнул на взлёте, моё брэнное тело резко прижало к спинке кресла, самолёт начал быстро снижать скорость... и традиционные аплодисменты экипажу. «Наш авиалайнер совершил посадку в аэропорту Симферополь. Температура за бортом... – бодро зазвучал в динамиках голос командира воздушного лайнера. – Просьба не отстегивать ремни безопасности и не вставать со своих мест до полной остановки самолёта...»

Крым... Спустила десять лет. Каким он стал?

На выходе из терминала еле отбилась от симферопольских таксистов, предлагающих быстро довезти в любой конец полуострова, – картина привычная для всех аэропортов и вокзалов.

Позвонил Косте. Это мой друг, сокурсник по словутому «литу» – литературному институту имени Горького. Собственно, к нему я и прилетел в Крым, теперь уже российский... Да и сам Костя раньше жил в Харькове, а в Крым мы с ним выезжали в один

из моих гостевых «визитов». Теперь, как он сам напишет о себе в краткой автобиографической справке: «Константин Кеворкян – профессиональный журналист, 23 года вёл старейшую программу украинского независимого телевидения «Первая Столица», посвящённую истории и культуре Харькова. Более 20 лет является депутатом Харьковского городского совета. Высказывал резкое и публичное несогласие с государственным переворотом в Украине, был исключён из Национального союза журналистов Украины. Под угрозой ареста был вынужден эмигрировать на территорию России». Всё так, даже грустнее, чем представлялось мне из своей родной Сибири.

От себя добавлю, что ещё в бытность нашу в литинституте я помню, что и тогда Костя – один из немногих журналистов, оппонировавших Верховной раде по вопросам защиты русских в Украине. Правда, тогда противоречия эти не были столь кардинальны, русофобская кампания тогда ещё только-только «застенчиво» начиналась.

Услышанное сейчас от Кости по телефону тоже не очень обрадовало меня, оказывается, он ехал меня встречать и проколол колесо, теперь пытается заменить его, находясь в данный момент примерно в 40 километрах от аэропорта. Но он предусмотрительно позвонил уже своему знакомому таксисту Симону, который заберёт меня и отвезёт в Партенит.

Партенит – это такой посёлок городского типа на южном побережье полуострова, недалеко от Алушты. А посему получил эсэмэску с номером сотового Симона, принял я ему дозваниваться.

«Нашлись» мы с Симоном достаточно быстро, узнали друг друга сразу, сели и поехали. Он оказался достаточно гостеприимным и разговорчивым, такой весьма распространённый тип «таксист-экскурсовод». Впрочем, сначала он «пробил» меня на патриотичность, первый же вопрос, который он задал, прозвучал вежливо-сдержанно:

– Как там, в Сибири, относятся к присоединению Крыма?

Я понял, что дальнейшая беседа, а хать предстояло чуть более часа, целиком зависит от того, что я отвечу ему сейчас. Пришлось заверить Симона, что большинство сибиряков не столь сильно «торчат» от устриц, как Ксения Собчак, и потому не сетуют на крымчан за то, что ныне россиянам нашими западными «партнёрами» в поставке устриц отказано было. Симон по вполне понятным причинам очень обрадовался этому, и за наше с ним совместное путешествие успел поведать многое. Оказывается, он не коренной крымчанин, сюда перебрался из Нагорного Карабаха, где начались известные события. Там он потерял тогда в сущности всё, и дом,

и родину... И вот теперь он очень рад, что Крым вернулся в Россию:

– Есть надежда, что жизнь обретёт наконец-то какую-то стабильность. Представляете, что здесь было бы, если бы сюда бандеровцы дошли, думаю, ещё хуже, чем в Донецке...

Я слушал его и пытался представить. А он уже плавно перешёл на другую тему, начал рассказывать мне о тех местах, которые мы с ним проезжали. А места, действительно, интересные:

– Смотрите, вон, правее – это гора Демирджи, что с крымско-татарского переводится – «кузнец». На её склоне находится Долина привидений. Там происходят всякие необъяснимые вещи, люди часто видят призраков, летающие тарелки, а недавно исчез участник соревнований по спортивному ориентированию, буквально за пятьдесят метров до финиша...

Позже я прочитал в путеводителе, что в средние века греки называли эту гору Фуна – «дымящаяся». Это название осталось за крепостью, расположенной у подножия горы. А более позднее татарское название горы на русском языке исторически писалось «Демирджи», однако во второй половине XX века широко распространился искажённый вариант «Демерджи». Сейчас в путеводителях наблюдается тенденция возвращения к истокам, то есть к первоначальному названию.

Гора эта в отличие от других крымских горных массивов имеет интересную структуру, она сложена не только из известняка, в ней имеются многочисленные вкрапления-валуны из твёрдых пород, которые схвачены известняковым «цементом». Под влиянием влаги и выветривания известняк разрушается, оставляя причудливые валуновые «скульптуры»: «пальцы» – колонны, «грибы» – колонны с «крышками» и многое иное самых причудливых форм. Самая большая из этих колонн – пятиметровой ширины, достигает в высоту почти 25 метров. Более всего таких колонн находится в Долине привидений. Когда по Демирджи ползут облака, то иногда открываются загадочные силуэты, которые исчезают буквально через мгновения. Наверное, отсюда и берут начало все легенды горы Демирджи.

– А вон, видите, эта скала называется Голова Екатерины...

Скала и действительно очень похожа на бюст, хотя не уверен, что именно на бюст российской императрицы...

С Симоном прощаемся у подъезда Костиной тринадцатизатжки. Здесь меня ждёт Костин друг Игорь Байша, как он представляется сам:

– Пока я за Костю. Он звонил, колесо уже пере- ставил, будет примерно через полчаса.

Действительно, вскоре приезжает Костя. За эти десять лет, которые мы не виделись, он внешне не

очень изменился, те же длинные вьющиеся волосы, тот же греко-армянский профиль... Постарел? Наверное. Впрочем, я тоже моложе не стал...

Традиционно: объятия, возлияния, воспоминания... И, конечно, сходили к морю, даже окунулись. Море пока холодное, но теплее, чем Бия летом...

4 мая. Ещё накануне отъезда списался с Сергеем Чепровым, бывшим бийчанином, который уехал на ПМЖ в Темрюк. Он очень обрадовался, узнав, что я буду в Крыму, сказал, что обязательно приедет 5-го числа на мою творческую встречу в республиканской детской библиотеке имени Орлова в Симферополе. Встреча эта тоже была оговорена заранее с Союзом писателей Крыма, собственно, она и стала одной из решающих причин сроков поездки.

Когда на местном рынке приобрел крымскую сим-карту, в роуминге звонить домой дорого, а с местной – терпимо, продавец в киоске долго и тщательно рассматривал мой паспорт.

– Что-то не так? – спросил я в шутку.

– Да нет, просто родители у меня родом из Бийска, а сам я – из Новосибирска...

– Понятно. Значит, земляки.

Да, мир воистину тесен!..

131

Часов в пять позвонил Сергей, сказал, что уже подъезжает. Спустился к базарчику, нашёл такси, поехал встречать Сергея. Водитель – один в один вариант с Симоном. Тот же первый вопрос: как отношусь к присоединению Крыма к России? – и та же восторженная радость от моего ответа, разница лишь в том, что на сей раз таксист – коренной крымчанин, похоже, из крымских татар.

Слушаю его монолог, киваю, думаю о встрече. Правильно, что поехал, всё-таки от поворота до города километра три, да и не был Чепров ни разу в Партените, может и заблудиться. Хотя посёлок небольшой, всего-то по данным на 2014 год 6 086 жителей. Но древний. Впервые название «Партенит» встречается в «Житии святого Иоанна Готского» (815–842 гг.): «Преподобный отец наш Иоанн... происходил из расположенной на той стороне земли Тавроскифов, подчиненной власти Готов, именно из торжища, называемого Партениты...». А само название происходит от греческого *παρθένος* – девичий. Некоторые исследователи связывают сам этот факт с именем таврской богини Девы. Поговаривают, что в Партенитской долине или в её окрестностях, например на Аю-Даге – знаменитой Медведь-горе, мог находиться храм в её честь, хотя далеко не факт – никаких следов таврского храма ни в Партените, ни в каком-либо другом месте полуострова пока не обнаружено. А вот статуя некой девы на

въезде в посёлок есть, не очень приглядная, больше напоминающая мещанские фарфоровые статуэтки 30-х годов XX века, чем греческую богиню. Показываю её Сергею, вижу, он тоже не испытал каких либо эстетических восторгов по поводу партенитской Девы...

5 мая. Пока ехали до Симферополя, Костя взял на себя роль экскурсовода, рассказывал Сергею о местных достопримечательностях...

Республиканскую детскую библиотеку имени Орлова в Симферополе нашли быстро, так что времени до встречи у нас оставалось с лихвой. Съездили на автовокзал, взяли Сергею обратный билет до Темрюка.

...Как позже напишет о самой встрече один из её организаторов – заместитель председателя СП Республики Крым Вячеслав Килеса: *«...состоялась встреча сотрудников библиотеки и членов Союза писателей Республики Крым с Сергеем Филатовым, заместителем главного редактора альманаха «Тобольск и вся Сибирь», членом СП России. Во встрече принимали участие проживающий ныне в Темрюке член СП России Сергей Чепров и депутат Харьковского городского совета Константин Кеворкян, переехавший на постоянное место жительства в Крым. Союз писателей Республики Крым представляли Валерий Басыров, Вячеслав Килеса, Лев Рябчиков, Аркадий Вакуленко, Ариолла Милодан...»*

Вначале Сергей Филатов рассказал о литературной ситуации на Алтае, в первую очередь об издательской деятельности, после чего состоялась презентация альманаха «Тобольск и вся Сибирь. Бийск»...

А потом началось чтение стихов: грустных, лирических, наполненных добротой и романтикой. Нужно отметить внимание, с которым слушали Сергея крымчане: впервые к ним в гости приехал такой интересный поэт из далёких краёв. Не менее интересными для крымчан оказались и стихи Сергея Чепрова...».

К написанному Вячеславом Владимировичем добавлю, что приём со стороны хозяев был действительно тёплым и дружеским, и у нас даже завязались некие рабочие отношения на перспективу. Забавно было и прочитать о себе такую метафору – «интересный поэт из далёких краёв», я бы добавил даже: «из глухой сибирской таёжной глубинки». Но это, как говорится, уже из разряда самоиронии...

Каюсь, перед поездкой, постарался как можно больше познакомиться с информацией о литературных и околотитературных процессах в Крыму. В частности, попала мне и статья «Как в Крыму создают «Пятую колонну» писателя Владимира Сорокина в «Литературной газете» № 32–33 за 2014 год,

где упоминались и мои новые знакомые Валерий Басыров, Вячеслав Килеса и другие. Скажу честно, общаясь с ними и другими писателями, собравшись в «орловке», ни о какой пятой колонне мне и мысли не пришло в голову. Нормальные люди, интересные писатели, которые, как прозвучало в разговоре, пытаются сегодня адаптироваться в новом для них российском правовом поле, в новой реальности, понять эту реальность, при этом не изменяя главного в себе – своих взглядов и убеждений, своей сложившейся системы ценностей. А иначе и быть не может, если иначе – то какие бы они тогда были писатели...

А вот статья господина Сорокина показалась мне несколько скороспелой, при этом ангажированной, даже отчасти провокационной. Из разряда тех, что вроде бы верна и правильна по своей идеологической, я бы сказал, излишне «верноподданнической», сути, но... аргументов-то нет, голые тезисы. Нет, я с уважением отношусь к профессиям журналиста и писателя, но категорически не приемлю, когда человек ради некоей сомнительной личностной выгоды – материальной ли, имиджевой, ещё какой... – говорит то, что «как бы правильно» и «вроде бы на слуху», чтобы опорочить кого-то или что-то, что ему мешает. Именно тогда он для меня из журналиста превращается в журналигу, из писателя в писаку... Конечно, я не знал всех «крымских» тонкостей и подоплёк, только читать эту статью мне было крайне неприятно, словно в грязи испачкался либо в дерьмо наступил... Грешным делом, мысль мелькнула, а не затевается ли вся эта катавасия ради очередного дележа какой-то очередной писательской недвижимости?... Знаем. Проходили.

Уже позже, в Бийске прочитал статью Валерия Басырова «Я не знаю, кому и зачем это нужно» в газете «Литературный Крым» № 6 за 2015 год, и всё как-то на свои места встало. Прочитав некоторые фрагменты этой статьи:

«Решили крымские писатели, считавшие, что их дело правое, объединиться в один большой Союз. Казалось, чего лучше и правильнее?! И в России об этом же постоянно говорят. Президент страны к этому призывает. Но одна из сторон заартачилась. Тогда первая 27 мая 2014 г. провела заседание рабочей группы с представителями разных писательских союзов... <...>

9 сентября 2014 г. были получены на руки Свидетельства о регистрации некоммерческой организации, о регистрации юридического лица и о постановке на учёт российской организации в налоговом органе по месту её нахождения. <...>

Члены СПРК приступили к работе в правовом поле: создали свой сайт, перерегистрировали газету «Литературный Крым» и журнал «Крым» (на се-

годняшний день вышло пять номеров газеты и один номер журнала), совместно с Министерствами культуры, образования, науки и молодёжи Республики Крым, библиотеками провели массу мероприятий...

Но произошло удивительное событие, которое озадачило многих: в СМИ появилось сообщение, что некие литераторы создали и зарегистрировали 2 февраля 2015 года Региональную общественную организацию «Союз писателей Республики Крым». Вначале подумалось, что журналисты что-то напутали и речь идёт об СПРК. Но нет. Появился новый Союз с тем же названием, что и у нас. <...>

Каким образом и для чего именно это название присвоил себе Союз русских, украинских и белорусских писателей (СРУБ), тот самый, который проигнорировал объединение, которое поначалу воодушевлённо поддержал в лице В. П. Терехова, а спустя почти год получил в Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым и Севастополю свидетельство именно с таким названием? <...>

Думается, всё ясно: свидетельство, выданное СРУБу, должно быть аннулировано. Но зная, что свои ошибки крымские чиновники признавать не любят, предполагаю, что дальнейший разговор с ними у нас будет происходить уже в суде.

В этой истории много вопросов, на которые трудно ответить. Зачем, например, председателю СРУБа В. П. Терехову понадобилось «работать» от нашего имени? Не было случая, чтобы, создавая свои произведения, он заимствовал чужой текст. А тут решил присвоить название целой организации... У кого на поводу пошёл Минюст Крыма? Странно...

Для чего в Крыму, пользуясь тем, что большинство граждан ещё чувствуют себя неуверенно в правовом поле России, пытаются вернуть их на дорогу бесправия, лжи и обмана, по старинке, как это было в Украине? Вот уж поистине «я не знаю, зачем и кому это нужно...»

6 мая. Прямо с утра «развожу» Игоря Байшу на интервью, о котором мы с ним договариваемся уже третий день, с того времени, как только я узнал, что он политолог и занимался проведением многих выборных кампаний в Сибири. Тем более выясняя, что он собирается уезжать, заниматься обустройством своей дачи. Точнее обустройством прибежища, он ведь тоже из Харькова и тоже вынужден обитать в Крыму по тем же причинам, что и Костя.

Основной вопрос к Игорю у меня «любовой», впрочем, чтобы не нарушать жанра интервью просто приведу наш разговор полностью:

– Игорь, многие люди в Сибири думают, Украина далеко, поэтому нас это не коснётся. Так ли?..

– Конечно, Урал – некая разграничительная и объединяющая одновременно линия, и по разные ее стороны Россия воспринимается иначе. За Уралом Москва – это «где-то там далеко», на первом месте у сибиряков свои проблемы. С другой стороны, для сердца каждого русского человека Москва бесконечно дорога, но от этого ощущение «где-то там далеко» у зауральского жителя не исчезает.

Совсем иные настроения у людей в Брянске или в Белгороде. Мне запомнилось, как в прошлом году в совершенно мирном брянском селе, где отроду никогда не было никаких воинских подразделений, мне показали танковую часть, которая с недавнего времени была расположена неподалёку от данного села с конкретной целью – защищать его население «от возможной военной опасности». Поверьте, совершенно по-другому в Брянске воспринимается тот факт, что буквально через двадцать километров начинается территория, где убивают людей, где происходят события, которые, как казалось, могут происходить только в Сирии или Закавказье во время этнических конфликтов. Есть и такие сёла, где половина села – украинская, половина – русская. Когда на твоих глазах во второй половине села происходят вещи, которые не укладываются в твоём сознании, конечно, видишь всё по-другому.

В 2013 году я проехал на поезде от Владивостока до Москвы и неожиданно для себя понял, это четверть земного шара. А заняло это путешествие всего-то около пяти суток. В сегодняшнем глобальном мире вряд ли всё, что происходит за пять суток езды поездом, может тебя не касаться. Тем более когда речь идёт об одном народе. Последнее очевидно, нет принципиальной разницы между жителями того же Донецка или Брянска, Белгорода или Харькова. Один народ, один язык, одна история. И даже двадцать пять лет «независимости» России и Украины друг от друга мало что изменили в реальной жизни людей.

Но готовы ли сегодня люди, проживающие восточнее Урала, к пониманию того, что война возникла не в Донецке, а в наших умах, в нас самих. И важно разобраться в причинах, почему она возникла. Если сегодня она возможна в Донецке, завтра она может возникнуть в любом другом уголке Российской Федерации. Не секрет, что этническая разница между жителями Центральной и Восточной Украины гораздо меньше, чем различия в культуре многочисленных этносов, проживающих на огромной территории Российской Федерации. И разжечь противоречия между ними может оказаться намного проще, чем на Украине.

– Всё же о первопричинах...

– В случае украинского конфликта одним из центральных противоречий представляется роль во всех этих событиях власти. Не секрет, что украин-

ская война возникла из-за где-то искусственно созданного и подогретого, а где-то и реального недовольства людей украинской властью. Именно пророссийская власть в Украине была демонизирована, и произошло это не за один день, и не за один 2014 год. Этот процесс продолжался двадцать пять лет на всей территории Украины. Переписывались учебники, переставлялись памятники, выбрасывались информационные провокации... – создавались целые пулы СМИ, которые день за днём промывали мозги населению. Говорят, если человеку сто раз сказать, что он свинья, он захрюкает. Так вот, Украина «захрюкала». Нет никакой стопроцентной гарантии, что при всей стабильности, которая сегодня присуща регионам РФ, завтра не «захрюкают» где-нибудь, не дай бог, во Владивостоке или в Новосибирске...

– Я правильно понял, речь идёт о зомбировании, когда людей намеренно приучают думать в двоичной системе «0» – «1», «да» – «нет»? Так как работают ЭВМ, у которых вся информация кодируется из набора этих двух цифр. То есть человеку оставляют небольшой выбор – нажать на курок или нет?

– Практически да. На Украине был реализован такой двоичный код применительно к изменениям в общественно-политическом пространстве. Человеку оставили ограниченный выбор – «за красных» или «за белых». Но не факт, что все беды нам нужно списывать только на американцев. Когда огульно говорят, что во всём виноваты они, это примитивно и даже порой вредно. Сваливая на кого-то вину, мы, как правило, автоматически списываем её с себя, мол, наша хата с краю... Забывая, что есть такая древняя двоичная технология – «разделяй и властвуй», которая и сегодня пусть в модернизированном, обновлённом виде используется мировыми властными элитами...

– Наверное, уместно будет сказать и о роли интеллигенции как носителя идеологии...

– Если говорить о трагических украинских событиях, роль интеллигенции в них колоссальна. Но чтобы лучше понять это, зададимся вопросом, каково качество этой интеллигенции? Интеллигент – это не пожизненное звание, не титул, который передаётся по наследству, и уж тем более не свидетельство о наличии или об отсутствии высшего образования. С одной стороны, хочу сказать, что не нужно преувеличивать значимость интеллигенции для развития общества. Да, это важная часть общества, самая образованная, но в силу этого на ней лежит и повышенная ответственность, которую интеллигенция не всегда осознаёт. Не всегда её позиция, в том числе и в российской истории, соответствовала интересам народа и государства. Очень часто под «одеждой» преобразования к лучшему интеллигенция решала меркантильные, соб-

ственнические, клановые, цеховые задачи. И, как мне кажется, сегодня очень многие представители интеллигенции продолжают эту порочную практику.

Я бы разделил проблему взаимоотношений интеллигенции и власти на две части. Первая – когда недовольство властью вызвано у интеллигенции тем, что власть недостаточно уделяет ей внимания в материальном плане. Думаю, что в нынешней экономической ситуации интеллигенция должна больше полагаться и на свои силы тоже, а не уповать всё время на власть. Нужно понимать, что проблемы интеллигенции одни из множества проблем в стране. И при всей важности и необходимости идеологии нельзя отнять у людей пенсии и отдать их на развитие наук и искусств. Поскольку мы живём в условиях пресловутой рыночной экономики, интеллигенции нужно научиться продавать продукты своего труда. И второй аспект. Когда за счёт своей образованности, своей ведущей роли творческая интеллигенция критикует власть бескорыстно. Возьмём Валентина Григорьевича Распутина или Василия Макаровича Шукшина, причина их недовольства была не в том, что им не выделили финансирования на сценарий, на фильм, на книгу. Эти люди, несомненно, были интеллигентами, и их голос был слышен: у власти просто не было другого варианта, как услышать и признать за ними это право. Но при этом ни Шукшин, ни Распутин не ставили свои интересы выше интересов общества, выше интересов простого человека...

– То есть критика власти нужна... имеет право быть?

– Очень важно различать неудовлетворение какими-то действиями власти и тем, что начинает приобретать суицидальный характер для общества. Мы можем быть недовольны начальником ЖЭКа, руководителем Законодательного собрания, Президентом... но, несомненно, это не должно вести к саморазрушению общественного устройства. То есть недовольство не должно становиться поводом спалить свой дом.

И эту грань в быту мы все хорошо чувствуем, можно конфликтовать с братом, скандалить с женой, быть недовольным детьми, но разумные люди никогда не переходят тех граней, которые могут разрушить семью. Те же отношения, как мне кажется, должны быть характерны и для взаимоотношения общества и власти. Конечно, нельзя призывать общество к тому, чтобы оно априори поддерживало любые действия власти, они могут быть ошибочны, и, естественно, власть должна находиться под микроскопом общественного внимания. Но ни в коем случае эта критика и попытка изменения не должны приводить к саморазрушению, тем более что в Российской истории такие трагические примеры попыток построить лучшее будущее через саморазрушение имеются.

К сожалению, баланс разумного на Украине соблюден не был. Да и украинская интеллигенция смотрела на всё происходящее, как на источник дохода. Она готова была критиковать власть за деньги, за гранты не имевших никакого отношения к украинскому народу структур и центров влияния. По большому счету, украинская интеллигенция предала свой народ. Ведь никто и никогда не оспаривал, что украинский народ имеет право и на свою самобытность, и на свою культуру. Но сегодня попытка натянуть на себя национальные одежды начинает приобретать человеконенавистнический характер. Даже смерть одного человека – а сегодня речь, только по официальным данным, идёт о смерти более чем шести тысяч человек – вполне достаточная цифра, чтобы понять, это не тот путь, который приведёт Украину к позитивным преобразованиям.

Возвращаясь к началу нашего разговора, коснутся или нет украинские события жителей Сибири и Дальнего Востока, ответу – коснуться. И дело не в том, долетит или нет за Уральские горы снаряд из Донецка, гораздо важнее не допустить в наших головах развития разрушительных процессов, которые уже идут. Украинские события не часть Донецка или Луганска – они часть общего процесса, который сегодня начал затрагивать, к сожалению, русский мир, нашу память. К примеру, в Донецке в прошлом году шли ожесточённые бои за высоту Саур-Могила. Это господствующая высота, которую ещё в годы Великой Отечественной войны освобождали от немцев наши отцы и деды. Для памяти это одна из таких же значимых точек отсчёта, как Сталинград или Курская дуга. А сегодня, накануне 70-летия нашей общей Великой Победы, над этим надругались. Считаю, это плевок в нашу общую – и для Бийска, и для Белгорода, и для Донецка – историю.

Чтобы подобного больше не могло произойти, всем надо чётко понимать, живя в одной стране, на одной планете, мы в хорошем смысле слова «обречены» уметь договариваться друг с другом и совместно решать общие проблемы.

Такие вот разговоры с утра пораньше...

Костя ближе часам к одиннадцати собрался в Севастополь, ему нужно отвезти жену Ольгу на собеседование. Она, как и Костя, занята поиском работы в Крыму. Конечно, видеоканал «Первая столица» в Харькове пока выходит в эфир, только вот дохода, по признанию ребят, он в настоящий момент не приносит.

– Скорее наоборот, приходится отсюда, из Крыма, высылать в Харьков деньги на зарплату сотрудникам, – объясняет Костя.

Я помню добротные, профессионально снятые программы, телеочерки и документальные фильмы об истории родного Харькова, которые снимал коллектив видеоканала «Первая столица» тогда, десять

лет назад. Но сегодня положение у харьковского видеоканала, которым руководит из Крыма опальный журналист и депутат городской думы, достаточно шаткое...

Ребята подвезли меня до Ялты, прямо до дома-музея Чехова, а сами поехали дальше. Договорились, что обратно я вернусь самостоятельно.

...Сразу, буквально от калитки, когда зашёл в дом-музей, вспомнились строки Юрия Казакова из рассказа «Проклятый Север»:

«...друг мой спросил:

– Слушай, а в доме Чехова ты был?

– Не был. А что? <...>

– Давай, старик, поедем! – предложил мой друг. – Я люблю Чехова, знаешь? Как-то я его нежно очень люблю».

И дальше, пока экскурсовод водила нас по небольшому уютному саду с экзотическими растениями, по чеховскому дому, у меня словно рефреном звучало где-то внутри казаковское:

«– Кувшины видал какие? – кивнул я на огромные глиняные круглые сосуды под водосточными трубами у флигеля. – Это при нём было?

– При нём, – сказал мой друг. Он все знал о Чехове. – Тогда водопровод плохо работал, дождевую собирали.

Мы помолчали. Как-то нам стало очень грустно в этом доме и жалко чего-то.

– А сад какой! – сказал мой друг. – Это он сажал, знаешь?».

– Вот бамбук, его тоже Антон Павлович сажал... а вон там в углу «горьковская скамейка», на ней Антон Павлович с Горьким посиживали и беседы вели... – Это уже наш экскурсовод загружает нас информацией.

И снова казаковское изнутри:

«– ...Равнодушная жена в Москве, а он здесь или в Ницце пишет ей уничижительные письма, вымаливает свидания! А здесь вот, в этом самом доме печки отвратительные, температура в кабинете десять градусов, холод собачий, тоска... В Москву поехать нельзя, и в Крыму болеет Толстой. А на севере – Россия, снег, бабы, нищие, грязь и темнота и угарные избы. Ведь он всё это знал, а у самого чахотка, кровь горлом, эх!».

Насколько всё-таки Казаков пронзителен и психологичен! Говоря его же словами, люблю я прозу Юрия Казакова, «как-то я её нежно очень люблю!» Кто ещё так тонко и эмоционально написал о Чехове и о «проклятом», столь любимом душой Севере...

В чеховском доме я пробыл достаточно долго. Ещё и с музейными работницами успел поговорить. Узнал от них, что финансирование музея пока не отлажено, а дом ветшает, к тому же оползень на участке постепенно деформирует стены и фундамент.

Невольно вспомнился Ассановский особняк в Бийске, где расположен ныне исторический отдел Бийского краеведческого музея. Те же слегка замазанные сверху краской и известкой стены, разрушающиеся внутри, скрипучие, требующие замены полы и ступени лестниц, перила... Словом, проблемы те же, что и у всех музеев России.

Эх, нет же на наших чиновников от культуры купчихи Марии Андреевны Асановой, которая могла запросто прийти в бывший свой дом, национализированный большевиками, зайти в кабинет первого секретаря партии, открыть дверь ключом и резануть в глаза правду-матку: «Нехристи, да разве можно так по-свински в доме себя вести? Ремонту не делаете, курите везде!..».

Когда вышел из музея, время уже поджимало, поэтому спустился на набережную и сел в троллейбус в сторону автовокзала. Домой добрался минут за 25–30. Пока ждал Костю с Ольгой, начал читать одну из книг, подаренных Вячеславом Килесой, и увлёкся. Вроде бы книга для детей, но вроде бы и не детская. Язык достаточно живой и образный, а местами очень самоиронично, с юмором. Зачитался. Даже не услышал, когда ребята приехали...

7 мая. У Кости с Ольгой прямо с утра снова собеседование. На этот раз в Ялте. Я с ними, тем более и дело в Ялте есть, нужно решить денежные проблемы, возникшие так неожиданно. Меня неприятно удивило отсутствие в Партените филиалов Сбербанка России. Я ходил и от отчаяния не знал, куда засунуть свою сбербанковскую пластиковую карточку.

Впрочем, забегу немного вперёд, в Ялте банкоматов я тоже не обнаружил, более того в одном из коммерческих банков мне доходчиво объяснили, что это сегодня общекрымская проблема, и деньги со своей сбербанковской карты я здесь не сниму нигде. В крайнем случае советовали доехать до Керчи, переплыть на пароме через пролив и там, где-нибудь на Кубани, решать эту проблему. Шутили, конечно, но мне от этой шутки смеяться почему-то не хотелось. Почему проблема возникла? Я спрашивал себя, возможно, это как-то связано с боязнью руководства банка попасть в «ихний» цивилизовано-европейский санкционный список?..

Вообще одно из главных ощущений от Крыма – это некая организационная неразбериха и неопределённость момента. Та самая мутная вода, в которой, как гласит пословица, что-то плавает, а что-то ловится.

Скажем, в целом цены в магазинах – почти наши, что-то чуть дороже, что-то дешевле. Но сильно удивили крымские вина: 600–700 рублей за бутылку. Хотя здесь же, в этом же магазине, можно было взять

рублей за 150–300 бутылку вполне приличного испанского или итальянского вина. Причём большинство бутылок ещё с украинскими акцизными марками, видимо, из старых, оставшихся ещё запасов.

Много здесь машин с украинскими номерами. Причина тоже проста, многие недовольные событиями в Украине сейчас обосновываются в Крыму. А на российские номера пока не меняют, потому как дороже и сам номер, и страховка. Опять же слышал о таких случаях, когда при пересечении российско-украинской границы, если владелец сменил номер на российский, его машину просто помещали на штрафстоянку как не значащуюся в украинской базе данных, а значит, находящуюся в угоне.

Путаница и неразбериха с получением РВП – разрешений на временное пребывание, разрешений на работу и, конечно, с получением российского гражданства. Поскольку в основном находился в обществе «политэмигрантов» из Харькова, успел несколько погрузиться в эти проблемы. Не буду вдаваться в подробности, российскому читателю они вряд ли интересны, а тех, кого это касается, знают всё это уже наизусть.

Как всегда, «в мутной воде» появляется много различных фирм и фирмочек, извлекающих из этого прибыль. Например, в одной из них сказали, что российский паспорт, соответственно, российское гражданство, если у вас недвижимость в Крыму, могут оформить через суд «всего» за \$1100. Д-да... Дорога нынче, Родина! Но, видимо, всегда так: кому-то война, а кому-то – «награды»...

8 мая. У «нас» опять собеседование, на сей раз в Севастополе.

Трасса вдоль моря, как и десять лет назад, живописна: только успеваю читать промелькнувшие названия: Гурзуф, Никита, Ялта, Алупка, Симеиз, Форос, Балаклава... и смотрю, смотрю в окно на море, словно зачарованный...

После собеседования через Инкерман проезжаем на правую сторону Севастопольской бухты, необходимо выбрать место, откуда завтра удобнее будет смотреть Парад Победы.

В районе Инкермана трасса лежит вдоль горы, где находится скальный монастырь святого Климентия. К слову, в переводе с тюркского «*Inkerman*» – пещерная крепость. Отсюда, снаружи, он действительно похож на неприступный, спрятанный в скале город. Костя рассказывает мне, что там внутри находятся несколько храмов, жилых и складских гротов, а вдоль проходов стоят старинные лавки из камня.

Как я потом прочитаю об Инкермане, согласно легенде, выстроен монастырь был воинами, изгнанными из Византии в VIII–IX столетиях. А назвали его во имя святого Климентия (четвёртого папы

Римской Империи, изгнанного в Крым в наказание за христианские настроения). По преданию, в монастырских гротах не было доступа к пресной воде, но Климентий силою веры своей вымолил из-под земли пресноводный источник. Поражённые его чудотворной силой воины назвали монастырь его именем.

Здесь же неподалёку находится карьер, где добывают инкерманский камень для строительства. Практически весь Севастополь выстроен из этого камня...

...Место на завтра выбрали удачное, отсюда хорошо просматривается вся бухта и строй кораблей, они, кстати, уже стоят на рейде, готовые к параду, да и расположено место это прямо рядом с паромной переправой. То есть по окончании морского и воздушного парадов мы сможем сесть на паром и перебраться на левую сторону, чтобы там уже спокойно посмотреть парад наземный.

Не стану кривить душой, военный парад в Севастополе в честь 70-летия Победы – один из моих главных интересов посещения Крыма, не считая, конечно, встречи с другом. Тем более что у меня с собой было письмо с просьбой об аккредитации меня на этом событии как представителя журнала «Огни Кузбасса», в конце концов, не одного меня в Сибири интересуют нынешние крымские реалии. Согласитесь, значительная дата, да ещё в момент возвращения полуострова на Родину!

9 мая. Самый пик эйфории патриотизма у крымчан, конечно, 9 мая на параде в Севастополе. Туда мы выехали загодя, чтобы не застрять в пробках.

То, что я увидел на нашем месте, поразило – берег, усеянный флагами, российскими и андреевскими... бескозырки, пилотки, фуражки с российской символикой... надписи на майках и футболках: «Победа», «Я русский»... и лица, лица – лица Путина, радостные лица людей вокруг... и океан оранжево-чёрных георгиевских ленточек...

Посреди бухты по-военному строгий, внушительный строй кораблей, адмиральский катер с принимающими парад, раскатистое «Здрав... жел... тов... адми-рал!», самолёты и вертолёты морской авиации, заходящие со стороны моря, разворачивающиеся и пролетающие ровным, чётким строем над бухтой – одиночные, тройки, пятёрки – и снова уходящие за горизонт над морем... Может быть, потому, что я видел это впервые – впечатления остались незабываемые!..

После окончания парада дождался, пока пошёл первый паром, на время парада его курсирование было приостановлено. В тот момент, когда огибали строй кораблей отряда Черноморского флота, прошли достаточно близко от них, вблизи они ещё

внушительнее, чувствуется их внутренняя мощь и сила.

...На набережной не протолкнуться, правильно, что мы решили смотреть морской парад с правого берега. Здесь же, на левобережной набережной, расположен огромный сенсорный экран и по нему – трансляция парада в Москве.

Сам севастопольский пеший парад смотрели через головы, там только угадывались верхушки ракет комплекса «Бастион», радиолокационной техники, «Градов» и «Ураганов», а также головы солдат, сидящих в боевых машинах... Байкеров из «Ночных волков», которые отличились при отстаивании Крыма, мы только услышали по характерному треску мотоциклов и аплодисментам публики... Увидели верхние краешки транспарантов участников шествия Бессмертного полка...

А по окончании парада перед нами встала проблема, как выбираться. Не буду рассказывать всех наших злоключений в забитом до отказа троллейбусе, тем более что сравнительно небольшое расстояние мы преодолевали на этом троллейбусе... целых три часа! Понятно состояние людей, их раздражение, но даже толкаться в этом упрессованном людьми пространстве было невозможно, так плотно всё забито.

Запомнился один забавный эпизод, какая-то мамочка спросила сына лет пяти, как он себя чувствует, не задавили ли его? Мальчишка ответил ей чистым бодрым голосом, словно пародируя кого-то: «Пять минут. Полёт нормальный!». И как-то сразу сошло раздражение с лиц пассажиров, появились улыбки.

Вот что значит психология толпы, стоит только вовремя бросить искорку, лучше добрую, позитивную – не те провокационные, что бросали в феврале прошлого года на майдане – и общий настрой людей практически гарантирован...

Вечером по горячим впечатлениям отправил небольшую информацию в газету «Бийский рабочий»:

«Парад победителей: корреспондент «Бийского рабочего» побывал 9 мая в Севастополе.

В этот день, когда все наши соотечественники на всей территории России – от Белгорода до Камчатки – праздновали 70-летие нашей общей Победы в Великой Отечественной войне, крымчане, в частности севастопольцы, наряду с этим салютовали ещё и своей прошлогодней победе – возвращению на Родину.

Именно они, в конечном счёте, отказались жить в чуждом им государстве по насаждаемым им законам и сделали свой добровольный выбор в пользу России.

Сам парад в Севастополе состоял из трёх частей – морской, авиационной и сухопутной. Воен-

но-морской парад начался в 9 утра. В Севастопольской бухте выстроились 11 боевых кораблей во главе с флагманом Черноморского флота ракетным крейсером «Москва». Парад с борта разъездного катера принимал командующий Черноморским флотом адмирал Александр Витко. В кильватерном строю стояли большие десантные корабли «Ямал» и «Николай Фильченков», ракетный корабль на воздушной подушке «Бора», сторожевой корабль «Сметливый», минный тральщик «Ковровец», противолодочный «Александровец», сторожевой корабль пограничной службы «Жемчуг» и другие.

В авиационном параде приняли участие 28 военных самолетов и вертолетов морской авиации Черноморского флота. Авиадивизии, которые базируются на аэродромах «Кача», «Бельбек» и «Гвардейское», показали свои возможности. В небе над Севастопольской бухтой пролетели новейшие истребители Су-30СМ, перехватчики Су-27, штурмовики Су-25, самолеты-амфибии Бе-12, корабельные вертолеты Ка-27 и другие.

В 10 утра началось прохождение войск Севастопольского гарнизона по улице Ленина и проспекту Нахимова. Командовал сухопутным парадом генерал-лейтенант Юрий Петров. Перед трибуной с ветеранами прошли военнослужащие в форме 1945 года и восемь парадных батальонов действующих частей и подразделений Черноморского флота, МЧС и МВД – всего 1 400 человек. Следом по улицам двинулась боевая техника. В параде участвовали реактивные установки «Град-М», зенитно-ракетные комплексы «Оса», «Панцирь-С», «С-300», подвижные береговые ракетные комплексы «Бастион», бэтээры, миномёты, гаубицы. Волнующим финалом парада стало прохождение ветеранов войны и участников акции «Бессмертный полк».

Эмоции людей в этот день были открытыми и искренними. Как сказал командующий Черноморским флотом адмирал Александр Витко, люди показывали своё отношение к России, кричали: «Спасибо, Россия!» и «Благодарим вас, ветераны, за наше мирное небо!»

Вечером на площади Нахимова состоялся праздничный концерт, а в 20:00 над Севастопольской бухтой прогремел салют и фейерверк из 116 залпов.

По предварительным оценкам городских властей, Парад Победы в Севастополе посмотрело более 200 тысяч зрителей».

Буквально тут же, «не отходя от кассы», информация обросла знакомыми желчными комментариями бийских троллей с говорящими никами:

«гапон: за чей, простите, счёт? Налогоплательщиков? Завтра куда? На Гавайи, репортаж писать о революции?»,

«куратор: вот когда в БР будут размещать правдивую инфу – например, о том, как в прошлом году на Первомае сотенная колонна коммунистов и ком-

сомольцев просто разметала жалкий десяток молодогвардейцев и единороссов...».

Вот такие мысли у людей...

Вообще такое впечатление, что все эти злопыхающие карлики буквально не уходят с сайта, наверное, и спят там. И что именно сказать – для них не очень важно, был бы повод... Я ещё как-то могу не понять, но объяснить «троллинг», когда речь идёт о серьёзной идеологической или политической борьбе, не могу. Там пишут нанятые за деньги журналюги, из тех, что маму родную продадут, с определённой, выверенной направленностью. Ну а этим-то, местным, бийским, кто платит? Неужели движитель всего этого у них – одно уязвленное самолюбие, мол, вы там пишите-пишите, а я-то всё равно круче вас... Круче-то круче, только непонятно, кто – «я»? От себя-то написать слабо...

10 мая. С утра Костя с Ольгой уехали по делам в Ялту. Я опять хозяйничаю один, теперь в Балаклаве. Сегодня обязательно нужно осмотреть посёлок, спуститься вниз до набережной.

...Одна из главных достопримечательностей Балаклавы – генуэзская крепость Чембало находится на горе рядом с Балаклавской бухтой. Начало её строительства датируется 1357 годом. Есть версия, что Чембало была построена на месте более раннего византийского укрепления. Сама крепость интересна тем, что у неё только три оборонительных стены, с четвёртой стороны, которая обращена к морю, оборонительную стену заменяет неприступный вертикальный обрыв. Строили крепость из местного бутового камня – известняка, на известковом растворе.

Чембало обеспечивала безопасное ведение торговли и контролировала население близлежащих территорий, неоднократно она выдерживала ожесточённые сражения, и каждое из них оставляло свой след. Однако наибольшим разрушениям крепость подверглась во время обороны в 1941–1942 годах. Сейчас крепость в руинах, но даже руины выглядят очень живописно и величественно. Высота наибольшей уцелевшей башни, которая называется Донжон или Башня с «юбкой», – около 14 метров. Она словно вырастает из земли концентрическими рядами кладки, диаметр которых вначале сужается, а потом наклонные стены переходят в вертикальные. Как говорят специалисты, конструкция эта очень рациональная: нет мёртвого пространства под стенами, башня недоступна для стенобитных машин.

Не менее интересен и Военно-морской подземный музейный комплекс, вход в который находится по другую сторону бухты, так называемый Объект 825 ГТС. История этого подземного завода по ре-

монту дизельных субмарин начинается в 50-е годы XX века, в период холодной войны, когда многие державы стали наращивать свой ядерный потенциал, те самые времена знаменитой хрущёвской «кузькиной матери».

Всё подземное сооружение построено в скальном массиве горы Таврос, объект имеет, как сообщают путеводители, «противоатомную устойчивость первой категории», то есть способен выдерживать ядерный удар, в три раза превосходящий силу бомбы, сброшенной на Хиросиму. Строительство велось с 1954 по 1963 год в обстановке полной секретности. Весь комплекс включал в себя подземный водный канал шириной от 10 до 12 метров и глубиной 8 метров, сухие доки, цех для ремонта, склады боеприпасов. В среднем ремонт одной подводной лодки занимал здесь до 3–4 недель, а одновременно в заводе могли находиться до 7 подводных лодок проектов А615, 613, 633, 633РВ или 9 малых лодок. Общая площадь помещения составляла более 5 тысяч квадратных метров. Интересно, что в самом названии «Объект 825 ГТС» аббревиатура ГТС обозначала «городская телефонная станция», такая вот конспирация.

В 1994 году из доков завода ушла последняя подводная лодка и «объект 825 ГТС» прекратил ремонтную деятельность, а к концу 90-х годов полностью утратил своё секретное военное назначение. В начале 2000-х было решено превратить часть заводской территории в музей. Этот комплекс – самый большой из рассекреченных объектов на территории бывшего СССР.

Я столь подробно остановился на достопримечательностях Балаклавы, наверное, потому, что не попал ни в крепость, ни в музей. То есть такие своеобразные несбывшиеся мечты. Пока шёл к набережной, поднялся сильный ветер и начался дождь, пришлось возвращаться. И саму крепость, точнее Башню с «юбкой», и вход в подземный канал, я, конечно, видел несколько раз, но только издали, когда мы с Костей проезжали по набережным Балаклавской бухты...

Вечером Костя по интернету сбросил мне несколько ссылок, на некоторые интересные материалы, видимо, заботится, чтоб я не заскучал здесь один...

11 мая. Весь день – ветер, временами дождь. Практически никуда не выходил. Зато было время изучить Костины ссылки. Забавно-грустные материалы с элементами шизофрении о том, как в новой Украине создаётся новая государственная идеология, точнее, некий миф о великих украх. Главный идеолог всего этого историко-идеологического бреда – доктор политических наук, кандидат психо-

логических наук, профессор, проректор университета «Украина» некто Валерий Бебик.

Вот некоторые моменты всей этой бебикологии. По Бебику, именно украинцы в виде неких теукров, упоминавшихся ещё Геродотом, породили Трои, которая породила Грецию и Рим. Не обошлось без украинцев и в Египте, фараоны Гиксосы – это на самом деле гиг-саки, большие, или царские, скифы. А скифы – они и есть украинцы. И одновременно, они же арии, потому как сыновья бога Ра (украинцы)... Эллины – это люди луга, а значит, тоже украинцы, ведь в Греции сплошные горы, лугов нет, зато на Украине есть город Луганск. Таким образом, скифы-арии-праукраинцы создали все древние цивилизации, и от них произошли все – само собой, кроме негров и семитов, которых только скифы и привели в человеческое состояние.

Рим назван Римом не от какого-то там Ромула, а по кальке с украинского Рима, который находится на месте слияния двух рек – Ромен и Сула. Иными словами, это – Ромны Сумской области. Зевс – это украинский бог Иль, который потом стал Илией, Аллахом (Аль-Илах) и собственно Зевсом. Да что Зевс, и Иисус Христос, и Будда, по Бебику, тоже были украинцами...

Сумел профессор отыскать украинские корни во Внутренней Монголии, по его «научным теориям», великий хан всех монголов – Чингисхан был украинцем – великим укротом!.. А как вывод из всего этого бреда: «...никакого монголо-татарского ига в Украине не было, а монголо-татарские ханы дружелюбно относились к украинцам, ибо помнили об общем родстве...». Следуя бебик-логике, в 1242 году древний Киев сожгли дотла никакие не татары, а московские князья – «москальи»...

И все эти «открытия» Бебика сегодня широко тиражируются в газете Верховной рады «Голос Украины» или на Первом радиоканале Украины в программе «Из глубины тысячелетий». Более того, Бебик номинирован на высшую награду Украины в области культуры и искусства – Шевченковскую премию!.. Ясно одно, если на тебя со всех сторон ежедневно льётся подобный бред – вспоминая разговор с Байшей – не захочешь, да «хрюкнешь».

Ну и то, что особо «порадовало» меня, это очередная шедевр Бебика под названием «Русскую литературу создали украинцы, евреи и негр». Не удержусь, процитирую: «В последнее время в нашем социуме активно обсуждаются проблемы русского языка и его мифического «ущемления» в Украине. Мое недавнее интервью на этом ресурсе с заголовком «В Украине должен быть один государственный язык» вызвало оживленную дискуссию в обществе. Мне стали задавать вопрос типа: «Скажите, профессор, Вы что – русофоб?» Отвечаю: нет, я украинфоб по отношению к русофобам и русофил по

отношению к украинофилам. Я очень люблю русскую литературу, в большей мере, классическую поэзию. Однако вынужден заметить: русскую литературу создавали в своей основе не этнические русские авторы.

Возможно, в этом и состоит ее привлекательность. Украинцы в наибольшей мере могут гордиться своим интеллектуальным проектом «русская литература». Если посмотреть на произведения русских классиков, например, Толстого (отлученного, кстати, московской церковью), можно обнаружить целые абзацы, если не страницы, написанные на французском языке. Я сам себе задаю вопрос: «Почему же классик российской литературы не пишет полностью свои тексты на русском языке?» Логичным представляется и ответ: да потому, что Толстому просто не хватало языковых средств современного ему русского языка, чтобы полноценно отобразить всю палитру своих литературных образов и впечатлений. Те же проблемы были у Тургенева и других известнейших русских авторов. Хотя со временем, под влиянием, прежде всего украинского языка, русский язык стал богаче и интереснее. <...>

После присоединения Украины к Московии обучение в московских школах, церковные службы осуществляли в Москве украинские преподаватели и священники. Об этом прекрасно написал известный нам Огиенко. Политическую философию развивали мыслители-коллаборационисты С. Яворский и Ф. Прокопович. Как вы думаете, на каком языке писали и говорили в Москве интеллектуалы, призванные просвещать малограмотную московскую боярскую и купеческую элиту? – Правильно, на украинском. На древнем языке, впитавшем в себя колорит и языково-смысловое богатство скифо-трипольской цивилизации, которая обозначила свое существование еще в VI тыс. до нашей эры!

И хотя после известных событий с Мазепой русское самодержавие неоднократно запрещало украинский язык, он вошел в тело русского языка, чтобы впоследствии из него выйти и продолжить свой тысячелетний путь во Времени и Пространстве. Но перед тем он активно разложил российский имперский дух изнутри, показав его гнилое и продажное нутро. Один только Гоголь с его «Мертвыми душами» чего стоит. Недаром же его так ненавидел Белинский! Кроме Гоголя, среди украинцев мы можем назвать гениального А. Чехова, который писал в своей автобиографии, что он родом из «живописного украинского города Таганрога». Если мало – добавим яркую и неповторимую Ахматову (Горенко), которая ужасно не любила слово «поэтесса» и требовала, чтобы ее именовали «поэтом». Все это люди, которые принадлежат к элите русской литературы. В этот же список мы можем дописать блистательных евреев и немцев Мандельштама, Пастернака, Булгакова, Блока и т. д. В целом же мы

имеем все основания утверждать, что русская литература создана преимущественно украинцами, евреями и, безусловно, одним этническим негром – Пушкиным...».

Вот так, ни больше – ни меньше!

Ситуация глупейшая. Спорить с этим бредом – глупо, потому как, опровергая глупость и бред, опускаешься до уровня базарной склоки, пытаешься аргументированно доказать что-то противной стороне, получаешь в ответ сильнодействующую в подобных случаях фразу: «Не оправдывайся!».

С другой стороны, не противодействуя этому, получаем ещё более «достойное» продолжение, ведь и свастику, согласно «ббик-истории», придумали тоже украинцы ещё в Мезинской культуре. И неслучайно ещё в 1939 году, согласно украинским СМИ, Гитлер заявил: «Душа болить, коли бачимо страждання благородного українського народу і народів Кавказу. Настав час для створення спільної української держави!»

За всем этим вспоминаются невольно фразы из характеристик нацистских преступников: «Истинный ариец. Характер спокойный, нордический...». Наверное, в личных делах всех этих турчиновых, яценюков, порошенок и прочих майданят уже написано: «Истинный великий укр...», ну и так далее...

12 мая. Ближе к обеду вернулись Костя с Ольгой. У Ольги опять собеседование в Севастополе...

После собеседования мы посетили Херсонес. Да и грех было не посетить, поскольку находились именно в этом районе Севастополя.

Конечно, новый Свято-Владимирский кафедральный собор и сами развалины города – одни из главных достопримечательностей города. Собор красив и величествен, а здешним руинам почти 2 тысячи лет, и их история – это часть общей истории Древней Греции, Древнего Рима и Византии. Тогда, давным-давно, окрестности города населяли различные племена, как мирные, так и враждебные, а когда Херсонес стал христианской столицей полуострова, вокруг него возникло большое количество монастырей и скитов, в том числе и знаменитые пещерные города, подобные инкерманскому. В конце XIV века набег кочевников положил конец существованию Херсонеса, и руины его скрыла земля.

Интересен и такой факт, Херсонес, он же Корсунь, – тот самый греческий город, который киевский князь Владимир сначала осаждал, а потом там же и принял крещение, чтобы на царевне греческой Анне жениться. Как сказано о том в «Повести временных лет»: «Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака...»

По моему глубокому убеждению, большинство великих событий истории имеют под собой чаще всего какую-нибудь личностную подоплёку, либо это чувство, либо корысть, либо ещё что... Ведь и нынешняя украинская власть, которая творит все эти бесчинства по отношению к собственному народу не потому, что они действительно за украинское государство радеют? Каждый из этих «укров» в нынешней украинской мутной воде старается свою золотую рыбку выловить...

...Вечером мы беседуем с Костей на веранде за сигаретой и рюмкой водки. Веранда сделана во французском стиле, то есть две стены – прозрачные, сквозь них видно всё, что происходит там, на улице, буквально в метре от тебя.

Беседа дружеская и достаточно откровенна. Речь вновь о происходящем на Украине последние полтора года. Костя называет всё своими именами и старается говорить точными, выверенными фразами. Получается своеобразное мини-интервью, на мой взгляд, достаточно интересное:

– Костя, как и почему ты оказался в Крыму?

– В Крым я уехал в июне прошлого года по двум причинам. Первое – мне грозил арест, о чём я был предупреждён друзьями, второе – это болезнь, которая требовала серьёзного санаторного лечения. Понятно, если друзья говорят о том, что нужно уезжать, и это друзья из СБУ, и этого же требует моё физическое состояние, правильнее всего было бы этим воспользоваться. Что я и сделал. С тех пор нахожусь в Крыму, и, думаю, моё отсутствие в Украине выгодно киевскому режиму.

А недавнее убийство Олеса Бузины – яркое подтверждение моей правоты, люди с другим восприятием нынешней украинской действительности украинскому режиму нынче не нужны вообще. Ведь известно, что любая диктатура стоит на отсутствии инакомыслия, либо на его лёгком декоративном присутствии в небольших допустимых пределах для создания видимости демократии...

– В чём лично ты не согласен с сегодняшним киевским режимом?

– Моё несогласие с сегодняшним положением дел состоит в том, что я принципиально не признаю государственный переворот, который произошёл в феврале прошлого года в Украине, соответственно, и нынешнюю власть, и её легитимность.

– То есть их для тебя – нет?

– Лично для меня – их нет. Для меня есть самозванцы, которые взяли власть в свои руки насильственным путём и всячески укрепляют её по мере своих возможностей. Я бы сказал так, конечно, изнасиловать страну можно, но это не значит, что страна тебя полюбит.

– А почему такое стало возможно? Я имею в виду возможность так явно и нагло выдавать желаемое за действительное. Как это «прокатило»?

– Есть один момент, который мало известен российской прессе. Их правление было легитимизировано Верховной радой, которая приняла решение после панического отступления президента Януковича, что к власти приходят новые люди. В их числе: исполняющий обязанности президента Турчинов, исполняющий обязанности... Яценюк и другие, которые, легитимизировав свою власть Верховной радой – был такой переходный период, довольно хитрый и лживый, начали воплощать вполне «людоедские» операции по укрощению востока Украины.

Как раз здесь, в этом переходе, и состоит главное противоречие в трактовке событий. Сторонники переворота говорят о том, что смена власти была легитимизирована представительным органом – вполне легитимной на то время Верховной радой. Противники указывают на то, что депутаты принимали решения под дулами автоматов, под жесточайшим давлением толпы на майдане и потому были абсолютно не вольны в своём «волеизъявлении». Не говоря уже о том, что некоторых просто насильно доставляли в зал Верховной рады...

– И ради чего это всё?

– И Турчинов, и Яценюк, и Порошенко, и другие киевские «людоеды» обладают инструментарием, которым располагает любое государство для достижения своих целей. У них была задача взять власть, и они её взяли...

– Задача от кого?

– У нынешних киевских фигурантов кроме некоей западной влияющей хватало и своей ненависти и алчности. Украинская политическая борьба существует давно, она напряжённая, исступлённая, и борьба здесь идёт на огромные десятки и даже сотни миллионов любых известных денег.

В данном случае на стороне одной из партий выступили Соединённые Штаты Америки и Европа. Они поддержали переворот материально, морально и организационно. Они выиграли. Победитель не платит по счетам. Платят проигравшие. Так, состояние олигарха Ахметова уменьшилось в три раза, Фиртоша – в два раза... Это значит, что они заплатили за победу своих оппонентов.

Что касательно самого переворота, его с большой натяжкой можно назвать осуществившимся. Избран некий президент, проведены какие-то переизборы, произошла какая-то перезагрузка власти. Но всё это не стало легитимным как минимум в глазах пятидесяти процентов людей...

– Скажи, а люди нынешней украинской властной верхушки – люди вменяемые? То есть ведают, что творят?

– Дело в том, что любая политическая игра и подразумевает вменяемость игроков. Да и Турчинов, и Яценюк, и Порошенко вполне вменяемые по-

литики. Другое дело, что действуют они сегодня по логике преступника, который понимает, что либо ему удастся довести до конца своё преступление, либо придётся отвечать за содеянное. Третьего не дано...

Вот такие беседы за сигаретой и за рюмкой водки. Надеюсь, это не вальяжные рассуждения двух «умников» о чём-то стороннем, то есть не нечто подобное троллингу на сайте «Бийского рабочего»... Скажу только, меня действительно искренне волнует судьба Украины, о которой у меня самые светлые воспоминания, волнует судьба Кости и Ольги и многих других моих украинских знакомых... Что касается Кости – это он внешне держится таким молодцом, представляю, что сейчас у него внутри творится...

Пока мы беседовали, вдоль окон нашей французской веранды несколько раз провояжировал туда-сюда грязный, лохматый, но абсолютно белосерстный кот. Интересно, один глаз у него был бесно-голубой, второй – темно-зелёный. Он даже подошёл к двери, попробовал её лапой похозяйски, совершенно не обращая внимания на нас – не иначе, бывал уже здесь, но дверь не поддавалась. Тогда он разноглазо и зло зыркнул на нас сквозь стеклянную стенку и гордо удалился восвояси.

– Каков! – заметил Костя. – Буду звать его Укроп.

– Почему Укроп? – поинтересовался я.

– Такой же злой и наглый...

Вообще-то я против всяческих ярлыков, тем более вроде таких – «укроп», «колорад», «ватник», но в данном контексте Костины эмоции вполне понятны для меня. Недавно в разговоре он заметил с досадой: «Для них мы почему-то укропы. Непонятно мне такое отношение». Речь у нас, помнится, шла о крымских чиновниках, точнее об их отношении к вынужденным переселенцам с Украины, особенно, когда дело касается вопросов их пребывания в России и... недвижимости. Как говаривал булгаковский Воланд, люди – тем более чиновники – ничуть не изменились, вот «квартирный вопрос только испортил их...».

13 мая. С утра у Кости возникло непреодолимое желание продолжить моё патриотическое воспитание. Поехали с ним на Сапун-гору, там огромный мемориальный комплекс и диорама «Штурм Сапун-горы».

При освобождении Севастополя Сапун-гора являлась наиболее укреплённым местом во всей немецкой обороне. На ней были оборудованы десятки дотов, многоярусные траншеи и несметное количество артиллерийских и пулемётных точек. Несмотря на такую подавляющую огневую мощь и господствующую высоту, это не остановило советские войска 51-й и Приморской армий, они овладели Сапун-горой 7 мая 1944 года.

Когда смотришь с высоты смотровой площадки на панораму вокруг горы, невольно поражаешься бесстрашию и подвигу тех, кто с автоматами и винтовками карабкался на штурм по этим крутым склонам навстречу шквальному огню. В память о героических подвигах командиров и солдат Советской армии и был воздвигнут этот грандиозный мемориальный комплекс, состоящий из аллеи с часовой, Вечного огня у мемориала «Героям битвы за Севастополь». На этом мемориале высечены имена 240 человек – Героев Советского Союза, получивших это звание за освобождение Севастополя. А Вечный огонь здесь зажжён 9 мая 1970 года от факела, доставленного с Малахова кургана. Здесь же, неподалёку, на смотровой площадке выставлены образцы советской и немецкой военной техники времен Великой Отечественной войны и находится собственно сама диорама.

Здание диорамы подразделяется на несколько залов: экспозиция «Оборона Севастополя 1941–1942 годов», «Освобождение Крыма и Севастополя в апреле и мае 1944 года». В одном зале увидел статуэтку, которая, судя по подписи, стояла в рейхсканцелярии на столе у Гитлера. Сюда она попала, видимо, как трофей победителей, уже после войны, так же, как и замок от ворот Рейхстага в нашем Бийском краеведческом музее. И, конечно, центром диорамы является живописный шедевр «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года» с объёмно-предметным передним планом. Причём многих героев композиции художники изобразили с конкретных портретов героев этого сражения. Когда экскурсовод, рассказав о создании этого шедевра, включает световую иллюминацию и звуковое сопровождение боя, невольно внутри возникает ощущение, что ты находишься там – в 1944-м...

14 мая. Побывали на мысе Фиолент, где некогда сам Александр Сергеевич Пушкин морем любовался, когда заночевал по пути в Гурзуф в Георгиевском монастыре. Недаром место это считается одним из самых живописных мест Крымского полуострова. Появился мыс, как написано в путеводителях, «в результате действия древнего вулкана 150 миллионов лет назад» и состоит в основном из вулканических пород. По обе стороны от него видны окаменевшие потоки лавы.

В разные времена он был известен под различными названиями. Самое древнее название мыса Партениум, связанное с древнегреческим мифом об Ифигении, которая была принесена сюда Артемидой, чтобы стать жрицей в храме Девы. Название мыс Святого Георгия тоже связано с преданием. Как-то давно у этого мыса потерпел крушение греческий корабль, и тонущим морякам явился святой Георгий, в честь которого выжившие моряки осно-

вали на этих скалах в 891 году Свято-Георгиевский монастырь. Монастырю же мыс обязан ещё одним своим названием – Манастир-Бурун, что с крымско-татарского дословно переводится «Монастырь-Мыс».

В 1807 году на русских картах впервые появилось название «мыс Фиолент». По одной из версий, название Фиолент связано с греческим выражением «Божия страна», по другой – из-за частых штормов в этом районе связано с итальянским «violente» – неистовый. Есть и турецкая версия от слова «felenk», что означает скат для спуска судов на воду.

Первое упоминание о существовании на мысе Фиолент Георгиевского монастыря встречаем у польского писателя и дипломата Мартина Броневского в 1578 году. С самого момента основания обителью управляли епископы Херсонеса, а с 1304 года она перешла в собственность готфских святителей. С 1475 по 1794 год монастырь пребывал во владении Патриарха Константинопольского, а затем перешёл под крыло Святейшего синода Русской православной церкви. 23 марта 1806 года в монастыре стали готовить капелланов для Черноморского флота. В 1891 году в честь тысячелетия монастыря на скале Святого Явления, той самой, где явился греческим мореплавателям святой Георгий, был установлен огромный крест с изображением Георгия Победоносца, на кресте была обозначена дата 891–1891. К сожалению, до сегодняшних дней крест не сохранился. В 1924 году монастырь был закрыт, а в его строениях разместили воинскую часть Черноморского флота.

Возрождение монастыря началось в 90-х годах XX века. Была возвращена в монастырское владение часть былых его территорий, примыкающих к морю, где находится древний пещерный храм святого Георгия. В 1991 году на скале Святого Явления совместными усилиями Церкви и Черноморского флота водрузили новый семиметровый крест весом почти полторы тонны...

15 мая. Костю как автора «Опасной книги», по которой был снят документальный фильм, пригласили вечером в мемориальный комплекс «35-я береговая батарея» на церемонию закрытия X фестиваля документального кино «Победили вместе!». Фильм был показан на фестивале в числе прочих в одной из номинаций. Пользуясь случаем, приведу цитату из Костиной «Опасной книги»: «Колоссальной бедой для всего мира обернулись прекрасная выучка и боевое искусство солдат Третьего рейха. Но ещё страшнее была их искренняя убеждённость в своей правоте, воспитанная нацистским режимом за такой невероятно короткий срок». А то, что сегодня мы видим в Украине, не повторение ли пройденного?»

В целом в рамках фестиваля прошли открытые показы фильмов, творческие встречи, экскурсии и круглые столы. На суд жюри и зрителей были представлены более сотни фильмов на военно-патриотические темы. Авторы, режиссёры, продюсеры, кинокритики... Из Армении, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, России, Абхазии и других стран... А 15 мая состоялось торжественное награждение победителей, именно здесь, на территории мемориального комплекса «35-я береговая батарея», которая в годы Великой Отечественной войны была буквально сравнена с землей, но героические защитники её держались до последнего...

Символично. Ведь сегодня только мемориалы напоминают севастопольцам, да и не только им, о тех страшных днях, когда знаменитый город-крепость практически лежал в руинах, а каждый метр земли был усеян сотнями осколков и буквально пропитан человеческой кровью.

Именно здесь, на территории этого фортификационного сооружения главной базы Черноморского флота, завершилась драматическая эпопея обороны Севастополя. Чтобы было понятней, что это за сооружение, немного цифр: комплекс батареи состоял из двух бетонных блоков, соединённых потерной, в каждом блоке была установлена 305-миллиметровая двухорудийная башенная установка, толщина вертикальной брони башни составляла 305 миллиметров, а толщина верхней части – 203 миллиметра. Бетонные колодцы башен были облицованы броневой кирасой толщиной 305 миллиметров. Управление огнём осуществлялось из двух командных постов, удалённых соответственно на 450 и 200 метров от орудийных блоков. Жилые и санитарно-бытовые помещения батареи были рассчитаны на длительное пребывание 350 человек. Для приготовления пищи был оборудован камбуз с электрическими плитами и холодильной камерой. Для размещения личного состава батареи в мирное время в 3,5 километрах от огневой позиции был построен жилой городок. За семь месяцев обороны Севастополя батарея провела 59 стрельб по противнику, из них 43 – по площади и разным точкам. Всего израсходовано 458 выстрелов, две стрельбы проведены на дистанцию 87 кабельтовых, остальные на дистанцию более 130–144 кабельтовых.

...Ночью 1 июля 1942 года группа немецких автоматчиков прорвалась в район батареи между башенными блоками и правым командным пунктом. Командир батареи приказал личному составу командного пункта вывести из строя все оборудование и приборы управления стрельбой и отойти в массив батареи. 2 июля в 0 часов 35 минут с разрешения генерал-майора П. Г. Новикова личный состав батареи приготовленной взрывчаткой и глубинными бомбами взорвал погреба боезапаса и

первую башню; после уничтожения аппаратуры связи, оборудования и приборов управления стрельбой в 2 часа 30 минут была взорвана вторая башня. Батарея прекратила своё существование...

...В результате строительного бума 2000-х над территорией батареи нависла угроза уничтожения. Расположенная в районе уникальной Голубой бухты, она представляла из себя лакомый кусочек земли для строительства частных гостиниц и пансионатов. С целью сохранения памяти для потомков в июне 2007 года группой севастопольцев была создана общественная организация «Учреждение объединения граждан «35-я береговая батарея», которой удалось выиграть конкурс и получить земельный участок под сооружение музейно-мемориального комплекса. Как здесь не вспомнить название фестиваля «Победили вместе!»...

...Поздравления, выступления, ролики с хроникой фестиваля, награждение... Домой вернулись поздно ночью, уже далеко за двенадцать...

16 мая. Видимо, чтобы хоть как-то демилитаризовать мои окончательные впечатления от Крыма, утром Костя сжалился и предложил мне съездить на экскурсию в уникальный природный заповедник в Алуште. Этакий горно-лесной массив, на территории которого находится действующий мужской Косьмо-Дамиановский монастырь и уникальное форелевое хозяйство. Замечу, что до полной демилитаризации дело не дошло, ибо Костя всё-таки проговорился, что на протяжении всей Великой Отечественной в этих лесах активно воевали крымские партизаны.

...Отдельного рассказа заслуживает наша поездка по этим узким серпантинам, когда с одной стороны лесистая гора уходит резко вверх, иногда чередуясь с отвесными скалами, а со второй – пропасть, свалишься туда, точно косточек не соберёшь. Видели сверху и Алуштинское водохранилище – огромный резервуар пресной воды, проблема снабжения пресной водой актуальна сегодня для Крыма. Сама же дорога по территории заповедника – чуть шире машины и извилиста, как змея, невольно постоянно в голове мелькает мысль, а вдруг из-за вон того поворота выскочит встречная, не разъехаться... Встречная всё-таки была, с Божией помощью как-то разминулись, я даже, честно говоря, не понял, как...

Сам Косьмо-Дамиановский монастырь расположен в ущелье. Основан он, как гласит житие святых, в 1856 году. А ещё раньше бессребреники и чудотворцы Косьма и Дамиан в III веке были сосланы римским императором в Крым. Их молитвами в этом ущелье из земли забили два источника с чистой ключевой водой. После возвращения в Рим

братья приняли мученическую смерть, а вода в источниках с тех пор стала целебной.

Родники эти привлекали множество паломников, и вокруг них постепенно образовалась небольшая обитель. Позже в монастырь, расположенный в живописном ущелье, неоднократно наведывались для молебна многие российские императоры, часто бывал здесь и Николай II... А 1 мая 2003 года монастырь посетили тогдашний президент Украины Леонид Кучма и президент России Владимир Путин. Во время того посещения Кучма выразил желание передать монастырю землю, а Путин – восстановить один из разрушенных храмов. Как нам с Костей рассказала одна из паломниц, визит этот помнят и сегодня, помнят и слова Путина и надеются... Оба родника на территории монастыря находятся в том же состоянии, что и много веков назад, правда, один из них нынче укрывает часовня...

Здесь же в ущелье, ниже по течению небольшой горной речушки, находится форелевое хозяйство. Журчащая река, свежий воздух, а за мостиком несколько прудов с плавающими рыбами. В каждом пруду форель определённого возраста: где-то совсем мальки, где-то молодняк побольше, а в самом крайнем мы увидели красивых, больших особей...

Конечно, я знал, что рыбалка в заповеднике запрещена, но как настоящий рыбак спросил у работника форелевого хозяйства – ловятся ли такие в реке.

– Конечно, – уверенно ответил он. – В каждом омуте по несколько штук сидит...

Может, соврал, конечно, как рыбак рыбаку. А может, и правда, стоят под каждым камнем такие вот огромные радужные рыбины и глядят на нас оттуда из глубины своими внимательными форельными глазами...

...Когда вечером все вместе – Костя, Ольга и я – пошли прощаться с морем, навстречу попалась молодая женщина с девочкой лет десяти. Женщина шла на костылях, а девочка всё обращалась к ней: «Мама, мама...». Значит – дочь.

Всё выспрашивала у матери:

– Мам, а когда папа звонить будет? А ты у него спросишь про...

– Вечером должен позвонить. Конечно спрошу. Да ты и сама спросишь...

Как мне рассказали мои крымские друзья, две женщины с детьми, в том числе и эта, они из Донецка, живут в том же доме, что и Костя с Ольгой, точнее снимают там квартиру. А их мужья в Донецке, воюют в ополчении, защищают свою землю и своё право жить мирно на этой земле.

Таким вот в памяти отложился последний штрих уходящего Крыма, с которым уже скоро предстояло попрощаться вновь...

Константин КЕВОРКЯН

ВЗГЛЯД СО СПИНЫ

памяти отца

Я показывал детям – Артёму и Арсению – могилу их деда. Наш маленький некрополь пестрел фамилиями Кеворкян. Я рассказывал, кто и кем приходился моим сыновьям. Из них только своего дедушку Эрика, Эрванта Тиграновича Кеворкяна, они знали лично. И, насколько я мог понять, любили и уважали. Насколько могут любить и уважать дети в свои шесть-семь лет. Они чувствовали в нём родоначальника, старейшину. Теперь он умер. За старшего – я.

Я сел за руль, продолжая рассказывать что-то семейное и назидательное, дети расположились на заднем сидении, и мы тронулись. Проехали немного, и вдруг я отчётливо понял, что тоже значительную часть детства видел своего отца вот так – со спины. Как видят сейчас меня мои дети. Либо он был сам за рулём, либо располагался рядом с водителем служебной машины, и мы куда-то ехали. Часто – на объекты, которые он возводил, будучи руководителем очередного строительства. И тогда в машине галдела рация, редкая по тем временам диковинка. Или мчались на дачу, и тогда рядом с отцом был кто-то из его многочисленных друзей. Папа, пользуясь короткими встречами, пытался рассказать о нашем городе, где вырос и его отец, родился он, о своей работе, интересовался, как дела в школе...

Дела шли скверно. Родителей я не радовал и вылетал из разных школ, как пробка из бутылки. Отец очень переживал, а ведь то были только цветочки. В ягодку я превратился аккурат к разгулу «андроповщины» – когда по всей стране шли облавы и задержания. Задержали и меня, прихватили в модной кофейне. Арестовали в удивительно живописном наряде – широкополая шляпа, чёрный свитер, чёрные узкие штаны, высокие чёрные ботинки, многометровый намотанный на шею шарф и здоровенная булава в ухе. Под свитером таился гипсовый корсет на всё туловище – незадолго до того я вылетел

из окна четвёртого этажа и получил компрессионный перелом позвоночника. Ну а сам гипс был живописно раскрашен друзьями, расписан помадой девушками и обклеен антисоветскими листовками.

Время было суровое, но даже тогда один из кагэбэшников заколебался – стоит ли связываться с таким чучелом. Он спросил у напарника: «Может, отпустим? Отец всё-таки уважаемый человек». Второй плотоядно улыбнулся: «Кончилось их время!» И я остро прочувствовал, насколько серьёзно подвёл собственного отца.

У отца, приехавшего по вызову в КГБ забирать сына, был измученный и больной вид. Тяжёлая сцена случилась потом, уже возле подъезда дома. «Ты думаешь – это ты Кеворкян? Это я Кеворкян!» – кричал отец. Что в переводе на понятный язык означало следующее: я с утра до вечера тружусь, ты, бездельник, ни черта не делаешь, изображаешь из себя непризнанного гения, говнюк, а мне выгрести – человеку заслуженному и честному! Всё это было правда, и едкий стыд до сих пор жжёт мою память. Но понадобился ещё не один удар жизни, ещё не одна пощечина, чтобы я сцепил зубы, сосредоточился и занялся своим делом.

Много позже, в какой-то компании у отца спросили: «А не папа ли вы известного журналиста Кеворкяна?» Вопрос застал его врасплох, но он был счастлив. Началась новая эпоха, когда сына признавали не по заслугам отца. Раздаривая мои книги своим друзьям, он весело подписывал: «От отца автора...».

Теперь его нет, за старшего я. Мои дети видят меня со спины – хватило бы времени взглянуть друг другу в глаза. Артём признался, что видел дедушку во сне. Мол, дедушка сказал ему: «Очень скучно у вас на земле, а я тут летаю, летаю, летаю!..»

Ты всегда будешь старше меня...

2013 г.

ЧУВСТВА

I

Почти тридцать лет назад, когда только начиналась «андроповщина», чрезвычайно популярен стал анекдот – диктор советского телевидения поздравляет граждан СССР в канун новогоднего праздника: «Уважаемые товарищи, поздравляю вас с новым... 1937 годом».

В 1984 году я был слишком юн для истинного понимания, что такое на самом деле пресловутый

КЕВОРКЯН Константин Эрвантович родился в 1966 году на Украине, до недавнего времени жил в Харькове. Окончил московский Литературный институт (семинар Владимира Орлова). Профессиональный журналист, 23 года вёл старейшую программу украинского независимого телевидения «Первая Столица», посвящённую истории и культуре Харькова. Более 20 лет является депутатом Харьковского городского совета. Лауреат многочисленных телефестивалей и автор нескольких публицистических книг. Высказывал резкое и публичное несогласие с государственным переворотом на Украине, был исключен из Национального союза журналистов Украины и под угрозой ареста вынужден эмигрировать. В настоящее время проживает на территории России. Член Союза писателей Москвы.

«тридцать седьмой год» – тема сталинских репрессий в советских школах почти не изучалась, а родители помалкивали. Так, дедушка кое-что обронил. Но я помню холодный генетический страх, которым пахнуло на меня, подростка, от этого мрачного анекдота, от этого юмора висельников.

И вот на дворе год 2014-й, прошло три десятка лет. Я, идя по нарядному и весеннему Партеиту, вдруг поймал себя на мысли, что брежу мрачнее тучи в этот яркий нежаркий весенний день. Меня не радовала Медведь-гора, не любовали глаз стройные кипарисы, я шагал сквозь ласковый мир и не замечал его. Мне было страшно. Получив утреннюю порцию новостей о том, что происходит на родине – о новых трупах, о безумии политиков, о всевластии неонацистов – я вдруг исчерпал лимит философского спокойствия. Шесть месяцев революционного психоза и новые аресты знакомых мне людей сделали своё дело. Я испугался. Как быстро народ превращается в толпу, как особи, считающие себя образованными и интеллигентными, легко готовы предавать других людей и прославлять людоедство! И бесконечные, исполненные лживого патриотизма доносы. Доносы в социальных сетях, публичные доносы с экрана, тайные доносы на раскалившиеся телефоны спецслужб... Вакханалия стукачества.

Страна идёт к войне – весь мой опыт и чувства вопили о том. И скоро возвращаться – из безопасного Крыма, от бирюзового моря, туда, в сумрачную неопределённость. Я пытался собрать всё своё мужество, но страх обречённого перехватил дыхание, и я не мог его преодолеть. Не мог признаться самому себе в том, что я боюсь Неизвестности. И бежать мне некуда. Страшное чувство тридцать седьмого года. От старого полузабытого анекдота, который я считал давней историей, повеяло скорым будущим.

Пытаясь найти успокоение, я пошел к морю. На нём стоял небывалый штиль. Ни ветерка, ни волны, ни шероховатости – просто чистая холодная гладь. Словно через увеличительное стекло были даже видны мельчайшие камешки на дне... Только будущего было не видеть.

II

Он мне позвонил в апреле – события на Восточной Украине уже начали окрашиваться кровью. В феврале после стрельбы на майдане мы с ним почти поругались, ибо у каждого была своя точка зрения на произошедшее. Потому его звонок стал неожиданностью:

– Я хочу приехать и во всём разобраться.

– Разумеется, приезжай, – ответил я.

Встретились мы сдержанно. Каждый был готов спорить и доказывать свою правоту. Осторожно, стараясь ненароком не оскорбить друг друга, мы го-

ворили о происходящем. И ему, и мне было понятно, что действует сторонняя сила – направляющая и убивающая, но мы расходились в объяснениях её появления. Наша аккуратность в беседе диктовалась чувством страха: буквально одно неосторожное слово, и многолетняя дружба будет разорвана, выброшена на свалку, как старая рваная тряпка.

– Это страну уже не шить, надо разводиться! – мне показалось, что я ослышался. Что говорит ярый патриот, плоть от плоти Площади, один из её главных идеологов?!

– Но ты же побоишься об этом написать...

– Не побоюсь, – запальчиво выкрикнул он. И дальше уже не сдерживаясь:

– Но, предупреждаю, если «твои» пойдут дальше, я возьму в руки оружие и буду стрелять!

На последнем слове он сорвался почти в писк и закашлялся.

На прощание мы молча обнялись. В стране начиналась гражданская война.

III

Я ехал поездом в Москву и очень переживал, не возникнет ли проблем на границе? В Харькове люди митинговали, на Донбассе люди стреляли, в Одессе людей жгли. Однако границу я прошёл на удивление спокойно – обычная неприятная процедура сверки гражданина и его изображения: многозначительное топтание пальцами по клавиатуре, будто в этом электронном устройстве и таится вся правда обо мне. Экая глупость!

Отъехав от Белгорода уже порядочное расстояние и окончательно убедившись, что еду в купе один (поезда в это тревожное время ходили полупустые), я извлёк записку. Восхитительное чувство уединения и миновавшей опасности подкрепил богатырским глотком припасённого коньяку, намереваясь безмятежно уснуть.

Расстелился, но сон не шёл. Поезд трясся и дрожал, лязг колёс и ослепительный свет пролетающих станционных фонарей не давал заснуть, и неожиданное острое чувство тоски пронзило меня. Сначала просто уколело, а потом и навалилось всей силой. В лязге железа мне услышался стук колёс поездов далёкого восемнадцатого, девятнадцатого годов, мечты их испуганных пассажиров о спасении где-то за безопасным рубежом. Подумать только: сто лет – и те же чувства страха, недоумения, неизвестности... И в тревожном свете фонарей мне почудились крымские маяки, остававшиеся на родных берегах, – последнее, что видели эмигранты. И чувство полной безысходности. Было всё – и не осталось ничего.

Только сейчас я понял, насколько измотан – физически и душевно. Выпил ещё и заснул. Как убитый.

Май 2014 г.

Виктор КОНЯЕВ

ПОДСТРЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ (ВЗГЛЯД ВЫШЕ ПРИЦЕЛА)

Какой же русский не любит быстрой езды? Всякий любит. А какой же русский не любит Гоголя? Всенепременно всякий, если он прочитал в детстве или юности «Вечера на хуторе...», «Сорочинскую ярмарку», «Вия», «Тараса Бульбу» или смотрел советские кинофильмы по этим произведениям. Потому что Николай Васильевич мощью своего таланта влюбил всю Россию в жителей Малороссии: работящих и леноватых, щедрых и скуповатых, суеверных и набожных, лукавых и выпивох. Он показал их своеобразие, но вместе с тем чётко обозначил кровное единство Малороссии со всем безбрежным русским миром. Как позже другой Мастер, Михаил Александрович Шолохов, заставил весь Советский Союз сопереживать донским казакам, но и показал неотделимость казачества от России. Ведь ещё свежи были в памяти многих события Гражданской войны, в начале которой область Всевеликого войска донского объявляла себя независимым государством и даже не русским (!), а потом хлебнула полной мерой кровушки за это – за предательство сущности своей.

В том-то и величие наших классиков, что они через жизнь и судьбу какой-нибудь сопливой Глашки или чумазого Гришки, через их становление как личностей, через их страдания, через их смех и слёзы раскрывают читателям судьбы целых поколений и государств.

...Так и жила Малороссия, нежась в любви необъятной Россиюшки, вместе со всей империей, будучи родной среди родных, как и Русь Белая, и как Брянщина со Смоленщиной, да и как Сибирь с Востоком самым Дальним.

Семнадцатый год стал моментом истины для всего человечества, но для России особо, ибо она в полной мере встала пред самым страшным искушением – свободой.

И встали все народы её, и племена, и встал каждый человек. **Можно было не подчиняться власти, потому что она была слаба, не соблюдать законы и отвергнуть нормы морали. Можно было всё! Даже отвергнуть образ Божий, совлекая при этом с себя образ человеческий и возревнуя об образе зверином.** В такие моменты

Истории проявляется истинная суть человека, вовлечённого в грандиозные события, суть, в обычной жизни запрятанная глубоко, и человек встаёт на сторону Добра или зла, того, к чему у него было влечение и к чему он неосознанно подготавливался всею предыдущей жизнью.

Исторические вихри выносят на вершину власти людей всяких, но чаще пассионарных, ищущих вихревые потоки истории, а дальше они сами начинают творить Историю, творить в соответствии со своими представлениями о Добре и зле, при мощном искушении мнимой свободой. Однако при всей своей пассионарности они всё же творят в направлении, угодном группам людей, вознесших их на гребень волны.

...Уже в июне семнадцатого Керенский подписал протокол о признании генерального секретариата Центральной рады Украины, то есть Россия в лице Временного правительства признавала национальную автономию своей единокровной Малороссии. И ведь все прекрасно понимали, что это первый шаг к независимости от русской империи.

Сразу с этого и понеслась Украина по ухабам и колдобинам истории вскачь, взбрыкивая и лягаясь, как коза, которой сунули уголёк в подхвостье. Пожалуй, неплохой образ нечаянно свалившейся свободы неподготовленному существу или сообществу, такая свобода может довести и до беды, как ту козу, которая от боли в нежном месте свалилась с обрыва в реку и едва не утопла, зато уголёк потух и в голове прояснилось.

Читатель, заметьте, с семнадцатого года самоназвание российской провинции Малороссии меняется, и кардинально, она уже не милая Окр йна и не Укр йна, а какая-то надменная Украина. Даже простая смена ударения изменила смысл понятия – это был акт отталкивания от России. Потом, через семь десятков лет, появятся древние укры, от которых и произошло всё остальное человечество. От запаха крови помутившийся разумом юный национализм бредоватости таких заявлений не замечает, тем более он сам является бредом нездорового сознания.

...Такой чехарды правительств и правителей не видела ни одна часть российской империи за всю Гражданскую войну. Раду сменил гетман Скоропадский, однако, одновременно с Радой и объявленной ею Украинской Народной Республикой (УНР) существовала УНР советская, с центром в Харькове. Перед своим падением, 25 января 1918 года, Рада успела объявить полную независимость УНР от России и поучаствовать в брестских переговорах, где заключила сепаратный мир с Германией и договор с ней подписала, по которому немцы обязывались помочь Украине изгнать большевиков. Но вероломные немцы сменили Раду на своего ставленника Скоропадского. Потом была Директория, из

которой вырос Петлюра. Петлюра сформировал целые полки сечевиков, чистых украинцев, и они воевали за «вильну» Украину. А ещё был батька Махно, кстати, очень популярный среди зажиточных хуторян Малороссии, с его вольницей, очень напоминающей войско Запорожской Сечи, и с идеями об украинстве.

Получается, уже воспиталось целое поколение людей, видящих свою судьбу раздельной с Россией. Сбылось предсказание П. Н. Дурново в его знаменитой записке: «Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров». Благоприятные условия создали война и революция.

А вот откуда возник зародыш, кто его породил и с какими целями?

Попытаемся ответить на этот наиглавнейший вопрос, а ответив на него, можно выстроить правильную линию поведения.

Взглянем вглубь истории той земли, которая ныне называется Украина. Была Киевская Русь, но в 1240 году монголы взяли Киев, и государство единое кончилось. Разошлись пути ветвей одного народа навеки! В 1245 году Даниил Романович, князь Волыньско-Галицкий, принял от папы корону в обмен на сдачу православия в унию. Червлёная Русь ушла из веры православной, увеличи её. Через 80 лет она освободилась от власти монголов и попала под власть Польши, отныне русские стали для галичан, как и для поляков, схизматиками, хуже язычников. Не сразу это случилось, конечно же, годы должны были пройти, смениться поколения, но главное было сделано – Червлёную Русь оторвали от Русского мира. Оторвали?! А почему Русь Белую не оторвали, хотя ещё как рвали? А может, была гнильца в душах галичан, не вопреки воле всего народа так поступил Даниил Романович, поддержали же его очень многие. Было сопротивление принятию унии, причём очень сильное, но всё же, всё же!

Если вера созвучна душе человеческой, если она ложится на душу, как песня, то её потом не выскребешь железом, не выжжешь огнём. Россия веками отстаивала своё православие мечом, жила с ним и мужала.

Армянский народ сколько веков, да уже два тысячелетия сохраняет христианство в непрестанной борьбе с иноверцами. А Галиция приняла унию! Почему? Причин много, да все они так ли важны? Нет, важны, ведь они формировали характер народа, его нравственную основу.

Киев после освобождения от монголов вместе с прилегающими землями вошёл в Великое Княже-

ство Литовское, бывшее составной частью Речи Посполитой. И веками жил в польско-русском мире. Каждый народ на протяжении своей истории вырабатывал какие-то типические черты характера, приобретал и специфические пороки, называемые родовым грехом, которые накапливались в генофонде и передавались потомкам. Вероятно, от поляков нынешние украинцы унаследовали непостоянство, ну и, конечно же, знаменитый польский гонор (это когда в брюхе – щёлк, а на брюхе – шёлк). Ну а Запорожская Сечь за два с половиной века существования разве не накопила своих родовых грехов и не передала их по наследству? И накопила, и передала.

Проституция бывает не только физическая или политическая, она бывает всякая, ибо это может быть и чертой характера, и даже формой существования человека или сообщества людей.

Сечь частенько служила тому, кто готов был больше заплатить в конкретный момент, она воевала и за интересы Польши, и во славу турецкого султана, не гнушалась брать золото от крымских ханов и от московских царей. Эта родовая черта, непостоянство, присутствует в характере малороссов, как в ветви народа русского, когда они живут наособицу, и часто отсутствует у украинца, когда он живёт среди русских.

...В XV веке начала собираться Россия как государство нового, пассионарного суперэтноса, но без Киева и без земель древнерусских. Позже они вернулись в лоно единого народа, в результате русско-польских и русско-турецких войн, но одновременно шёл и процесс заселения беглым людом одичалых земель левобережья Днепра до самой Тавриды, где, как паук в засаде, сидел крымский хан.

Пожалуй, до самого начала XIX века пенно бурлил и метался в водоворотах юго-западный залив моря русского мира. Там из преобладающих струй славянских, но и немецких, греческих, турецких и татарских формировался южнорусский поток, там выпевался южнорусский говор, наверное, самый сочный и напевный из всех русских наречий, говоров и диалектов. Это из него позже заинтересованные люди попытаются вычленивать и сконструировать украинский язык. Сразу и без обиняков автор смеет сказать, что подобная попытка не удалась и никогда не удастся – не было и нет украинского языка, а есть со временем сильно обогатившийся и изменившийся диалект русского языка жителей Малороссии.

Для рождения полноценного, самостоятельного языка, обслуживающего все сферы жизни народа, сначала должен родиться сам народ, он должен пройти все стадии становления, его элита должна сформировать мировоззрение и свою культуру, самобытную, не опирающуюся на родственную, более

мощную и жизнестойкую. Народ и язык рождаются или путём длительной эволюции, или в борьбе, в резком противостоянии с врагами.

...В XIX веке Европа уже пыталась внести раскол в русский мир, и некоторые плоды были, и книги писателя Г. П. Данилевского «Знакомство с Гоголем», визит Данилевского и профессора Московского университета О. М. Бодянского к Николаю Васильевичу. «А Шевченко?» – спросил Бодянский. Гоголь на этот вопрос секунду помолчал и нахохлился. На нас из-за конторки снова посмотрел осторожный аист. «Как вы его находите?» – повторил Бодянский. «Хорошо, что и говорить, – ответил Гоголь, – только не обидьтесь, друг мой... Вы – его поклонник, а его личная судьба достойна всякого участия и сожаления...». «Но зачем вы примешиваете личную судьбу? – с неудовольствием возразил Бодянский, – это постороннее... Скажите о таланте, о его поэзии...». «Дёгтя много, – не громко, но прямо проговорил Гоголь, – и даже прибавлю, дёгтя больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши. Да и язык...» Бодянский не выдержал, стал возражать и разгорячился. Гоголь отвечал ему спокойно. «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, – сказал он, – надо стремиться к **поддержке и упрочению одного владычного языка всех родных нам племён. Доминантой для русских, чехов(!), украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгутеров.** А вы хотите провансальского поэта Жасмена поставить в уровень с Мольером и Шатобрианом!». «Да какой же это Жасмен? – крикнул Бодянский. – Разве их можно равнять? Что вы? Вы же сам малоросс!». «Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, – продолжал Гоголь, останавливаясь у конторки и опираясь на нее спиной, – нетленная поэзия правды, добра и красоты. Я знаю и люблю Шевченко как земляка и даровитого художника, мне удалось и самому кое-чем помочь в первом устройстве его судьбы, но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту, они все ещё дожёвывают **европейские, давно выкинутые жваки.** Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой невозможно. Нет, Осип Максимович, не то нам нужно, не то. Всякий пишущий теперь должен думать не о розни; **он должен прежде всего поставить себя перед лицом Того, кто дал нам вечное человеческое слово**» (выделено автором).

Какой высоты духа и разума предстаёт перед читателями наш Николай Васильевич и какими мелкими, с местечковой гордыней, являются Тарас

Шевченко и его апологет Бодянский, профессор Московского университета, между прочим, в котором учились представители многих славянских народов. Вот и проявил себя шляхетский гонор, унаследованный от совместного с Польшей прошлого. Взлелеянная в лоне великорусского народа Малороссия начала являть свою гордыню, её интеллектуальная элита, получившая образование в русских университетах, готовила ментальный разрыв с Россией. Она превозносила своё, якобы сохранённое русское первородство, идущее из Киевской Руси, и внушала восприятие остальной России как людей второго сорта, смешавших славянскую кровь с финно-угорской.

...В конце XIX века Германия и Австро-Венгрия в Галиции и на Волыни усиленно готовили из украинцев ненавистников всего русского. Вот всё это и стало причиной того, что Украина, едва почувла слабость России, попыталась стать самостоятельной державой, отгородиться от России, зажить в своём уютном мирке.

Однако большевики не собирались разбазаривать великое государство, они дали свободу лишь тем, кто, собственно, и не принадлежал к русскому суперэтносу и явно тяготел к Западу всей своей культурой, хотя и состоялся, кроме Польши, как народ или нация в составе России: Польше, Финляндии, Прибалтике. Это не грозило распадом России, а вот распря или делёж внутри русского мира были чреваты неприятностями для всей русской ойкумены, поэтому сепаратизм был задавлен в зародышевом состоянии.

Сейчас многие обвиняют большевиков в том, что они в двадцатые годы искусственно взращивали украинство в искусственно созданной Украине. В те бесшабашные годы кто только и что только не пытался взращивать. Главное, что выросло, а что погнило на корню. К началу Отечественной войны в стране уже реально существовал единый советский народ, и если бы не война, то все эти бандеры и мельники ушли бы тихо в небытие, не было у них на Украине широкой социальной базы.

Базу им создали присоединение Западной Украины к СССР и поддержка немцев с началом войны. Вот тогда малороссийский национализм и разгорелся кровавым пожаром. По сути своей, он более изощрённый, более кровожадный даже, чем немецкий нацизм. А почему? Немецкие теоретики нацизма строили свою теорию, опираясь на германский эпос, на историю и традиции, конечно, гипертрофируя и искажая многое. Но всё же у них была какая-то реальная историческая основа, на которой можно что-то конструировать, что-то выпячивать, а что-то затушёвывать. У украинских националистов этого нет, совсем нет. Никакой отдельной истории Украины просто не существует. Есть жела-

ние недругов России вырастить из части народа врагов этого народа. И есть люди, за золото готовые это делать.

Идеолог украинского сепаратизма и создатель УНР Михай Грушевский ещё летом 1917 года не скрывал, что мутит народ за германское золото и готов прекратить это делать за русские, но большие деньги.

Вырастить в среде народа его врагов возможно только на лжи, мощном пропагандистском оружии, отключающем разум и порождающем ненависть, а коли подогреть ещё и жадность человеческую и ежели это всё накладывается на родовые пороки, то тогда и получатся в результате солдаты батальона «Нахтигаль» и оуновские боевики, сжигающие заживо мирных людей и сваривающие пленённых бойцов Красной армии в котлах для варки пищи свиньям. И «правосеки», сжигающие безвинных в Одессе.

...Сейчас, из нашего далёка, автору видится чрезмерное милосердие советской власти к бандеровцам. После войны многих из них амнистировали, а если и сажали, то сроки были небольшие. Идея была, конечно, благая – через покаяние и прощение перевоспитать врагов, дать им возможность изменить свои взгляды и стать полноценными гражданами Советской страны. Вот так и Грушевского простили, он вернулся из эмиграции, впоследствии стал почётным академиком, но потихоньку продолжать вести свою разрушительную работу. Возможно, нужно было массово выселять жителей Западной Украины, расселять их по всему Советскому Союзу или, по крайней мере, молодёжь привлекать на учёбу и работу в другие регионы, причём привлекать очень настойчиво. Вот тогда бы не проросли посеянные когда-то «зубы дракона». Этого не сделали, и недобитки воспитали своих детей подобными себе. Но всё же, если бы не предательская перестройка, не уничтожение СССР, мне кажется, через два-три поколения бандеровский дух мог быть сломлен общим созидательным духом Союза. Ведь Украинская ССР была самой развитой республикой в составе СССР, а поддерживала бандеровцев даже не вся Западная Украина, несмотря на все усилия американских спецслужб.

Но перестройка грянула, и государство оземь грянулось, а Украина одной из первых потянулась на выход из СССР, в точности как в 1917-м! И снова мучительный вопрос – почему в этот раз?! Отчего часть народа захотела жить отдельно от общего дома?!

И не нашёлся никто сильный разумом и авторитетом сказать приверженцам «самостийности», что небольшая часть организма не может существовать вне его просто в силу физических причин – не способна рука, отсечённая от тела, жить самостоятель-

но, она будет гнить и смердеть, отравляя воздух, и черви будут ползать по разлагающейся плоти, некогда сильной, мускулистой. Организм без руки выживет, со временем научится обходиться без неё, правда, его будут долго мучить фантомные боли. В продолжение этой темы можно привести в примеры и другие бывшие республики СССР. Ни одна из них не создала полноценного государства, даже Белоруссия, хотя она дальше всех продвинулась на этом пути, но в современном глобализирующемся мире и она без поддержки России не выстоит, её сомнут и распотчут.

Украина захотела стать великой европейской державой. Ну, как же, все предпосылки для этого были: мощная, наукоёмкая промышленность, развитое сельское хозяйство, великолепные научные и административные кадры. Однако в реальности всё оказалось совсем не так, как мечталось. Построить государство вне России – это рвать единое тело по живому – и больно, и трудно поддается. Боль приглушить можно дозой обезболивающего, в роли которого смогла стать только русофобия, сложнее оказалось разорвать экономические связи, ибо Украина и Россия сплетены, как книжный переплёт. А Европе новоявленное государство нужно лишь как противовес России, ей не нужны ни её промышленность, ни тем более сельское хозяйство.

Вот так и жила «незалежная» два с лишком десятка лет – тянула из России всё, что можно и не можно, а сама тянулась в Европу. Ощущая поддержку Запада, цинично играла на любви к ней всех русских людей и требовала, и шантажировала.

Да, крепко сидят в памяти малороссов те щедроты, которыми осыпала их Россия после Переяславской Рады. И в памяти генов многое накоплено, например, двурушничество их предков в предыдущие века, когда они искали выгод от братской России и бросали её в трудный момент. Не зря же при Ющенко стали возвеличивать гетмана Мазепу, сущность которого и составляло двурушничество, то есть предательство. И никто не возразил, а юные украинцы воспитывались. Это уже идеология – взять из любящей руки хлеб и плюнуть в неё вместо признательности.

Государство, строящееся на отторжении от общей Отчизны, обязательно породит ненависть к ней, логика поведения приведёт. Для этого очень кстати окажутся недобитые бандеровцы и воспитанная ими поросль. Вот и полыхнуло то, что не могло не полыхнуть. Сообщества людские, как и отдельные человеки, выбирают свою судьбу сами.

Украина выбрала свою судьбу, когда проголосовала за «самостийность». **И служение выбрала – не духу, а брюху. Вот это и есть корень всех бед Украины! Этим выбором она предала свою православную первородность.**

И захотят отвергнуть образ Божий, совлекая с себя образ человеческий, и возревнут об образе зверином, ибо отвергание образа Божия и есть служение бреху.

«Украина – цэ Европа». Тысячи молодых хохлов скачут на площадях украинских городов. Европа – это где однополые браки, где ювенальная юстиция, но где сотни сортов колбасы и десятки сортов хамона, где фуагра с пармезаном не переводятся. Значит, для большинства жителей Украины метания между Россией и Европой закончились в пользу Европы. Однако окончательно размежеваться на сакральном уровне возможно, только прокляв общую утробу, лишь этим можно было, по мнению идеологов европеизации, заслужить тёплое стойло со вкусным сенцом в уютном европейском коровнике. Когда все силы ума направлены на добывание «хлеба и зрелищ», человек не способен к анализу, поэтому очень и очень многие на Украине не подозревают даже, что все их мечты о европейском доме есть плод воспалённого сознания и реальное будущее Украины совсем не такое радостное.

Разделка туши Украины заокеанскими мясниками на пропитание транснациональным корпорациям – вот её участь. Конечно, это не афишируется, пусть пока погутарят на своей мове, скоро её сменит английский как первый шаг колонизации. Это произошло бы даже и без форс-мажорных обстоятельств, потому что должно быть очень велико влияние этноса на окружающие народы, чтобы те хотели или были вынуждены изучать и уважать его язык. Как, например, русский в иные времена. Когда Россия на подъёме духа и гонит врагов, посягнувших на Веру и Отечество, тогда язык русский становится востребованным во всём мире, а как только Россия грязнет в мирском, суетном и чревоугодном, она забывает о своём предназначении и уходит небесное из неё, тогда на неё полной ноздрей сморкаются и язык её сужает поле своего применения, то есть мертвеет потихоньку.

Даже для русского народа, построившего величайшее в мире государство, существует реальная опасность потерять свой язык, потому что его заставили принять образ жизни, выраженный другим языком, так что говорить о жизнеспособности искусственно сконструированного украинского языка, носители которого рвутся в Европу и примут любые условия, хоть и английский язык в качестве второго государственного, не приходится.

Украинцы рвутся туда, наверное, с мыслями вроде «ничё, лишь бы пустили, мы хохлы, мы хваткие, загребушие. Ещё посмотрим, кто у кого будет объедки подбирать».

Кто у кого подбирает объедки и дальше будет это делать, ясно и так, потому что не немецкие и даже не польские девушки стоят на окраинах Киева

в ожидании богатого клиента и не там же стоят немецкие или польские профессиональные преподаватели и врачи, готовые зарабатывать любым трудом на пропитание своим детям и себе. А стоят украинские девушки, украинские врачи и учителя на окраинах Варшавы в ожидании поденной или почасовой работы и оплаты, потому что порушили некогда самую цветущую республику СССР и дома для них работы нет.

И опять мучительный вопрос. Ну как же это могло случиться с украинцами, ветвью древа русского? Почему не противостояли мороку, туманящему разуму?! По собственной воле идут в смрадную пасть чудовища! Неужели не поняли, что такое Европа и что такое США?

«Ещё плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада». Это сказал Бертольд Брехт. Такое чрево – это Европа, родившая одного гада, Гитлера, и она снова в тягости. Она снова беременна фашизмом. А оплодотворяет Европу Америка, которая и есть носитель фашизма. **Именно ей нужно оторвать Украину от России.** Возможно, эмбрион подморозят на время и роды отложат, но лишь отложат. Рано или поздно они состоятся.

Одна из перспектив недалёкого будущего Украины.

...Богатые бургеры из Германии начнут скупать весьма недорого поместья где-нибудь на Полтавщине, а может, Тернопольщине, с аборигенами в придачу к чернозёму в качестве рабочего скота. По выходным бургеры с семьями будут наезжать в ближайший городок на ярмарку и заодно посмотреть потешных хохлов и хохлушек в вышиванках, поющих и пляшущих за небольшое вознаграждение. Это, конечно, возможная перспектива для той части Украины, которая уплзёт в Европу. Не весь же народ Украины готов принять власть бандеровцев. Донецк и Луганск не готовы, они поняли, куда их гонят и воспротивились. Там население начинает осознавать, что только с Россией оно может сохранить свою русскую природу.

Россия в шаге от бездны окончательного предательства духа затормозила, Крым и Новороссия тормозом стали. Да уж и пора, давно пора идти в другую сторону, в сторону, где дуют свежие ветры развития и созидания, где люди братья друг другу и подставляют плечо слабому. **Мы все вновь должны поверить в Россию как в Божий промысел и твердо усвоить, что Россия, Родина наша – есть Божественная симфония народов и что убить её невозможно, как невозможно расстрелять из автомата солнечный луч.**

Так хочется надеяться, что русский народ на Украине поймёт, что заблудился он и нет у него иной судьбы, кроме общей с Россией. А заблудших всегда жалче.

Вячеслав
ЕЛАТОВ

УГОЛЬНОЕ ПЛЕМЯ

They had the air, in their self-contained aloofness, of being a race apart. Yet they were a kindly people.

A. J. Cronin. The Citadel. – М.: Higher School Publishing House, 1966¹

Празднование общекузбасского Дня шахтёра в этом году в городе Прокопьевске совпало со всероссийским Годом литературы. Мировая литература предлагает читателю богатейшую россыпь проникновенных описаний и потрясающих рассказов о работе и жизни этих на особинку скроенных людей. С чего начать? Какую книгу снять с уцелевших в лихорадке «евроремонта» полок домашних библиотек? За каким произведением обратиться в сохранившиеся фонды библиотек массовых? На что обратить внимание в добрых старых книжных развалах и какую сказочно щедрую рыбку изловить в бескорыстном море буккроссинга (от англ. «bookcrossing» – бесплатный книгообмен)?

Всероссийский Год литературы... Об одном из самых страшных эпизодов антикнижной вакханалии напомнил нам сегодня фильм режиссёра Брайана Персиваля «Воровка книг» по роману Маркуса Зусака. Впрочем, задолго до нацистских костров прототипы грибоедовского Фамусова проявляли не меньшую решительность в борьбе с ненавистным им просвещением:

*...Уж коли зло пресечь:
Собрать все книги бы да сжечь.*

¹ Они казались каким-то особенным племенем людей, независимых и невозмутимых. Но это были добрые люди [Перевод мой. – В. Е.]. – А. Д. Кронин. Цитадель. М.: Высшая школа, 1966.

ЕЛАТОВ Вячеслав Иванович родился в 1939 году в Баку Азербайджанской ССР. В 1956 году окончил среднюю школу № 148, г. Баку, в 1957 году – техническое училище № 2. Работал электромонтёром («Кавказэлектромонтаж», нефтепромысел № 2 треста «Лениннефть»), рабочим геофизической партии («Азнефтегеофизика»). В 1961–1966 годах учился на отделении русского языка и литературы филологического факультета ЛГУ, в 1975–1978 годах – отделении английского языка Иркутского института иностранных языков (заочно). С 1966 по 1991 год работал школьным учителем, преподавал английский язык, русский язык и литературу в Прокопьевске. Отличник народного просвещения, ветеран педагогического труда. Вышел на пенсию по выслуге лет. С 1991 года работал сапожником, развездным стрелком ВОХР на железной дороге, сторожем, с 2010-го на пенсии. Публикуется в газетах и журналах с 1993 года.

И жгли. Но не всё пожгли в своё время мракобесы, не всё и мы в новейшие времена успели вынести к мусорным контейнерам. Кое-что кое у кого и осталось. У себя, например, на книжных полках я, как и прежде, нашёл относящиеся к заданной теме романы Фадеева, Кронина и Золя, первые два из которых подсказали мне название и эпиграф к настоящим заметкам; а что касается автора «Жерминаля», то будет весьма кстати напомнить отечественному читателю о той высокой оценке, какую высказал в наш адрес французский писатель: «*Да будет мне позволено публично выразить мою благодарность великой нации, которая приютила и усыновила меня в момент, когда все газеты Парижа отвергали меня... Россия в один из жутких для меня часов безысходности вернула мне уверенность и силу, предоставив мне трибуну и самого просвещённого и страстного читателя в мире*»².

В библиотеке «Семейный круг» в Прокопьевске мне предоставили на выбор произведения о шахтёрах из отечественной и зарубежной классики. Что касается книжных развалов (не путать с завалами 1990-х, забытых главным образом новинками, среди которых видное место занимала трэш-литература, от англ. «trash» – халтура), то они как таковые сегодня у нас исчезли; но по некоммерческому обмену в режиме буккроссинга мне, например, в той же библиотеке удалось присмотреть для себя изданный в 1981 году в Уфе сборник повестей и рассказов известной советской писательницы Лидии Сейфулиной. Жаль, конечно, что мы лишились возможности купить, как это было раньше, нужную книгу на рынке или в магазине «Старая книга». А ведь чего только ни предлагают туристу книгопродавцы, например, в сегодняшней Албании! «*Осматривая достопримечательности*, – читаем мы в путевых заметках одного из побывавших там россиян, – *мы набрели на книжный развал; вообще их здесь много. Ассортимент разнообразен: «Педагогическая поэма» Макаренко, Стейнбек, Софокл, Джек Лондон, Шекспир, биография Дзержинского, «Капитал» Маркса, «Патология» (медицинский справочник), «ЦРУ против КГБ» Даллеса, «Дон-Кихот» Сервантеса, «Тимур и его команда» Гайдара – в общем, есть что почитать*»³. При таком обилии предлагаемой тут и там книжной продукции не будет ошибкой предположить, что заинтересованный читатель нашёл бы там и

² В книге Золя «Экспериментальный роман» («Le roman experimental», Р., 1880, р. I). – Цит. по: Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 1041.

³ Консул. 2014. № 3. С. 67–68.

произведения об «угольном племени»⁴, будь то отечественная или зарубежная классика или сочинения наших советского времени авторов.

В происходящих сегодня на юго-востоке Украины трагических событиях не последнюю роль сыграло решение киевской власти ущемить интересы русскоязычного населения Донбасса. А в той же Албании русский язык в недавнем прошлом учили в качестве одного из иностранных в школе. «Вот и книжный магазинчик. Реакция пожилого продавца на услышанный им русский язык очень трогательна: он заулыбался, сказал, что хорошо его знал, но теперь подзабыл, хотя всё понимает»⁵. Ничего удивительного: русский язык был и остаётся языком межнационального общения не только для народов бывших советских социалистических республик. Похоже, и в Киеве без него сегодня не обойтись: для иностранцев знать его на Украине не менее важно, чем, например, английский. А для многих литераторов Донбасса он вообще был и остаётся родным. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на изданный в Кемерове в 1984 году сборник рассказов писателей Кузбасса и Донбасса под названием «Шахтёрский характер»: на русском языке писали свои рассказы проживавший в Макеевке Донецкой области Леонид Астахов и житель Донецка Владимир Кондратьев, заведовавший отделом русской прозы и поэзии журнала «Донбасс» Иван Костыря и удостоенный третьей премии на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов) и СП СССР (Союз писателей) на лучшее произведение о рабочем классе Владимир Мухин, проживавшие в городе Первомайске Луганской области Николай Тютюнников и в городе Брянка той же на слуху сегодня области Николай Погромский...

4 марта 2015 года. Классика и современность... Была такая книжная серия и такая рубрика в толстых литературных журналах. Читая сегодня о запертых в результате аварии глубоко под землёй углекопах в «Жерминале» у Золя или в романе английского писателя Кронина «Звёзды смотрят вниз», мы отрываемся от книжных страниц и обращаемся к теленовостям, чтобы послушать о том, как идут спасательные работы на шахте имени Засядько в Донбассе. Нам ли, на Земле Кузнецкой, не знать о подобных трагедиях? Нам ли, живущим рядом с теми, кто продолжает до конца дней своих оплакивать близких – отцов, мужей и сыновей – не разделить горя наших вчерашних соотечественников?..

Год литературы и наша новейшая изящная словесность... Мне уже доводилось высказывать своё суждение о прошлом, настоящем и будущем отечественной литературы. Через пятнадцать лет после опубликования статьи «Воскресение» в прокопьевском еженедельнике «Народовластие» я слово в слово повторяю сегодня её заключительные строки: «Тема воскресения, тема духовного обновления «маленького человека» стала стержневой для

литературы социалистического реализма. Это было шагом вперёд в художественном развитии человечества, отражением исторического прогресса. И потому на все вчерашние и сегодняшние попытки отбросить нас вспять, скомкать и вывернуть наизнанку наши социальные и культурные достижения мы, перефразируя Замятина⁶, утверждаем, что исторически обозримое будущее русской литературы – это её советское прошлое». На такой позиции я остаюсь, прислушиваясь к мнению коллег-литературоведов. Что думает, например, по этому поводу, представляя читателю шахтёрскую тему в произведениях «нулевых» XXI века, новомировский обозреватель Марина Галина? Она констатирует, что былая реальность искусства слова постепенно отменяется: «Начавшаяся колебаться уже в «Шахте», она подменяется наркотическим бредом в «Марк Шейдере» и оборачивается «ветвящимися версиями» в «Столовой горе»⁷.

Несколько слов об упомянутых Галиной произведениях. Роман «Шахта» написал Михаил Балбачан⁸. Он сын горняка и в специфике горного дела хорошо ориентируется. Действие романа охватывает период с 1920-х по 1950-е годы. Мы вправе были бы ждать от автора добротного повествования о работе и жизни «угольного племени» в советское время. Но Галина, ссылаясь на популярного колумниста из сети, сообщает читателю, что последняя глава романа переворачивает всё с ног на голову. «После заключительных строчек, – пишет этот литературный критик, – ты начинаешь понимать, что на самом деле прочёл великолепный **мистический роман**. Или мистический триллер. Весь реализм оказывается сплошной обманкой»⁹. Дело вкуса, в данном случае – читательского: вагоні (под таким псевдонимом выступает сетевой обозреватель), например, на дух не переносит реалистического искусства, а у автора настоящих строк – столь же сильное отвращение к упадочническим «обманкам». Так что на роман Балбачана я своего времени тратить не стал, оставив это удовольствие для любителей мистических треволнений.

Уроженец Днепропетровска Дмитрий Савочкин тоже написал о шахтёрах¹⁰. Галина информирует потенциальных читателей, что, с одной стороны, его роман «Марк Шейдер» получил высокую оценку у авторитетного критика Льва Данилкина¹¹, а с другой – что многие читатели отвергают это произведение за его чернушность и дискредитацию доброго шахтёрского имени и даже просто за незнание горного дела¹². Будь я профессиональным литературным критиком, такая информация вызвала бы у меня желание принять участие в этой дискуссии; но оставаясь

⁶ Евгений Замятин в своё время утверждал, что у русской литературы «одно только будущее: её прошлое».

⁷ Новый мир. 2010. № 8. С. 236.

⁸ Балбачан М. Я. Шахта. М.: Время, 2009.

⁹ Новый мир. 2010. № 8. С. 234.

¹⁰ Савочкин Д. Марк Шейдер. М.: АСТ; СПб.: АСТРЕЛЬ – СПб, 2009.

¹¹ Данилкин Л. Шубу ем. URL: <http://www.afisha.ru/book/1542>.

¹² Новый мир. 2010. № 8. С. 235.

⁴ Из романа А. Фадеева «Разгром».

⁵ Консул. 2014. № 3. С. 67.

на позиции просто заинтересованного читателя, я решил довериться впечатлениям упомянутых Галиной (в таких вопросах ей можно вполне доверять) многих опередивших меня читателей да тем и ограничиться.

По названию шахты и одноимённого городка озаглавил свой роман «Столовая гора» Андрей Хуснутдинов. Эта книга была опубликована рижским издательством «Снежный ком» в 2007 году. В приведённом выше отзыве это произведение замыкает ниспадающий ряд новейших сочинений о шахтёрах. Ну, а что же противостоит этому отступлению постсоветской литературы от реалистического искусства? Какова и есть ли вообще альтернатива этому мороку из мистики, наркотического бреда и распустившихся пыльным цветом махровых «версий», позволяющим специалистам говорить уже о сюрреалистических вывертах и раздвоении, если не полной атомизации, окончательном распаде сознания? Да, такая альтернатива есть. Беспросветной пучине декаданса противостоит, противостоит и будет противостоять ныне, присно и во веки веков хорошо нам знакомая добротная литература критического и социалистического реализма, от которой нас сегодня, как это не раз было и в прошлом, пытаются отвлечь с помощью глобального разворота в сторону пропасти. Сегодня это делается в виде пресловутого «антропологического поворота»...

Нет нужды знакомить «самого просвещённого и страстного читателя в мире», например, с «Жерминалем» Золя из его многотомных «Рюгон-Маккаров» или с рассказом Куприна «В недрах земли», с романами Фадеева «Разгром» и «Молодая гвардия» или «Звёзды смотрят вниз» и «Цитадель» Кронина, «Шахтой» Александра Плетнёва, «Землёй Кузнецкой» Александра Волошина или романами Геннадия Молостного «Голубые огни» и «Междуречье»: эти книги в качестве противоядия упадочнической литературе нам просто следует – в рамках объявленного Года литературы – сегодня перечитать заново, воскрешая в памяти и горькую историческую правду об «угольном племени», и восхищение несгибаемым шахтёрским характером, давшим знать о себе сегодня в Донбассе в противостоянии новоявленным киевским властям.

Шахтёрский характер... Свой отзыв об упомянутом выше сборнике рассказов кузбасских и донбасских писателей бригадир с кузбасской шахты «Нагорная» Е. И. Дроздецкий назвал «Книгой о моих товарищах». Напомнив читателю, что несколькими годами раньше уже вышел такой же совместный сборник поэтов Донбасса и Кузбасса, дважды Герой Социалистического Труда при этом заметил: *«Жаль только, что мало пишут о шахтёрах, о нашем сложном труде. И очень радостно, когда встречаешь книгу о шахтёрах. Я с большим интересом прочитал сборник рассказов «Шахтёрский характер».*

Уже после слома советской государственной машины, в 1995 году в Москве вышел 15-й номер роман-газеты, который представлял собой сборник художественных произведений и публицистических материалов, посвящённый шахтёрам, под символическим названием «Лава». В открывающем сборник интервью журналисту С. Г. Чугурян-у генеральный директор компании «Кузнецкуголь» Вик-

тор Васильевич Некрасов выразил, по существу, то же сожаление, что и Дроздецкий: *«О проблемах угольщиков газеты, радио и телевидение вспоминают только в экстремальных ситуациях социальных конфликтов. Причём зачастую информация идёт односторонняя, эпизодическая и без мало-мальских попыток анализа <...>. Убеждён, что о проблемах, делах, успехах или неудачах, то есть повседневной жизни горняков, надо людям рассказывать и больше, и чаще, и серьёзней»*¹³.

Рассказы в сборнике «Шахтёрский характер» расположены по авторам в алфавитном порядке, вперемешку кузбасским и донбасским писателям. Рассказ «Авария» написал уроженец Кемеровской области Константин Андреев. В своё время он был редактором многотиражки на шахте «Юбилейная» в Новокузнецке, печатался в альманахе «Огни Кузбасса». Его рассказ и есть та самая серьёзная литература о горняках, к созданию которой призвал генерал из «Кузнецкугля». Погиб шахтёр, попал под фрезу комбайна. Виноват в случившемся, по сути, горный мастер, который вовремя не заменил неисправное быстроразъёмное соединение. Автор обращает наше внимание на то, как в этой ситуации ведут себя люди, имеющие прямое отношение к аварии и расследованию её причин. Поведение заместителя главного инженера напечалит читателя коллизия в известной повести Владимира Тендрякова «Суд»; но если там бесстрашный воин пасует, оказавшись перед нравственным выбором в мирное время, то тут герой Андреева изменяет себе в шахте, скрывая вину мастера, так же, как когда-то на фронте он не выдал радиста, который готов был сдать в плен. И теперь он осуждает себя за это. А что может быть беспощаднее своего собственного суда?

5 марта 2015 года. С шахты им. Засядько пришло сообщение о гибели 32 шахтёров. Работа по извлечению тел погибших горняков и по расследованию причин аварии продолжается. Мы видим спасателей и тех, кто остался в живых. Мы слышим стон безутешных близких и слова заболевания, которые доходят сюда из России.

В рассказе донбасского писателя Леонида Астахова речь идёт о липовых «передовиках производства», о мошеннических приписках при замерах норм выработки. В нравственном отношении это на ступеньку ниже даже того, о чём писал в своём романе «Утоление жажды» Юрий Трифонов: там, конечно, были и рвачи, но хоть жульничества с показателями не было. В рассказе, написанном от первого лица, крупным планом выведен один из таких умельцев «прихватизировать» то, чего он не заработал: *«По всеобщему признанию, он был мастером «пускать пыль в глаза». <...> Ворует он по три, а то и по четыре рамы. Большинство крепителей знает это и относятся к его славе лучшего звеньёвого иронически».*

У автора известного романа «Земля Кузнецкая» Александра Волошина в этом сборнике мы прочтём рассказ под названием «Веточка». Не стану предварять читатель-

¹³ Роман-газета. 1995. № 15 (1261).

ского впечатления, отмечу лишь, что в этой миниатюре уместилась наша история за двадцать с лишним лет, включая и Великую Отечественную войну. Сохраню при этом и тайну интригующего названия...

Интересно, как сложилась судьба у автора рассказа «Ложная кровля» Владимира Кондратьева? Родился он на Урале, окончил Донецкий политехнический институт. В 1984 году ему было тридцать шесть лет, сейчас должно быть шестьдесят семь... Где он теперь, житель многострадального Донецка? Помнит ли он свой рассказ о том, как на шахте испытывались разработанные научно-исследовательским институтом комбайновые цепи, а вместе с тем проходили проверку на нравственную прочность главный инженер шахты, горный мастер и приехавший сюда за актами об успешном завершении испытаний молодой специалист из института?.. Не пройдёт и десяти лет, как не менее серьёзному нравственному испытанию будут подвергнуты реальные прототипы наших литературных героев, и прежде всего тех из них, кто ещё при советской власти обнаружил ущербность в своих представлениях об окружающем их мире...

Владимир Коньков был в своё время секретарём горкома комсомола в городе Осинники Кемеровской области, редактировал шахтовую многотиражную газету. К его рассказу «Утренняя смена» в полной мере может быть отнесено сказанное во вступительном слове Дроздецким: «... шахтёры показаны и под землёй, в работе <...>, и на-гора, в кругу семьи и друзей. Разные судьбы, разные характеры, непростые отношения». О непростых отношениях умолчу: пусть об этом поведает читателю сам автор, очень уж у него это хорошо получилось. Да и о работе под землёй, я думаю, будет лучше, если предоставлю слово рассказчику, бригадиру Анатолию Токареву, который и отца своего, шахтёра, вспомнил, и своего товарища по работе удивительным образом представил:

«Отец мой всю жизнь крепильщиком в шахте проработал. Главным кормильцем у него был топор. Притаскивают лесогоны в забой стойки, затыжки, горбыли, верхняки, а отец из них «круги» – крепь шахтовую ставит. Сколько за двадцать лет тех «кругов» вышло?!

А у Ковалёва, машиниста крепи, совсем другая работа, тонкая. Поворачивает он рукоятки гидрораспределителя, и металлические стойки, будто устав, приседают, и оголяются страшные сантиметры пустоты. Кажется, вот-вот освобождённая неожиданно Гора, воспользовавшись моментом, надавит своей громадой. Но нет. Поворачивает машинист рукоятку, и, послушные его команде, одна за другой прижимаются к груди забоя секции, вновь принимая на свои плечи невообразимую тяжесть горы. Впечатляющая картина! Удивительно. И словами не расскажешь...».

6 марта 2015 года. На шахте им. Засядько извлечены тридцать три тела погибших шахтёров. Из России вместе с гуманитарным грузом прибыли высококлассные специалисты: спасатели, психологи и медики. Психологическая помощь оказывается членам семей погибших горняков.

После информации с донбасской шахты решаю в унисон с ней закончить прерванную цитату из рассказа Конькова: *«У каждого пласта, словно у человека, свой характер, свой нрав. Бывают – словно бы сами просятся: бери! А бывают такие коварные, что хоть криком кричи! Всякое случается».*

Я позволил себе задержать внимание читателя на скромной книжке рассказов кузбасских и донбасских писателей потому, что, в отличие от общеизвестной классики, она была издана скромнейшим по тому времени тиражом – всего каких-нибудь 15 тысяч экземпляров. Теперь эта книга стала раритетом, оказалась в ряду редчайших изданий советского времени. Представляя авторов, я не менял при этом алфавитного порядка, которым воспользовался составитель сборника. Таким образом, и донбасского писателя Ивана Костыря я не выбирал в качестве очередного автора, а просто следовал выпискам своего читательского дневника. Из предпосланной рассказам справки мы узнаём, что он тоже, как говорится, не лыком шит: член Союза писателей СССР, он, повторюсь, заведовал отделом русской прозы и поэзии в толстом литературном журнале «Донбасс». В сборнике Костыря представлен тремя небольшими рассказами. В первом из них на-гора (рассказ так и называется «На-гора») вместо угля выдали новорожденного, которого родила там, в шахте, уже ушедшая в декретный отпуск фельдшер подземного медпункта. Во втором рассказе читателя ждёт история о том, как в завале оказались двое: старый да малый. Одному из них и пришлось самоотверженное решение: на двоих воздуха не хватит... Сюжет третьего рассказа Костыря тоже не случаен: он выпускник Киевского мединститута, работал врачом (как тут не вспомнишь врача из «Цитадели» Кронина!). На глубине 850 метров произошёл обвал. Молодому горному инженеру железной дугой прижало руку к ребру вагонетки. Речь зашла об ампутации, иначе ему жизнь не спасти. Но вмешался старый горный мастер...

У кузбасского автора рассказа «Костёр» Владимира Куропатова солидный «послужной список»: поработал он в своё время и такелажником, и электрослесарем, и рабочим маркшейдерского бюро на осинниковской шахте «Капитальная», а после окончания горного техникума преподавал в горном профтехучилище. Своё писательское перо он оттачивал, как и многие до и после него, редактируя шахтовую многотиражку. Работал в газете «Комсомолец Кузбасса», был ответственным секретарём альманаха «Огни Кузбасса»...

Перечитывая сегодня рассказ «Костёр», я не могу не думать о той несправедливости, которая в обобщённом виде выразила себя в нашем отношении к «производственному роману» – будь то рассказ, повесть или роман на производственную тему. Я, например, с гораздо большим удовольствием читаю о людях, занятых производительным трудом, чем о скучающих «возвышенных», под стать «идеальным девам» из позапрошлого века, натурах. Например, о тех же монтажниках из романа Евгения Воробьёва «Высота», лесоводах из «Русского леса» Леонида Леонова или тракторостроителях из «Битвы в пути» Галины Николаевой, о кораблестроителях и металлургах в ро-

манах Всеволода Кочетова, о врачах и работниках милиции у Юрия Германа – и в этом ряду об «угольном племени» планеты. Эти люди интересны и на рабочем месте, и в быту, и даже тогда, когда силою обстоятельств они вырваны – как, например, в романах Фадеева «Разгром» и «Молодая гвардия» – из привычной для них обстановки. Вспомним взвод Дубова в отряде Левинсона и выпсанного крупным планом Морозку! Вспомним «в грозном зареве войны» шахтёрский Краснодон... Шахтёрский характер проявляет себя в любой ситуации, будь то война гражданская, Великая Отечественная или сегодняшнее донбасское ополчение... Главное, о чём нам, читателям, следует помнить, – это не судить о литературных произведениях предвзято, не пользоваться при этом «заёмным умом». В предисловии к роману «Западня» Золя по этому поводу высказался таким образом: *«Всё дело в том, что мои романы следует сначала прочесть <...>, а не выносить заранее нелепых и зlostных суждений, какие распространяют обо мне и моих книгах»*. Ну, а когда читать – если не в Год литературы! Лиха, как говорится, беда – начало...

Из рассказа Куропатова я сделал для себя выписок, пожалуй, больше всего:

«Горняки получали наряды и уходили в мойку переодеваться. В раскомандировке перед столом начальника участка нас, такелажников, осталось трое...»

«Шахта есть шахта. С тем, что на поверхности, поднатужась и крикнув, взвалишь на хребет и потихоньку да полегоньку потащишь, куда тебе надо, под землёй не вдруг совладаешь – темно, тесно, душно, сыро, аммуниция мешает...»

«Маюсь я. Маётся дядя Петя Сараев. Маётся Митька Логачёв. Но если мы с дядей Петей – молча, то Митька

визжит истерично, матюкается. Богов, попов, крестителей, чертей и ангелов – всех поливает. Будто это они виноваты, что в шахте тесно, темно, душно, сыро...»

Ну, вот ещё:

«Утверждают, что среди шахтёров оригинальных натур куда больше, чем среди людей какой-либо другой профессии. И кто-то, говорят, не поленился и подсчитал, что десять шахтёров из десяти любят от души посмеяться. Девять из десяти – умеют рассмешить, пять из десяти – остроумцы, для которых в словесных состязаниях не бывает проигрышных ситуаций. И, наконец, среди этих десяти всегда есть один такой, кто, обладая всеми перечисленными качествами, обладает ещё тем обаянием, которое позволяет ему всегда быть в центре внимания, быть бальном публики, её кумиром». Общаясь с шахтёрами на-гора, встречаясь с ними по сосестству, обзаведясь приятелями и даже друзьями, могу сказать, что приведённая выше «статистика» меня убеждает.

И далее в сборнике идут произведения не менее достойные: просто фамилии их авторов расположены по алфавиту всё дальше и дальше от буквы «А». Заинтересованный читатель может убедиться в этом сам.

Запала в память метафора из рассказа Владимира Конькова: когда бригадир говорит о могучих плечах секций механизированного крепления. И я нашёл у генерала «угольного племени» самое подходящее для настоящих заметок заключение:

«Мы внизу, – говорил Виктор Васильевич Некрасов в тяжелейшие для россиян 1990-е. – Мы опора державы. И как ни устало горняцкое плечо, как ни напряжено оно – будем подпирать, пока сможем, всё, что называем Родиной, называем Россией».

9 марта 2015 г., г. Прокопьевск

Надежда КУЗНЕЦОВА-КУДРЯВЦЕВА

МОЙ ПУШКИН, КОТОРОГО Я НЕ ЗНАЛА

*Библия для христианина то же,
что история для народа.*
А. Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин – великий русский поэт, его творчество мы изучали в школе, учили наизусть его стихотворения «Пророк», «Мадонна» и другие, отрывки из поэмы «Евгений Онегин». Это были: «Мой дядя самых честных правил...», «Итак, она звалась Татьяной...». Кто из моих сверстников не помнит этого? Ещё раньше, в детстве, мы все любили сказки Пушкина, а потом в юности его прозу: «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Дубровский».

Но... Но нам в школе всегда представляли Пушкина как певца свободы, почти что революционера, атеиста, автора «Гавриилиады», что совсем было несовместимо с верой в Бога.

Сейчас же, много лет спустя после окончания школы, в нашем поэтическом клубе «Слово» я, проводя очередное мероприятие, сделала для себя открытие. Оказывается, был и другой Пушкин, которого я не знала.

Мои новые познания начались с того, что на одном из заседаний клуба была тема: «Духовная поэзия известных поэтов». В клубе «Слово» читали «Вифлеемскую звезду» Б. Пастернака (Наталья Гордок), «Ангел» М. Лермонтова (Наталья Загоровская), «Христос» А. Толстого (Татьяна Попова) и другие. Я, в свою очередь, прочла стихотворение А. Пушкина «Пророк»:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...*

Я спросила участников клуба: откуда у Пушкина «шестикрылый серафим»? Никто из присутствующих не знал ответа. Я задалась вопросом узнать: откуда взял Пушкин своего «шестикрылого серафима»? На встрече с поэтами в Доме литераторов Куз-

басса задала этот вопрос. Кто-то ответил: «Да, поди, придумал, поэт же человек творческий».

Пушкин и придумал? Скорее, Пушкин знал, но... Где это знание?

Мне старший брат Николай подарил Библию. Большую, около тысячи страниц, я её читала, но плохо понимала. Однажды, просто наугад, открыла Библию и начала читать: «В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесённом, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Его стояли серафимы; у каждого по шести крыл; двумя закрывал каждый лицо своё, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал». (Исайя, 6:1–2). Ура, нашла!

Так вот откуда взял Пушкин своего «шестикрылого серафима» – из Библии! В стихе шестом написано: «Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника». Итак, «Пророк» Пушкина **написан по Библии**:

*...И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»*

Пророк – это Божий посланник, его слово – «глагол», чтобы исполнять волю Бога, «жечь» сердца людей словом, направлять их на путь истинный?!

Стала искать другие стихотворения Пушкина о Боге. Нашла: «Десятая заповедь», «Отцы-пустынники и девы непорочны...»... Это, второе, по сути, не что иное, **как молитва самого поэта**:

*...Владыко дней моих! Дух праздности унылой
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденье,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Пушкин молился? Это что же сам Пушкин или... его лирический герой?

Стала читать переписку поэта. Десятый том полного собрания сочинений (в десяти томах), изданного в Ленинграде в 1979 году в издательстве «Наука». Прочла письма, черновики, переводы писем, написанных по-французски.

Пушкин-человек знал Бога? Если даже в молодости он в Него не верил, то, когда женился, стал другим? В письме П. А. Плетнёву от 24 февраля 1831 года из Москвы в Петербург поэт пишет: «Я женат – и счастлив... Это состояние для меня так ново, что, **кажется, я переродился**». Хотя ранее, в своём письме от 10 февраля 1831 года Н. И. Крив-

* Здесь и далее курсив автора.

цову он писал: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно... Счастья мне не было. ... я женюсь без упоения, без ребяческого очарования... Всякая радость будет мне неожиданностью».

Молился ли сам Пушкин? В его письме П. В. Нащёкину от (5) декабря 1830 года в Москве есть строки: «**Сейчас еду Богу молиться** и взял с собою последнюю сотню»... Куда поехал? В православный храм, деньги – на свечи?

А в письме Н. Н. Пушкиной (жене) от 3 августа 1834 года из Петербурга в Полотняный завод после некоторых обид: «...оставляешь меня две недели без известия о себе и о детях», поэт пишет: «Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и целую – благодаря тебя за то, что **ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих**, как для меня, так и для нас». О-о-о! Вот это да! Первая красавица Петербурга, блиставшая на балах государевых в Аничковом дворце, дома молилась Богу «на коленях посреди комнаты»! Не только Наталья Николаевна Пушкина молилась, но и сам поэт молился, ведь он пишет: «Твоя чистая молитва лучше моих». Значит, это не лирический герой поэта молился в стихах, а сам поэт молился Богу?!

И Библию читал поэт. Так в письме Н. Н. Пушкиной от 25 сентября 1834 года из Болдина в Петербург Пушкин пишет: «...роман переписываю. Читаю Вальтера Скотта **и Библию**...». В другом письме (В. К. Кюхельбекеру в Одессу от апреля (?) 1824 года) поэт пишет: «...читаю Шекспира **и Библию**». Своего брата Льва Сергеевича в письме от 20 ноября 1824 года из Михайловского в Петербург просит: «Отправь с Михайлом всё... **И Библию, Библию!** И французскую непременно». В письме из Михайловского в Петербург от 4 декабря 1824 года поэт пишет: «Михайло привез мне всё благополучно, а Библии нет. **Библия для христианина то же, что история для народа**». Везде, где находился поэт А. Пушкин: в Михайловском, в Болдино, в Москве, в Петербурге – Библия была с ним!

И Священное Писание знал поэт. Так, в письме другу барону А. А. Дельвигу (от 20 февраля 1826 года из Михайловского в Петербург), в ответ на сообщение о женитьбе барона он пишет: «...**апостол Павел говорит** в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный...». О Боге поэт вспоминает в разных ситуациях. В письме Н. М. Языкову (от 9 января 1826 года из Михайловского в Дерпт) Пушкин желает другу: «**Дай Бог** вам здоровья, осторожности, благоден-

ственного и мирного житья!» М. П. Погодину (в письме от 29 ноября 1826 года из Пскова в Москву): «...**ради Бога**, как можно скорее остановите в московской цензуре всё, что носит моё имя...» В письме Н. Н. Гончаровой, ещё своей невесте (из Болдина в Москву, от 18 ноября 1830 года), читаем: «...а ваше письмо гуляет, теперь не знаю, где и когда придёт ко мне, **когда Богу будет угодно**». Не думается, что Пушкин мог помянуть Бога всуе!

А теперь о благословении. Пушкин знал, что благословляет Бог и что если есть благословение, то проклятие от сатаны уже не коснётся. Даже в работе, перед тем, как печатать свои стихи, он пишет: «Думаю, что можно начать, **благословясь**» (письмо Л. С. Пушкину из Михайловского в Петербург от 23 апреля 1825 года).

6–11 апреля 1830 года из Москвы в Петербург поэт Пушкин пишет письмо своим родителям – Надежде Осиповне и Сергею Львовичу, в котором просит БЛАГОСЛОВЕНИЯ на брак: «Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу, на всю остальную жизнь. Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год – м-ль Натали Гончаровой. Я получил её согласие, а также согласие её матери. **Прошу вашего благословения не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия...**». Пушкин знает цену благословения, оно необходимо ему, чтобы начать новую жизнь. А потом в каждом письме он сам, муж и отец, благословляет жену и детей. Так, в письме от 30 сентября 1832 года из Москвы в Петербург в конце письма к своей жене Н. Н. Пушкиной поэт пишет: «Целую Машу и **благословляю, и тебя тоже**, душа моя, мой Ангел. **Христос с вами**». И молился поэт и благословлял в письмах свою жену и своих детей всегда: «Что-то дети мои и книги мои?... **Благословляю тебя, мой Ангел. Бог с тобою и с детьми**» (письмо от 16 мая 1836 года из Москвы в Петербург).

Да, «Благословение Господне – оно обогащает, и печали с собою не приносит» (Притчи Соломона, 10:22). Об этом знал Пушкин и всегда применял в своей жизни. А мы? Мы же многого не знаем, потому что не читаем Библию. Чем была для Пушкина Библия? Скорее всего, это была вера. «По вере вашей дано будет» – это тоже слова из Священного Писания.

Сегодня я читаю **Библию и Пушкина**. Мне надо знать Библию, потому что Александр Сергеевич Пушкин, поэт Золотого века России, знал Библию!

**Полина
ЦЫГАНКОВА**
ДРУГОЙ АЛТАЙ

Для большинства приезжих людей Горный Алтай – это прежде всего отличный отдых, сплавы по Катунь, конные и пешие прогулки и, конечно же, незабываемая природа, поражающая своей красотой и величием. Тысячи людей со всего мира ежегодно приезжают в республику, чтобы насладиться хорошим отдыхом и получить массу впечатлений.

Но есть ещё и другой, малоизвестный и непопулярный среди «охотников за впечатлениями», Алтай. Алтай миссионерский.

Вот уже девятый год подряд по территории Горного Алтая десятки людей из разных городов России и Украины проходят Крестным ходом «По стопам миссионеров Алтайских» новыми маршрутами. Основная задача крестного хода – объединение православных христиан, несение Слова Божия в отдаленные села Алтая, осуществление совместной молитвы, активизация религиозной жизни в православных общинах и, конечно, выполнение своей личной духовной миссии. Приходя в села, крестоходцы привлекают местных жителей к общению, дают концерты, ведут беседы у костра, кормят всех желающих и оказывают духовную и медицинскую помощь. Идейными вдохновителями такого явления стали священники Республики Алтай. Руководитель крестного хода, иерей Лаврентий Донбай, поделился: «Его замысел родился у нас после того, как я сам принял участие в знаменитом крестном ходе в село Коробейниково. Вот тогда-то мы и решили, что подобное можно организовать и в Республике Алтай».

По благословию Каллистрата, епископа Горноалтайского и Чемальского, маршрут девятого крестного хода, проходящий через с. Майма – г. Горно-Алтайск – с. Иня – с. Инигень – «Катуньский прорыв» – с. Тюнгур – с. Катанда – Сергиевскит – с. Чендек – с. Теректа – с. Усть-Кокса, начали разрабатывать ещё два года назад. Но из-за его сложности (отсутствие дорог и смытых мостов) осуществить его не представлялось возможным. Лишь за неделю до начала похода открылась дорога от с. Ини до с. Инигень по мостам через

реки Катунь и Чуя, благодаря чему крестоходцы смогли преодолеть около 200 километров за девять дней пути. Маршрут был поистине уникальным: козьи тропы, высокогорные перевалы, переправы через горные речки, отсутствие инфраструктуры и связи с внешним миром. Маршрут первой категории сложности прошли все участники: от маленьких детей до пожилых людей, на одном дыхании и с непрерывной молитвой. Люди преодолевали не только горные перевалы и затяжные подъёмы, палящее солнце и холодные ночи, но и свою боль, усталость, лень, смирились с отсутствием таких привычных вещей, как утренний кофе или вечерние новости. Каждый шёл и боролся прежде всего с самим собой, со своим «хочу», со своим «я устал». Для каждого участника крестный ход стал своеобразным «духовным санаторием», в котором через телесные страдания и неудобства оздоравливается душа.

Крестный ход – не просто собрание единомышленников, следующих по заданному маршруту, и не туристический поход. Это прежде всего накопление опыта православной общины, живущей изо дня в день сообща. Это осознанное выполнение своих обязанностей (послушаний). Но самое главное – несение Слова Божия своим собственным примером. Все участники крестного хода кроме прохождения по маршруту несли свои послушания: каждый день назначались костровые и кашевары, флажковые – люди, помогавшие согласовывать ритм Иисусовой молитвы во время движения колонны. Десятники, отвечавшие за свою группу людей. Так называемый ночной дозор – люди, охранявшие лагерь ночью. Детские воспитатели, организовывавшие досуг детей и отвечавшие за их безопасность во время шествия колонны. И, пожалуй, самое уникальное послушание этого года – создание эко-групп. На протяжении восьми дней участники крестного хода собирали мусор по пути следования колонны. Десятки мешков с мусором были собраны и утилизированы силами крестоходцев.

Закончился крестный ход в с. Усть-Кокса праздничной литургией и концертом-конференцией, посвященной тысячелетию со дня преставления святого равноапостольного великого князя Владимира.

В этом году «по стопам миссионеров алтайских» прошло 140 человек, 10 из которых были дети от шести лет. Люди из разных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Новосибирска. Врачи, учителя, журналисты, инженеры, бизнесмены, рабочие, пенсионеры, дети – все они, оставив на неделю мирскую жизнь и уподобившись апостолам, являли современную церковь. Церковь не как земную организацию, но как живой организм, дышащий своим общим ходом на пути к Богу.

ОТЧАЯНИЕ ВО ТЬМЕ ТАЙГИ

В этом крестном ходу произошла одна удивительная и поучительная для всех крестоходцев история. В тот день предстоял долгий переход – около 27 километров по «козьим тропам» и горным перевалам. Дорога, пересекавшая много веков назад Великий шёлковый путь, а несколько десятилетий назад ставшая последней для многих политзаключённых, прокладывавших Чуйский тракт. Дорога, далёкая от населённых пунктов. Над головой бесконечное синее небо, под ногами ниточка Катуня, а вокруг – вечность. Казалось, что перед нами место, где вообще не ступала нога человека. И вот тут-то, на одном из перевалов у трёх берёз, мы вдруг встретили трёх туристов. Измождённые, голодные, но такие счастливые, они с радостью приняли приглашение батюшки Лаврентия продолжить свой путь с нами. Потом мы узнали, что трое друзей решили добраться автостопом до горы Белухи, распечатав карты со спутника и взяв минимальный запас еды, отправились в горы. На шестнадцатый день они заблудились. Воды и еды у них уже не было, в картах на местности разобраться они так и не смогли. Проблуждав два дня по тайге, голодные и отчаявшиеся, потеряв всякую надежду на спасение, они неожиданно встретили крестоходцев.

Алексей (25 лет, г. Барнаул), один из «спасённых» туристов: «Добраться до Белухи мы планировали за двадцать дней, но спустя две недели поняли, что заблудились. Еды нет, воды нет, людей нет, а вокруг бесконечные горы и лес. Такого отчаяния я никогда в жизни ещё не испытывал, мы думали, с ума сойдём. И вот в один из дней поднимаемся на гору и вдруг видим очень далеко лик Христа Спасителя. Сначала, казалось, всё, мерещится уже, а потом видим колонну людей. И такого счастья я никогда в жизни ещё не испытывал. Отец Лаврентий взял нас с собой. По дороге мы долго разговаривали обо всём. Вот тогда-то я и переосмыслил всю свою жизнь. Я был крещён, но креста не носил и о вере не задумывался вообще. Теперь я многое для себя понял, и на обратном пути в Барнаул обязательно заеду в Горно-Алтайск к отцу Лаврентию на первую в своей жизни исповедь».

Через пару дней наши путешественники, получив недельный запас еды и подробные объяснения местности, отправились на Белуху. А Алексей ещё попросил нателный крестик как свидетельство своего духовного перерождения. Вот ради одного такого преображения, ради спасения одной такой заблудившейся души уже стоило забраться на высоту более тысячи метров над уровнем моря.

Слава Богу за всё!

г. Петергоф

О НОВОЙ КНИГЕ СТИХОВ АНАТОЛИЯ ИЛЕНКО «РАССУДИТ ВРЕМЯ»

К стихам у меня отношение особое – не могу устоять перед соблазном приобрести любой встретившийся на моём пути сборник стихов и порой незнакомого мне автора, чтобы, придя домой, окунуться в чей-то мир, сотканный из слов и образов... Ещё чтобы утолить любопытство: а этот каков, чего стоит – прочтения, внимания, почтения или?..

Это «или» в последнее время всё чаще учит меня умудренному: не хватать всё подряд, ведь сейчас даже макулатуру сдать некуда. Научилась просматривать, прочитывать, хотя бы выборочно, вирши неизвестных авторов. Всё чаще их творчество не имеет ничего общего с поэзией.

Недавно взяла в руки новенький сборник в твёрдой, а значит – дешевой обложке, на хорошего качества бумаге. Распахнула книжицу наугад и прочла первое, на что «глаз упал»:

*Под нами так кровать стонала,
Что ей завидовал диван...*

И всё, мне этого хватило, чтобы поставить книжонку, откуда взяла. Настроение было испорчено, и захотелось вымыть руки.

Взять в руки сборник стихов знакомого по общей «организации» – Дому литераторов Кузбасса, поэта уважаемого, интеллигентного Анатолия Павловича Иленко было неопасно. Чего-чего, а грязного смысла в его творчестве, слава Богу, не сыскать, это точно.

В моей личной библиотеке ни одного сборника А. Иленко не оказалось. Так что до сей поры с его стихами знакомилась только благодаря нашему, я считаю, легендарному журналу «Огни Кузбасса», который самоотверженно редактирует уже продолжительное время известный кемеровский поэт Сергей Донбай. (Вот его сборники стихов у меня имеются – с автографами и дарственными надписями!)

А недавно я стала обладательницей и сборника стихотворений Анатолия Иленко. Многообещающе звучит название книги: «Рассудит время», обещает читателю поучительное и честное изложение мыслей автора. Надеюсь, что всё это не в ущерб поэзии. Раскрываю книжку и начинаю читать стихи, как и подобает, с первого листа:

*Я иду босой и русый
По теплу несмятых трав,
Молодой, совсем безусый,
К небу голову подняв...*

Мне достаточно этих лучезарных строк, чтобы понять: это настоящее, светлое, родное, автор – свой человек, юноша из моей юности, чуть моложе меня, на самую малость. По духу мы с Анатолием Павловичем ещё и «шестидесятники», птицы дальнего полета (хотя бы в мечтах) той сумбурной, но такой прекрасно-неповторимой поры,

получившей название «Хрущёвская оттепель»... Время, когда, казалось, вся молодёжь поголовно писала стихи, и читали их «поэты» взахлёб на своих «арбатах». Был и в Томске такой, где я жила и училась, проспект имени Ленина, на котором частенько перекрывалось движение транспорта и устраивались молодёжные шествия, выступления начинающих солистов, артистов и поэтов. Думаю, что Толик Иленко немало перевёл тогда чернил и бумаги, сочиняя свои стихи...

Меня немного огорчило то обстоятельство, что под стихами Иленко в сборнике не указаны даты их написания. Например, читаю стихотворение «Перестали женщины рожать...» – неизвестен год сочинённого, решаю: «Ясно, до «материнского капитала». И вообще, по датам отслеживается не только возраст автора, но и развитие его таланта. Впрочем, никому не навязываю своего мнения. Каждый сам решает, как ему поступать.

Помнится, в конце семидесятых годов прошлого века у молодого тогда С. Донбая вышел в свет сборник стихов под названием «Прелесть смысла». Меня покорило тогда это название... Прошли десятилетия, а эти два слова навсегда запечатались в моей памяти и сердце, стали для меня основным мерилем творчества как в стихосложении, так и в прозе, которой отдаю предпочтение. «Прелесть смысла» ищу в любой книге, которая попадает в поле зрения.

...И вот, сижу в тиши своей квартиры, читаю томик Анатолия Павловича и радуюсь тому, что всё ожидаемое совпало: и рифмы точные, и образы сочные, со стихотворным размером порядок, и самое главное для меня искомое – прелесть смысла – в наличии. Вот она, налицо, стоит вчитаться, прочувствовать:

*Прошедшей ночью первый выпал снег,
Лёг тихо-тихо, словно хлеб на блюдо...*

Прелесть, она и есть прелесть. Какие трогательно-бережные слова, да к тому же из уст мужчины – просто душа замирает от нежности.

И далее:

*Глаза открыли, – прежней нет земли,
Кругом убранство чистое, простое,
Белым-бело и рядом, и вдали,
И почему-то верилось в святое.*

Легко ложатся на сердце стихи поэта, и исходит от них благодать; чувство покоя, откровения человека доброго, чуткого к людям и природе... Но есть и грустные строки, от которых порой – комок в горле, хотя бы такие:

*Возвратились за весной следом
Те, кто чудом выжил на войне.
Не дождалась сына баба с дедом,
Ждать отца всю жизнь досталось мне.*

В последней строке вечная боль ребёнка, у которого за два месяца до Великой Победы погиб на фронте отец. (Об этом – в предисловии к сборнику.)

Тема войны и отца не оставляет в покое Анатолия Павловича всю жизнь, то и дело возвращается он к ней, изливая боль души в стихах, ту боль, которая то затихает, как в старой зарубцевавшейся ране, то вновь саднит.

*А мой отец пропал без вести
На самом краешке войны.*

*.....
Одна строка в четыре слова
Надолго сбила семью с ног.
Судьба детей войны сурова,
Мы выживали, кто как мог.*

*.....
Пусть не совсем душа на месте
В священной памяти войны,
Отец мой не пропал без вести, –
Погиб, спасая жизнь страны.*

Если приводить в моих «критических» записках то, что понравилось, придётся переписать добрую половину сборника. Остаётся одно: ограничиться отдельными строчками из полюбившегося:

*На прокосы легла прохлада,
По низинам туман стеной...*

Это для меня – страстной любительницы природы, походов в любую пору в лес «не корысти ради», а для радости, для заядлой рыбачки с солидным стажем в десятилетиях, всё в этих стихах очень близко.

Так же, как в этих:

*Журавли, журавли...
Через небо плывут журавли
В чутких струях дождя
Уходящего милого лета.
Вслед за ними плывет
Тёплый запах родимой земли,
Я один остаюсь
В грустном поле бродить до рассвета.*

Чувствуете, как в каждом слове этого прелестного стихотворения звучит музыка? Я слышу её и уже вполголоса напеваю «песню» на стихи Иленко. Слова его, музыка моя. Жаль, не владею нотной грамотой, записала бы мотив. У Анатолия Павловича многие стихи так и просятся на музыку – напевны, душевны. У меня, конечно, на всё, что можно спеть, «мотивчиков» не хватит. Композиторы Кузбасса, за дело! Сборник стихов Иленко – в руки, и – вперёд с новыми песнями!

Наряду с «лирикой» много у поэта Иленко нелёгких раздумий о судьбе России, о навязанной нашему народу «перестройке», перемолвленной судьбы людей и, что самое страшное, исковеркавшей жизнь молодого поколения...

С автором стихов о наболевшем у меня полное согласие. Рядом с нищетой одних «господа-россияне» жируют,

не брезгая никакими методами добывания бешеных прибылей, другие – наглые, алчные, способные на всё:

*Спешат набить себе живот
Кто властью, кто с ножом,
Да и сама страна живёт
Обманом, грабежом.
В чаду подмены и вранья
Людской унижен труд,
И вьются стаи воронья –
Своей добычи ждут.*

А вот ещё стихи на ту же самую тему:

*...нету слёз, лишь запоздалый стыд
Тоской невыразимой мысли гложет,
Прошедшее, боюсь, нас не простит,
Грядущее, увя, понять не сможет.*

Без вины виноватые... Это чувство присуще многим честным людям, как будто во всём дурном, что происходит в мире, есть частица нашей личной вины... Чтобы не терзаться напрасно угрызениями невинной совести, надо почаще вспоминать мудрые слова: «Дай Бог принять то, что изменить я не в силах». Иногда помогает.

Ещё лучше помогает другое – наличие единомышленников, с которыми можно поговорить по душам, поделиться сокровенным. Сейчас я «слушаю» Анатолия Иленко. И опять нахожу близкое в его думах о судьбе российской деревни. Меня, как и его, задевает трагедия сёл и деревень, заброшенные, заросшие осотом и даже осинником необозримые поля, а также опустевшие, разграбленные пустые птицефермы, коровники, дома...

И болит душа поэта при виде такого безобразия:

*В домах заколочены окна,
Ветрами повален плетень,
Кресты поминальные мокнут –
Останки былых деревень.*

Я житель маленького, но всё же города. А. П. Иленко давно уже живёт в городе большом – в столице Кузбасса. Но часто тянет его в родные места, где прошли детские и юношеские годы, в деревню.

По окончании Новосибирского сельскохозяйственного института Анатолий Павлович даже работал директором совхоза! Эта должность – знаю не понаслышке – не для «лириков».

Читаю стихи, как будто заново знакомлюсь не только с поэтом, но и с Человеком по фамилии Иленко. Так и хочется нескромно признаться ему: «Ты и я – мы одной крови». Дочитаю книгу стихов и поставлю на полку поближе к изголовью, чтобы можно было время от времени протянуть руку, взять сборник и перечитать полюбившиеся стихи... И опять «...босой и русский по теплу несмятых трав...» Прямо какая-то есенинская святость ложится на душу.

Впитываю ещё в себя смысл фразы, которую «озвучил» поэт, доверив сокровенное перу и бумаге:

*Не дай мне Бог
Покой в душе почуять,
Услышать сердца равнодушный стук...*

Такая молитва и во мне живёт всю мою сознательную жизнь. Нет, точно: «Мы одной крови!»

**Людмила ЯКОВЛЕВА,
г. Тайга**

ТРУД – ВСЕМУ ГОЛОВА

Одновременно пришли два издания – североказахстанский литературно-художественный журнал «Провинция» (2014. № 3) и журнал писателей России «Огни Кузбасса» (2014. № 5). С живейшим интересом прочитала и обнаружила сходство по предмету изображения – трудовая, романтическая Евразия (Сибирь и Казахстан) во всём своём беспредельном размахе – и по воздействию.

Это степное детство в Петропавловске и комсомольская юность на Запсибе (Новокузнецк) окликнули меня!..

Кстати, попутное наблюдение. Прозаик и главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков, завершая «юбилейную вахту» в честь своего 60-летия, в Большом зале ЦДЛ попросил певицу исполнить любимую песню его поколения – «Комсомольцы-добровольцы». Такого аншлага в этом зале давненько не было, и таких бурных аплодисментов тоже. Моё поколение – «дети войны» (популярный нынче слоган), а поколение Ю. Полякова – это, скажем так, «дети победителей», 70-летие Великой Победы которых отпраздновали в этом году. Выходит, комсомольская юность их тоже окликает! Ещё бы! Целина, стройки, космос, «а также в области балета впереди планеты всей» и т. д. От души поработали, пока не торознули незадавшиеся реформы. Конечно-конечно, в истории всё не так просто. Вон кинорежиссёра Никиту Михалкова в фильме «Солнечный удар» окликнула «ваше благородие, госпожа история». Революция и гражданская война в начале XX века затянули узелок похлеще нашего. Билетёрши в киноклубе «Эльдар» два раза смотрели фильм и два раза, признаются, плакали.

...Но вернёмся к журналам из Кузбасса и Казахстана и поразмышляем вместе с авторами. Ум ведь, как толкует народ, хорошо, а два – лучше!

Всех нас, в сущности, окликает история. Она – маяк, но в отличие от морского светит из-за спины и лучом прожектора освещает дорогу.

ШАХТЁРЫ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ – ЛЮБИМЧИКИ ПИСАТЕЛЕЙ

В «Провинции» теме труда предоставлена глава «С Приишимьем связанные судьбы»; статья о целинной эпопее прозаика и публициста Владимира Синенко «И был день, и было дело» и о железной дороге – Транссиб! – историческое исследование ветерана ЮУЖД Любви Горшковой «Обязаны им поклониться», а также информа-

ция Александра Яремчука «Электровоз, времён лета!» о митинге на перроне вокзала в Омске перед стартом по первому маршруту локомотива серии «Синара-400» за номером 23сб, производства России, которому присвоено имя Героя Социалистического Труда Николая Полякова (в честь его 100-летия): звание «Почётный гражданин Петропавловска» получил в 1943 году, когда водил тяжеловесные составы. В 1949 году он, окончив московский вуз, стал начальником Петропавловского паровозного депо. Состав с мемориальной доской на корпусе электровоза «Николай Поляков» повёл первый внук Героя – Николай. Электровоз «Николай Поляков» определён водить тяжеловесные составы по пяти железным дорогам России, управлять суперсовременной машиной доверено лучшим бригадам Омского локомотивного депо.

В детстве над нашим домом в Петропавловске, над огороδικом с грядками, смородиной и ранетки постоянно звучали свистки маневров паровозов; формирование товарняков шло круглые сутки. Железная дорога была как бы привычной частью незатейливого быта, родственники и соседи вокруг – все железнодорожники. Возможно, поэтому у меня и братьев сформировался мобильный, лёгкий на подъём характер. Мне казалось, Транссиб существует тысячу лет, лишь позднее я узнала, что магистраль построена недавно. Министр путей сообщения и председатель Совета министров конца XIX – начала XX века граф Сергей Юльевич Витте в «Избранных воспоминаниях» (М.: Мысль, 1991) рассказывает о начале строительства знаменитой дороги, как он предложил Александру III назначить куратором его сына Николая. «Он же мальчик», – удивился император, но поддался уговорам Витте. Юный наследник престола старался изо всех сил, а когда неожиданно умер Александр III, Николай, став императором, продолжал курировать важную стройку.

О многих и многих замечательных людях, связанных с железной дорогой, лаконично и занимательно поведала Любовь Горшкова. Например, Фёдор Осипович Шехтель «строил Ярославский вокзал и нулевой километр Транссиба».

К числу романтиков железной дороги принадлежал барон Карл Фёдорович фон Мекк. Его пример для современных юношей показателен, он приехал учиться в Санкт-Петербург без знания русского языка и без гроша в кармане. А через четыре года получил диплом с отличием и специальность инженера-путейца. Он построил пять дорог. Честно, без воровства и обмана. Его звали «Карл, который не украл кораллы». А сам он утверждал, что «честность – это тоже коммерция». Он был одним из самых щедрых меценатов. В Институте благородных девиц выплачивалась стипендия семейством Мекк. Кроме того, они оказывали материальную поддержку композиторам: Рубенштейну Дебюсси, Чайковскому. Помощь Чайковскому была настолько щедрой, что он мог позволить себе оставить преподавательскую работу и целиком посвятить себя музыке.

Вот что пишет Л. Горшкова о враче, писателе, путешественнике, историке, художнике Павле Яковлевиче Пя-

сецком: «Главным трудом его жизни стала живописная панорама «Великий Сибирский путь». Когда он исполнил рисунки участка Сибирской дороги от Волги до Оби протяжённостью в 2 199 вёрст в акварельном варианте – 425 м, их показали императору Николаю II. Император пришёл в восторг и повелел: «До Владивостока!» Художник получил 18 500 рублей. А панорама стала 942 метра».

Константин Яковлевич Михайловский возглавил строительство Западной Сибирской дороги в 1891 году. «А 15 октября 1896 года... было сдано в эксплуатацию локомотивное депо Петропавловск...»

На станции Петропавловск побывали: император Николай II, возвращаясь из Японии; через полвека – лидер Советского государства Никита Сергеевич Хрущёв (в разгар целины) и другие. Так что жизнь Транссиба оказалась (при ближайшем рассмотрении) хоть и короткой, но такой бурной, что её бы хватало, действительно, на тысячелетие. Между прочим, без Транссиба, построенного императором Николаем II, не было бы, наверное, наших комсомольскихстроек – Братской ГЭС, Запсиба и т. д.

Безусловно, Л. Горшкова показывает светлую сторону строительства Транссиба. Некрасов, как помнится, не удержался от гротеска «трудоу роковых»: «Бочку рабочим вина выставляю // И – недоимки дарю! <...> Выпряг народ лошадей – и купчину // С криком «ура» по дороге помчал... // Кажется, трудно отрадней картину // Нарисовать, генерал?» Впрочем, Николай Некрасов писал об одной из первых железных дорог России. Масштаб Транссиба, доживи поэт «мести и печали» до этой эпохи, и его бы пронял, как Любовь Горшкова.

Свою публикацию о первых годах целины в Казахстане Владимир Синенко назвал очерком; мне кажется, это хорошая статья. Настоящий трудовой энтузиазм молодёжи, ринувшейся поднимать и обживать просторы целины, показан без лишней патетики и пустой риторики. Нынешней молодёжи в такой бескорыстный энтузиазм трудно, пожалуй, поверить. Другая эпоха. А жаль. Но время энтузиазма ещё вернётся. Россия – страна духовных идеалов и ценностей, а не скопидомства. Русский характер такой же размашистый и широкий, как географические просторы Родины.

В ТРУДНЫЙ ЧАС ВСЕГДА ЗАОДНО

В 2013 году Кузбасс отметил юбилей: Кемеровской области исполнилось 70 лет. В годы войны фронту нужна была сталь КМК. Нужен был и уголь – в годы войны, до войны и после Победы. В 50-е и 60-е годы, когда в Казахстане и на Алтае поднимали целину, комсомольская стройка Запсиб (Новокузнецк) также гремела на всю страну. Профессия шахтёра в Кузбассе – одна из труднейших и почтеннейших. Ничего удивительного, что тема шахтёрского труда в 5-м номере «Огней Кузбасса» за 2014 год представлена разом в трёх жанрах: стихах Геннадия Горюнова, прозе Александра Савченко и критике Елены Трухан. Получилась как бы тройственная аранжировка мелодии. Вполне удачно! Похоже, тяжёлая и полная риска работа шахтёра овевана романтикой, как, например, у того же лётчика, моряка или геолога. На та-

кую мысль наводит тот факт, что все три публикации – о поэтах.

Статья «Сердце шахтёра» публициста и литературного критика Елены Трухан начинается со слов: «Пять лет назад перестало биться сердце поэта-шахтёра, человека необычной судьбы Александра Ивановича Курицына». Завершается публикация оптимистическим утверждением: «Сердце поэта, безраздельно отданное Кузнецкой земле, продолжает биться в его многочисленных произведениях, в статьях и очерках о нём, в задушевных песнях, в нашей памяти...»

Благодаря чему Александр Курицын смог оставить такой яркий след в памяти земляков? Благодаря поэтическому таланту, отвечает Е. Трухан, мелодичности стихов, из которых 17 стали популярными песнями, а также сильному – сибирскому и шахтёрскому – характеру. После горно-промышленной школы поэт стал старшим буровым рабочим в Беловской геолого-разведочной партии, но затем сделал выбор в пользу угольной отрасли. «Попасть туда было непросто, – комментирует жизненную ситуацию критик, – у новичка-шахтёра ещё в детстве был диагностирован порок сердца. Тем не менее он не спасовал перед трудностями и стал успешно осваивать горняцкие профессии – проходчика, горного мастера, начальника участка, начальника погрузочно-технологического комплекса, горного диспетчера – на шахтах «Бабанакская», «Пионерка», «Западная», в ОАО «Беловоуголь».

Не знал блажек, «выкладывался в полную силу». В 42 года перенёс сложнейшую операцию – шунтирование и протезирование сердечного клапана. И всё равно потом продолжал работать на шахте. Почему? Поэт отвечает в стихах:

*Нас позвало в забой не богатство.
Нам судьбою иное дано.
Мы – шахтёры, подземное братство,
В трудный час мы всегда заодно...
Потому что такая работа
И характер шахтёрский такой,
Что не «киснет» от боли и пота,
А искрит, как гранит под киркой.*

Сорок пять лет работы в угольной промышленности и двадцать – литературного труда. Издал несколько книг, создал новый литературный перевод «Слова о полку Игореве». И в литературе не пасовал перед трудностями шахтёр, филологи высоко оценили перевод. Талант и труд создали крупную личность. Плоть от плоти народа. Кого же и помнить, если не таких?

Геннадий Горюнов не стал дожидаться внимания какого-нибудь критика и сам рассказал в письме «Житие мое... (отрывок)» сотрудникам редакции и читателям журнала о своём пути в поэзию. Он освоил несколько профессий – шахтёрскую в том числе – и в конце концов из-за болезни и под влиянием генов предков остановился на крестьянском труде. Семья увеличивалась: дети, внуки. Мечтает дожить до правнуков. Вся эта его жизнь осмысливается в стихах, запечатлевается в книгах. От ли-

рики – к злободневной публицистике, как в стихотворении «Раздумья старого шахтёра».

*Закончилась полным раздором
За лучшую долю война.
Сидевшим на рельсах шахтёрам
Страна оплатила сполна...*

*Хоть долго ещё будет помнить
Шахтёрские бунты Москва,
Но миссию нашу исполнить
Мы были готовы едва...*

*Разводим сейчас тары-бары,
Злость в раненых душах кипит.
Но нет среди нас Че Гевары.
В нас батька Махно тоже спит.*

Шахтёрско-крестьянский поэт Геннадий Горюнов стремится мыслить в поэзии масштабно, до сих пор слышит стук шахтёрских касок по булыжникам возле Белого дома в Москве. Задача не из лёгких, историки вон бьются над осмыслением нашей бурной эпохи. Что ж, дай бог шахтёру от них не отстать в архисложном деле.

Третий вариант судьбы шахтёра показал прозаик Александр Савченко в рассказе «С чистого листа». Главный персонаж – бывший шахтёр и автор частушек Лёха, которого придавило в забое (ноги чуть не лишился), на пенсии живёт как бобыль, потому что судьба его тоже «придавила» – сын стал наркоманом и умер от передозировки, следом от горя ушла в мир иной жена, а старший сын – благополучный, но живёт с семьёй отдельно. Лёха зол, раздражён, кажется, на весь свет, на соседок у подъезда в том числе. Так бы и схватился, поругался с рыжей Фешей... Но заболел, пришла Феша в больницу с гостинцем, потом дома навещала. Растаяло сердце Лёни, вернулась былая доброта. Пришла новая, поздняя любовь. Лирическая проза.

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

Конечно, в «Огнях Кузбасса» и в «Провинции» много и других тем, но заметно внимание редакции того и другого журнала в первую очередь к труду. Это всегда актуально, а сейчас (то кризис экономики, то санкции, то коррупция или наглое ограбление целых отраслей) тем более. Так что верным путем идёте, дорогие писатели. По-вода для претензий к вам нет. Другие темы вы тоже не обходите вниманием. Например, на одном дыхании читается публикация Галины Ульяновой «Есть в России умные люди!» или «Наша дружба случайной не была» (памяти русских писателей-патриотов В. И. Белова и В. М. Шукшина) в этом номере «Огней Кузбасса» (раздел «Библиотечество»),

С живым интересом также читаются «Заметки без назиданий» Ильи Шухова в «Провинции». Сын известного казахстанского писателя Ивана Петровича Шухова, о котором Краткая литературная энциклопедия сообщает: «Романы «Горькая линия» и «Ненависть» (оба – 1931 г.)

привлекли к Шухову внимание читателей и критики» (КЛЭ, т. 8, с. 814). Илья Иванович – сын, поэт, прозаик, критик и журналист. Он вспоминает об отце, книги которого с 30-х годов по сию пору издаются (дай бог каждому писателю такое!), размышляет о времени, литературе, друзьях. Ум, наблюдательность, талант и отменный вкус располагают читателя к собственным размышлениям «за жизнь»...

А почему бы журналам «Огни Кузбасса» и «Провинция» не наладить творческие связи друг с другом? Вот такое размышление пришло мне на ум. Такое сотрудничество пошло бы на пользу читателям Кузбасса и Северного Казахстана, где живёт много русских людей – потомков казаков, целинников, железнодорожников.

Руслана ЛЯШЕВА

ВЛАСТИТЕЛЬ УМОВ НА ПЕРЕЛОМЕ ВРЕМЁН

(Леонид Андреев в книге из серии ЖЗЛ)

«Властитель умов», «двусмысленный кумир» поколения, «...ухитрился совмещать мастерство большого писателя с ремеслом бульварного», «предельная экзальтация, неуёмность пера, подчас – явное отсутствие литературного вкуса...» – так полярно оценивали современники писателя Андреева, который стал героем книги Натальи Скороход «Леонид Андреев», изданной в известной серии ЖЗЛ.

165 Писатель записал в дневнике в начале творческого пути: «Я хочу показать, что вся жизнь человека с начала до конца есть сплошной бессмысленный самообман, нечто чудовищное, понять которое – значит, убить себя. Я хочу показать, как несчастен человек, как до смешного глупо его устройство, как смешны и жалки его стремления к истине, к идеалу, к счастью. Я хочу показать несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бог, нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т. д. Я хочу показать, что одна только смерть дает и счастье, и равенство, и свободу, что только в смерти истина и справедливость, что вечно одно только «не быть», и все в мире сводится к одному, и это одно вечное, неизбежное есть смерть. Я хочу быть апостолом самоуничтожения...» Это сформулировано в 1891 году 20-летним Леонидом Андреевым. Удивительное предвидение итогов собственного творчества, собственных жизни и смерти.

Писатель через всё творчество пронёс способность задавать простые и яростные вопросы. Александра Блока поражала способность Андреева (о чём писал уже после смерти прозаика) «во всем ряде произведений» задаваться нелепыми, досадными вопросами, которые «предлагают дети: Зачем?» «Что ни скажешь ребенку – он спрашивает – зачем?», и вот эта-то способность задавать «этот вопрос от самой глубины своей, неотступно и бессознательно» и «окажется самым драгоценным в Леониде Андрееве».

Родился в Орле – центре, где случился взрыв российской словесности. А как же ещё, если здесь творили Иван Тургенев, Бунин, Лесков. Недалеко от Орла жили Фет, Апухтин, Тютчев. И здесь же родились Зайцев, Пришвин, Новиков, а потом Михаил Бахтин. Добавим, что в этом городе был приход у деда Михаила Булгакова, а его отец учился в Орловской духовной семинарии.

Однако Андреев не читал ни Тургенева, ни Лескова, считая, что между ним и этими писателями – пропасть. Наш герой по крупницам собирал и выстраивал своё, собственное – мировоззренческий пессимизм. Можно сказать, Андреев попал, как снаряд, в «своё» время.

Уже в молодости он был высокоодаренным, упрямым, непредсказуемым, страстным. Всмотривался и вслушивался в природу – только это и было отдушиной после скучных часов в гимназии.

Был поклонником (служгой) Шопенгауэра, который считал высшей волей человека с большой буквы – самоубийство: Андреев не единожды пытался покончить с собой. Идеи Гартмана тоже были родными, «орловский мыслитель» чувствовал себя «рекрутом» «Философии бессознательного», «первенцем духа», которому необходимо «честно бороться» за всеобщий сознательный Апокалипсис. А тут ещё и подвалило-овладело нищезанятие – разная, надо сказать, болезнь думающих людей. Так что совсем не случайно уже в отрочестве развивается андреевское высокомерие.

Отец писателя умер в 42 года от инсульта, шестнадцатилетний подросток Леонид должен был отвечать за пятерых младших в семье.

И всё-таки первые опыты самовыражения – живопись, карандаш и кисти.

Когда уехал на учёбу в столицу, познал голод и нищету. И, естественно для пишущего, была первая публикация, которой потом стыдился. Но рассказик принёс литературный заработок – 20 рублей, совсем неплохие деньги по тем временам.

И, конечно, любовь, любвишки, любвищи – увлечение женщинами... Похоже, он всегда искал любовь-страдание, что специалистами оценивается как элемент психопатической личности.

Уже в Москве появится знаменитая андреевская красная рубашка – он в этом одеянии предстаёт в известном репинском портрете (жёлтая кофта Маяковского не из этого ли корня?)

Нормален ли Андреев, изображая глубины ненормальной психики? «Нормальный человек», – отвечает биограф в книге.

Для начала получил закалку судебной хроникой, познал газетную поденку. В самом начале 1898 года получает, наконец, диплом юриста – решается на адвокатское поприще. А уже в апреле в первой полосе газеты «Курьер» напечатан его пасхальный рассказ «Баргамот и Гараська». С этого начинается литературная карьера – писатель родился. «Гоним» судебные репортажи, театральные рецензии, очерки. Мы как-то по привычке, что «небесные» темы и образы подняли в русской литературе

XX века Михаил Булгаков и Юрий Олеся. Однако этот воз поначалу всё-таки повёз Леонид Андреев.

Поднимается от рассказов к повестям, затем следуют романы, театральные пьесы: Андреев пишет о том, что пережил и передумал, преобразовывая под пером действительность. Этот процесс взаимной пропитки Андреева жизнью и литературой передан автором биографической книги с уважением к объекту исследования, если хотите, с любовью.

Когда же Андреев предоставлялся самому себе, собственному одиночеству, – он быстро опускался в унылость, депрессию, беспокойство. Одно из известных на Руси «лекарств» – алкоголь. Пил, временами сильно, иногда безобразно, страдал запоями.

Первую книгу Андреева издаёт Максим Горький в издательстве «Знание» – известна дружба Леонида с Максимушкой, богатая переписка, учёба у пролетарского писателя. Хотя умного и талантливого учить – только портить. Тем не менее наш герой благоговел перед Горьким – учителем молодых.

А потом они подрались после пьяной выходки Андреева, который, переживая за эту стыдобещу, пообещал бросить пить, и писатели помирились.

Их с «Буревестником», можно сказать, разделила смерть – камень, о который разбилась, казалось бы, нерушимая дружба Горького и Андреева. «Алексей Максимович жил в отсутствие смерти, Леонид Николаевич каждую секунду ощущал ее дыхание за своим плечом», – вывод биографа.

Андреев клянётся, что учился у Льва Толстого, подчеркивая специально, что он «ученик» великого Льва. Любопытный читатель влёгкую установит у Андреева продолжение традиций Гоголя и Достоевского. Толстой – закрывал уходящее столетие в литературе, Андреев – открывал совсем новое, неизведанное, предвосхитив в творчестве многие открытия будущих «измов» XX «железного» века.

Горький же ратовал за прополку злобных литературных сорняков, среди которых были «вредители» и андреевские. Впрочем, Толстой тоже был на стороне «пропольщиков».

А может, Андреев, называя в интервью петербургской газете своими учителями Толстого, Диккенса, Гаршина, заблуждался? Или всё-таки продолжал искать свои творческие истоки?..

Бог, человек и дьявол – вот его тема, по большому счёту. Он пытается столкнуть эти стихии: «Человек – воплощение мысли. Дьявол – представитель покоя, тишины, порядка и закономерности. Бог – представитель движения, разрушения, борьбы», – фантазировал Андреев. Таким образом, его влекут следующие темы: «Бог и дьявол», «человек и природа», «вечность и бесконечность». А любовь где-то потерялась в пути, или не так?..

«Я силен, когда я разрушаю», – повторял он о себе.

«Писатель из «бытописателя» и «первого подмаксимовика» превратился в «факел» и «корифея русского модернизма», из «тени Горького» в его заклятого врага». Это уже в 1907 году.

Быстро вырос в «большого русского писателя». «Первого» – после Льва Толстого. Без малого на десятилетие становится самым ставящимся на сцене драматургом.

Слава Андреева была фантастической.

Слава съедала жизнь.

Экспериментирует с параллельной жизнью в «Василии Фивейском». Писал ночами, много курил, да и десяти-ки стаканов чёрного – крепчайшего – чая, конечно же, вздёргивали воображение, которое углублялось в «безумие и ужас».

У Андреева было две мании: любовь к дороге и страсть к изобретениям технического прогресса – любил путешествовать и управлять механизмами. Совсем как многие сегодня, любил заграничные вояжи. Прожив в Риме три месяца, планировал вернуться на год. Его можно понять в случае с Вечным городом.

Экцентричность в жизни – фирменный стиль писателя. Прежние любви, увлечения побоку перед новым, единственным – за этим скрывался талантливый человек во всём, за что бы ни брался: фотография, живопись, графика, строительство домов (чертежи делал сам), яхта, посадка деревьев. Он любит многое, часто меняя объект любви, – всегда с надрывом, с «темнотой чувства».

Андреев – «преждевременный человек»: в «Красном смехе» – это 1904 год – у него настоящий экспрессионизм, термин введен критиками лишь в 1911–1912 годах. Он провидец «войны», которая ещё только будет.

В революцию 1905 года Горький вошёл как красное знамя, Андреев – как «Красный смех». Лев Толстой, кстати, обмолвился, ревнуя: «Он пугает, а мне не страшно».

Старший сын Андреева Даниил, словно в противопоставление отцу, – одна из самых ярких фигур богоискательства.

Андреев меняет маски – всю свою жизнь. Он – пленник своих ярких, на грани патологии образов. Он – лицедей перед людьми, и, что удивляло проницательных друзей, актёр перед самим собой.

Был потрясающе красив.

И всё равно срывался в запои. Было, не вычеркнушь. «Запойный». Но – переболел-таки, переборол, дал себе зарок, покуда не победим германца в войне – «ни единой капли». Как же это по-русски!

А Горький уже не останавливался, писал о бывшем друге, который живал у него даже на Капри: «разменял свой талант», «бессовестно врет, страдает манией величия», «лишен общественного инстинкта», «зоологически эгоистичен».

Лишь после революции, когда кликавший когда-то бурю Горький пошёл на откровенное сотрудничество с большевиками, Андреев прозреет и запишет в дневнике, что Алексеюшко «прямо преступен, его руки в крови».

Ну а Горький совсем не стесняется, припечатывая поздние произведения «друга Леонида»: «Рвота».

Андреев после октября 1917 года бежит из Петрограда, но его «болезнь Россией» приводит к «уходу в болезнь».

Мир непознаваем, а потому тёмный и жуткий, висит в странной и страшной пустоте. «...Я знаю, что основание

его то же, что и у звёзд: пустота», – запишет Андреев в дневнике в 1918 году.

Гибельность его «сбывающихся пророчеств» после февраля 1917-го становится очевидной: выпустили джинна из бутылки, и понеслось.

Его крик отчаяния: «Где моя Россия? Сердце не хочет биться, кровь не хочет течь, жизнь не хочет жить. Отдайте Россию!» Задумка стать министром пропаганды в любом из антибольшевистских правительств, планы на поездку в Америку и т. д. – всё от страшной трагедии.

Он, как пророк, предсказал Сталина, рисуя Ленина: «Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твое дымное и бурное лицо? Густится мрак, и во мраке я слышу голос: – Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнём и соберет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым».

Место Леонида Андреева в классическом литературном наследии, его вес всё ещё не определен. Его образ и творчество ещё не мифологизированы в полной мере. Это всё впереди.

Мы же можем констатировать главное: его проза – для всех!

«Он любил всё огромное», – так начал свой знаменитый очерк об Андрееве Корней Чуковский. «Огромная» популярность, «огромные» доходы, «огромный» дом, и сам писатель был огромным.

В творчестве, конечно.

Валерий ПЛЮЩЕВ

ОТЗЫВ О ПОВЕСТИ В. И. ЧУРИЛОВА «413-Ю ПОВЕРНУТЬ НА ЮГ»

Повесть опубликована в журнале «Огни Кузбасса» (2015. № 2. С. 40–55). Журнал можно взять для чтения в библиотеках, можно найти в Интернете.

Повесть посвящена юбилейной дате семидесятилетия Победы. Небольшая по объёму. Читаешь – невозможно оторваться. Хватает за сердце, за душу. Ни одного равнодушного слова. На наш взгляд, это одно из лучших современных литературных произведений на военную тему.

В центре повествования оборванная юность поколения сороковых, в том числе молодость и жизнь главного героя повести – Ивана Тихоновича, отца трёх малолетних детей, чья судьба могла сложиться совсем иначе, если бы не было войны...

Всё на фронт! Всё для фронта и для победы! И в памяти отпечатывается каждый шаг героев, уходящих на фронт из Сибири, из каждого её уголка...

Особенно досталась нам Москва. Даже Жукову помнится больше других Московская битва. Там, под Москвой и пал героем Иван Чурилов...

Сын через много лет нашёл могилу отца и братскую могилу его друзей. Дописать повесть неизвестного военного политрука, оборвавшуюся на предложении: «На расвете 31 октября 1941 года эшелоны прибыли на станции Узловая и Сталиногорск под Тулой. Невдалеке шли бои»

стало мечтой автора. Для этого и архивные поиски, и встречи с фронтовиками, и поездки, и размышления...

Порой повествование напоминает документальную съёмку, и забываешь о месте и времени, вливаясь в поток фронтовой жизни. Видишь события в Ставке и Генштабе, читаешь мысли генерал-полковника Гудериана, трясешься по ухабам разбитых дорог в одной машине с Иваном и стажером и слушаешь фронтовые сводки.

«Все атаки отбиты. Враг остановлен... Второй батальон стоял насмерть. Погиб полностью». Сколько таких сообщений приходило в Ставку! Тысячи! А мы выстояли. Мы победили.

Кто же мы? Мы русские. Сегодня многие говорят об этом стыдливо, забывая, какой ценой досталась нашему народу Победа.

Прав оказался главный герой повести, сказавший жене на прощание:

– Физа! Меня не убьют, я бессмертный!..

Кажется, что сам автор воевал и чудом жив остался. Он называет много имён, дат и фактов. Так складывается живая историческая хроника событий.

Писатель помогает осознать читателю истину: нужно не только воевать и побеждать, но и дорожить памятью о погибших.

А. ТОМЫШЕВА, Е. ЧАЗОВА,
г. Юрга

ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ

Толстый литературный журнал «Балтика» № 3 за 2014 год (г. Калининград) производит самое благоприятное впечатление – современное издание с отличной полиграфией, высококачественными фото и графическими чёрно-белыми иллюстрациями, изумительными

репродукциями картин художника Виктора Елфимова, передающими незабываемый колорит старых кварталов и пригородов Калининграда, а также со снимками его художественной керамики, созданной в соавторстве с супругой Валентиной Елфимовой, на обложке и цветных вклейках. Объём журнала позволяет в полной мере охватить общественно-культурную, историко-краеведческую, музыкальную, художественную и литературную жизнь региона, отметить юбилеи классиков. На его страницах представлены и творчество профессиональных литераторов, и пробы пера начинающих. Было интересно познакомиться с работами калининградских поэтов Т. Тетенькиной, И. Ерофеева, И. Моргулёвой, прозаиков Б. Бартфельда, Е. Пашенко, О. Глушкина, М. Полищука, А. Гахова, Д. Воронина и др. авторов. Порадовали пародии С. Супруновой (жанр, сегодня не так часто встречающийся в литературных изданиях). Удачной находкой является, на мой взгляд, наличие рубрик «Литературная Россия» и «Литературная Беларусь». Первая даёт возможность полнее погрузиться в творческую атмосферу одного из уголков нашей необъятной страны (в № 3 за 2014 год публикуются литераторы из Кузбасса: поэты Д. Мурзин, Ю. Сычёва, Е. Елистратова и прозаики Д. Хоботнев и В. Рукосуев), вторая – поддерживать культурные связи с братским нармом союзного государства (в рассматриваемом номере выступает блестящая белорусская команда: Т. Шеина, А. Сузиль, А. Хаданович, С. Махнач – стихи, В. Бычковский – проза). Я считаю для себя большой удачей быть одним из авторов такого солидного издания и защищать честь своего края на его страницах. Желаю журналу больших тиражей, преданных читателей, роста и процветания.

Е. ЕЛИСТРАТОВА,
г. Кемерово